
Александр
Никатор
Джим
Хокинс
на
острове с
сокровищами

Джим Хокинс на острове с сокровищами

Александр Никатор

Аннотация
Александр Никатор. Джим Хокинс на острове с сокровищами
Пролог
Глава первая: «Семья»
Глава вторая: «Пороховая обезьяна»
Глава третья: «Первые ска́чки»
Глава четвёртая: «Пушкарь Ганс»
Глава пятая: «Борец с пиратами»
Глава шестая: «Помощь негоциантам и первая женщина Джима»
Глава седьмая: «Танцор Сильвер, балагур Флинт, стрелок Пью, разведчик Чёрный Пёс и все, все, все...»
Глава восьмая: «Охота на «Морже»
Глава девятая: «Возвращение — Дагомея и Англия»
Глава десятая: «Сколько верёвочке не виться...»
Глава одиннадцатая: «Судьба — или каждому своё...»
Глава двенадцатая: «Мушкеты против винтовок»

Глава тринадцатая: «Крайне насыщенный день»
Глава четырнадцатая: «Трижды несчастный Бен Ган»
Глава пятнадцатая: «Два капитана одной шхуны»
Глава шестнадцатая: «Клад найден!»
Глава семнадцатая: «Последняя смерть на острове и отплытие»
Глава восемнадцатая: «Три встречи: патруль, пиратская капитанша и старый знакомый»
Эпилог

Аннотация

История старого Джима Хокинса — рассказанная им самим собутыльнику на кухне, в замке герцога Моррисвилля и выписанная тем без утайки — лишь с небольшим добавлением прикрас, для удобства чтения и развлечения тех, кто полюбопытствует узнать об огромном богатстве, некогда свалившемся на многим хорошо известного эсквайра Трелони, странных смертях самого эсквайра и его многолетнего друга, доктора Ливси, и ужасающих событиях, связанных с командой старого грешника, капитана пиратов, Флинта — который в своё время командовал ватагой морских разбойников на корабле «Морже», грабя всех кто ему подвернётся в плавании, в южных морях.

Фанфик на многим полюбившееся в детстве произведение Стивенсона.

Александр Никатор
Джим Хокинс на острове с сокровищами

Сделано для библиотеки
FLIBUSTA
Сделано для библиотеки

Пролог

С Джимом Хокинсом, тогда уже сильно потрёпанным жизнью стариком калекой, меня свела судьба как раз накануне похода в Италию «лягушатников», с их, на ту пору почти что и не известным, разве что по Тулону и обстрелу из пушек собственных мятежников, в Париже, генералом Буонапарте.

Старый, седой, всклокоченный и постоянно по стариковски тихо смеющийся Джим — был чем то вроде помеси слуги и шута, в замке герцога Моррисвилля и справлялся с этими своими «службами» весьма неплохо: днём он старался помочь, где и как мог, ибо ему уже было чуток за семьдесят и нередко он не слышал что именно ему говорили или же наоборот, приняв неверное решение — портил чужую работу, искренне потом извиняясь и церемонно забавно раскланиваясь перед всеми присутствующими.

Как слуга он был крайне плох, чего уж там врать, но зато как рассказчик — затмевал многих говорунов, которые пробивались этим промыслом по тавернам, получая кусок хлеба с сыром и

кружку крепкого тёмного пива!

Джим, отчаянно забавно, показывал то как подростки бегут, почти что в полной темноте, по нижней палубе большого военного судна — что бы донести сумки и пакеты полные пороха до орудийных команд, которые ждут их появления с нетерпением для произведения очередного залпа по противнику.

В подробностях описывал и кривлялся, изображая туземных царьков на северо западе Африки или Дагомеи, и разводя руки, объяснял что именно такие, невероятные по размерам, задницы у многих негритянок, которых продают рабынями на плантации Нового Света.

Пояснял, как «береговые пираты» приманивают к мелям или скалам, с помощью «Света Иуды», именно так Джим именовал подобную ловушку — несчастные суда с товарами и потом, подождав когда те затонут, натолкнувшись на препятствие и большая часть их экипажа и пассажиров либо погибнут в море, либо же, обессиленные плаванием в водах к спасительному берегу, не смогут оказывать сопротивление внезапно напавшим на них людям — «береговые братии» начинали обирать несчастных, или, на скоростных барках и лодках — плыть скорее к судну, потерпевшему

аварию у берега и в спешке, пока есть время до появления стражи или чиновников, его старались как обобрать.

Как адмиралы британского флота устраивают облавы на пьяных пиратов, гулявших недели напролёт на островках на Карибах, после очередного успешного похода и карательные экспедиции из десанта британского флота зачищают целые острова, от этих упившихся вусмерть скотов, забирая себе их добычу и насчитывая, в рапортах командованию — втрое, а то и пятеро более отрубленных пиратских голов, чем было на самом деле.

Но самым интересным рассказом Джима, тем, в который он вкладывал всю свою душу: скрипел зубами, неистово ругался и размахивал руками, даже однажды попал в челюсть какого то приблизившегося к нему глуховатого старого баронета, который в те времена гостил в замке герцога — было красочное описание того, как много лет назад, ещё в середине нашего заканчивающегося века, когда Джим был подростком и только познал плоть своих первых женщин, он чуть было сказочно не разбогател…

Глава первая: «Семья»

Отец Джима Хокинса был в меру оборотистым человеком, старавшимся не терять своей прибыли нигде.

Точнее, по рассказам самого Джима, так ему описывала отца мать, желавшая что бы у мальчика были хоть какие положительные воспоминания о родителе.

Сам Джим, помнил папашу своего лишь постоянно бывшим навеселе и не скупящегося на тумаки и пинки, раздаваемые как слугам в таверне, так и сыну с супругой — по любому, даже самому незначительному, поводу.

Дед Джима, по отцу — был приличным человеком, негоциантом средней руки и обладал в меру большим состоянием.

Однако после смерти оного купчины, сын его, то бишь отец Джима, слишком увлёкся азартными играми и весёлой вольной жизнью в Лондоне, и за пару лет спустил всё родительское состояние, до нитки.

Женитьба на дочери старого компаньона отца, лишь на время помогла умерить потребности

подобного игрока и мота, и уже вскоре после рождения своего единственного отпрыска и наследника, Джима — отец вовсю измывался над супругой: он бранил её что принесла слишком малое приданное, что не желает просить у своего отца новых денег, для них, что мало помогает в ведении дел и прочее, тому подобное.

Старший Хокинс вскоре стал активнейшим образом заливать свои обиды виски и ромом, добавляя в этот список и редкую водку, и через некоторое время превратился в мрачного пузатого забияку, который искал лишь малейшего повода что бы распустить свои руки — как на улице, так и дома, или в принадлежайшей его семье, таверне.

Хокинсы в то время владели лишь небольшой прибрежной таверной «Адмирал Бенбоу». Это было всё, что осталось от денег полученных главой фамилии в наследство и приданное.

Но таверна и ранее приносила крайне скромный доход, а в те годы с которых Джим обычно начинал описание своей случайной встречи с «невиданным богатством», и вовсе — почти полностью была разорена.

Старший Хокинс однако никак не желал её продавать, по причине того, что именно данное

ремесло было легальным и помогало хоть как то скрыть от властей прочие его делишки: участие в шайке «береговых пиратов», контрабанду товаров из Нидерландов, а проще говоря — провоз кружев и прочих дамских глупостей из Голландии и Фландрии, что в меру ловкому человеку, в те времена, приносило немалые барыши.

Также при «Адмирале Бенбоу» находилось трое неказистых нетребовательных шлюх, которые за крайне умеренную плату обслуживали непритязательных морячков, околачивающихся возле таверны.

Денег за аренду койки с них отец Джима не брал, по причине того что данные «дамы» должны были стараться разузнать у морячков с какого те корабля и что данное судно, или его сосед в ближайшем грузовом порту, везёт на своём борту и когда отплывает.

Подобное дознание нередко помогало шайке «береговых пиратов», куда, как я писал ранее и входил Хокинс старший, получать хорошую добычу от направленных их трудами на скалы кораблей, с разговорчивыми матросами на них.

Благодаря этим трём «труженницам койки», старший Хокинс также нередко продавал полученные им во время дележа добычи, вещи

— толкая их за полцены кому из моряков, клиентов данных фей «старых тюфяков и матрасов с клопами» и имел дополнительный доход с этого.

Первое время разбойничание на берегу и активные попытки заставить торговые суда напарываться на скалы у побережья — приносили хороший доход и отец Джима даже пару раз, с пьяных слёз, обещал жене и сыну что вскоре они разбогатеют и вместе вернутся в Лондон, где ему прежде так нравилось жить. Ещё чуток, ещё немного подождать и он им покажет иную, чудесную жизнь: жену отведёт на балы знакомой знати и в салоны писательниц, сына устроит в колледж…

Однако вскоре почти полностью оказалась перекрыта контрабанда брабантскии кружевами: постарались как таможенные группы на лошадях и лодках, что объезжали побережье и высматривали подозрительных им людей, так и конкуренты, которые объединились в несколько крупных ватаг, с которыми отец Джима совершенно не собирался связываться, боясь быть за это немедленно зарезанным ими или утопленным, как котёнок.

Тогда основной доход стало приносить, прежде побочное, ограбление судов, что «адмиральская

команда», как называли сами себя её участники за частые совещания перед выходами на дело в таверне «Адмирал Бенбоу», стала совершать с завидной регулярностью.

«Адмиральская команда» состояла из двух десятков людей, из ближайших к побережью поселений, которые вначале просто случайно встречались на побережье при сборе хоть чего, что могло вынести море. Потом стали регулярно собираться вместе, так было легче отбиться от каких напастей и не так скучно, и вот однажды, когда на скалах вблизи них разбился небольшой бриг, перевозивший шотландский виски и из всей его команды добрался к берегу живым лишь шкипер, тогда и оформилась воедино, именно как береговые пираты, данная группа людей, прежде бывших лишь собирателями прибрежного хлама.

— Чего тянуть? — спросил один из пяти мужчин, что никогда не брились и носили неопрятные бороды. Их все побаивались и считали опасными людьми. Вся пятёрка частенько вместе напивалась до невменяемого состояния и гонялась за полисменами, с ножами в руках. Потом их скручивали или они сами засыпали прямо на улице, а наутро, скромно просили прощения и

после очередного штрафа их отпускали, — Кому нужен свидетель? — Никому!

Говоривший тут же присел на корточки и уверенными движениями поднял голову захлёбывавшегося рвотой, только минуту назад выбравшегося на спасительный берег, шкипера потерпевшего крушение корабля.

Потом данный «бородач» достал нож и спокойно вонзил его в живот спасшегося от морских волн, человека. Когда несчастный дёрнулся и что то захрипел, то убийца ловко закрыл ему рот ладонью и вытащив нож, ещё дважды ударил шкипера в горло.

«Бородачи» подождали пока жертва не перестанет дёргаться и деловито стали объяснять остальным, собравшимся вокруг них людям, из которых никто даже и не думал прекратить данное преступление, что следует делать им всем, далее: «Пока что — молчок! Ждём когда непогода чуть отойдёт и отгоняем от этого места всех чужаков! Если кто из таможеников или стражи появится, пускай бабы своими ужимками уводят их подальше от этого места! В город! Потом, без спешки разгрузим корабль и толкнём за половину цены всё пойло каким торговцам в Лондоне или Ньюкасле, там есть надёжные по-

купатели у нас… Все в доле, так что не хлопайте глазами и поддувалами, давайте, помогайте кто чем может!»

Погода успокоилась уже скоро и на лодках начали перевозить захваченный груз, с частично затонувшего брига, на берег.

«Бородачи» обнаружили на судне спасшегося восьмилетнего пацанёнка и также его зарезали, как ранее шкипера, объяснив всем что свидетель был совершенно лишним и так всем будет спокойнее.

Отец Джима узнал по их разговорам меж собой, что ранее все пятеро промышляли пиратством, трое — где в Индии, или где то около тех мест, ещё пара — близ Ямайки, в Новом Свете.

Люди они были скорые на поступки и решительные, и никто из остальных собирателей прибрежного хлама не решился как спорить с их предложениями, так и потерять долю в грядущей немалой добыче, от продажи дармовой выпивки.

Частично ящики с виски спрятали в «Адмирале Бенбоу» и продавали не сразу, и за пол цены, как предлагали ранее бывшие пираты, а небольшими партиями в разные города и почти что по полной стоимости.

Отец Джима, за то что имел место для встреч и помещения где можно было хранить товар полученный от берегового пиратствования — сразу же стал пользоваться определённым авторитетом в шайке и его всегда выслушивали на советах новосозданной банды, проводившихся во всё той же, ставшей так внезапно полезной, таверне.

Мужчина загордился и нередко вечерами рассказывал жене, что возможно вскоре его изберут «сухопутным капитаном» и имя его станет не менее знаменитым, чем всем известного Моргана, а в дальнейшем он сможет также стать вице-губернатором! Наверное…

Мать Джима в такие минуты плакала и прижимая сына к себе умоляла мужа бросить это гиблое дело, пока его не схватили и не повесили: как пирата и контрабандиста, убийцу и вора.

«Адмиральская команда» состояла из пяти «бородачей», бывших пиратов, которые по полученным увечиям в боях были вынуждены вернуться на родину и перебивались милостыней и воровством, собиранием добычи, выброшенной морем на берег или налётами на одинокие лавчонки, на окраинах небольших городков.

Бывшие пираты запросто могли убить любого и отец Джима это хорошо помнил, всё время

общения с ними.

Для них это было возвращение во времена молодости и лихачества, когда они были со всеми пальцами или кистями рук и надеялись, в заморских дальних землях, своей силой и удачей сколотить себе приличное состояние… Не удалось ни одному из них! Сейчас эта пятёрка старалась выжать по максимуму предоставленный им судьбою шанс и возглавила новую группу грабителей побережий.

«Бородачи» были немногословны в трезвом виде и лишь напившись до чертей начинали говорить без умолку, словно сорвавшись с цепи: нередко из за них — то виски, что должно было быть проданно торговцам, оказывалось в наличии лишь половиной бутылок, от ранее заявленного к продаже их количества.

Бывшие пираты были предприимчивы, агрессивны и имели выходы на покупателей «серого» товара, что они тем или иным способом могли добыть на берегу.

По их рассказам в таверне, выходило, что они неоднократно брались и за убийства, но как то особо денег им это занятие не приносило, а риска становилось с каждым годом всё больше и бывшие пираты предпочитали околачиваться на

берегу, ожидая очередного подношения бури и прочей непогоды, их вечно дырявым карманам и кошелям.

Случай с бригом, перевозившим виски, крайне возбудил аппетиты данных людей и вскоре они стали предлагать своим сотоварищам не ждать случайностей, а начать самим регулярно промышлять подобными делами: дать комнатушку с койками, для безотказных девочек работающих в порту, что бы те могли немного подзаработать и заодно, в виде ответной любезности, подруги могли бы разговорить морячков о том что за грузы везут их суда и какими маршрутами, в какой день, они отправляются.

В случае правильного подхода, уверяли бывшие пираты, можно будет специально уводить корабли на скалы, приманивая их «Иудиным светом».

«Иудин свет», как выяснил впоследствии отец Джима, был большой костёр расположенный возле настоящего маяка или на берегу, во время непогоды.

На плохо охраняемые маяки совершали нападения пираты «бородачи», одевшие на лица свои нашейные платки, что бы их не узнавали.

Скрутив тамошнего сторожа и смотрителя,

они гасили огонь маяка. Потом женщины из «адмиральской команды» разжигали заранее ими собранный сушняк нередко приносимый из дом рядом с маяком, но на берегу, желательно возле опасных отмелей или скал, и по команде кого из «бородачей» разжигали посильнее кострище оставаясь при нём несколько часов, в ожидании заманить на скалы какое судно.

За год активной деятельности, новоявленной команды береговых пиратов, удалось подобным манером трижды поживиться: один раз захватили судно что перевозило из Шотландии груз свежепойманной рыбы, что было крайне огорчительно, так как особо данный товар продать было некому.

Зато команду несчастного корабля, капитана и пятерых матросов — пришлось убивать всей оравой, ибо пираты «бородачи» с ними сами не справлялись и тогда старший Хокинс и остальные мужчины и женщины, бывшие с ними, схватив камни и поленья, начали швырять ими в головы раненных моряков, пока «бородачи» кромсали спасшихся с тонушего судна людей, в темноте, своими широкими короткими тесаками.

Было много крови и шума, но почти что совершенно отсутствовала выгода от подобной акции:

рыба просто сгнила, так как покупателей на нёе и главное, перевозчиков, сего специфического груза, бывшие пираты не смогли вовремя найти.

Во второй раз, с помощью девочек из «Адмирала Бенбоу», удалось узнать что ночью выйдет в море какое срочное почтовое судно, что бы везти почту и скорый груз куда на север, в Шотландию.

Болтливый матрос в подробностях расписывал всю сложность службы на подобном «почтовике» и его внимательная и ласковая подруга, не забывая подливать кавалеру пойла в стакан, смогла более менее чётко уяснить когда и как пойдёт вскоре на Север Альбиона, данный корабль.

Один из пиратов сговорился с местным лоцманом и тот предложил свои услуги капитану почтового корабля: лоцман имел проблемы с местными контрабандистами, которые хотели его, в качестве ликвидации банды конкурентов — банально прирезать и посему был не прочь свалить куда подальше, а тут его старый знакомец по Ямайке, предложил выгодное дело и добычу для успешного бегства…

Лоцман смог навести почтовое судно прямо на мель в полумили от берега, а в дальнейшем, имея при себе пару пистолетов и порох, ещё и застрелить капитана корабля и одного из четырёх

матросов, которые было попытались самостоятельно снять судно с мели.

Вскоре прибыли на шлюпках «бородачи», отец Джима, несколько женщин и мужчин, и общими усилиями меркантильного лоцмана и бывших пиратов — удалось полностью перебить оставшуюся команду «почтовика» и осмотреть груз.

Оказалось что там, кроме совершенно никому не интересных бумажек писем, есть ещё около четырёхсот фунтов золотом и серебром, в качестве выплат какой то банкирской конторе, два десятка ящиков рома высочайшего качества, для тамошнего графа получателя, брабантские дамские кружева и много чего подобного, по мелочи.

Груз был оценён, не считая захваченных денег — примерно в тысячу двести фунтов и вся «адмиральская команда» принялась с воодушевлением его перевозить на сушу, пока никто их не заметил и не начал расспросы что случилось.

Кроме оборотистых, траченных жизнью, пятерых бывших пиратов и отца Джима — в банде были четверо жриц любви, из соседнего небольшого городка, возле которого и располагалась таверна Хокинсов.

Женщины днём подрабатывали в порту или

самом городке, а ночью, обшаривали побережье в поисках хоть какой поживы или вместе с «адмиральцами» совершали нападения на суда, что сами и заманивали на мели.

Девахи были здоровые, ширококостные и любили выпить наравне с мужчинами, после чего затянуть какую заунывную песню или же наоборот, весело похихикать, привычно флиртуя с «бородачами».

Они таскали тяжести наравне с мужчинами и дрались, вместе со всеми, если приходилось перебить команду какого корабля, что не отдали Богу душу ещё в море.

Все четверо бабищ были регулярно беременны и избавлялись от плодов, кто как мог. Они считали что драки на берегу и работы с тяжестями — это хороший способ стравить нежелательную беременность и сами просили их как следует «нагрузить», что бы ещё в процессе ограбления севшего на мель судна, избавиться от ребёнка, вечно ими нежеланного.

Была в «адмиральской команде» и постоянно рассказывающая о своих болячках старая карга, с прозвищем «Бууу!», за то что вечно пугала всех возможной виселицей и любила криком «Буу!», отпугивать дразнивших её мальчишек или ла-

ющих собак.

Отец Джима искренне дивился смелости юных сорванцов, кидавших в женщину коровьими лепёшками или собачьим калом, где возле города, лишь забавы ради — так как сам был несколько раз свидетелем того, как «Буу!», вцепилась зубами в горло одному из моряков корабля что перевозил рыбу и буквально выгрызла тому кадык, в прямом смысле слова.

Старуха неоднократно отрубала собственным коротким тесаком пальцы жертв, видя на них любые, самые жалкие, даже медные, колечки и пару раз она проделала это с ещё живыми людьми, добивая их, по совету «бородачей», перерезанием горла…

«Буу!» несколько раз отвозила на тележках расчленённые тела жертв стихии и её банды к себе в пруд, что был возле её дома: «для прикорма раков», как она сама утверждала.

Однако живший рядом с ней бывший пират «бородач», утверждал что и свиней своих, карга также кормила человечиной и совершенно без смеха рассказывал, что ранее «Буу» считалась неплохой знахаркой в их местах, но когда её на чём то подловили и судили — возненавидела всех и по этой причине умерло к ряду четыре ро-

женицы которые к ней обратились, и ей пару раз поджигали дом, в отместку за те случаи. С тех пор она предпочитает возню на берегу и собственное хозяйство, всем прочим занятиям.

Была в группе и тройка беглых рабов негров, что давно оказались в Британии и несмотря на своё явное отличие от местных, смогли кое как здесь устроиться: вначале они были слугами при какой то знатной даме, но после скандала с рождением чёрного ребёнка ею — еле сбежали от погони прочих слуг, бывшей нанимательницы, за ними. Потом нищенствовали, прибились к бродячим артистам и исколесили весь Альбион.

Пытались даже наниматься в команды приватиров с патентом или на военный флот, но там им быстро надоедала дисциплина и они сбегали прочь, что бы вновь начать попрошайничать и ходить где им заблагорассудится.

Часто эти люди отрезали головы убитым «бородачами» людям и проводили какие то свои, как они утверждали, очень могучие, колдовские обряды.

Старший Хокинс правда так ничего особо и не заметил, и по его словам: кроме отвращения, к подобным, измазавшимся в крови и потрохах убитых матросов «грязным рабам» — он ничего

никогда не испытывал.

Себя, вся данная ватага из «адмиральской команды», в шутку называла лунонеавистниками: так как в лунные ночи было почти невозможно им работать и они лишались заработка.

Все они ненавидели хорошую погоду, что также была им помехой и искренне радовались тёмным ночам, в которые бывали сильные бури с молниями, что позволяли определить разбойникам где находится судно жертва, но не спастись, последнему.

Джима также заставляли помогать при переноске грузов, вместе с женщинами. Он был соглядатаем или стоял на берегу вдалеке и предупреждал об опасности. Пару раз подросток дрался с выжившими жертвами кораблекрушения, но неумело и лишь наблюдал как «бородачи» приканчивают его соперников, ловко орудуя своими тесаками.

«Адмиральская команда», довольно неожиданно появившись для местных властей в виде организованной банды, смогла за год стать головной болью большинства чиновников отвечавших за сухоходство в данной местности и вскоре, в соседних городах, начали появляться объявления о вознаграждении для тех кто смо-

жет указать на них.

Бывшие пираты предупредили «коллег» о том, что собственноручно выпотрошат их как куропаток, если те хоть кому пискнут о своих делишках на берегу, но… Судьба! Именно так Джим описывал то, что далее произошло.

После ограбления судна почтовика и разделения прибыли от добычи, старший Хокинс посчитал что он недополучил весьма много и в пьяном виде начал требовать от «бородачей» увеличить его долю и немедленно! Его слегка прибили и стали угрожать что засолят в бочках с солониной, для поставок на флот.

Отец Джима искренне испугался данной угрозы, особенно после того как карга «Буу!» гарантировала пятёрке пиратов что сможет быстро разделать плотную тушку этого «говорливого дурака», а негры, бывшие в банде, громко расхохотавшись, потребовали себе его гениталии и уши, для проведения какого то дикого обряда и последующего пиршества, после него.

Неделю, после инцидента, владелец «Адмирала Бенбоу» ходил боясь смотреть бывшим сотоварищам по банде в глаза. Зато когда появились объявления с требованием сообщить о том кто захватывал маяк и ставил подложные сигналы

для судов на берегу, когда прибыли агенты чиновника из Шотландии, которые расследовали пропажу почтового судна с деньгами для жалования всем им, когда наконец сами «бородачи», хамски объедая «Адмирал Бенбоу», с ухмылочками сообщили отцу Джима что скоро отберут у него таверну, вместе с «титькастой жонкой» — старший Хокинс не выдержал и через старых знакомых своего отца, тайно обратился к таможенным офицерам.

Через три дня, во время большой облавы, были схвачены почти что все из банды» адмиральской команды»: «бородачей» пиратов перестреляли во время облавы или повесили сразу после скорого суда. Старуха «Буу!» отделалась какими то настойками, повышающих мужское долголетие для таможенных офицеров и главы суда и его секретаря, после чего её выпустили за недоказанностью преступлений и пожилым возрастом… Девахи, портовые проститутки, втроём отправились в тюрьму. Четвёртая же, толстуха Молли, в связи с тем что была на шестом месяце беременности и умоляла всех сохранить «её деточке мамулю», хотя до этого старалась избавиться от плода как могла — получила в виде наказания штраф и отправилась на отработки в дом судьи, который

ей и выносил приговор. Троих негров решено было объявить беглыми рабами и включить в партию, что везла этих самых рабов на ямайские плантации.

Отец Джима оказался свободен и избежал опасностей, но его таверна пришла в упадок: многие бывшие знакомые, узнав чем он промышлял последнее время — старались теперь обходить стороной питейное заведение и самого его владельца в упор не замечали, на улицах городов.

Через месяц безудержного пьянства, то ли от того что избежал опасности быть расчленённым, от бывших пиратов, то ли от того что не сел в тюрьму — отец Джима начал косо поглядывать на сына и говорить матери и самому своему чаду, что тот слишком дорого обходится в прокорме, и от него нет никакой пользы.

Все клятвенные горячие заверения женщины, что сыночек отлично помогает по хозяйству в таверне, прерывались старшим Хокинсом отборнейшей руганью и вскоре добрая матушка стала бояться лишний раз вступаться за ребёнка, предпочитая вечерами просто угощать Джима чем вкусным, что смогла приготовить.

Ещё через короткое время, отец начал регулярно избивать Джима, да не случайно, как бывало

и прежде не так уж что бы редко, а целенаправленно и с завидным постоянством — отец пинал тринадцатилетнего подростка, хватал его за каштановые волосы и швырял о стены таверны, отвешивал подзатыльники, дополняя их полноценными ударами кулаком.

По происшествии десяти дней подобной «науки», старший Хокинс заорал что хватит и он более не намерен держать на своей шее двоих дармоедов, и если жена ему на что ещё сгодится, то сыну пора бы уже и самому начать оплачивать себе жратву, постель и одежду, а не грабить несчастного старика ежегодными требованиями или просьбами.

Схватив Джима за шиворот, отец затолкал мальчика в двуколку и отправился с ним в Лондон.

Пробродив пару часов по различным припортовым тамошним питейным заведениям и увидев кого то знакомого, старший Хокинс вошёл наконец внутрь грязно серого, из череды проносившихся перед носом Джима, таверен и кабаков, и пробравшись к столу, за которым мрачно ухмылялся, глядя себе в стакан, какой то громила, несколько скомканно произнёс: «Вот. Товар… Сколько…?» — При этом отец держал

Джима за шиворот и не давал мальчику улизнуть или спрятаться где в самом заведении.

— За этого крысёныша? — хохотнул громила. — Могу предложить пару пенсов, не более!

— Да вы что?! Холили, лелеяли, берегли как зеницу ока — смотрите: парень жилист и здоров, хотя и невысок. Но отличный трудяга, помогал мне в работах на берегу и в принципе, легко освоится на корабле! — возмущался отец Джима, всячески нахваливая свой «товар».

— Хм… — задумался его собеседник, приглядываясь внимательнее к пареньку, которого держали прямо перед ним. — Разве что судовой «пороховой обезьянкой»? На большее он точно не сгодится, даже не пытайся мне плавником скользить по ушам, понял?

Далее, в течении десяти минут, ещё о чём то спорил отец Джима с его потенциальным покупателем и наконец они пришли к соглашению: за Джима уплатили двенадцать шиллингов и мальчика тут же передали на руки нового, вызванного громиллой, высокого долговязого матроса.

— Веди Это на «Саффолк» — он в команду «пороховых обезьян» прикуплен, там у них, после последних разборок с пиратами и французиками, близ африканского побережья, потери среди

них большие. Пускай примут очередное пополнение…

Моряк флегматично кивнул и схватив Джима потащил того прочь из таверны. Отец, стыдливо отвернулся в сторону и не смотрел в глаза визжащего и плачущего своего ребёнка, а остальным не было дела до происходящего: мало ли людей, в том числе и подростков, таким образом набирают на королевский военный флот?

Глава вторая: «Пороховая обезьяна»

Джим слабо помнил как именно его доставили на корабль, место, где ему теперь предстояло обживаться среди новых, совершенно ему незнакомых, людей.

Когда он попытался было вырваться из рук долговязого моряка, который тащил его к пристани что бы усадить вместе с собой в шлюпку и отвезти на судно, мальчик рискнул и укусив своего конвоира за руку — совершил попытку сбежать, но был тут же остановлен сильнейшим подзатыльником, от которого закружилась голова у Джима, и тут же парой ударов кулаками по спине направлен в шлюпку, что покачиваясь на воде уже ждала их.

После подобного обращения с собой, резко контрастирующего даже с часто пьяным и драчливым отцом, бежать или хотя бы делать попытку к побегу, Джиму совершенно перехотелось. Особенно после клятвенного, многословного, вычурного обещания долговязого матроса: что он «кишки сопляку через глотку выймет и засунет ему же

в задницу!»

Теперь, сидя в шлюпке между гребущей парой и своим конвоиром, Джим, лишь тихо подвывая, постоянно плакал.

В этот момент он буквально ничего не видел перед собой: ни того куда именно, к какому кораблю его везут, ни кто это делает — ничего.

Подросток был в состоянии близкому к обмороку и лишь надеялся что если его и будут убивать, то сделают это всё быстро и без каких особых мучений.

Волею отца, вся его прежняя жизнь перевернулся с ног на голову и теперь он уже и не надеялся когда либо увидеться с милой, доброй матушкой, странным, жестоким, но всё же родным и таким знакомым отцом и привычной ему таверной «Адмирал Бенбоу», в которой он и прожил почти все свои предыдущие годы жизни.

Сейчас его тащил странный, незнакомый и весьма скорый на расправу моряк, на какое то огромное судно, где он, Джим Хокинс — должен был стать скорее всего юнгой. В лучшем случае.

Именно так тогда думалось подростку, когда его пинками подгоняли по переносному трапу на верхнюю палубу корабля, а потом, в свете масляных ламп и факелов, уже ночью, определяли на

постой в малопонятный «кубрик мартышек» и далее, после всех этих учётно распределительных процедур, всё теми же пинками и подзатыльниками, гнали вприпрыжку на новое место пребывания.

Корабля, в первое время по прибытию на него, мальчик так и не опознал, так как ночью, при мерцающем свете пары факелов, совершенно не мог отличить своими глазами, полными слёз, одно судно от другого. Куда именно на судне его гнали на запуганную зверушку и потом определяли на ночное пребывание, он также сперва не смог определить.

Странное большое помещение в нижних уровнях корабля. Вонь мочи и съеденной недавно пищи, вместе с частыми «подпусканиями ветра» местными обитателями. Множество скалящихся на новичка мальчишек вокруг.

Сперва Джиму показалось что их не менее сотни, но когда сопровождающий его долговязый моряк ушёл, то новичок смог определить подсчётом что соседей у него теперь чуть более трёх десятков.

В основном, более половины, это были подростки тринадцати-четырнадцати лет. Все долговязые и худые, словно бы плеть. Морды

лиц у всех загорелые, глаза блестят, как у стаи голодных волков в лесу — при виде домашнего поросёнка забредшего в лес, на поляну с желудями под развесистым дубом.

Остальная орава отличалась разнокалиберностью: был один совсем «малой», на вид ему было лишь около семи лет. Пятеро, примерно, десятилетних и остальные, одиннадцати-двенадцати лет мальчуганы, чуть старше или младше самого Джима, в точности сейчас было не определить.

— Так! — заорали старшие, наступая на вжавшегося в переборку новенького, который в страхе ожидал от них любого поступка: от принятия его в коллектив, до банального грабежа прибывшего или его избиения всей оравой. — Новенький, пока не пройдёт нашего посвящения и не станет полноценным «картузником», после обучения — будет спать на полу, вместе с Клопом и прочими из «мелюзги»! Свой собственный гамак ещё надо заслужить! — нравоучительно объявил Джиму один из троих старших лидеров группы, показывая рукой на собственные и товарищей ложа, что по причине отбоя на корабле уже были развешены вдоль всего кубрика.

Остальные все закивали головами. Старшие, по причине того что считали что это справедливо, а

младшие, как понял из их затравленных взглядов и скорых коротких нервических смешков Джим — потому, что видимо «старшаки» их регулярно нещадно избивали, и проще было поддакивать им всегда, пока не вырастешь и не займёшь место своих мучителей или не сдохнешь где на службе, мало ли возможностей для этого на военном корабле…

— Теперь… — продолжил тот из старших, который и ранее указывал новичку что именно ему предстоит. — Теперь обязанности! Во время боя всё ясно — мы все «пороховые обезьяны», тут нет вопросов! Таскаем порох на орудийные палубы, помогаем с пушками, если что попросят поправить или перенести, подтащить, потом, когда возможен захват вражеского судна — лазим всюду по захваченному кораблю врага и обыскиваем его, не забывая и нам самим, старшим кубрика, что принести из каждой такой ходки — ты понял меня? — наставительно спросил говоривший у Джима и когда тот испуганно закивал головой, довольно усмехнулся и продолжал. — Но это в бою… В обычное же время — мы делимся на «старшаков», вроде меня и этих, за мной которые стоят: мы занимаемся игрой на флейтах и барабанах, и прислуживаем офицерам, как денщики.

Тебе, тварь, такое пока даже в мечтах не светит, усёк?! Завтра определимся что с тобой будет: то ли станешь чистить гальюны, вместе с Клопом, то ли пойдёшь прислугой к матросне… Они тоже иногда себе требуют кого, на разные нужды!

Гогот прервал высказывание старшего из юнг и все начали вновь размещаться на своих местах.

Старшаки залезли в свои гамаки и иногда, шутки ради, плевали на головы тех кто располагался на крохотных дырявых циновках под ними, под всеобщее одобрение остальных своих товарищей, по более презентабельным местам.

Клопом, как и догадывался ранее Джим, оказался самый маленький из мальчишек, семилетний, невероятно серьёзный пацанёнок со спутанными светло рыжими волосёнками, отчего то уже начинающими чуть седеть и зеленоватыми, словно бы выцветшими, глазами.

Именно Клоп доверительно сообщил новичку что завтра, возможно кто из моряков вытребует себе Джима как прислугу, а на самом деле «душечку», в отстутствии женщин на судне. Ребёнок рассказывал это с такой дрожью, от охватившего его ужаса, в голосе, что Джим не выдержал и спросил его откуда у него эта информация.

— Он сам, любимец нижних палуб! — гоготнул

в очередной раз висящий в гамаке старший из группы юнг и весело и ловко плюнул Клопу прямо на макушку.

Самый маленький из юнг утёрся и тут же отвернувшись лицом к переборке стал тихо плакать, постоянно нервно вздрагивая плечиками и шепча слова: «Мама… мамочка! Зачем ты меня сюда привела?! Я бы всё делал: полы мыл, стирал, готовил, побирался на улицах — но зачем ты со мной так… мамулечка!»

Когда старшаки начали, видимо это было привычным их вечерним развлечением, рассказывать кто как и когда уже «пользовал» Клопа и что ему предстоит ещё долго, несмотря на все неудачные попытки мальчика пару раз уже залезть в петлю, Джима внезапно захлестнула какая то ранее невиданная и никогда не испытываемая им злость, агрессия, злоба.

Злоба на себя и своих родителей, что его, также как униженного многими, совсем крохотного Клопа — выбросили прочь из дому, чёрти куда, в какую жизненную пропасть! Ярость на то, что он не смог ничего сделать что бы спастись, в том числе до того как попал на судно. Страх, огромный и всепоглощающий, оттого что может и сам завтра подвергнуться насилию матросни, с

загадочных «нижних палуб», которые ранее уже насиловали совсем «малого» кроху Клопа, который сейчас лишь постоянно что то шептал себе под нос, словно бы весь остальной мир перестал для него существовать и не замечал плевков на свои спутавшиеся волосы.

Вскочив, словно пружина, со своего места — Джим бросился к гамаку где возлежал рассказывающий очередную любимую байку о Клопе, старший из мальчишек юнг, который ранее и объяснял новенькому его положение в группе корабельной прислуги.

Джим, ещё когда размещался на новом месте, на циновке на полу, узнал от таких же как он «младших» — что примерно треть мальчиков, среди «пороховых мартышек» — это беспризорные побродяжки или малолетние преступники, которых продают как их родители, так и судебные чиновники, что бы продолжать получать на них довольствие из казны и немного монет, от флота, за очередного малолетнего раба доставленного флоту для службы.

Все нынешние «старшаки» были из Лондона и ранее грабили пьяниц у трактиров или попрошайничали.

Они довольно быстро сдружились и по слухам,

впрочем ими самими и распространяемыми, просто однажды ночью завалили всех прежних старшаков, перерезав их как свиней.

Теперь они были главными среди мальчишек и на своей территории, в кубрике юнг, отрывались по полной.

Как можно было незаметно и безнаказанно перебить хотя бы пару юнг — оставалось загадкой для новичка, но именно подобные байки ему рассказывали самые младшие из «пороховых обезьян».

Однако и у Джима, благодаря береговым пиратам из «адмиральской команды», были кое какие навыки выживания.

«Бородачи», бывшие пираты, советовали ему всегда стараться атаковать первым, особенно если врагов много или они больше его по габаритам: первый удар даёт возможность сравнять силы сторон.

Если постоянно унижают, есть шанс что так будет и далее, а то и хуже: лучше дерись, получишь возможность почётной смерти, в драке — вечному унижению и отношению к себе как к собаке.

И ещё: многие кто любят насиловать или избивать слабых — большие трусы, и их самих можно хорошим резким ударом быстро запугать. Глав-

ное это обязательно попытаться сделать!

Крови, после виденных им боен на берегу, когда «бородачи» добивали моряков спасшихся от бури из затонувших кораблей — Джим совершенно не боялся, а всякие странные культы, с отрезанием голов и их последующей варкой в котлах, что он успел понаблюдать в исполнении тройки сбежавших негров рабов из шайки своего отца — сделали Джима гораздо более крепким духом, чем он даже сам ранее думал, и нечувствительным к рискованным поступкам.

Если полчаса назад, когда его лишь привели на корабль и кинули в грязный вонючий кубрик юнг, он готов был расплакаться и отдать всё, лишь бы его не били, то сейчас, буквально немного обвыкнув в новой обстановке и приглядевшись к людям вокруг, новичёк понял что единственный шанс для него спастись, особенно среди ровесников, это завоевание авторитета дракой и случай с оскорблением крохи Клопа, как нельзя хорошо этому способствовал.

— Ты чего, тварь?! — заорали на новичка все старшаки в гамаках. — Лежать вонючка! Место! Знай своё…

Джим схватил уже не горевший переносной фонарь и держа его в руке, подскочил к еле

выпрыгнувшему со своего гамака, самому разговорчивому из старшаков и с размаху ударил того по голове фонарём, так что стекло лопнуло в лампе и добавило к огромной шишке и синяку, ещё и порез, на голове жертвы внезапной атаки Джима.

— Что?! Почему?! Да какого… — орали в панике старшаки, в полутьме спрыгивая в истерической спешке со своих гамаков. Далее началась драка.

Проблема «местных» оказалась в том, что Джим не был тихоней с берега, которого «лихие юнги» могли запросто запугать своими рассказами.

Он видел резню, в исполнении бывших пиратов «бордачей», получал ежедневные тумаки от отца, таскал тяжеленные лари и ящики с потерпевших крушение судов до таверны «адмирал Бенбоу». Может мальчик и не был очень атлетичным, но и слабаком он совершенно точно не считался.

Спрыгнувшие на пол старшаки получали немедленно удары потухнувшей лампой по голове и плечам, и с воплями, в основном от ран от порезов лопнувшим толстым стеклом, падали на пол.

Вначале их никто не трогал, но потом Клоп, а вслед ему и остальные там ранее располагавшиеся «нижние юнги», с воем начали сами щипать

и кусать своих прежних мучителей, бить их и всячески руками и ногами, мешали встать им на ноги — пока Джим продолжал избиение старшаков почти что в полной темноте, полагаясь скорее на память, где кого он ранее видел прежде чем началась катавасия, чем на остроту зрения.

— Суки, твари — сокрушу! На части резать буду! Сожгу живьём! Кишки через горло… — орал подросток как невменяемый услышанные им от взрослых ругательства и угрозы.

Джим впал в некое бешенство, и готов был бить и убивать, от страха впрочем, что если он сейчас остановится, всё это будут проделывать уже с ним самим.

— Всё, всё! — раздалось откуда то снизу. — Они готовы! Всё!

Это самый маленький из юнг, Клоп, сейчас вскочил на ноги и отбежав подальше в угол, что бы не попасть под раздачу лампой, предлагал Джиму прекратить избиение.

Оказалось что старшаки сильно избиты и их сдерживают внизу на полу прочие, к их группировке не относящиеся, мальчишки бывшие в кубрике.

— Запомните! — громким шёпотом проговорил Джим, когда с помощью Клопа ему удалось всё

же зажечь лампу, предварительно вновь налив в неё остатки масла бывшие в крохотном глиняном кувшинчике. — Запомните скоты — никто больше не тронет малого! Ни вы, ни кто из матросов — кишки выпущу! Гальюны сами начнёте чистить и как все, по очерёдности! Я, на берегу, людей резал десятками, с меня станется! Рыпнетесь, я вас, как прошлых старшаков вы сами — на части разделаю, а потом в котёл к кашеварам на камбузе кину. Ам!!! И никто вас и не найдёт! Пропали куда то — сбежали!

— Да не трогали мы их! — сорвался на визг один из старших юнг, сейчас лежащий между троих мальчишек младше себя, что его держали за руки и за ноги и не давали встать. — Там, возле Ла-Коруньи, просто нам настоящую бойню рейдеры берберийцы устроили и все прежние старшие были ими перебиты, кого на нижних палубах ядром, кого потом, при попытках абордажа… Это мы так говорили, что бы нас уважали и боялись!

Новичёк, уже немного отошедший от своей внезапной вспышки ярости, тяжело навалившись неумело занял гамак бывшего лидера юнг, и улыбнулся в полумрак: «Верю. Но Я — не вы! Если обещал скормить команде частями, скормлю!»

Джим вдруг понял что вполне сможет верхово-

дить здесь и его, пускай и совсем крохотный, но всё же опыт помощника при береговых пиратах, сейчас оказывал свою службу.

Внезапная, никем не ожидаемая короткая яростная атака новичка, применение тем оружия — в виде переносного фонаря в железном корпусе, невиданная ярость ночной драки, чего ранее никогда не бывало с ними — всё это шокировало старшаков кубрика и сейчас они просто боялись полной расправы над собой, как со стороны бешенного новичка, так и тех, кого ранее регулярно мучали и над кем измывались, просто в качестве замены иным развлечениям, в своём убогом мире самых бесправных существ судна.

До утра уже никто не спал и если старшаков и отпустили, то лишь для того что бы они, как и их младшие товарищи по кубрику, собравшись вместе сидели на полу и смотрели на раскачивающегося в гамаке Джима, который периодически травил невероятные байки о своей «лихости на берегу и дружбе с пиратами», то, иногда не выдерживая напряжения последних суток, начинал всё же подрёмывать и его осторожным вопросом будил маленький Клоп, ставший при его гамаке словно бы адъютант при адмирале.

Утром юнг вывели на общее построение и когда

начали выдавать наряды на чистку гальюна. Избитый Джимом ночью лидер старшаков, было попытался и новичка, вместе с Клопом и парой совсем малых ребятишек, чуть старше Клопа, поставить на эту работу.

Но увидев знак лучника времён Столетней войны, исполняемый Джимом пальцами, но при этом приставленный к горлу — посчитал за лучшее отказаться от своей затеи и назначить иного мальчугана, последним, в группе на чистку.

Судно, на которое Джима Хокинса продал собственный отец, называлось «Саффолк» — какой то там корабль третьей линии.

Сам Джим этого не понял, сколько ему не объясняли его новые товарищи и лишь с удивлением таращился на длиннющие ряды моряков, что располагались сейчас на палубе.

Пушек на корабле было около шестидесяти и по словам Клопа, что со вздохом готовился привычно ему начинать чистку корабельных гальюнов: выходило что юнг постоянно не хватало на работы, особенно во время боёв, когда приходилось из «порохового погреба», условного помещения под постоянной охраной пары стрелков, выносить и нести вприпрыжку пакеты с порохом, на заранее выделенные каждому юнге орудийные места.

Большое количество орудий на «Саффолке» и относительная малочисленность юнг, что подносили заряды для выстрела, уже были причиной пары, не очень удачных для корабля, сражений. Даже с явно слабейшим противником.

Клоп вскоре ушёл вместе с остальными «чистильщиками». Часть избитых старшаков отправились в офицерские каюты на уборку и прочие работы там. Новичка, вместе с ещё десятком юнг, забрал к себе какой то вахтенный бомбардир.

Выяснилось, что сейчас проведут небольшие учения о том, как действовать юнгам в бою, что бы они знали более-менее хорошо все проходы судна и могли, даже в полной темноте и задымлённости боя, или если часть помещений будет снесена вражеским залпом — всё же легко ориентироваться и доносить полученный порох до им указанных номеров орудий, которые станут за ними регулярно закреплёнными.

Вначале, все двенадцать юнг стали ходить с верхней палубы до пороховой комнаты и от неё разбредаться по нижним уровням: Джиму, как одному из старших, досталась самая нижняя из орудийных палуб.

Потом бомбардир начал слегка присыпать песком палубу. Как объяснили новичку шёпо-

том товарищи, что бы не скользили ноги, когда придётся бегать по палубам вприпрыжку, при любом, даже почти полностью отсутствующем освещении и бомбардир инструктор приказал начать пробный «занос».

«Пороховым обезьянам» выдали каждому по кожаной сумке. В них, согласно регламенту, положили по четыре шёлковых пакета наполненных мукой и заставили разнести всё по своим местам, им указанным ранее, на данной подготовке.

Когда после семи к ряду попыток все более менее справились и перестали получать от бомбардиров проклятия и тумаки, было решено заменить условный «мучной порох» простыми булыжниками, подобными по весу и заставить юнг повторить свой манёвр на время, что бы было очень сильно похоже на перемещения в хаосе и спешке боя, когда каждая минута дорога.

В подобном маневрировании с грузом на трапах между палубами, пару раз Джим был уверен что всё же свернёт себе шею и сваливался со ступенек, прямо на влажное холодное дерево пола нижних уровней.

Но ничего серьёзнее ушиба и шишек на голове с ним не случилось и к обеду, когда «учение» было завершено и юнг отпустили на получение

«жратвы в тошниловке» — он уже был даже горд что сможет, как он надеялся, если будет большое сражение, не хуже остальных подавать порох для команд бомбардиров или передавать сообщения офицеров друг другу.

Бредущие с ним юнги объясняли новичку, что основная работа в бою будет всё же у старшаков: именно они уже имеют определённый опыт и должны обслуживать основные орудия судна, Джиму, как по возрасту подходящему в старшаки, потому и дали на отработку нижнюю палубу, что бы скорее учился — так как именно там самая высокая смертность среди юнг.

— К тому же, если что заварится в схватке, — проговорил один из новых знакомцев Джима, — есть шанс что старшаки захотят тебя пырнуть ножом во время боя. Это нормально! Многие сводят личные счёты, как среди матросов, так и юнг или офицеров… Время боя этому всячески способствует и особо, если нет свидетелей, никто выяснять не станет: как имено в убитом человеке дырки провертели…

Джим призадумался и решил быть внимательнее, в случае новых учений или настоящего сражения.

Ему также казалось вероятным что старшаки

ещё попытаются вернуть свою власть над юнгами и отойдя от ночного шока, от устроенного им новичком внезапного избиения, попытаются непременно с ним расправиться.

Еду юнгам выдали прямо на верхней палубе: вначале «чистым» из них и лишь в самую последнюю очередь, уборщикам гальюнов.

Клоп привычно тихо плакал, так как в силу возраста сильнее всех устал и очень проголодался, остальных мальчишек это сильно забавляло и они даже привычно выдали ему пару пинков, в качестве поощрения.

Джим на них прикрикнули и прочие юнги, помня о ночном инциденте, не решились оспорить его покровительсво над малышом.

Старшаки вполголоса спорили о том, что Джим скорее всего себе решил Клопа взять в качестве «душечки». Другие, помладше, предполагали что новичок просто найденный брат Клопа и теперь его защищает, о подобном они читали в книгах или слышали от старших сестёр, которые эти книги читали.

После обеда были какие то хозяйственные заботы по переноске и чистке котлов, и прочего на камбузе, и ничего интересного, после тренировок на нижних палубах и сбеганию на скорость с

сумками с шёлковыми пакетами «пороха», даже и не предвиделось.

Юнги рассказали Джиму что подобное тренировкам или учениям у них скорее за развлечение, и на самом деле их проводят не так уж и часто. Большая часть работы для юнг — это труд раба при судне: чистка и уборка, присмотр за чем либо и тому подобные грязные унизительные работы.

Вечером, после отбоя, всех юнг под присмотром моряка отправили в их кубрик и тщательно заперли помещение соседней комнатушки, через двери которого можно было попасть на верхнюю палубу.

Старшаки стали натягивать на верёвках свои гамаки, недобро поглядывая на Джима и всем видом показывая что не собираются снова его терпеть лежащим вместе с ними на гамаках.

Ещё по пути в их общий кубрик, Клоп шепнул Джиму что слышал как старшаки сейчас сговаривались и взяв на кухне заточки или просто украв какие из малых ножей, собираются уже этой ночью поквитаться с новичком за всё, а потом, устроить «воспитание» и прочим, кто его поддержал.

Однако опыт прошедших суток и то, чему его учити «бородачи» на берегу, когда Джим вместе

с ними перетаскивал грузы с затонувших суден в «Адмирал Бенбоу», не прошли для подростка даром: на кухне он смог напихать себе в закатанные рукава рубахи достаточно соли и захватить деревяшку с железным наконечником, совсем крохотную, как чайная ложка — и предназначенную непойми для каких камбузных нужд.

Джим решил не ждать пока все заснут, так как общая атака старшаков на него, в этом случае, гарантированно была бы успешной и постарался первым вновь напасть, считая это единственным способом остаться живым до утра.

Новичок вновь протянул палец в сторону главного из старшаков, которого вчерашней ночью первым начал избивать и в чьём гамаке провёл свою первую ночь на судне и громким голосом объявил тому, нарочито оскорбительно: «Пшёл вон, вонючка! Теперь — это мой гамак!»

— Ты оборзел, тварь малохольная?! — тут же вышел из себя тот, к кому Хокинс обращался и под всеобщие вздохи и нервные взгляды, немедля ни секунды бросился на новичка.

Джим тут же слегка раскатал свой рукав, с солью в нём и махнул им в сторону лица бегущего на него разъярённого старшака.

Чуть соли попало и в глаза Джиму, но основное

порошковое облако приняли «иллюминаторы» атакующего и тот, с воплем, присел на пол, визжа и крича что есть силы.

Его противник тут же нанёс сильнейший удар ногой в голову сидящего на корточках старшака и ещё пару, по рёбрам и ноге, когда тот свалился на бок на пол.

Остальные старшие юнги было вскочили на ноги, что бы с помощью захваченного ранее на камбузе судна самодельного оружия поквитаться с оборзевшим совершенно новичком, но тот их предупредил грозным окриком: «Сидеть твари! У меня «пиратская школа», я вас тварей вертеть буду — как хочу!»

То ли внезапное, уже второе к ряду, за сутки, поражение их лидера, то ли напоминание Джимом о том что он многое чего видел в жизни и их не боится — но старшаки немного посопев и поугрожав, всё же согласились: теперь гамаки будут делить поровну между группировками Джима и его противниками, и поочерёдно все будут спать и на полу, без оскорблений или отказов от своего времени там.

Немного пришедший в себя лидер старшаков лишь подскуливал и всё время грозился Джиму отомстить, но его особо уже не слушали.

Все были заняты распределением новых ролей в коллективе: старшаки боялись расправы над собой со стороны «пиратского юнги», как они про себя начали называть Джима, а его сторонники — уже деловито отнимали какие получше гамаки, сговаривались кому в какой очереди их занимать, ночами.

— Это какая то «сорвавшаяся пушка»! — недовольно буркнул кто из старшаков, устраиваясь на ночь на полу.

И тут же получил бросок деревяшкой себе в голову, от младшего из юнг, Клопа, который теперь буквально боготворил Джима, позволившего ему, первый его раз на судне, спать в собственном гамаке.

— Молчи! За такое тебя на части можно рвать! — распсиховался не на шутку малыш и Джиму даже пришлось его утихомиривать.

Оказалось что «сорвавшейся пушкой» — на корабле называют человека неуправляемого, отмороженного, готового на любой, самый дураций или безумный, дикий поступок.

— Как орудие, когда сорвётся со своих креплений и при крене судна ездит по палубе, в темноте давя попавшихся на пути людей или убивая, и калеча их. Если такое случится, по недосмотру

бомбардиров, то всё, считай в том месте далее служить нереально — к чёртовой матери лишишься конечности, или тебе кишки, ударом о переборки, выпустит данная махина! — тихо говорил, уже сквозь дремоту, Клоп, поясняя Джиму некоторые аспекты службы, ранее тому неизвестные.

Глава третья: «Первые ска́чки»

За первую неделю на судне Джим вполне освоился с ролью нового лидера одной из группировок юнг и совершенно перестал опасаться «старшаков». Они конечно могли чем напакостить, но он считал что ребята там подобрались довольно простоватые и если за ними присматривать, периодически устраивая им регулярные небольшие избиения, ничего страшного не случится.

Ещё через несколько дней, внезапно на корабль только что отплывший в море для патрулирования побережья, прибыл срочный вестовой и оказалось что «Саффолк» ждут где то возле Фризии, по причине очередного, бывшего в то время не такими уж и редкими, инцидента с голландскими судами: голландцы, в связи с тем что англичане начали их регулярно теснить в Южных морях, нередко занимаясь официально торговлей — при этом регулярно грабили слабых своих европейских коллег, попадавшихся им на пути в колонии или обратном плавании.

Англия усиливалась и хотя до мощного изгнания французов и голландцев из Индийского

океана, по причине революции во Франции и дальнейших войн ей последовавших, оставалось ещё около полувека, конфликты на море с голландцами, уже со времён Кромвеля, повторялись с завидной регулярностью.

Было решено присоединится к флотилии из ещё шести кораблей и начать требовать у портового начальства, в гавани которого по мнению англичан и скрывался странный пиратствующий негоциант — что бы они допустили английскую комиссию по расследованию на берег и для осмотра трюмов подозрительных судов.

Сутки прошли в напряжении. Потом была стоянка возле берега, в паре миль от порта и долгие переговоры.

Во время стоянки и случилась очередная попытка старшаков, ночью, одев на ноги для тишины шерстяные носки, что бы не шлёпать босыми пятками и не стучать по дереву каблуками ботинок, расправиться с Джимом.

Вновь Клоп, своим истошным тонким детским визгом, разбудил всех и вместо полноценной бойни оравой старшаков, нового, немного зазевавшегося от успехов лидера, получился короткий бой: группа Джима кусалась и царапалась, метала во все стороны жмени соли, так понравившийся

детям приём их нового компаньона и тем самым, по причине того что через пару минут уже все в кубрике тёрли на полу свои глаза, никакого кровавого боя не случилось.

Старшаки сейчас успокоились и не решались повторить атаку, а Джим, принял к сведению, что вскоре, как будет свободное время — показать остальным ребятам «своего» отряда хоть какие приёмы, которым его самого ранее, со смехом, учили и объясняли для чего они нужны, «бородачи» из калек пиратов.

Однако вместо всего этого, ранним утром дня после очередных выяснений отношений среди юнг, появился огромный матрос в красной рубахе и коротких штанах и заорал: «Всё крысёныши — готовьтесь к бою! Эти поганцы хотят прорваться прочь из порта в море и уплыть, что бы не показывать нам трюмы с грузами: гоним их и палим из пушек, а если повезёт — абордаж! С добычей для всех, даже для вас!»

Все, кроме Джима, мальчишки взвыли дурными голосами и принялись пародеваться кто во что, меняя одну рванину — на другую.

Мальчики постоянно переговаривлись, даже старшаки говорили с Клопом, ранее его откровенно презирая и игнорируя, у всех словно бы

начался какой зуд.

— Бой! — подумал про себя Джим и как то нервно сглотнул. Если ранее его завораживало само это слово то сейчас, по неизвестной ему причине и поднявшейся внезапной суматохе в кубрике «пороховых обезьян», он скорее начал чего то опасаться.

Все юнги словно бы разом подурели: они постоянно перемещались по своему кубрику, бессмысленно хохотали и все одновременно переговаривались, размахивали руками и чесались, словно бы у всех внезапно началась самая острая форма чесотки. Моряки и офицеры бегали и орали на них.

— В пороховую комнату — получать сумки и пакеты с порохом! Марш! Все по своим номерам!!! — кричал человек недавно обучавший Джима его работе во время боя и сам Джим, словно бы его кто пнул по заднице, опрометью кинулся вслед первым семи старшакам, что уже неслись со всех ног получать сумки со своим взрывоопасным грузом и носить их на нижние палубы, для перезарядки орудий.

Судно внезапно сотряс грохот и толчки, словно бы какой великан отыграл барабанными палочками дробь на корпусе «Саффолка». Потом начал

отовсюду сочиться едкий дым.

Джим непонимающе оглянулся и толкнув стоявшего ближе всего к нему, в очереди за пороховыми пакетами, старшака, спросил того: «Что это?»

— Первый залп. Наш. — спокойно, даже с ленцой или презрением, ответил подросток. — Пушки, которые самые большие — заряжают заранее перед возможным боем. В случае скорой опасности или вот-вот начинающейся битвы их сейчас разрядили в приближающегося врага, а мы будет помогать при перезарядке и дальнейшем обстреле беглеца голландца.

Когда вскоре настала очередь самого Хокинса, получать свою кожаную сумку заполненную четырьмя шёлковыми пакетами с порохом — он впервые попытался осмотреться в той полутьме, что представлял из себя пороховой погреб: «световая каюта» — длинный шкаф с установленными в нём яркими фонарями и толстенными, огромными, в несколько раз больше обычных корабельных, иллюминаторами, что бы попадало как можно больше света и насыпающие в пакеты порох канониры и сами «пороховые обезьяны», по возможности максимально хорошо видели как точно отмерять порции данного взрыв по-

рошка и его выносить, на большой скорости, из порохового погреба корабля.

Канонир и четвёрка ему помогающих, насыпали порох заранее установленными, по единому образцу и объёму, стаканами, в шёлковые пакеты и закрепив по четыре штуки в кожаной сумке — выдавали очередному юнге, который со своим грузом нёсся во всю прыть на те палубы что были ему указаны с самого начала учений, при слажевании коллектива и отработке манёвра каждого члена судна.

Откуда то сбоку от корабельного хранилища пороха, кричали, чуть не надрываясь, люди: «Вёдра ставь. Да! Малое, с питьевой, для нас, а большое — для нашей «Толстухи», протирать её! Бомбардиры — одевайте косынки, что бы пот с головы глаза не застил! Скорее!!! Сыпьте песок из бочек на палубу — уже «пороховые обезьянки» к нам бегут, не дай Бог кто из этих недокормышей подскользнётся у фонаря или чего горящего, все тут сдохнем!»

Хокинс вспомнил недавний ночной рассказ Клопа, который утверждал что некогда, один из юнг, прямо во время боя — подскользнулся, то ли на крови, то ли на потрохах убитого ранее товарища, со своим грузом пороха возле какого

фонаря или факела, фитиля бомбардиров и произошёл взрыв.

Погибло два десятка человек на той палубе где случился инцидент, а само судно вынуждено было покинуть схватку и потихоньку дрейфовать к берегу, благо было недалеко.

Даже небольшой взрыв, всего нескольких пакетов пороха, в замкнутом пространстве корабля — мог привести к ужасающим результатам.

Джим помнил об этом и сейчас молился про себя, в надежде что не подскользнётся, как с ним случалось пару раз на первом учении и сможет донести свой опасный груз до указанных ему орудий без каких либо приключений.

Получив свою сумку с зарядами для орудий, Джим в спешке помчался по указанным ему ранее маршрутам по трапу вниз, на самую нижнюю артиллерийскую палубу «Саффолка».

Когда он добежал до цели, то немедленно получил звонкий, жгучий подзатыльник — так как бомбардиры располагавшиеся там у своих пушек, посчитали что он опоздал и они зря тратили своё время.

— Запомни пацанёнок! — тарахтел огромный, широкоплечий и брюхатый бомбардир, в красной косынке. Голый по пояс, в коротких рваных

штанах и босиком. — Мы не затем в спешке возвращаем эти многотонные «детки» на их прежние места, после каждого выстрела, срывая себе спины тысячами, ежегодно, клянусь святым Патриком — что бы какая мелкая сволочь, из юнг, опаздывала с очередной посылкой с порохом. Ты меня понял?! Ещё раз опоздаешь — отдам капитанскому кобелю! Вначале на поругание, а лишь потом — на завтрак!

Все вокруг заржали, в том числе и бывшие рядом старшаки из числа юнг и пока в спешке готовился очередной смертельный залп с орудийных палуб английского судна, Джим уже вновь бежал наверх по трапу, к пороховому погребу.

Вот тут он наконец и понял что такое бой! Грохот, оглушающий до одури, когда словно бы всё судно сжавшись резко взрогнуло, а шум был произведён такой, что новичка буквально подбросило и ударило о переборки. Звук стал ощущаться физически, как огромная каменная кладка в которую влетаешь головой со всего размаха. Хокинс одурел от страха и того, что его внутренности, как казалось сейчас самому Джиму — начали водить хоровод.

До порохового погреба подросток добрался уже почти что на четвереньках, его даже несколько

раз понемногу рвало: то ли от неописуемого грохота, слышимого им недавно, то ли от напряжения самого боя.

По пути обратно старшаки пару раз отвешивали ему пинки, но на что большее не решились, видимо сражение занимало всё их время и отвлекаться на полноценную месть новичку его уже не оставалось.

При возвращении Джима на нижние палубы, с очередной порцией пороха, подросток вынужден был сперва выдержать очередной орудийный залп вблизи от себя, когда грохот был ещё сильнее второго и тем более первого, услышаного им ещё в пороховом погребе «Саффолка» и всю нижнюю полутёмную палубу почти полностью заволокло дымом.

Потом Джиму пришлось отпрыгивать к переборкам от одной из пушек, что после своего выстрела внезапным отскоком чуть было не задавила его, когда он попытался сократить путь и пробежать ближе к её орудийной команде.

И в довершении, когда Джим всё ещё бежал к указанным ему орудиям для снабжения их порохом — раздался странный далёкий свист и почти тут же, словно кто резко разорвал ткань у самого его уха: необычный, непривычный уху Хокинса,

звук огромных «молотов-ядер», что сокрушили доски его собственного корабля и пробив обшивку и переборки, вторглись в нутро «Саффолка».

Тут же на Джима повалился какой то незнакомый моряк, с окровавленным лицом и отсутствующей левой рукой, которую прямо сейчас, при Джиме, ядром и оторвало.

Мальчик юнга, тот самый, которого Джим уже дважды избивал, глава старшаков кубрика «пороховых обезьян» — свалился грудой мяса, с мигающими глазами на сохранившейся в целости голове и буквально в секунды истекал кровью.

Видя этот фарш, ранее бывший его самым лютым ненавистников на судне, Джим было впал в ступор.

Однако пинок ближайшего бомбардира привёл его через секунду в чувства и он побежал далее, к своей цели.

Его неудачливого «коллегу» уже сбрасывали палками и баграми за борт, прямо через орудийный порт.

Артиллеристы кричали что следует скорее сбросить «мартышку», что бы не подскользнуться на его выпущенном дерьме и самим не угодить в лапы дьяволу.

Уже добегая до орудий указанных ему к снабжению, новичок наконец осознал почему палубы и переборки чаще всего красят на военном корабле в красный цвет или в зелёный: что бы обилие пролитой крови в бою не так сильно бросалось в глаза. Красные цвета повсюду позволяли немного пригасить первые шокирующие впечатления и обыденность их на подобном судне, не заставляла сердце слишком часто биться.

Когда убивали кого у тебя на глазах — это был шок, но он вскоре проходил, сменяясь новыми, более свежими впечатлениями. Нередко ещё более яркими…

Получив очередную угрозу от орудийных команд которым он принёс порох, юнга Джим Хокинс опрометью бросился в обратный путь, снова к пороховому погребу «Саффолка».

Кто то из моряков и бомбардиров молился, кто то молча, до крови кусал свои губы. Однако иные хохотали, как безумные или громко, шумно веселились, словно бы на некоем весёлом празднике, где сплошь удовольствия и награды.

Новичку вспомнились «бородачи», что грабили вместе с его отцом потерпевшие крушения суда и их рассказы о том, что в схватке, абордаже или пушечных пострелушках — у каждого свой

способ снять напряжение боя: смехом, криком, пританцовыванием на месте, слезой или молитвой, укусом себя за губы или руки, в общем каждый сам старается как удачнее приноровится к тому аду в котором сейчас поневоле или добровольно участвует.

После пары очередных орудийных залпов, когда Джим подпрыгивал на месте и ждал с ужасом «ответа» по их собственному кораблю, внезапно наступило тягостое молчание, ожидание чего то и ещё через мгновение, кто из офицеров уже орал: «Юнги, «мартышки» — на верхнюю палубу! Они сдались и готовы к нашему осмотру. Вперёд скоты малолетние, докажите что мы не зря вас тут кормим!»

Вскоре полтора десятка юнг уже стояли на верхней палубе «Саффолка» и наблюдали открывшуюся им здесь картину: одно голландское судно, слегка в дыму, уходило вглубь гавани порта, из которого видимо и пыталось прорваться. Второй корабль голландцев уже пошёл ко дну и сейчас была видна лишь его широкая корма, куча различного судового мусора вокруг корабля и несколько десятков людей, машущих руками и криками призывающих им помочь. Третий голандский корабль стоял рядом с «Саффолком»

и спустил свой флаг.

Сдавшееся голландское судно было втрое меньше, на глаз, корабля где сейчас находился Джим и видимо пострадало в средней степени, по сравнению с убежавшим назад в порт или затонувшим, своими «коллегами».

На шлюпках были отправлены несколько команд для обыска. Бомбардиры англичан перезаряжали пушки и офицеры «Саффолка» предупреждали противника, что если тот проявит подлость или попытается сбежать — будет уничтожен на месте залпом в упор, который так культивировали на своих кораблях многие английские адмиралы.

Вскоре Джим уже носился, вместе с остальными «пороховыми обеьянами», по сдавшемуся кораблю: всюду совал свой нос и с видом гордого победителя пинал или откровенно избивал, юнг сдавшегося «голландца».

Ничего особо ценного однако найдено так и не было: несколько сот тюков шерсти, в основном английской же. Холстина — забранная победителями себе. Ружья и порох команды — ставший также призом для англичан.

Перца или иных редкостных индийских пряностей голландцы не везли, как и японского

серебра, китайского шёлка с фарфором, турецкого или вест индийского кофе, или колониального какао и много чего прочего, что позволяло бы считать их захват и пленение ценным.

Капитан голландцев выписал расписку, на триста фунтов, капитану «Саффолка» — для получения в банке Лондона и на том сговорились не топить и не забирать в Бристоль, как пленников и приз, данное судно и всю его команду.

Вечером этого же дня, когда все обменивались в своих кубриках впечатлениями, а починочная команда всё ещё трудилась, перед тем как разрешить капитану «Сафолка» идти под полными парусами на ремонт в английские доки, Джим, лёжа в гамаке, наконец узнал о потерях среди юнг в этом, первом в его жизни, морском сражении: кроме убитого на его глазах лидера старшаков — погибли ещё двое, из младших юнг, десяти и одиннадцати лет. Пятеро получили ранения и сейчас они в корабельном лазарете, но Клоп, уже побывавший и там, сказал что вернутся лишь двое, трое слишком плохи, а лечить их никто не станет — дорого. Проще дать самим околеть вскорости.

Также выяснилось что пока Джим, как дурак, носился по голландскому судну, пара старшаков

смогли запереть в крохотной каюте своего ровесника, с захваченного корабля и угрожая ему отрезанием пальцев, заставила украсть для них кортик в дорогих ножнах, одного из голландских офицеров.

Сейчас данные старшаки переговаривались и смеялись, любуясь добычей и договаривались что им дальше делать, ибо оставлять у себя нельзя — тут же накажут за то что спрятали добычу, а продать, пока что они в море, некому.

Следовало или на что выменять, например на жратву в камбузе, где кок принимал постоянное участие в подобных меновых операциях с юнгами и моряками вообще, или дождаться пока зайдут в док на ремонт и уже там, как улучив момент и отпросившись на берег, его толкнуть кому то.

Решили не тянуть и как можно скорее предложить коку: жратву можно получить хоть сейчас, а вот возможность выйти на сушу ещё следовало заслужить.

Джим просто приходил в себя, после напряжённейшего дня и невесело размышлял, что каждая новая подобная встряска чревата как смертью, что казалось не таким уж и плохим вариантом, так и инвалидностью — выглядевшей просто наказанием божьим за грехи.

— Это мне за моряков, тех, что спаслись от бури и которых мы на берегу резали… — бубнел себе под нос Джим, совершенно не слушая Клопа, который стоя у гамака старшего друга, весело заливаясь счастливым смехом, рассказывал как отскакивал от ядер и что когда на него брызнули мозги канонира, которому разворотило череп, то он «вот нисколечки не испугался» и спокойно утеревшись побежал далее, нести единственный доверенный ему картуз пороха, для малой картечницы на самом носу.

Через час все юнги потихоньку успокоились и разговоры умолкли. Раздался храп или сопение, у кого как выходило в следствие возраста.

Все вымотались в потогонной беготне, в душных пропитанных дымом и гарью, палубах. Ноги гудели от бега и столкновений с пушками и деревом переборок. Руки — от переносимых грузов, а глаза слезились от дыма. Всем хотелось скорее отдохнуть и восстановиться, после сумбурного дня с боем и потерями, ему сопутствующими.

Утром, когда только случилась побудка, Джим подошёл к паре старшаков, что вчера разжились кортиком с дорогими ножнами на голландском призе и строго, глядя им в глаза, громко, что бы все в кубрике слышали, произнёс: «Долю — в

общую кассу. Уяснили!»

— Что? Чего это?! — Наше!

— Четверть, в общую! Иначе раздавлю! — и уже обратившись ко всем, Хокинс произнёс спокойно, но уверенно, как новый безусловный лидер мальчишек. — Будем собирать запасы жратвы, оружия и денег, на общие нужды. Я слыхивал от опытных моряков, что это помогает им продержаться в голодные времена или при болезнях, а не идти ко дну, сразу же, при малейших затруднениях!

Все мальчишки, кроме пары что стала обладательнецей ценной добычи, тут же на это согласились, даже иные из старшаков — и владельцам дорогого кортика с ножнами, с голландского судна, пришлось согласиться со всеми.

Клоп и ещё один юнга были отправлены свидетелями для обмена с коком, на камбуз, что бы быть уверенными что не обманут и все разошлись по своим дневным задачам.

За ночь починочная команда неплохо залатала судно и сейчас «Саффолк», почти на максимальном ходу шёл в сторону Британских островов, с целью стать в доки для ремонта.

Вернувшиеся с добычей в виде хлебцов, лука, репы и тому подобного, Клоп сотоварищи, рассказали что гуляют слухи на судне, что их

около месяца будут готовить к каким то «противоразбойничьим операциям в южных морях», Вест Индии или где, может у Африканского побережья, и придадут ещё полсотни десанта, на случай высадок в портах или захватов пиратских кораблей.

Бой и обсуждение будущего, занимали всё время после работ на судне, в кубрике юнг.

Глава четвёртая: «Пушкарь Ганс»

В Бристоле, куда вскоре зашёл на ремонт, после схватки с голландским кораблём, «Саффолк» — особо ничего нового для Джима Хокинса не случилось: юнг отправили на берег помогать при переноске досок и холстины для починки судна, потом пошли наряды на уборку и лишь через неделю, подобной, выматывающей и однообразной работы, провели очередное небольшое учение, на уже в меру заделанных, хотя и не до конца, нижних палубах судна.

Снова была одуряющая беготня под свисток офицеров, подзатыльники от бомбардиров и сбитые до крови колени и локти, у самих мальчишек.

Во время ужина, на девятый день стояния в Бристоле, наконец стало известно куда вскоре предстояло отправиться им всем: сперва бороться с северо африканскими, мусульманскими, берберийскими пиратами Алжира и Туниса, в совместном рейде с «лягушатниками» и испанцами, потом, по приказу из адмиралтейства — переход в Вест-Индию и полноценное участие

в систематической борьбе с тамошними разбойниками на морях.

Было решено усилить команду «Саффолка» полусотей абордажников солдат и довести численность юнг до сорока пяти.

По слухам, которые постоянно приносил в кубрик «пороховых обезьян» Клоп — офицеры говорили что в возможных схватках с опаснейшими бандитами, из числа берберийских пиратов Средиземноморья и на Карибах, потери среди личного состава корабля могут быть очень существенными и если взрослых матросов можно будет впоследствии пополнить из числа пленников, самих пиратов из англичан, то юнг — лучше «запасти впрок», так как местные, из мальчишек Вест-Индии, сплошь мулаты или ещё кто похуже, и таким не место в боевых командах на английском королевском корабле!

Хокинс немного начинал нервничать. Он завоевал почти что непререкаемый авторитет среди юнг, даже у старшаков и приход новичков, да ещё в таком количестве, позволял ему начать беспокоиться о новых драках за место в кубрике и доказательстве новеньким своего лидерства.

Джим заранее запасся нехитрым вооружением, состоящим из заточек и тому подобной дряни, и

выменял на берегу небольшой кинжал, за пару украденных им досок и средний кусок холста.

Подросток даже раздумывал что бы сбежать, с той огороженной охраняемой территории где сейчас чинили «Саффолк» и вернуться домой, в «Адмирал Бенбоу».

Но поразмыслив, решил что возникнет слишком много опасностей, а при возвращении в таверну «Адмирал Бенбоу» — папенька его верно снова кому продаст и без гарантий что на лучшую, чем сейчас, службу.

В данный момент он был лидером ватаги «пороховых обезьян» и чувствовал себя вполне неплохо.

Ужас, от первого полноценного морского сражения, уже отступил и спокойствие мирной жизни, в ставшим привычным коллективе, на немного знакомом «Саффолке», при ярком солнце и прочих приятных вещах последней декады августа — заставляли Хокинса более спокойно, не без уверенности в будущем, смотреть на своё нынешнее положение. Опасение вызывали лишь непонятные новички…

Во время подготовки к отплытию в Ла-Корунью, где англичане должны были встретиться со своими союзниками и все вместе начать патру-

лирование южного Средиземноморья, вплоть до Мальты, от которой, после пополнения провизии и пороха «Саффолк» отправлялся в Вест Индию, на борьбу с тамошним пиратством — и случились те неприятности, которых, по искреннему убеждению Джима, он уже смог избежать и совершенно не опасался подобных инцидентов.

Во время очередного обучения судовой команды манёврам в бою, один из артиллеристов нижних палуб: длинный, тощий, сухопарый Ганс-бранденбуржец, бывший на британской службе — внезапно начал проявлять к Джиму Хокинсу странный интерес и даже прищёлкивать языком, когда тот пробегал мимо него.

Пару раз Ганс пытался зажать подростка где в тёмном углу нижних палуб, но Хокинс уворачивался или оббегал его, стараясь разогнаться как можно сильнее для возможного удара плечом и нырка куда прочь, подальше в проход, получая шанс сбежать.

Через неделю подобной странной игры, когда «старшаки» среди юнг даже начали поговаривать: что если поганец, немец Ганс, «обработает» нового лидера кубрика — его вполне можно будет свергать и возвращаться к порядкам что были ранее, случился новый инцидент: Ганс, видимо

слегка перепивший где им добытым виски — снова попытался схватить руками Джима за штаны и когда ему это удалось, рывком подтянул подростка к себе и было решил тут же изнасиловать свою жертву, под странноватый гогот остальной матросни и канониров, бывших тут же с ним, по каким своим надобностям.

Для взрослых людей это было бесплатным развлечением, в их откровенно скучной и однообразной жизни на судне, в преддверии нового похода в южные моря.

Для старшаков «пороховых обезьян» — шанс увидеть публичное унижение нового лидера, так явно ненавидимого ими и возможность его свалить, с помощью извращенца-насильника бранденбуржца.

Для самого Хокинса, случился очередной, подряд, локальный конец света: как тогда, когда его собственный отец неожиданно продал его юнгой на «Саффолк» или в недавнем морском сражении, при первом залпе всех орудий в его присутствии с пушкой рядом, когда Джиму показалось что собственные внутренние органы начали дикую пляску внутри его тела.

Пьяный Ганс уже было смог повалить Джима на доски нижней палубы, но потерял опору и сам

сверзился, став почти что на колени прямо перед своей жертвой.

Данного отличного шанса подростку хватило и он, резко нанеся двойной удар обоими кулаками, по затылку стоявшего перед ним на коленях немца, добавил ещё и пяткой в лицо, когда Ганс отпустил его одежду и стукнувшись лбом о палубу после кулачной «двойки», с удивлённо-шокированным выражением лица прислонился к переборке.

Было очевидным что насильник, совершенно уверовавший в свою скорую победу, сейчас попросту не ожидал подобного развития событий: что почти на две головы его более низкий мальчишка, так здорово и быстро сможет ответить жёсткими резкими ударами и освободиться от захвата.

В тот день дальнейшего продолжения не последовало, так как пришёл офицер и найдя Ганса всё ещё лежавшего на палубе, к тому же пьяным и что то бормочущим — схватил того за рубаху и вытащил на верхнюю палубу, для наказания.

Неделю немец и Джим друг друга не видели: Джима гоняли по хозяйственным работам, а Ганс сидел в крохотном помещении «шкафу», заменявшим корабельный карцер.

Однако при выходе сидельца из своего места пребывания, вскоре всё началось по новой: Ганс дважды пытался подставить подножку пробегающему мимо него мальчишке и один раз ему этот приём удался, но последующая атака, вновь проведённая немцем в состоянии опьянения, привела к удару двумя ногами ему в грудь, со стороны сваленного на пол Джима и дальнейших насмешек от товарищей насильника, по орудийной прислуге.

На верхней палубе, через сутки после последнего инцидента, уже вечером — Ганс попытался было пырнуть Джима в руку коротким широким ножом.

Но разрез оказался неглубоким и вскоре рана зажила заметным шрамом, давшим повод хозяину его, хвастать.

В ответ на подлый удар ножом, Хокинс подстерёг следующим вечером Ганса, когда тот с какими то свёртками начал спускаться по трапу и со всей силы швахнул по голове оловянным котелком, добытым для общих нужд кубрика юнг, Клопом.

Замах для удара был сделан двумя руками и сам котелок оказался в довольно толстостенным.

Бранденбуржец тут же с грохотом и немецкими ругательствами свалился по ступенькам вниз и

его поднимали на ноги пятеро матросов. Жертве мести юнги набили приличную шишку, рассекли кожу на голову и при падении он немного расшибся локтями и коленями.

Кто это мог быть догадались почти сразу же. Но офицеры лишь смеялись, говоря что с юнгами — матросы сами должны уметь обращаться и наказывать их, и не офицеров это дело, гоняться за шаловливой «пороховой обезьянкой».

Через сутки, кроха Клоп сообщил, что слышал как друзья Ганса говорили что тот совершенно сошёл с ума от невнимания к нему со стороны Джима и ревности, помноженной на обиду и последний случай, с предательским ударом котелком по затылку полностью вывел его из себя и теперь Ганс точно постарается прикончить, нахальную «мартышку», при первом же представившемся случае.

Ещё несколько раз сталкивались Джим и Ганс на нижних уровнях «Саффолка», но Хокинс был настороже, а немец, видимо решив пока выждать и что то задумав — особо на него уже не бросался, скорее лишь обозначал словами или жестами свою жгучую ненависть.

Вскоре был получен приказ и корабль снялся с якоря и отправился в Ла-Корунью, что бы

присоединится к ещё паре французских и четырём испанским судам, и вместе патрулировать южное Средиземноморье в течении месяца, а далее — отправиться из Мальты в Вест-Индию, на помощь в противопиратской акции, местной флотилии британских судов, как королевских так и компанейских.

В порту Ла-Коруньи случился небольшой праздник: юнг заставили таскать с шлюпок на корабль привезённые припасы и разносить их на камбуз или небольшие каморки, и тогда Клоп, сам Джим и ещё парочка юнг, из старшаков — смогли стащить три связки душистых бананов, полтора десятка яблок, огромные тропические орехи, с молоком внутри, что то красное и кислое, и вечером, в кубрике где квартировали дети, был настоящий пир.

Юнги хохотали, вспоминая свою ловкость при проносе продуктов и рассказывали наперебой кто и как смог унести что вкусное, как себе, так и остальной кампании.

— Тут это… — внезапно проговорил один из «старшаков», обращаясь к беззаботно смеющемуся, от обилия вкусных, малознакомых ему ранее фруктов, Джиму. — Мы, когда сегодня разносили жратву по каморкам внизу, слышали как канони-

ры советовали Гансу с тобой разобраться не сейчас, в походе, так как будет внутрикорабельное какое то там следствие и прочие неприятности, а как обычно, всегда в таких случаях поступали — во время боя. Как только схватимся с пиратами и мы станем бегать, относить порох для пушкарей — вот тогда тебя и пырнуть чем острым или ещё какую гадость сотворить… Кто там, в том чаду и бардаке, станет разбираться как именно юнгу в бою ухайдокали? В общем, думай сам…

Через пять дней после праздника с фруктами и экзотической едой, случился и первый бой с пиратами тех вод.

Внезапная атака быстроходных галер и галеасов, хлопки малокалиберных пушек, крики «Алла» и попытки взять европейскую флотилию на абордаж.

Всё было странно и, по мнению Джима, несколько глупо: залпы с судов антипиратской коалиции привели эскадру галер в панику и та, потеряв два своих корабля, тут же немедленно удалилась прочь.

Преследование особо не удалось из-за противного европейским парусникам ветра и наличия вёсельного движителя у противника, что помогло проигравшим корсарам Берберики, вскоре после

своей внезапной и неудачной вечерней атаки, скрыться в полутьме быстро наступающей ночи.

Для самого Джима этот бой запомнился новым раненим: когда он по приказу нёсся с сумкой с пакетами пороха в ней, что бы передать взрывоопасный порошок ему указанным номерам орудий, на нижней палубе — Ганс, внезапно оказавшийся прямо возле него, как только подросток скатился опрометью с трапа и побежал далее, нанёс короткий, подлый удар палкой с железным крючком в левую ногу Хокинса и тут же, как жест добивания, попытался провести новую атаку своим оружием, нацеленную в голову мальчишке.

От удара в лицо Джим защитился взмахами рук и благодаря задымлённости и некоей атмосфере отрешённости и заведённости, что охватывала пушкарей после их первейшего же залпа. Канониры возле Ганса его толкнули и он не смог исполнить свой удар как планировал.

Бранденбуржцу удалось быстро свалить подростка на палубу, но он замешкался с повторной атакой и та не достигла цели полной мерой: Джима ранило, но не так сильно что бы он не смог сбежать.

Хромающий юнга отнёс выданный ему порох и предупредил «своих» бомбардиров, что Ганс ему

мешает выполнять свои обязанности и если он опоздает, а то и вовсе не сможет донести заряд к пушкам… — Джим указал на свою окровавленную левую штанину и показал короткий рваный шрам на левой скуле.

— Не ной! — проорал ему старший бомбардир орудия и пинком прогнал прочь, за новой порцией пороха.

Однако что то прокричал и находящемуся невдалеке Гансу, погрозив ему увесистым кулачищей и гарантировав, что тот станет звездой в итальянской опере, после того как немцу оторвут что лишнее, как некий, совершенно неизвестный Джиму, редкоголосый певец.

В дальнейшем, при скором отступлении галер берберийских пиратов и коротком их преследовании — Ганс уже не приставал к Джиму и не пытался внове его искалечить.

Однако ночью, лёжа в гамаке, сам подросток понимал что ожидание новой подлости уже не за горами и в следующий раз немец будет изобретательнее и возможно, более удачлив.

Левая нога Джима ужасно болела, лицо кровоточило и подросток, ворочаясь в своём гамаке, постоянно мысленно решал как ему избавиться от столь, ставшего неконтролируемым уже ни-

кем, врага. Карцер его не успокоил, калечить юнгу он точно готов и видимо не только калечить…

Утром, Джим осознал что пора ему действовать самому, на опережение, как было когда он только попал на судно и заставил старшаков, в первую же свою ночёвку на «Саффолке», себя уважать.

Особо вариантов не было и он стал ждать нового ближайшего боя, что бы там расквитаться со своим, столь странным, обидчиком.

Уже через сутки предоставилась возможность подростку привести план в действие: флотилия подошла к небольшой прибрежной крепостицы из кирпича, что выстроили римляне или сами берберы, кто разберёт, и что охраняла небольшую гавань — где находилось с полтора десятка галер и шебекк местных торговцев и пиратов.

Офицеры скомандовали атаку и вскоре все европейские суда начали планомерный обстрел с безопасного расстояния, почти что совершенно не готового к подобному обороту событий, берегового укрепления и галер в гавани, чьи команды прятались сейчас где то на берегу, в хижинах поселения.

Вновь оглушающий грохот сотрясал корабль, вновь Джим мчался в пороховой погреб, получал там кожаную сумку с четырьмя шёлковыми

пакетами и бежал вниз, на указанные ему при учениях номера орудий.

Первые две пробежки были в основном безопасны, так как Ганс лишь нехотя лягался, но иных действий не предпринимал.

Однако потом, видимо видя что сражения как такового не случается и происходит лишь планомерный расстрел новыми, более мощными, европейскими орудиями пиратской крепости на берегу, у которой на вооружении не было достаточно дальнобойных орудий что бы внятно отвечать напавшим на неё кораблям, часть канониров «Саффолка» откровенно заскучала и относилась к происходящему не столько как к сражению, скорее увеселительному турниру, кто как красивее и разрушительнее «распишется» на развалинах крепостьицы.

Активизировались и потуги немца устроить что новое Джиму. Он попытался опять достать подростка палкой с крюком на конце.

Когда это не получилось — начал кидать в Джима тяжёлые дубовые бруски, бывшие при бомбардирах для упоров, на случай люфта их орудий.

Несколько деревяшек пребольно ударили Хокинса по голове и один раз он чуть было не

растянулся на палубе, под одобрительный гогот стоявшей тут же орудийной прислуги.

Когда Джим бежал в десятый или одиннадцатый раз, со своим грузом на нижние артиллерийские палубы, внезапно он услышал странный одиночный свист и тут же, словно кто слегка чуток толкнул «Саффолк» в левый борт, но не сильно, а так, игриво и по дружески пихнул локтем.

На нижнем уровне стоял бардак: зияла небольшая рваная брешь в борту, носились в воздухе деревянные стружки и пыль вперемежку с дымом.

Семь бомбардиров, возле пушек к которым был приписан и так ненавидимый подростком бранденбуржец — валялись раненными на палубе или хрипели, отплёвываясь кровью и держась руками, у кого они были целы, за переборки.

Сам Ганс, к удивлению и негодованию Хокинса, стоял почти что невредимый и лишь непонимающе озирался пытаясь разобраться: почему его любимая пушка стоит вывернутая кем боком, а кореша, из орудийной команды, развалились, измызганные собственной кровью, на полу нижней палубы.

Видимо у немца был шок от удара или контузия

от громкого взрыва возле него, но в остальном он почти не пострадал.

Джим не стал терять времени, видя что пока все заняты перезарядкой своих пушек и особо не обращают внимание на пострадавших канониров, решив видимо ими заняться чуть позже, после очередного залпа по крепости что наконец то неожиданно огрызнулась — подросток в мгновение, прыжком пантеры подскочил к своему мучителю и схватив того за длинные, но очень грязные, спутавшиеся и редкие, сальные волосы — начал бить, со всех своих подростковых сил, головой Ганса о то орудие которое немец и обслуживал.

Пяти чётких ударов с замахом вполне хватило, что бы голова жертвы лютой ненависти юнги Хокинса превратилась в подобие фарша, с осколками черепа и поджарый, словно палка, бранденбуржец — свалился на палубу, в кампанию к остальным своим умирающим товарищам.

Джим бил с остервенением и ненавистью, вкладываясь полностью в каждый замах и толчок лбом Ганса о бронзу ствола пушки.

Буквально через мгновение после того как тело немца свалилось на палубу, уже набежали бомбардиры.

Однако они не стали ни о чём спрашивать юнгу, а лишь деловито обчистив карманы, валявшихся тяжелораненными сотоварищей по нижней артиллерийской корабельной палубе, шустро начали выбрасывать их тела, даже тех кто был ещё жив и пытался что то невнятно говорит — через артиллерийский порт сбитого вывороченного орудия, прямо в море.

— Чего ждать? Кто их лечить будет? — спокойно говорил один из главных распорядителей подобной «уборки» на судне, толстый усач, на полголовы бывший ниже Джима. — Скорее скинем доходяг и жмуров — и нам не так опасно, с их свороченной «дурой», будет: прикрутим и закрепим её, да и наши «пороховые обезьянки», ноги себе не переломают, на кишках валяющихся на палубе людей… И да! Гарри! Смой всё это дерьмо водой из ведра и насыпь немного песка, только на чистую доску палубы! Понял меня?

Хокинса никто ни в чём не обвинял и не ругал. Он спокойно пробежал далее, словно бы ничего и не произошло, привычно отнёс порох «своим» орудийным расчётам. Получив стандартный нагоняй и подзатыльник за опоздание.

— Что случилось? — спросил он уже убегая за новой порцией пороха.

— Галера! — крикнул кто сзади. — Одна! Ни с того ни с сего выскочила и давай к нам, а у них на носу какая пушка была, может даже и весьма огого калибра! В общем они один лишь выстрел и сделали, когда их лягушатники, с левого нашего борта, в решето превратили. Мы видели как берберы сигали в воду, но не много, человек двадцать. А на галерах их под полторы-две сотни обычно ошивается.

Бой вскоре окончился и часть десанта бывшего на кораблях, на спущенных на воду шлюпках и барках, отплыла для осмотра почти полностью развороченной крепости и галер, что ещё догорали в гавани, при разрушенном строении. Юнг на осмотр не брали.

На ночном обсуждении в своём кубрике, все юнги тарахтели о том как удачно Ганс закончил свою жизнь.

— Так вовремя! — восхищался маленький Клоп. — Ты, Джим — фартовый! То Грея убило в бою, когда он с тобой начал спорить за лидерство. Сейчас Ганса, не успел он начать «войнушку» против тебя! Невероятно! Удача к тебе благосклонна, а это многое на море значит!

Остальные мальчишки в страхе воззрились на Джима, даже старшаки, а сам Хокинс лишь

важно надул щёки и кивал головой.

Он то знал что и Ганс был фартовым, и почти что выжил при выстреле пиратской галеры, но… Но от судьбы не уйдёшь!

Юнги прогомонили пол ночи о том, как моряки самых младших из них, или самых слабых — делают своими «душечками», и как офицеры, что сами этим пробавляются, закрывают глаза на подобные насилия или дарят понравившегося юнгу кому из знати, за вознаграюдения, если тот укажет им пальцем.

— Баб нету! Вот они и… — попытался было объяснить ситуацию один из старшаков, что недавно захватил на голландском призе кортик с дорогими ножнами, но Джим, видя как становится плаксивым лицо Клопа, решил прекратить данную тему и все начали обсуждать будущую экспедицию в Вест-Индию и то, будут ли они искать пиратские схроны закопанные на берегу или пошлют кого другого, не юнг, на их поиски.

— Остров полный сокровищ… - мечтательно бормотал Джим, уже засыпая.

Глава пятая: «Борец с пиратами»

После схватки с небольшой крепостицей берберийских пиратов, случился и новый конфликт с этими, почти что неуловимыми в своих «кинжальных», ночных, быстрых атаках на вёсельных судах, средиземноморскими разбойниками: в полуночной прохладе, дней через шесть после обстрела, точнее расстрела европейскими военными судами прибрежного укрепления пиратов — опять появились, словно бы из ниоткуда, на большой скорости, галеры и галеасы берберов, и начали издали палить по флотилии европейцев из своих носовых орудий. По слухам, распространяемым на «Саффолке», самых мощных из бывших в наличии на подобных судах.

Тут же раздался сигнал тревоги и на «Саффолке» заиграла тревогу труба, стали слышны боцманские и офицерские свистки, прозвучали команды готовиться к отражению абордажа, чем всегда славились данные морские разбойники и дать по ним залп из бортовых орудий — что бы хоть чуток прорядить колонну вражеских галер.

Юнг, пинками и криками, подняли вместе со

всеми матросами с гамаков, где они отдыхали — обещанного ранее пополнения подростков так до сих пор и не прибыло.

Джим неоднократно слышал от знакомых матросов, что скорее всего уже по прибытии на Мальту найдут кого им в подмогу. В самой Англии что то не срослось и решено было выдвигаться в Средиземное море прежним составом «пороховых обезьян», а уже после акции подавления тамошних морских разбойников — искать пополнение всей команде: как после потерь в бою с голландским разбойником, так и возможных смертей в будущих сражениях с берберскими пиратами — всю убыль в людях постараются разом пополнить на острове, перед большим переходом на Карибы.

В ночной душной темноте, на нижних палубах судна, при тусклом свете корабельных, висящих на крючьях или носимых в руках, фонарей — было почти что ничего не видно и толкотня на трапах случилась неимоверная.

Бомбардиры в злобе пинали матросов. Те, в свою очередь, отталкивали к переборкам юнг, а сами юнги — коротко дрались между собой, что бы не быть задавленными до смерти или инвалидности, старшими.

При первой же пробежке с полной пороха сумкой с зарядами для орудий и случилась с Хокинсом беда, которой он надеялся избегать как можно дольше: какое шустрое пиратское судно пробилось почти что к самому борту британского «Саффолка» и выстрелило единственный раз своим в меру мощным носовым орудием, почти что в упор.

Ядро пробило обшивку корабля в полутора метрах от Джима, однако осколки досок и несколько болтов, крепящих ближайшее орудие — брызгами отлетели вслед ядру, что понеслось далее внутрь «Саффолка», пробивая переборки и калеча встречающихся ему на пути людей и впились, довольно глубоко, в самого подростка.

У Джима оказались повреждёнными, всё с левой стороны: скула — её задели щепы досок, рука — которой досталось стальными орудийными болтами и она была повреждена сильнее всего, и левый бок, в трёх дюймах ниже сердца. Рубаха на боку начала медленно, но постоянно, намокать кровью юнги.

Кое-как добежав до «своих» бомбардиров, Хокинс объяснил им что он еле передвигается и вот вот свалится без сознания и после краткого осмотра с руганью, самими канонирами, его

отправили к судовому врачу, на краткое лечение «царапин» и немедленное возвращение в бой: так как бомбардиры считали что юнга всего лишь «слегка захворал» и вскоре может продолжить свою привычную работу.

Пока Джим добрался до судового врача, пока занятый ранениями матросов и солдат помощник того, соблаговолил наконец осмотреть его — внезапный ночной налёт берберийской флотилии прекратился, неожиданно как и был начат, и все на корабле стали готовиться ко второму за сегодняшние сутки, отбою.

Подростку наскоро кое-как зашили руку. Приложили какую тряпицу с вонючей жидкостью, к кровоточащему боку и как зря, толстыми щипцами, вытянули занозы из лица.

Далее помощник корабельного лекаря, по доброму, посоветовал ему идти куда к чертям и не отвлекать их по пустякам, и Хокинс предпочёл немедленно последовать этому совету. Его подташнивало и в ногах появилась дрожь, и прежде незнакомая слабость.

Через неделю, когда флотилия наконец прибыла на остров Мальта и встала в порту, оказалось что зашитая рана на руке всё сильнее ноет и из неё постоянно идёт гной.

Юнги спорили о причинах подобного: попадание осколков дерева в руку или металл болтов оказался причиной этому, но Джиму становилось с каждым днём всё хуже.

Часть юнг говорили что после всех операций лекарей выходит «дурная кровь и миазмы» — тот самый гной и это нормально и не стоит беспокоиться. Раз рана гноится — значит заживает!

Попытка обратится вновь, к зашивавшему его помощнику лекаря — закончилась пинком под зад и очередной угрозой, и всерьёз Джим стал побаиваться что вскоре станет инвалидом: тогда старшаки, из кубрика «пороховых обезьян», а также кто из моряков, друзей Ганса, если таковые оставались на корабле — могут с ним запросто расправиться. Или его, такого ненужного на судне и беспомощного — просто оставят на незнакомом берегу побираться.

В лечении неожиданно помог юркий малыш Клоп: он, будучи на приёме, по случаю визита английских дипломатов на суда его Величества, был за слугу и ему, когда старички офицеры прилично перепились, позволяли, как совершенному ребёнку, задавать вопросы им, что так умиляли и смешили данных почтенных джентельменов.

Мальчик, с невинным видом любопытствую-

щего дитяти, спросил как на флоте правильно лечить гнойную рану после пули или прочего железа и после советов: оттяпать руку или ногу полностью, прижечь раскалённым железом или кипящим маслом — ему посоветовали найти многоградусную греческую спиртную настойку и регулярно делать из неё компресс, на повреждённое место. Должно помочь, если конечно уже совершенно не поздно…

Сразу же после этого совета офицеры стали хохотать и попрекать говорившего, что лучше было бы выпить, подобный «нектар олимпийских богов» самим, а не тратить на растирки и все присутствующие, в честь данного тезиса, опрокинули ещё по нескольку бокалов с тосканскими и кампанскими, винами.

Далее господа офицеры разбрелись кто куда по своим делам: кто потащил заваливать, вызванных местных «кудесниц любви», на клависин, что бы им там «задать трёпку». Иные блевали по углам каюты где проходило застолье, а трое спокойно беседовали, каждый о своём и постоянно кивая в знак согласия с высказываниями остальной пары, говорившей с ним одновременно.

Клоп тут же сообщил Джиму о возможном варианте лечения его, нарывавшей с каждым днём

всё сильнее, левой руки и уже через пару дней, в обмен на несколько безделушек из общака юнг, моряки «Саффолка» принесли с берега небольшую бутыль с мутноватой белёсой жидкостью, названной ими замысловато — «рака» препека! Сказали что это самое «горячий» из напитков, что они смогли достать и получив от юнг вторую долю, условленной за это доброе дело, награды, удалились.

Так как никто из юнг не решался снова бросить вызов нынешнему лидерству Джима, то было решено что он будет смазывать тряпицей, вымоченной в настойке, свою рану и никто не посмеет пить из бутыли, как бы этого не хотелось всем мальчишкам.

После начала первой лечебной процедуры у Джима чуть было глаза не полезли на лоб: ему словно бы прижгли раскалённым железом рану и он, отбросив Клопа, что был при нём за денщика, вскочил с воем со своего гамака.

Было решено пока что отложить дальнейшее лечение и посмотреть что будет далее, после первой натирки гнойной язвы на руке.

Сутки прошли нормально и Хокинс утром отметил что нарыв, на его раненной конечности, даже как будто слегка уменьшился, впрочем незна-

чительно. Гной перестал постоянно сочиться из ранок, более того, впервые он зарос постоянной твёрдой коркой.

Следующие две недели Клоп постоянно накладывал на ночь Джиму компрессы на руку, но уже лишь слегка смачивал тряпицы составом, берёг странный напиток, что местные вливали себе внутрь.

Остальные юнги в кубрике переговаривались, что было бы неплохо приобрести каким способом ещё несколько подобных «пузырей» и хранить в общаке, на случай ранений прочих «пороховых обезьян», в новых схватках с пиратами.

Клоп клялся всеми обещаниями, что уже немало знал несмотря на свои детские годы, что если останется жив — обязательно пойдёт на обучение лекарскому делу и вернётся на корабль большим и уважаемым человеком, которому моряки будут давать какие призы, за своё лечение и он на пенсию уйдёт вполне обеспеченным джентельменом.

— Это если у пиратов будешь коновалом! — усмехнулся Хокинс и добродушно потрепал Клопа по голове, с обилием уже проявившихся седых полянок. — У наших морячков с деньгами не очень, а налёты на торгашей мы почти не про-

водим. Тот, с голландцем — скорее случайность!

Мальчишки тут же принялись все вместе мечтать о том, как бы было здорово сбежать на Ямайке на какое пиратское судно, и вместе с пиратами ходить в походы: грабить богатых негоциантов и обыскивать их пузатые корабли, в поисках незамеченной взрослыми разбойниками, добычи.

— Или пускай наши моряки бунт тут подымут, на «Саффолке», — вмешался вновь Клоп в разговор. — Как Эвери! Он ведь один из самых успешных пиратских капитанов был, вон, как «хлопнул» удачно судно Великого Могола! Говорят всем его людям, по тыще фунтов досталось, с того рейда — не считая каменьев и прочего… Инглэнд опять же.

— Кидд! — передразнил кроху Джим. — прекращай! А то кто из офицеров услышит и решит что мы рехнулись от употребления местных горячительных напитков и задумали неслыханное: бунт юнг и попытку захвата одними ими — боевого королевского линейного корабля! За такое перевешают всех, за одни лишь разговоры. Или вдуют плетьми или розгами — до лохмотьев кожи на спине…

— А всё же было бы здорово… — не унимался

Клоп. — Перевешать к чертям, этих проклятых скотов, взрослых — потом самим захватывать на «Саффолке» корабли индийцев или китайцев, да даже и нашей или голландской, Ост-индской компаний. Говорят у них, всех четверых, что ни корабль — то сплошь дорогущие специи, шелка, серебро, фарфор, драгоценные камни, монеты и многое подобного! У нас ведь одних пушек — штук семьдесят или около того! Какой торговец выдержит?! Пару рейдов и всё, по домам…

Мальчишки внове с жаром принялись расписывать все прелести подобной «вольной жизни»: как смогут делать что хотят и не слушаться приказов, жить полными хозяевами на судне, жрать и пить — от пуза! А в случае успеха с торговцами, вскоре купить себе новые документы на родине и спокойно встретить старость, подальше от этого проклятущего флота.

— Мы не умеем управлять судном! — наставительно напомнил Джим, когда юнги, в мальчишеском азарте споров, словно пьяные, чуть не рвали на себе одежды, доказывая что нужно что то обязательно сделать подобное, как только прибудут на Ямайку. — Не знаем как обращаться с пушками, а по их немалому весу, пока что и тянуть, после выстрела, в «обратку» — нам не

по силам. Сколько бандажей выдают морякам и канонирам, за сорванные спины, ежегодно? — тысячи! Догнать торговца: нужны люди на паруса, обстрелять и запугать — канониры. Знать следует, где именно прятаться от флотилий, вроде нашей, что как раз за пиратами и отправляется в поход — ведь тамошние места для нас новые, не изведанные. Если, по слухам, индийцы и китайцы слабы и медлительны, и почти не умеют стрелять из орудий, то Ост Индийские компании, наоборот: обладают если и поганенькими моряками и офицерами, которых погнали прочь из королевского флота своих стран, но всё же как самые богатые компании своих держав имеют — собственные многокорабельные флотилии, а то и небольшие сухопутные армии, и связываться с ними как то совершенно не хочется, ибо некуда будет уйти с награбленным!

— Мадагаскар, Маврикий, Нассау! — неслось Джиму со всех сторон. Но он лишь ухмыльнулся и помахал раненной рукой, словно бы удивляясь наивности своих товарищей по кубрику.

Вскоре все юнги успокоились и принялись готовиться ко сну, и лишь Клоп недовольно бухтел в своём уголке, устраиваясь на новенькой циновке что подарил ему Джим, ибо пришла его очередь

спать на полу: «Всё равно — на воле лучше! Сами себе господа, Джентельмены Удачи, почти как Джентельмены Прирождённые… и денежки, тоже. Как такая жизнь годами в прислуге у матросни, так лучше месяц в славе и роскоши — вот моё мнение!»

Хокинс вынужден был признать что он согласен со своим младшим товарищем и пожалуй, если бы был хоть один процент возможным, и сам рискнул — попытался захватить «Саффолк», пускай даже и смешной ватагой «пороховых мартышек».

Ночью подростку снились странные пираты: одноногие на костыле или однорукие, с крюком вместо руки.

Они указывали ему на горизонт и кричали: «Адмирал Хокинс — веди нас в бой с индийскими мандаринами и китайскими апельсинами! Разграбим их «корабли-дворцы» и захватим миллионы цехинов, для гульбищ в кабаках Бристоля!» Мальчик злился и указывал что они его путают, но потом махнул рукой и отправился с новыми подчинёнными куда то вдаль…

За последующие десять дней стоянки на Мальте, рана Джима потихоньку стала затягиваться и вскоре он сам, при помощи тонкого сапожного

шила — смог слегка пробить корку гноя на ней и выдавливая понемногу, почти полностью убрать нарыв с руки.

Ещё через три дня рана уже почти что совершенно не болела и подросток уверился в правильности того лечении что Клоп узнал от офицеров, на небольшой вечеринке на борту судна, по прибытии эскадры на остров.

В тот день когда Хокинс окончательно удостоверился в силе раки и решился ею как следует запастись, а для этого было сгворено, с остальными юнгами, немного обнести кого из пьяных моряков, которые в подобном состоянии регулярно доставлялись шлюпками на борт «Саффолка»: как английских, так и греческих или неаполианских, которых, с негласного разрешения местных властей — было разрешено набирать подобным образом в экипажи судов британской военной эскадры.

Нередко именно юнги тащили, по указке офицера, новоприбывших невменяемых мужчин в кубрики и трюмы, и по пути могли легко обчистить карманы или взять какую одежду, в полутьме корабельных проходов и трапа.

Так вот, в тот день когда было решено вновь пополнить запасы «огненной воды эллинов», пе-

ред обещанием скорого отплытия в Вест Индию — и прибыла партия мальчишек с берега: все загорелые и щуплые, даже более заморыши чем те что были юнгами ранее. И их, всей оравой в два десятка душ — кинули сразу же в кубрик к нынешним юнгам корабля.

Тут же случилась и потасовка: один из старшаков отвесил наступившему ему на ногу новичку «островитянину» подзатыльник и тот немедля ответил боданием обидчика в голову. Новенькие достали какие то осколки лезвий из карманов и принялись ими размахивать, постоянно тараторя и визжа, словно бы умалишённые.

— Черти! Режьте чертей!!! — орал кроха Клоп и прятался в укромном углу кубрика, считая что сейчас что то и начнётся.

Джим первым сориентировался среди «старых» юнг и сорвав свой гамак кинул его в сторону галдящей оравы пришлых мальчишек, теснившейся компактно возле двери помещения кубрика.

Пока новички истерично сбрасывали с себя полотнину, Хокинс двумя ногами прыгнул в первого стоящего к нему «пришлого» и сбил того с ног. Свалившийся потянул на пол ещё пяток новичков.

Теперь, когда в отряде «пришлых» образовал-

ся условный «коридор», уже старшаки и кто из группы самого Джима, перешли к атаке и начали, предварительно что метнув во врагов, атаковать их ударами рук и ног.

Схватка продлилась не более трёх минут: юнг южан избили и пинками отбросили к переборкам. Потом Джим, показывая на увесистый нож в своей руке, и указывая знаками на такие же, в руках кое кого из старшаков за его спиной — стал спрашивать кто из новеньких понимает по английски.

К его изумлению неожиданно выяснилось, что почти все прибывшие худо-бедно но говорили на языке его родины: большая часть из новых юнг были беспризорниками из порта — детьми рыбаков или безвестных моряков флотов, заходивших в порт и частенько подрабатывали доставкой рыбы английским морякам и торговцам, и обеспечением «досуга», в том числе и со своими матерями или сёстрами, сошедшей на берег корабельной братии.

Кого из них, как и самого Хокинса, продали родители — желая избавиться от лишнего рта в нищей семье и немного подзаработать. Кто сам согласился, считая что на английском судне ему будет хоть чуток сытнее, чем вечная жизнь

впроголодь в порту.

Многие из новеньких уже были знакомы ранее и решили совместно противостоять атакам будь кого на корабле, что бы закрепиться в коллективе на привилегированном положении.

Джим предложил «договор»: новенькие соблюдают неписанные правила кубрика юнг, за это их не бьют и не пытаются унизить. Просто молчаливо принимают в коллектив «пороховых обезьян» судна.

Он объяснил что беспредела никто допускать не намерен, но наказания за нарушения — будут.

Сообщил что есть общая касса всех юнг и в неё, кроме монеток медных или еды, собирают также тряпки и фляги, на случай ранения какого бедолаги юнги, так как судовой врач особо с ними заниматься лечением не станет — проще и дешевле новых пацанят набрать на берегу.

Рассказал Хокинс также и о приставаниях моряков к юнгам, и посоветовал как с этим бороться.

Объяснил как новички должны будут красть еду с судового камбуза и делиться ею со всеми, как обыскивать «призовые» суда и тоже, часть найденной добычи, отдавать в общак «пороховых обезьян».

Худо-бедно но договориться в конце концов

удалось и ночь, группировки, старая и новая, встретили в относительном перемирии: поделили гамаки и территорию кубрика и каждая, расположившись напротив друга, не спали, но наблюдали за противоположной стороной.

Следующую неделю случилось долгожданное отплытие, первое слажевание новой, пополненной «южанами» команды «Саффолка», с учением на самом корабле для юнг, и почти что бой: когда быстрые суда берберийских пиратов обстреляли, очередным поздним вечером, английский корабль, но не стали даже пытаться далее атаковать его и взять на абордаж, а прошли на большой скорости мимо. Не дав даже выпустить британцам в них хоть одно ядро.

Видимо берберы случайно обнаружили плывшее судно и убоявшись его многочисленных орудий — сами постарались поскорее скрыться, а стреляли скорее что бы предупредить своё возможное преследование европейцем.

Переход прошёл нормально, из Европы в Кингстон, на Ямайке, совершенно негодную замену Порту-Ройялу, что относительно недавно, после очередной беды случившейся с ним за короткий срок, когда вслед за землятрясением, после которого более половины города ушло под воду,

затем произошёл огромнейший пожар, прошли с десяток мощнейших ураганов и новый пожар — добил окончательно данное, в прошлом веке знаменитейшее и богатейшее поселение британских торговцев, контрабандистов и конечно же, пиратов.

Сейчас лишь оставались воспоминания о том великолепном времени и откровенно провинциальный город Кингстон, с не очень удобной для судов гаванью, стал относительной заменой некогда блистательному Порту-Ройалу.

Три недели по океанской глади судно шло известным лишь офицерам маршрутом. Люди устали от постоянных дождей и качки.

Даже Джим, уверовавшийся было ранее что уже стал морским волком — вынужден был признать что его просто мутит, от однообразного вида за бортом, когда глазу было не за что зацепиться.

Спасались юнги от тоски и невероятной скуки, своими ежедневными побасёнками в кубрике и хоть какими работами на корабле, что отнимали время и позволяли его незаметно убить, от отбоя до отбоя.

Когда наконец «Саффолк» зашёл в порт Кингстона, под краткий салют городского форта в честь его прибытия и ответного залпа со стороны

судна, все юнги резвились и подпрыгивали на месте, напоминая собой настоящих обезьян. Каждому хотелось как отличиться, что бы офицеры первыми их отправили на берег.

— Как это… на берег? — удивился Джим рассказам Клопа, как здорово будет гулять по городу и осматривать его, навирая вечером пославшему их офицеру, что заблудился и долго искал нужную улочку. — А если сбежим?! Да и на кой чёрт кто нас отпустит, зачем? Какие поручения? Борьба с пиратами — вот здесь мы зачем!

— Не только… — обиженно надув губы пробормотал карапуз, на слова недоверия от Хокинса и тот попросил его продолжать. — Ну, в общем тут дело такое: офицеры, что не женаты — надеются подцепить кого из местных дурочек, дочек богатеньких плантаторов и вскоре бросив службу, и женившись на них — обзавестись своим собственным торговым кораблём или плантацией, будь то сахар или кофе, может какой промысел по производству рома, организовать в Колониях.

— Вот как… — задумчиво пробормотал Джим, начиная уже улыбаться во весь рот. — То то я удивлялся их желанию навести на себя хоть какой лоск. Не перед пиратами же они так выпендриваться сбрались?! Тут значит россыпи

богатых невест?

— Что то вроде того! Папеньки хотят пристроить дочерей за Джентельменов из Британии, а подобные разорившиеся дворянчики — желают немного поправить свои финансовые дела, данным браком. Всё честно! Обмен денег на престижное родство и наоборот. Местные плантаторы надеются что офицеры помогут им сбывать товар в Европу, в том числе и контрабандой, а наши офицеры мечтают надуть старого дурака и со временем захватить себе полностью все его дома, сиськастых рабынь, деньги в банках — всё!

Клоп пояснил Джиму, что сейчас начнутся частые визиты в дома самых обеспеченных местных граждан и встречи в церквях — когда офицеры высматривают себе добычу и сговариваются не мешать друг другу с той или иной девушкой, за процент от приданного с удачной свадьбы. Потом случатся дуэли и какие интриги, когда нескольких офицеров с позором прогонят прочь, с флота его Величества.

О пиратах сейчас никто и не думает, на кой они нужны в такое время?! — ещё ранение получишь и вместо богатой невесты — станешь инвалидом в приюте… Ни за что!

— Скорого выхода в море не произойдёт! —

добавил один из слышавших разговор Клопа и Джима, «старшаков». — Месяц, а то и более, будут все эти ска́чки и кобелирование. Потом потасовки и смерти на дуэлях… А вот потом, после пары свадеб и смертей, нас попросят скорее отбыть, ибо утомили всех сверх всякой меры и мы, что бы далее не позорить военный флот Его Величества своим присутствием на Ямайке — начнём рьяно искать пиратов. Офицеры, которые не успели жениться или не погибли на дуэлях — будут рваться каким образом отличиться, особенно те, кого чуть не посадят в тюрьму за шалости на острове и наш поход станет довольно весёлым! Если конечно нас самих — не грохнут в нём…

И действительно, все три дня после прибытия — юнги соревновались кто сильнее услужит офицерам. И вскоре первые группы, в том числе и кроха Клоп — уже вышагивали по улочкам Кингстона, относя записки понравившимся офицерам дамам или сговариваясь о встречах своих посылателей с теми, точнее пока что лишь с присутствующими на подобных переговорах, служанками женщин.

Джима также вскоре вызвал к себе один из лейтенантов «Саффолка» и выдав ему письмо, а не привычную юнгам записку, дал пенни и попро-

сил быть вежливым с дамой к которой Хокинс будет послан, прирождённой аристократкой чья семья переехала на остров ради сахарных плантаций и собственного производства рафинада и рому.

Подросток браво козырнул и посланный в направлении острова дружеским лёгким пинком, радостный отправился и сам побродить, по совету Клопа, по Кингстону, прежде чем исполнить доверенное ему поручение.

За пенс была куплена связка свежих, оранжевых до коричневатого оттенка, одуряюще ароматных, после корабельных сухарей и каш с солониной — бананов.

Подросток буквально обожрался ими и даже пожалел что прикупил себе жратвы до, а не после выполнения им порученного задания.

Дойдя до указанного ему на судне поместья, двухэтажной виллы внутри небольшого тропического ухоженного парка: с огромными воротами и железными украшениями на стенах и дверях, повсюду — Джим постучал дверным молотком и был впущен внутрь.

К немалому удивлению подростка, дворецким и всеми слугами в доме были негры или индейцы.

Они все были вышколены и хорошо говорили на английском языке, но то что не было нигде видно белых слуг, заставило Джима поморщиться: «Что за беднота интересует нашего лейтенантика? Наверное на большее он не претендует, хватает что лежит поближе… Бедолага!»

Пока Хокинс ждал ответа, от так и не видимой им ни разу девушки что приглянулась пославшему его с поручением офицеру, он стал рассматривать что происходило во дворе поместья, где юнга сейчас находился: какой то мужчина, с бронзовым лицом, словно бы испанец или португалец, привёл нескольких негритянок и показывал их самым важным, по виду, слугам дома.

Те приказали раздеть рабынь и тщательно ощупывали тела, смотрели зубы. Потом с хохотом шлёпнули троих рабынь по широким, неправдоподобно «выпирающим», задницам и указали куда тех отвести к ним в домики прислуги, а остальных отправили в здание служб, для полевых работ.

Голенькие негритянки, под смешки мужчин, всё теми же шлепками были заведены в предназначенные им теперь помещения, а те из слуг хозяина дома что купили их — со смаком расписывали друг перед другом что будут проделывать

с новенькими наложницами в ближайшее время и сговаривались обмениваться девушками, «как всегда».

Подростку, тем временем, огромная фактурная негритянка, служанка в самом доме, принесла ответную записку от девушки лейтенанту «Саффолка» и сказала что её госпожа очень рада и пускай тот кто прислал письмо, знает: она верит в него и пускай он тоже в ней не сомневается.

Джим лишь пожал плечами, словно бы его ничего и не удивило, но сам он сейчас очень хотел остаться и дальше, в этом, таком спокойном, милом его взгляду, поместье богатого плантатора с Ямайки.

Как будто поняв его желание, служанка предложила подростку спуститься на первый этаж и немного поесть на кухне.

Юнга тут же согласился и вскоре, с благодарностью, уже жевал остатки какого то рагу и запивал всё это лакомство свежим апельсиновым соком, бывшим ему в новинку.

Зашедшие чернокожие слуги, что недавно покупали рабынь, начали было обсуждать «достоинства» своих покупок, но увидев на кухне белого человека — решили что это кто из господ или их доверенных слуг и с поклонами убрались

прочь.

Джим об этом очень жалел, так как и сам был бы не прочь послушать чего подобного, «сального», от опытных в этих делах, мужчин.

На обратном пути на корабль, подросток начал понимать ранее ему казавшуюся откровенной блажью, скоропалительню охоту за невестами, всеми неженатыми офицерами «Саффолка»: лучше было остаться здесь, в приятном тёплом климате, с вышколенной прислугой из негров и туземцев, «белым господином», мини царьком в своём поместье, где любое твоё слово — закон, чем возвратиться назад, в Англию, мелкой сошкой в подчинении другого, такого же как ты сам, офицера самодура.

Колонии позволяли людям, вроде до сих пор поминаемого многими Моргана, занять свою, иногда очень важную, нишу и получить деньги и уважение, невозможные для них в Англии. Здесь, даже откровенный отморозки пираты, могли считаться для туземцев господами, хотя в родных землях они были отбросами.

На судне Джим отдал лейтенанту, пославшего его с поручением, переданную тому записку и получив пенни и ещё один, скорее игривый, подзатыльник — довольный вернулся в свой

кубрик юнг.

Ему хотелось похвалиться тем что и он уже «прогулялся» по Кингстону и обсудить виденных им сегодня негров слуг и саму девушку: кандидатку в жёны: пышнотелую, рябую лицом, на которую запал лейтенант.

Невесту офицера он толком не видел, разве что когда выходил из поместья — заметил подобную женщину с белой кожей, что смотрела ему вслед приоткрыв занавеси окна. Она ли это была или иная, Джиму было совершенно не важно.

— И что? — удивлялся кроха Клоп, не по детски важно объясняя очевидное, всем остальным присутствующим «пороховым обезьянам», что сейчас стояли вокруг гамака с Джимом и слушали привирания того о том, как он щупал за все места, вместе со всеми слугами в поместье, негритянок на рынке рабов и давал советы, какую лучше прикупить для хозяйства, а какую сразу в постель тащить. Объедался на кухне поместья пончиками и фруктами, домашним шоколадом, а потом, получил пенни от девушки, вместе с поцелуем, за то что он такой «миленький». — И что? Женятся то наши офицеры, на ком? — на деньгах! Мешок монет им слаще бабы, вот! А уже получив деньги и статус, начинают подбирать себе рабынь для

всяких там утех — по вкусу! Есть те, кому лишь пышнобёдрых негритянок или мулаток подавай, они для них самые сладкие! Другие любят индианок, особенно тонких в костях, длинноногих и изящных. Многие предпочитают, как на родине, привычных им белокожих рабынь…

— Кого? — удивился Хокинс. — Клоп, ты ври, да в меру! Откуда здесь белокожие рабы: ты что, от жары совсем умом тронулся или втайне прикладываешься к нашим запасам раки?

Мальчишки расхохотались и принялись шутить над самым маленьким своим товарищем, но тот, привычно серьёзно поднял палец к низкому потолку кубрика юнг и объявил: «Ирландские и шотландские пленники, после походов короны! Их сюда тыщами везли, так что кто хотел заполучить себе беленькую рабыню, из наших господ или на выводок их взять — вполне могли прикупить! Многие именно так и поступали, сам видел, когда пару дней назад носил письма в дом какого то Бишопа: там белые, именно что рабы и все быстро лопочут по нашему, хотя и немного коряво. Не мулаты или индейцы, а именно что мятежники с Альбиона! Испанцы и французы там, за домашних учителей: танцы, языки, манеры и тому подобного. Голландцы и немец — инжене-

ры и озеленитель, что распоряжается рабами в парке, при поместье. А вот ирландцы, именно что рабы и очень много девушек. Которых сын, этого самого владельца поместья Бишопа, постоянно, прямо при мне, шлёпал по задницам и тискал, как впрочем и чернокожих рабынь, из кухонной прислуги…»

Наступила долгая пауза, потом кто то из ребят произнёс: «Чудеса…» и все разошлись по своим спальным местам, скорее огорошенные, чем удивлённые.

То что в новом, незнакомом им мире, в рабство можно было попасть любому — для юнг было совершенной новостью и они начали потихоньку сговариваться как то начать отпрашиваться парами в город, что бы было сложнее их захватить, если что подобное, местным богачам, внезапно взбредёт в голову.

— Да не переживайте! — сказал всем один из старшаков. — Если захотят вас прикупить, то просто обратятся к нашим матросам или офицерам, и те вас в мешке, как собаку — сами им на берег и привезут! Никто особо нас искать не станет на корабле, отбрешутся что сбежали или что подобное…

Через пару дней после похода Джима с пись-

мом, в городе стали происходить всё новые интересные события и о данном разговоре Джим позабыл.

Начались, как и говорил ранее кроха Клоп, схватки между офицерами, а то и группами офицеров: за тех или иных, особо привлекательных в плане женитьбы, невест.

Местные кавалеры не отставали и всячески дерзили прибывшим из Англии, показывая что те явно лишние на острове.

Вначале юнги узнали что произошли две одиночные дуэли на берегу, обе с ранениями и участвующие в них: кто в лазарете — кто под арестом.

Потом схватились уже целые группы: сторонников помощника капитана корабля и командира, приданного «Саффолку» для борьбы с пиратами, десанта — за руку средней дочери, того самого, ранее упоминаемого Клопом, плантатора Бишопа.

В первую группу входило четверо офицеров и шесть моряков судна, во второй было трое офицеров и шесть солдат.

На суше, победу в суматошной схватке с поножовщиной одержали десантники и весело, гурьбой, отпразновали её в кабаках Кингстона.

Девушка была уже почти что точно отдана замуж, с разрешения отца, за командира десанта на «Саффолке», но…

Но при возвращени на корабль, матросы смогли отрезать солдат из десанта от их офицеров, в столовой судна, после чего офицеры корабля принялись зверски избивать вернувшихся после отгула десантников, имея почти что пятикратное преимущество в силах над ними.

Все победители недавней схватки на берегу полетели в воду, а сам удачливый жених — оказался там с тремя ранениями в грудь и живот…

Его тем же вечером забрали на лечение в особняк Бишопа и капитану «Саффолка» пришлось лично успокаивать два непримиримых лагеря на своём судне: десант из сухопутных солдат и моряков его судна, за которыми стояли офицеры самого корабля.

Не успели потушить подобный пожар склоки на «Саффолке», что в негативном свете показывал офицеров британской армии и флота, как случился новый инцидент: лейтенант, письма которого и носил ранее Джим в богатый дом на Ямайке — ночью, с помощью верных матросов, выкрал свою невесту из отцовского поместья, так как её родители наотрез отказались выдавать её

замуж за подобного «авантюриста и голодранца», и с нею вместе и матросами, бывшими при нём в подобной лихой акции, на захваченном ранее в порту Кингстона быстроходном шлюпе, отправился куда в северные колонии, по слухам — Балтимор или Филадельфию.

Когда семья похищенной невесты требовала немедленного расследования и проверки всех офицеров «Саффолка», ставшими просто угрозой мирной спокойной жизни города — внезапно вернулась несчастная невеста…

По её словам выходило, что жених лейтенант разругался в пути с напившимися бренди матросами, которые помогали её похищать и был ими просто зарезан.

Потом, они все вместе изнасиловали девушку и попытались продать каким то фермерам в колониях. Но беглянка, узнав на рынке невольников знакомого своих родителей — начала того громко звать и моряки со шлюпа вынуждены были сбежать прочь, от возможной проверки местной стражи.

Знакомый семьи выдал ей новую одежду, ибо девушка была почти что голой и помог вернуться на Ямайку, купив ей место на шхуне.

После этого события в городе началась бук-

вально истерия по поводу того что «защитники» колоний от пиратов, ведут себя хуже тех, от кого они должны были защищать.

Вскоре незвестные начали толпами избивать офицеров и моряков «Саффолка» на вечерних улицах Кингстона и нередки были поножовщины со смертельным исходом во всех кабаках города.

В конце концов губернатор Ямайки лично прибыл на судно с прямым указанием от адмиралтейства — немедленно собираться в поход и выдвинуться куда к Тортуге или Мартинике, с целью пресечения там вновь возродившегося морского разбоя и возможной помощи торговым караванам негоциантов.

В течении недели, общими усилиями были восстановлены припасы продовольствия и питьевой воды на корабле, получены лоцманы, прибыли офицеры с торговых судов, что согласно распоряжениям должны были, во время рейдов на пиратов, заменить заболевших своих военных коллег, которые оставались на острове или лишь прикидывавшихся таковыми, и готовившихся к скорым свадьбам на дочерях местных плантаторов.

Судно потеряло четверть офицерского состава и капитан искренне посылал ко всем чертям

колониальных чиновников, требовавших его потропиться и скорее начать громить пиратов: «Кого?! У меня моряки, с непривычки, опорожняются по пять раз на дню — всё из за жратвы вашей тропической и гнилой воды! Кого они гонять станут? — их самих перережут как курят… А офицеры? — сплошь или калеками стали, из за местных бабёнок или торгаши, прибывшие в «усиление» мне. Тьху!»

Однако корабль всё же спровадили как можно скорее в рейд и всего через пару суток после разговора капитана «Саффолка» с чиновниками местного губернатора — судно уже плыло прочь от Ямайки, в сторону Мартиники.

По переданным им ранее данным, где то в возле Мартиники появилась эскадра из трёх пиратских судов: одной шхуны и пары скоростных шлюпов, и английскому королевскому военному кораблю предписывалось обнаружить их и уничтожить, или же отогнать куда далее от оживлённых торговых маршрутов между островами.

Следующие полтора месяца запомнились Джиму своей потрясающей скукой, хотя дня не было что бы они не обнаруживали пиратов и не начинали их преследовать.

Пиратские лёгкие судёнышки совершенно не

желали вступать в бой с громадиной «Саффолком» и вместо тактики берберов, что ночами нападали на своих скоростных, но крайне малопригодных к бомбардировкам, скорее абордажам, галерам — карибские «Джентельмены Удачи» немедля сбегали прочь, иногда лишь постреливая куда в море, из лёгких орудий на своих судах.

Двое или трое суток «Саффолк» преследовал очередного найденного им пирата, однако при попутном ветре тому удавалось в который раз сбежать и тогда все офицеры и матросы начинали проклинать тех кто послал их гоняться за местными бандитами и самих пиратов, что лишь в романах считаются отчаянными храбрецами, сами же — совершенно не способны ни на что иное как ограбить дочиста какого медлительного торговца или незащищённый городок на берегу.

Рейды и патрулирование между многочисленными островами сменяли погони, погони переходили в обстрелы при преследовании судов разбойников, но издалека, а преследования, в свою очередь — превращались в побег лёгких пиратских кораблей от своих несколько медлительных, преледователей. Было скучно и однообразно.

Офицеры злились, вспоминая Кингстон и раз-

влечения там, и желали поскорее вернуться на Ямайку.

Моряков бесило постоянное преследование недосягаемых, вёртких, скоростных судёнышек пиратов и отсутствие внятного боя. Они говаривали юнгам, в порыве откровенности от наступившей скуки, что это как тисканье бабы, но без продолжения: так, одно баловство.

Через пять недель подобных манёвров, «Сафолку» удалось наконец догнать шхуну с полусотней пиратов на ней и дав залп книппелями по парусам противника и почти совершенно остановив пиратский корабль этим, англичане принялись обстреливать из ружей мечущихся по палубе шхуны пиратов, желая как можно более из них убить, перед скорым абордажем для захвата ценного приза в сохранности.

К своему удивлению, Хокинс узнал что он и ещё полтора десятка юнг — также пойдут на абордаж, в качестве пополнения к десанту и опытным в этой рубке матросам корабля.

Всем мальчишкам и самому Джиму выдали по кортику и тряпке в зубы, что бы своим криком при ранении не отвлекали, во время боя, остальных своих товарищей и ждали пока не победят пиратов и их не начнут лечить… или добьют

пираты.

Подросток было попробовал отказаться от тряпки, выполнявшей здесь скорее роль кляпа, но ему дали подзатыльник и он заткнулся, сунув тряпицу себе в рот — как ранее показывал толстый, широкоплечий боцман.

Схватку Джим помнил сумбурно, словно бы фрагментами: сближение, сбросили мостки с высокого борта «Саффолка» на шхуну разбойников и англичане, кто по мосткам, а кто и запросто спрыгивая где было возможно, тут же с криком и воем ринулись на пиратскую шхуну.

Хокинс задел кортиком какого то, выскочившего из нижних палуб, щуплого пирата и тот, громко ругаясь, завертелся волчком на месте.

Джим тут же нанёс ему ещё три быстрых колющих удара в живот и грудь, и пират немедля свалился на палубу в конвульсиях.

Потом юнгу толкали в спину с с боков иные его товарищи, пытались ударить топориками и палашами трое пиратов, схватив за руки и ноги — сбросить за борт.

Но Джим всюду ловко отбивался от нападавших на него людей выданным кортиком и даже прежде сильно раненная и болевшая немного левая рука подростка, почти что не мешала ему

в схватке.

В самом конце боя Джиму удалось сбить с ног попытавшегося выпрыгнуть за борт морского разбойника и добить его, уже лежащего на палубе, быстрым ударом лезвия кортика в горло.

Когда Хокинс привычно рассказывал всем в кубрике юнг об этом случае, по его словам, именно в этот момент он понял что становится взрослым мужчиной: жёстким и опасным, способным прикончить иных, таких же повстречавшихся ему в бою мужчин, даже пиратов, а не только ровесникам юнгам увечья наносить, фонарём в железной оправе.

Тот, первый в его жизни полноценный абордаж, многое ему дал: появилась уверенность в крепости своих рук и хороших, стальных, нервах. По крайней мере именно так он сам считал после схватки.

Когда капитан «Саффолка» приказал начать осмотр шхуны пиратов, то Джим оттащил своих «пороховых мартышек» в сторону и напомнил им об общаке для кубрика юнг и потребовал что бы они что ценное, но маленькое, просто глотали, а потом, на горшке — всё можно будет вернуть в обход осмотру от офицеров или моряков, при возвращении на их корабль.

Не успел подросток проинструктировать остальных юнг, которых собирались вскоре использовать для обыска пиратской шхуны, как тут же офицеры и боцманы свистками и пинками погнали всех матросов и юнг по захваченному судну — искать какую ценную добычу.

Хокинсу удалось найти какое вычурное оружие в дорогих ножнах. Но так как оно было слишком большим что бы спрятать — пришлось передать его боцману, стоявшему на верхней палубе вместе с офицерами из описочной команды, за обещание «когда-нибудь, что-нибудь выдать… Ха-ха».

Была найдена комната, при камбузе с провизией, но там оказалась в основном солонина сомнительного качества и моряки английского судна решили взять её исключительно на случай совсем голодных дней.

Ещё ранее, при сговоре среди юнг перед абордажем, когда было решено глотать малые ценные безделушки — самый маленький из «пороховых мартышек», Клоп, лишь покачал головой и сказал что это бесполезно и что если на судне обнаружат какие ценности, то всех юнг, участвующих в обыске приза, всё равно заставят выпить по стакану пальмового масла и сходить на горшок, а

потом, если в «ночном судне» обнаружат что ими украденное и проглоченное не слабо накажут розгами.

Тогда Джим, как нынешний лидер кубрика «пороховых обезьян», предложил следующее: Клоп, попросится с невинным видом приносить и уносить горшки, сомнительная работа от которой все старшие юнги точно откажутся и с помощью кожаной перчатки постарается «обыскать» содержимое тех из горшков, на которые каким либо знаком укажет ему его друг. Таким образом шанс вернуть в общак юнг заполученную на пиратской шхуне побрякушку — многократно увеличивался.

Среди мальчишек, что обыскивали сейчас пиратскую шхуну, была и пара взятых недавно на Мальте. Они бойко тараторили на в меру понятном языке, но всё же держались пока что обособленно, от английских подростков в кубрике юнг.

Один из новичков, когда ему при возвращении на «Саффолк» выдали стакан масла для промывки желудка и проверки что он ничего внутри себя не утаил, шёпотом сообщил Джиму что успел проглотить перстень с рубином и сейчас боится что сделал это зря.

Хокинс взглядом указал снующему с горшками Клопу, на того, чьё именно «судно» следует проверить ранее матросни и получив от малыша кивок в ответ, что тот всё понял, успокоился. Появлялся шанс что захват пиратской шхуны принесёт немалую добычу и юнгам, а не только офицерам и матросам «Саффолка».

Пока сам Джим тужился на горшке, пока выливал содержимое, исторгнутое из себя насильно, медленно, по доске в море, под внимательным придирчивым взглядом боцмана — ждущего очередной, обнаруженной и спрятанной юнгами добычи, пока шёл относить и драить до блеска своё «ночное судно» — уже наступил вечер, почти что ночь и уставшие за день юнги собрались в своём кубрике.

Тут то и выяснилось что Клоп, кроха Клоп — избит! Избит именно новыми подростками южанами, прибывшими на корабль во время пополнения состава команды корабля на Мальте.

Со слов хнычущего малыша выходило, что он обыскал горшок, указанный ему Джимом и обнаружил там колечко с камушком, которое и спрятал у себя. Но когда он его отмыл и принёс сюда, в кубрике на него навалились всей своей оравой новенькие юнги и прилично наваляв,

забрали добычу себе.

Ни с кем делиться они не собирались и орали, дурными голосами, коверкая английский: что это их собственность и они зарежут любого, кто так не считает!

Тогда Джим умиротворяюще подняв обе руки — предложил всё решить завтра, на рассвете и сам стал тут же укладываться в свой гамак, демонстрируя усталость от недавнего рейда на пиратское судно.

Голосящие новички и «старые» юнги потихоньку расходились по своим местам, удивляясь такому спокойному поведению Хокинса.

Однако сам подросток прекрасно понимал что ничего спором или дракой не решить, и если он не докажет своё лидерство, то уже завтра все пришлые начнут ему тыкать кулаками в лицо и совершенно перестанут уважать. Действовать следовало здесь и сейчас.

Абордаж на пиратской шхуне внутренне изменил его. Джим ощущал ранее скрытые в нём силы и был уверен что сможет самолично завалить с полдесятка новеньких юнг.

Спустившись на доски пола очень тихо и одев толстые шерстяные носки, что бы неслышно ступать, Хокинс, быстро прокравшись к спящим

вместе, на полу, новеньким юнгам с Мальты — рывком вытащил, из кучи малой сонных мальчишек, виновного в присвоении общей вещи и быстро, рывком, кинул его в угол кубрика где находились преданные Джиму мальчишки.

— Бей скота вороватого! — завопил Хокинс. — Режь крысу!! На части его!!!

Начался форменный переполох: выдернутого во время сна проштрафившегося новичка пинали и кромсали, щипали и кусали все юнги в углу, куда его забросили сильные руки Джима.

Сам же Джим, стоя прямо возле вскочивших было на ноги, всей ватагой, новеньких — быстрыми ударами в живот заставлял скручиваться, словно спираль, ближайших к нему из них и потом, сильными толчками обеими руками, швырял их на переминающиеся в тесноте задние ряды. Так что мальчишки южане, раз за разом, всей гурьбой падали на пол.

Три минуты подобного бардака сделали своё дело: провинившийся был избит и раздет догола «старыми» юнгами, и соответственно обыскан ими, а новенькие с Мальты, избиваемые одним единственным Джимом — сейчас сидели или лежали или сидели на полу, тяжело дыша и что то бормоча себе под нос, на своих родных языках

южного Средиземноморья.

Хокинс ощущал себя неким древнегреческим героем, что смог в одиночку остановить огромную армию.

Однако когда он величественно и степенно, как полноценный единовластный хозяин кубрика, сам начал обыскивать снятые с «крысы» вещи и убедился что перстня у того нет — что то в голове Джима внезапно вспыхнуло, яростно и мгновенно, словно порох и он с ненавистью принялся душить тряпьём несчастного их обладателя.

Через несколько минут всё было кончено: новичок с Мальты, виновный в краже перстня с рубином из условного общака юнг — лежал на полу задушенный, а Джим Хокинс, стоя над его остывающим телом, грязно ругался и пинал труп, проклиная обманувшего его дважды иноземца.

Мальчишки, Клоп и «старшаки», тут же обступили Джима и тихими голосами объясняли ему что далее делать: положить убитого в угол «тараторок», как они прозывали про себя новеньких южан, а утром сказать что те между собой давно не ладили, из за какого старого конфликта, ну вот и порешили виновного… А самих «мальтийцев», запугать: угрожая что так будет со всеми из них, кто не станет прислушиваться к общим

правилам кубрика юнг или начнёт сообщать что офицерам.

На утреннем построении, того, чего так боялся Джим, так и не случилось: убитого им мальчишку просто вытащили за окоченевшие руки на верхнюю палубу и с грузом привязанным к ногам, обыкновенно и как то совершенно буднично, сбросили в океанскую пучину.

Расспросы офицеров были крайне непродолжительны, а боцманы и моряки лишь понимающе ухмылялись и дружно говорили что не иначе как шкеты украли что на пиратской шхуне, и не поделили добычу между собой, ночью, на делёжке.

Был проведён внезапный обыск кубрика юнг офицерами и парой матросов, и найденные запасы еды и раки были забраны ими с собой.

Однако ничего более существенного не случилось и вечером Хокинс мог сказать самому себе, что в принципе он легко отделался и корабельного карцера избежал, как и какого, более страшного, наказания.

Новенькие молчали, видимо испуганные тем, что их уже стали по ночам убивать. Старый состав юнг всячески покрывал своего лидера и обыском кубрика всё дело и завершилось.

К вечеру дня обыска, «Саффолк» догнал какой то

быстрый шлюп и с него на палубу поднялись семеро степенных джентельменов, явно бывшими местной знатью или богатыми негоциантами.

Вскоре по кораблю прошёл слух, что данные «торгаши» упустили три шхуны полные ромом и теперь, когда по их словам, пиратские команды что захватили данный товар — веселятся на островке на Юго-Востоке, недалеко от плывшего сейчас обратно на Ямайку «Саффолка», прибывшие негоцианты просили бы капитана королевского военного корабля помочь им вернуть свои шхуны и груз, за вознаграждение, само собой и уничтожить проклятых морских разбойников, которые уже не знают на что и кидаться, в поисках хоть какой, самой малой, добычи.

— Ромом разживёмся! — хохотали все матросы «Саффолка», когда пришёл приказ сменить курс и выдвигаться к указаному торговцами острову.

Была подготовлена разведывательная команда, что на крохотном баркасе должна была осмотреть издали стоянку пиратов и готовилась десантная группа, куда, как и ранее с пиратской шхуной, вновь входили старшие из юнг и Джим Хокинс, в обязательном порядке.

В весёлой подготовительной суете прошёл весь вечер на судне. Моряки говорили что торговцы

«занесли» капитану и старшим офицерам кошели, с сотней фунтов стерлингов каждому и те готовы расстараться.

Десант, из приданных на корабль солдат, между собой уже сговаривался как станут проносить ром и прочий скарб, в обход осмотровой группы из боцмана и офицеров, а то и подплывая отдельно на своих шлюпках к судну и просто закидывая на борт, в руки остающихся на корабле раненных товарищей, которые станут их высматривать и поджидать в условных местах на «Саффолке».

Юнги в очередной раз договаривались о том как станут обыскивать пиратов, прятать на себе или в себе, что смогут ценного и как Клоп, постарается опять напроситься выносить горшки с нечистотами, при стандартной проверке юнг по возвращении на судно.

Новеньких, взятых с Мальты, напугали напоминанием о том что было совсем недавно с одним из них, когда нарушитель захотел оставить себе перстень и «южане» явно напряглись.

Однако потом всё как то утряслось и в очередной раз «пороховые обезьяны» пришли к общему согласию: что следует, после потери при недавнем обыске офицерами, восстанавливать потихоньку их общак и постараться, во время

рейда на острове, захватить как можно больше добычи для себя самоих.

Через сутки движения к острову, капитан корабля приказал отправить быстроходный шлюп разведчиками, что бы те примерно оценили опасность для десанта и смогли сообщить где проще высадить людей как можно незаметнее, и не стоит ли сразу начать бомбардировку бухты, где сейчас стоят на якоре пиратские суда и их добыча.

К вечеру этого же дня вернулась команда наблюдателей и сообщила капитану «Саффолка» — что пиратов на острове около четверти тысячи и они обладают тремя вполне боевыми судами, пушек по двадцать пять, каждое.

Есть ещё местные островитяне туземцы, издали непонятно кто: то ли индейцы, то ли мулаты или даже бывшие рабы из Африки. Вместе с ними, в небольшом островном поселении, где сейчас пируют, празднуя успех, морские разбойники — приблизительно около полутысячи мужчин и многократно меньше женщин.

Подобное количество врагов, да ещё и на нескольких судах с двумя десятком орудий на каждом, показалось некоторым офицерам «Саффолка» излишним и они начали роптать на то,

что старшие офицеры, из за взятки от торговцев ромом, ведут королевское боевое судно на большую опасность, а королевских офицеров и матросов — на напрасные жертвы!

Видя недовольство даже среди ближайшего окружения и понимая как отнесутся к подобной рискованной атаке простые моряки и солдаты, из десантной команды, которым и предстояло первыми высаживаться на острове, капитан «Саффолка» предложил следующий вариант: связаться с торговцами ромом с помощью того же скоростного шлюпа и потребовать, что бы они прислали небольшой баркас, наполненный бочками с ромом и с клеймами для «Его королевского двора» или чем подобным, например поставки рома для вице губернаторов колоний или Вест Индской компании.

Главное, что бы разбойники сразу поняли что это элитное пойло и тут же принялись его хлестать почём зря, радуясь новому пополнению запасов выпивки. В бочки, кроме спиртного, влить и порядочную порцию каких медленных ядов, наверное торговцы сами знают что лучше всего на это подходит, ибо, по слухам неоднократно доходившим до капитана, они таким способом нередко «вытравливали» целые индейские посе-

ления, с нужных им для размещения факторий, земель.

Баркас с отравленным грузом и идущий с ним вместе быстроходный шлюп, нарочито медленно, пройдут мимо острова с головорезами и постараются привлечь к себе внимание тем или иным способом. Когда же пираты за ними погонятся, то вся команда с баркаса «в панике» — перейдёт на шлюп и вскоре отплывёт прочь, оставив добычу пиратам. Да ещё и порезав паруса на баркасе, то бы он далеко, случайно, не уплыл.

— После. — продолжал капитан. — После мы вновь отправим разведку на осмотр того что произошло после находки разбойниками наших «троянских бочек» и пускай несколько человек из них высадятся на самом острове, далее постараются приблизиться как можно ближе к поселению, где развлекаются эти чёртовы безбожники! Если они в большинстве своём вдрызг будут пьяны или сдохнут, от нашего «подарка» — тогда атакуем как можно скорее! Если же останутся на ногах и способными к бою — пошлём ко всем чертям этих торгашей выпивкой и немедленно вернёмся в Кингстон! Наша миссия практически выполнена, а кружить возле Мартиники или Ямайки, гоняясь за быстроходными

пиратскими судёнышками что не принимают боя — увольте!

План был одобрен всеми офицерами и в ту же ночь шлюп отправился к торговцам ромом, что просили о помощи в возврате своего груза, с новыми требованиями к ним.

«Саффолк» приспустил почти все свои паруса и неспешно приближался или удалялся к острову с пиратами, при этом ещё и немного «виляя», что бы убить время до возвращения посланного судёнышка.

Задача была оставаться между этим островом и грядой подобных, но затопленных, что бы шлюп при возвращении мог как можно скорее найти его и не тратил время на ненужные поиски.

Штурмовые команды тренировались на палубе слаженности действий и сговаривались о том, что солдаты из десанта станут вести в основном беглый огонь из своих ружей, в то же время как моряки «Саффолка» атакуют пиратов в рукопашной схватке, абордажными короткими саблями, топориками и кортиками.

Вскоре вернулся и шлюп, вместе с нагруженным баркасом от торговцев ромом на котором стояло множество бочек с вычурными клеймами: «Высочайшее качество! Его королевскому и его

высочества двору. С наилучшими пожеланиями губернатору Блаю!»

Негоцианты расстарались и приготовили с полсотни бочек и бочонков, с какими остатками от своих производств, добавив немного виски и специальных, местных, ядовитых отваров.

По словам офицера, что плавал на шлюпе, торговцы гарантировали что через двенадцать чаов у пиратов не будет никого, кто бы выпив, хотя бы стакан сего пойла — не бегал каждые пять минут в кусты или не сдох бы в муках, от внутренних появившихся язв!

Первое не очень обрадовало капитана «Саффолка», но гарантии варианта с внутренними язвами немного его успокоили. Тут же была собрана новая «постановочная» команда что и отплыла вскоре к острову с веселившимися там пиратами.

К вечеру вернулся шлюп и хохочущий лейтенант, выбравшийся из него, рассказывал собравшимся вокруг него офицерам, что пиратов пришлось приманивать выстрелами в воздух, настолько на острове все были пьяны и совершенно не обращали внимание на проплывавшие мимо острова кораблики. Зато когда наконец поняли что за добыча плывёт мимо них — немедленно

бросились в такие же шлюпы как и у него.

Правда многие разбойники просто расшиблись по пьяни, падая головами прямо на доски палуб и разбивая их в кровь. Начали преследование всего три шлюпа, с половиной, в меру вменяемых, команд на них.

— А их многопушечные корабли? — строго спросил у подчинённого капитан» Саффолка».

— Нет, те как стояли так и не шелохнулись: ни вышли из бухты, ни залпа по нам не дали… — отвечал лейтенант. — Там матросни почти и нет, скорее лишь кто не хочет не берегу спать и по привычке идёт на корабль.

— Хорошо! — подытожил услышанное капитан. — Тогда план такой: ночью высылаем шлюп с разведчиками. Сейчас полная луна и он пойдёт к острову и высаживает осмотровую группу, но лишь для наблюдения! Никакого собственного почина, лишь осмотр! Если всё как мы планировали — тогда наши наблюдатели возвращаются как можно скорее, ранним утром и мы начинаем атаку на пиратов, если же те всё же не настолько ослабли…

— Да нет же! — горячился лейтенант, что и подставлял «даровой баркас», для пиратов. — Они и сейчас то еле смогли взобраться в шлюпы для

преследования, а уж завтра…

— Ладно. — бурчал качая головой капитан. — Завтра утром и решим. Думаю следует сразу атаковать десантом, не давая залпа пушками. Тогда и пиратские корабли захватим невредимыми, для торгов с аукциона и рабов белых, которые в здешних землях так ценятся.

Утром началась атака на остров: шлюп с разведчиками вернулся и наблюдатели хором стали рассказывать, офицеры капитану, а матросы с шлюпа — своим друзьям морякам: что пираты лежат чуть живые, никто почти что и не ходит. Вонь страшнейшая и такое ощущение, что все они словно бы после страшнейшего похмелья, когда даже голову с земли поднять невозможно из за сильной боли и того, что конечности совершенно не слушаются. Поселение словно бы вымерло и лишь стоны вразнобой показывают, что ещё кто жив.

Тут же «Саффолк» под полными парусами пошёл на остров и через три часа уже был напротив бухты, где располагались пиратские суда и захваченные ими корабли торговцев.

Джим Хокинс, готовясь зайти в шлюпку в составе восьмой штурмовой команды, с удивлением и любопытством наблюдал заросший пышной,

но при этом крайне низкой, словно бы прижавшейся к земле растительностью, остров. Вполне, к слову, приличных размеров.

В бухте, размерами сто на двести метров, расположились три пиратских больших корабля и четверо поменьше, видимо те самые призы, торговцев ромом.

Там же, немного заслоняемые более крупными судами и располагаясь ближе к берегу — стояли на воде и пяток шлюпов, и несколько баркасов, в том числе и тот, что недавно сами офицеры «Саффолка» фактически специально подарили морским разбойникам.

Никто на берегу не бегал и не стрался как реагировать на прибывший огромный военный корабль, что становился сейчас правым бортом к бухте с судами пиратов, словно бы готовясь дать полноценный залп своими несколькими десятками орудий.

Остров и крохотное поселение на нём, словно вымерли: людей не было видно или слышно, не было и никакой реакции от кого-либо на появление нового корабля напротив главной островной бухты. Ничего!

Джим уселся в свою шлюпку, где вместе с ним ещё находилось четверо солдат десанта, в роли

стрелков и двенадцать моряков «Саффолка» как абордажная команда, а также ещё один юнга, новичок южанин с Мальты, почти ровесник Джима.

Шлюпки быстро приблизились к судам пиратов с многими пушками и на них первым делом стали заскакивать первые абордажные группы англичан.

Вскоре они появлялись у бортов и сигналами показывали что суда уже ими полностью взяты под контроль и что пиратов на них — всего по паре человек, не более!

Успешный и столь быстрый захват основной боевой силы пиратов настолько ободрил всех оставшихся на «Саффолке» матросов, что они тоже стали наперебой проситься высадиться на острове, каждый боялся что не сумеет поучаствовать в столь лёгком и видимо прибыльном, деле.

Капитан разрешил спуститься в шлюпы ещё полусотне человек, для усиления десанта и стал ждать что же далее случится на берегу, в стоявшем прямо при бухте крохотном городке.

Тем временем Джим Хокинс, вместе с остальными бойцами восьмой штурмовой команды «Саффолка» — уже высаживался вместе с остальными десантниками в воду на отмели и скоро

пробежав участок берега, перед поселением, врывался в дома что стояли ближе всего к бухте.

К немалому удивлению подростка, почти всюду, в том числе на улицах городка — лежали заблёванные, обмочившиеся, и не только это, разбойники, в грязных косынках и рваных кожаных жилетах до пояса.

Большинство из них было уже мертво, но те кто поднимал головы и что то невнятно спрашивал, видимо не понимая где именно он находится, тут же получали укол штыком в грудь или удар топориком по голове и умирали вскорости, уже не мучаясь.

Торговцы ромом не обманули и пиратская база оказалась беззащитной не против боевого корабля, а лишь обилия шаровой выпивки, в том числе и отравленной, а также привычной пиратам беспечности — верной подруги веселящихся на берегу команд разбойников, после удачных рейдов.

Оставшихся в живых, еле державшихся на ногах, пиратов — десяками выволакивали из домов и после краткого допроса, на месте, убивали без сострадания и жалости: кого рубили, кромсая шматами плоть, кого кололи, а некоторым, видимо в качестве развлечения — просто разбивали

голову камнями, как кокосовые орехи бьют обезьяны на осколки.

Часть моряков с «Саффолка» баграми оттаскивали уже убитых пиратов куда в джунгли и видимо устраивали там место их массового захоронения.

Хокинс решил не терять времени и оторвавшись от своей команды, бросился как можно дальше на самую противоположную к воде, окраину поселения.

Потом, заприметив возле богатого дома, в садике, лежащего в гамаке между двумя пальмами, более менее богато одетого пирата — подскочил к нему и озираясь начал обшаривать одежду мужчины.

Увидев на толстом, волосатом пальце пирата перстень, с зеленоватым камнем средних размеров, примерно как очень крупная горошина — Джим деловито положил кисть руки неподвижного человека на огромный булыжник валявшийся в траве и с помощью собственного кортика, тут же откочерыжил палец с украшением.

— Что?! Ох… УУУ!! — завопил, хватась за свою окровавленную кисть, человек, которого Джим только что таким страшным образом ограбил и

поднялся на руках с гамака.

Он не был мёртв, как в начале думал подросток, скорее сильно пьян или отравлен пойлом торговцев ромом.

Джиму помогло отойти от внезапного шока то, что его жертва, уже через секунду после своей бурной реакции, принялся изогнувшись, как сломанная кукла ручного театра — блевать, в рядом росшую траву и это несколько успокоило юнгу.

Подождав пока пират прекратит, Джим приставил кортик к шее мужчины и прошипел: «Говори скотина, где деньги твои! Говори тварь! На каком корабле или острове и где ты их спрятал! НУ, говори!!!»

Мужчина с отрезаным пальцем лишь таращился как баран на подростка, видимо не понимая кто это и где он сам сейчас находится, и Джиму пришла в голову интересная идея: он связал длинным шёлковым поясом свою жертву, точнее лишь руки за спиной и оттащил куда подальше от городка, в чащу зарослей острова, что бы не встретиться с кем из десантных команд «Саффолка».

Потом, совершенно спокойный, юнга взял камень и принялся дробить пирату пальцы рук и ног, требуя при каждом ударе что бы рассказывал

ему о всех своих тайниках.

После начавшихся воплей, подросток зажимал пирату рот и ждал пока тот перестанет конвульсивно дрыгать конечностями и тут же продолжал свой пыточный допрос.

Никто к ним не подбегал и Джим всё сильнее злился, что тратит своё время впустую, с этим, по всей видимости офицером разбойничьей команды — вместо того что бы скорее обирать дома на острове и обыскивать карманы уже мёртвых пиратов.

— Мразь, скотина!!! — срывался на крик Хокинс, кромсая лицо бородача кортиком и отрезая тому уши в припадке подростковой истерики. — Говори! Как свинью разделаю!

— Тюлень! — захрипела с окровавленным ртом, жертва истеричного допроса подростка.

— Что?!

— «Тюлень»! Камбуз… под шкафом с ножами небольшая выдолбоина, там храню что успел…

В кустах раздались шаги и довольный своим успехом Джим, радуясь что наконец узнал что хотел, ловким ударом в сердце загнал кортик на половину лезвия в грудь мордатого бородача пирата, так напоминавшего ему о недавних временах и подобных же «бородачах», что вместе с

его отцом и устроили береговую «каманду Адмирала» на родине мальчика.

Из кустов однако появился не кто то из моряков или солдат десанта, а напарник Джима по шлюпке, юнга ровесник, взятый недавно на Мальте.

Увидев Хокинса, поднимающегося на ноги с недовольной гримасой на лице и убитого покалеченного пирата — смуглый новичок покачал длинными, чёрными как смоль и грязными волосами, и на ломанном языке произнёс: «Хорошо! Плохо! Ты убиваешь всех: мой брат, далёкий брат — удушил тряпкой! Сейчас, вот его — просто зарезал… Ты негодяй и убийца, и я тебя тоже убью! Месть! Кровь! Семья!»

После этих слов, вышедший из зарослей юнга «южанин» кинулся на своего товарища и Джиму пришлось отскочить на несколько шагов назад, так как оказалось что его новый враг довольно сносно владеет своим кортиком и умело пытался им порезать или уколоть своего «кровника».

С минуту подростки бегали друг за другом по кустам и вокруг низеньких, изогнутых к земле, пальм — постоянно рубя воздух многочисленными атакующими ударами и стремительно спасаясь от подобных от врага.

Однако Джим был чуть старше и явно опытнее,

участвуя в сражении с берберами в Средиземноморье, голландцами у Фрисланда и недавних преследованиях карибских разбойников: Хокинс носком своего низкого сапожка зацепил рыхлую землю и швырнул её прямо в лицо своего противника.

Когда юнга мальтиец на секунду остановился что бы протереть глаза — Джим словно бы гадюка подскочил к нему и нанёс сильнейший удар, снизу вверх, в живот своему визави.

Новичёк мальтиец что то коротко крикнул — потом свалился на траву, держась за живот двумя руками и бросив собственный кортик.

Хокинс медленно поднял оружие врага и спокойным, виденным ранее на родине жестом, как ему несколько показывали «бородачи» — перерезал горло ещё живому врагу.

Юнга «мститель за брата», слегка захрипел, однако ничего более не произошло и Джим, каким то совершенно спокойным, тусклым взглядом наконец осмотрелся: перед ним лежал офицер пиратов с отрезанным им, Джимом, пальцем и разможжёнными кистями рук, зарезанный, в конце концов, своим мучителем. Немного вдалеке стоял сам Хокинс, возвышаясь над второй своей сегодняшней жертвой, таким же как и он

сам, юнгой с «Саффолка».

Джим несколько истерично хмыкнул и решив что пора как можно скорее начать осматривать пиратский схрон на «Тюлене», пока суда ещё в бухте и в неразберихе продолжавшегося боя его могут беспрепятственно пропустить на борт пиратского корабля — скорым шагом вернулся в поселение, где солдаты и моряки десанта «Саффолка» уже вовсю куражились над оставшимися в живых, обнажёнными сейчас, женщинами островитянками — разыгрывая всех их по условным номерам в странную игру, с метанием свинцового шара по выставленным на земле костяшкам.

Немного пробродив в поселении и увидев что на него никто уже не обращает внимание, Хокинс было решил также поучаствовать в розыгрыше какой понравившейся ему самки — но тут же получил отказ и посыл себя в дальнее путешествие: матросы не собирались делиться ещё и с юнгами, как с солдатами из десанта, примерно полутора десятками захваченных ими женщин и хотели как можно скорее, пока офицеры не прекратили вакханалию на острове, успокоить свою похоть.

Прыжки и ужимки, с боевыми криками «пороховой обезьяны» и размахиванием кортиком — никого ни в чём не убедили и в конце концов

один из солдат просто выстрелил в землю прямо возле Джима, предупредив того, что в следующий выстрел просто-напросто прикончит его, если «пацанёнок только рыпнется на что претендуя».

Видя решимость остальных мужчин из очереди, не допустить ему взгромоздиться, на поваленную на куче покрывал, прямо на улице, какую то толстую индианку — Джим, ругаясь на чём свет стоит, прошёл далее к бухте.

Тут же, заметив что офицеры «Саффолка» осматривают захваченные боевые корабли пиратов и вспомнив об узнанном им схроне на «Тюлене», подросток опрометью кинулся спрашивать ещё одного юнгу, бывшего на пару лет его младше, где именно находится корабль «Тюлень».

Стоявший по приказу лейтенанта юнга, который ждал матросов с добычей что бы их учитывать чёрточками на доске пустого ящика из под рома — и сам этого не знал.

Джиму пришлось ещё минут десять спрашивать у проходящих мимо по берегу юнг и моряков, прежде чем ему указали на стоявший посредине бухты корабль пиратов и на его грязную, почти что совершенно слившуюся с почерневшими досками, табличку с названием.

На палубу «Тюленя» Хокинс влез по канатам и

был тут же было изгнан прочь с судна, там находившимися боцманами и офицерами. Но быстро нашёлся и сказал что его прислали для помощи при описи, что бы старшие носили, а он помогал учитывать, как делали выставленные с этой же целью, прочие юнги на берегу.

Через пару минут «описи» отпросившись отлить, Хокинс как можно скорее бросился на поиск местного камбуза, что оказался возле трапа верхней палубы и после некоторого поиска смог наконец найти, указанный ему разодетым пиратом, шкаф, коих было на камбузе целых семь штук и отодвинув его, обнаружил в тайнике под ним — кожаный длинный кошель, наполненный чем то звонким.

Первый же осмотр показал, что там находилось пять золотых дублонов, два десятка серебряных монет различных стран и размеров, от совершенно крохотных до почти что десятиграммовых, пара простых золотых колечек и три, с камушками, правда бывшими меньше того, перстень с которым Джим снял с отрубленного пальца бывшего хозяина всего этого богатства.

После кратких раздумий как всё это пронести на борт «Саффолка» и избежать процедуры обыска, единственной разумной идеей подрост-

ку показалась следующая: здесь и сейчас взять шлюпку и прибыть на собственный корабль, с неким придуманным «сообщением» от десантного отряда: что город взят и господин капитан может прибыть с осмотром и принятием победы.

Подросток знал, что офицеры на берегу — специально пока что не посылали вестового с подобным сообщением своему командиру, желая как можно больше получить выгоды от грабежа и насилия, и опасаясь что капитан это всё немедленно прекратит своим приказом.

Быстро вернувшись с «Тюленя» на берег и найдя небольшую пиратскую лодку, которой мог и в одиночестве добраться о своего корабля — Джим вскоре уже стоял на палубе «Саффолка» и сообщал помощнику капитана что поселение взято, а пираты большей частью уничтожены и можно начинать грузить призы — люди на берегу к этому давно готовы.

В радостной суете на борту и криках что «наконец то» и «давно пора», никто не заметил, как принесший столь давно всеми на корабле ожидаемую новость юнга куда то на время исчез, а чуток погодя появился из корабельного гальюна — уже без свёртка в руках, который до этого скрывал на пузе, под рубахой.

Джим решил что если аккуратно свернуть часть досок на «седле» и аккуратно закрепить на них своё богатство, а потом вернуть доски на место и прибить их вновь, то можно не беспокоиться за обнаружение своей островной добычи и почти что быть уверенным в том, что она достанется именно ему, а не кому ещё.

О том что кошелёк, так же как зря прибитый к обратной стороне досок, может банальным образом свалиться, при сильных движениях тел на досках над ним, подросток в то время даже и не подумал, настолько он был доволен всем что с ним произошло на острове и тем, каким настоящим богачём он с него вернулся.

Юнге мерещились уже собственные плантации на Ямайке, пышнозадые рабыни, которых он лично выбирает на местном рынке рабов и не только негритянки, но разные: и местные, из индианок и чёрные как уголь негритянки западной Африки, и светленькие мулатки, и даже белые, ирландки к примеру.

Ему виделся огромный особняк, вежливые вышколенные слуги, куча разнообразнейших женщин в нём: что делают ему массаж и всячески его ублажают, готовя по утрам горячий шоколад с ромом и пока он его будет пить, вдоволь накидав

туда куски коричневого сахару, они его разнообразно, по бабьи, станут ласкать…

Можно ли было купить всё это за ту сумму что он заполучил на «Тюлене» — Хокинс не знал, но был всё равно доволен выше всякой меры и на остров вернулся, с погрузочной командой с «Саффолка», скорее от нечего делания на корабле, чем в желании помочь или что ещё себе заполучить.

Делиться с прочими мальчишками юнгами, своим кладом, он не собирался, скорее наоборот: сейчас, став внезапно богачём, он думал как бы побольше сбить монет и прочих ценностей с остальных юнг и сорваться в побег, прочь от военного флота Англии и ближе к одурманяще пахнущим женщинам рабыням, о которых он мечтал всё время в ночных поллюциях, после посещения особняка в Кингстоне.

Они снились ему постоянно и он буквально всё свободное время грезил как будет их выбирать, потом вести в своё поместье, а уж там… У-у-у-ух!!!

Ещё добрые пять часов проходил обыск острова и пиратских кораблей стоявших в его бухте, а также перетаскивание ценностей на «Саффолк».

Офицеры и моряки хохотали и были довольны выше всякой меры: они получили как добычу,

так и сексуальную разрядку после долгого воздержания, в виде захваченных на острове пленниц и сейчас считали что жизнь удалась и всё просто прекрасно! Так бы было каждый день!

Юнги деловито скидывали своим товарищам на корабле какой нехитрый скарб, что урвали на берегу и сговаривались где его прятать.

Решено было провести ночь на острове, а утром разделиться: часть офицеров, в основном тех что прибыли в помощь кораблю с торговых судов — должны были помогать укороченным до минимума экипажам доставить обратно корабли торговцам ромом, с теми жалкими остатками их грузов, что ещё не были выпиты морскими разбойниками, а позже не захвачены самими «борцами с пиратами».

Сам же «Саффолк», ведя в конвое на буксире захваченные корабли пиратов — отправляется на Мартинику и там его офицеры постараются продать, с посреднической помощью местных негоциантов, эти корабли для чьих нужд: будь то прибрежного патрулирования или охраны караванов в Европу.

Возможный Куш представлялся настолько большим, что все боевые офицеры судна дружно проголосовали изгнать «чужаков» офицеров с

«Саффолка» и идти продавать суда на французский остров, в обход возможности сдать их за вознаграждение собственной короне или Вест Индской компании.

Утром две группы кораблей разошлись: суда принадлежавшие негоциантам — отправились в Кингстон, на Ямайку, ждать своих владельцев и выплат от них, за помощь в борьбе с пиратами и возвращение транспортов. Заодно это позволяло капитану «Сафолка» отчитаться о проделанной работе самым лучшим образом: спасёнными кораблями «славных, добрых торговцев его величества»!

Сам же «Саффолк» и три двадцатипушечных, правда несколько устаревших, корабля пиратов — направились на Мартинику, что бы вдали от колониальной администрации Британии можно было, офицерам королевского флота, провести несколько крупных сделок — позволивших бы им в дальнейшем бросить ненавистную службу и осесть «большими людьми» в Новом Свете или вернуться в родные дома, в самой Англии и начать собственное дело по грузоперевозкам по морю.

Ночью однако, перед самым прибытием на Мартинику, произошёл очередной инцидент в

кубрике «пороховых мартышек»: при ночном складывании в общак того, кто и что унёс с острова, сегодня все на корабле так были заняты мародёрствованием что просто позабыли о юнгах и их обыске при возвращении на судно — и уже на вечернем осмотре захваченной добычи оказалось что именно у Джима она самая маленькая: всего пару простых кинжалов, что он прихватил для виду, во время своего возвращения на остров от нечего делать.

Старшаки сразу заподозрили что Хокинс что утаил и напомнили ему, что он сам разорялся более всех об общаке и прочем.

Но Джим, чувствуя необычайный прилив энергии и уверенность в своих силах, после стычки на острове с пьяным пиратом с «Тюленя» и юнгой южанином — просто избил пару что с ним спорила и стал угрожать остальным. Инцидент вскоре замяли, но осадок остался…

Однако уже через десять минут, когда из за какой мелочи вспылил малыш Клоп который принёс в каюту одну из самых ценных вещей — дорогое дамское зеркальце в оправе из золота и каменьев, Джим Хокинс вновь проявил свой новый, закалённый недавними островными событиями, крайне деспотический, характер: он

просто отнял безделушку и сообщил что следует немедленно продать зеркальце, как только доберёмся до Кингстона.

— Оправу — да! Но само зеркало и нам нужно! Ты вспомни, как тяжело бывает когда ранен и надо посмотреть что там на спине или где ещё… задница, к примеру, задета! — горячился Клоп. — Зеркало нужно в общак, для лечения ран! Мало ли что с нами скоро слу…

Его быстрый говорок прервала затрещина от Джима, чего ранее тот никогда себе не позволял, всячески оберегая самого младшего в их отряде от издевательств прочих юнг: «Заткнись крысёныш! Будешь возникать — пойдёшь «душечкой» на нижние палубы, всех кто там есть — обслужишь, уяснил утырок?!»

Хокинс буквально бесился от того что с ним кто то спорит в кубрике юнг и его выворачивало наружу от ненависти к любому, кто по его мнению «возникал».

Последние дни: абордаж пиратской шхуны, удушение юнги южанина в их общем кубрике, высадка на остров пиратов и два трупа там — как то незаметно изменили его и Джим это чувствовал всеми частями тела.

И ему это нравилось! Он казался сам себе ли-

хим мужиком, у которого впереди прекрасное будущее — главное лишь пинками разогнать всю ту мелюзгу, что сейчас вертится возле него и заставить их всех прислуживать себе, как хозяину.

Клоп с воем тут же убежал в дальний угол и тихо плакал сидя у переборок, больше он не встревал в споры и не требовал ничего за зеркальце, хотя именно он его принёс и ему причиталась часть данной добычи в качестве премии.

— Ты меняешься… — как то странно проговорил один из старшаков, глядя на Джима с ужасом и при этом явном, почти благоговейным, восхищением.

— Верно! — согласился с ним Хокинс. — И это следует запомнить всем, как друзьям так и врагам!

На обратном пути на Мартинику «Саффолк» остановился возле одного, прежде малоприметного острова, так как смотрящие, в этот солнечный ясный день, заметили останки какого большого судна у скалистого берега данного островка и на фоне успеха от недавней вылазки против пиратов, решили что им может подфартить и они заполучат ещё какой новой добычи.

На остров были отправлены около сорока человек на паре шлюпов, а сам конвой, что пы-

тался добраться для продажи трофейных судов до Мартиники — спустил паруса и стал ждать результата их осмотра.

Вскоре раздались одиночные выстрелы, потом уже целая беспорядочная трескотня. Когда «Саффолк» повернул, что бы подойти ближе к острову и под прикрытием орудий совершить новую вылазку, для возможного спасения первой разведочной команды — прибыли сами её представители и объяснили что произошло.

Вместе с ними на шлюпах оказались какие то женщины, сильно заросшие и неряшливые: с грязными волосатыми ногами, обгрызанными кое как ногтями, свалявшимися волосами и вообще, совершенно неухоженные, которых однако крайне вежливо встретил капитан и предоставил им свою каюту. Остальные офицеры также были невероятно галантны и всячески оказывали покровительство странным дамам островитянкам.

Выяснилось вскоре следующее: затонувший корабль — большая торговая каракка из Лиссабона, а женщины на ней — англичанки, супруги негоциантов, плывших на каракке с большим ценным грузом шерстяных изделий, брабантских кружев и двумя десятками породистых скакунов.

Когда судно оказалось на мели, вследствии бури, выяснилось что островок, куда они врезались, расположен несколько в отдалении от обычных маршрутов кораблей и особо никто их спасать не рвался.

Через пару недель произошёл бунт и моряки просто поубивали своих офицеров и купцов, забрав себе их вещи, и их женщин.

Потом матросы стали жить как знать: давая друг другу приёмы на острове или крепко засевшей на скалах каракке и регулярно напиваясь вхлам, постоянно насилуя пленниц или стреляя, скуки ради, просто в воду.

Когда месяц назад увидели впервые паруса на горизонте, то новые «хозяева жизни», под угрозой расстрела, заперли всех пленников и пленниц в помещениях судна, а сами скрылись в чаще: они боялись как настоящих пиратов, промышляющих где здесь поблизости, так и колониальных властей или кого ещё. Ибо для пиратов они были добычей, а для местных властей — преступниками.

Ещё пару раз прятались матросы каракки от видевших их корабль на скалах, судов и не отвечали на выстрелы тех из орудий.

Когда подошла одна небольшая шхуна, видимо

для осмотра чем поживиться — её моряков перестреляли на берегу, а саму шхуну, утопили чуть далее каракки.

Через несколько дней после этого пираты сильно жалели о содеянном и говорили что надо было на ней сбежать, но они так испугались что их «сладкий мирок» кто то раскрыл, что вначале всех убили и корабль затопили, и лишь потом, немного отойдя от той паники что их охватила, сообразили что ошиблись и можно было, заполучив целый корабль, нагрузив его оставшимся грузом с каракки и перебив всех пленников свидетелей их преступлений, спокойно убраться прочь с острова.

Со шлюпами «Саффолка» повторилась та же история: как только они приблизились к острову, по ним стали стрелять и ранили пару человек, но матросы и десант англичан ответили дружными залпами и бунтари спрятались на островке, где их чуть позже всех и перебили поисковые команды.

Женщин нашли в трюме каракки и лишь присутствие офицера помешало спасителям тут же их изнасиловать.

Когда немного позже выяснилось кто это такие и что за них, семьи в Англии, могут выплатить вознаграждение — женщин немедля достави-

ли на английский корабль и с максимальным пиитетом, что бы дамы видели что плывут в кампании джентельменов, собирались доставить на Мартинику.

На каракке, из за отвратного хранения груза пьяной матроснёй, ценого было уже немного: суммы наличными в разбитых сундучках, какое ценное оружие, кожаные вещи.

Шерсть и кружева испортились и свалялись. Лошадей перебили и съели ещё несколько недель назад. Основным грузом данная каракка пополнялась именно в Новом Свете и отсюда гружёная шла в Европу.

Ещё, через почти что сутки после нахождения столь странной группы потерпевших крушение моряков, показалась наконец то Мартиника и все на «Саффолке» стали переговариваться, кому и за сколько «загонит» капитан сразу три отличных призовых пиратских корабля, с пушками и что выгорит матросам с этой сделки. Моряки мечтали поскорее вернуться в Кингстон и снова там немного покутить.

Вскоре однако выяснилось, что власти французской Мартиники запретили заход военного конвоя английских судов, опасаясь какой подлости с их стороны и сейчас капитан «Саффолка»

договаривался о том, что суда на продажу станут поочерёно заходить в указанные им гавани острова и продаваться на аукционнах «не очень легально», так как ни колониальные правители острова не хотели скандала, ни офицеры английской короны разглашения того, что они, вместо того что бы пополнить флотилию Вест Индской компании, что было предусмотрено снабжением ею антипиратских рейдов военного флота объединённого королевства — тайно продают на острове нейтральной державы свои захваченные призы.

Матросы были крайне огорчены произошедшим, так как все, включая Джима, надеялись как можно скорее высадиться на сушу и немного «раскидать» по торговцам тот скарб, счастливыми обладателями коего они стали за последнее время, схватившись с пиратами и разбойниками на двух островах и обзаведясь на них же, многими лишними, на корабле, безделушками.

«Саффолк» барражировал вокруг Мартиники особо не встревая в конфликты, даже если его просили о помощи британские капитаны судов и отвечая им вежливым отказом, когда случился скандал: одним из покупателей трёх пиратских двадцатипушечных кораблей, недавно захва-

ченных англичанами — оказался представитель Вест-Индской компании именно королевства Англии и Шотландии!

Узнав что суда продаются не частными людьми или французами, а соотечественниками, которые обязаны были бесплатно или за символическое вознаграждение их отдавать на нужды Компании — клерк тут же отплыл на скоростном шлюпе на Ямайку и пока «Саффолк» и все члены его экипажа томились ожиданием первой солидной сделки по захваченным ими судам, на его борт прибыла комиссия: в составе вице-губернатора, представителя адмиралтейства в колониях, и нескольких чиновников и младших директоров Компании.

Засвидетельствовав наличие трёх неучтённых судов, с офицерами «Саффолка» на борту, в гаванях Мартиники и тайно проведя переговоры о продаже с ними — комиссия взошла на борт самого «Саффолка» и вскоре стали известны невероятные подробности встречи вице-губернатора и офицеров корабля: капитан корабля арестован и отправляется спешно в Кингстон, а вскоре — прямо на суд в Британию! Первый помощник становится новым, исполняющим обязанности, капитаном, до дальнейших распоряжений и

«Саффолк», пополнив свои запасы на Ямайке и там же будучи тщательно обыскан администрацией острова на наличие каких ещё «чрезмерных и излишних» вещей, на своём борту — немедленно отправляется на Мадейру, для выполнения новых миссий уже в Европе.

Суда пиратов были конфискованы в пользу короны и как узнал Джим уже много позже, выкуплены Вест Индской компанией за смехотворную сумму на аукционе, и вполне приличную взятку, губернатору.

Дамы, бывшие в офицерских каютах, после расследования комиссии что это не проститутки и что офицеры «Саффолка» не совершенно забыли о дисциплине — были отправлены, вместе с арестованным капитаном судна, скоростным шлюпом на Ямайку, откуда их уже пассажирским кораблём возвращали в Старый Свет.

Настроение в команде «Саффолка» сменилось: если раньше все с нетерпением ждали очередных премий, за продажу призовых судов и отличной гулянки в Кингстоне, то сейчас офицеры были подчёркнуто строги к матросам и солдатам, не говоря уже о юнгах и наказывали за малейший промах, боясь новых расследований и наказаний, уже для себя самих.

Были проведены новые массовые обыски на корабле и матросы «Саффолка» лишились большинства своей добычи, прежде ими захваченной и негласно разрешённой прежним капитаном судна.

Бунта не вспыхнуло, но попытки к такому предпринимались и Джим сам, через пару дней после обыска, видел повешенного боцмана: что агитировал команду «захватить корабль и вернуть славные времена Эвери!»

Вновь оказалась потерянной и общак «пороховых обезьян», что привычно хранился мальчишками в их кубрике.

Юнг слегка прибили, за то что утаивают и хранят подобные ценности у себя, совершенно оборзев и не делясь со старшими, но на этом всё и закончилось.

Хокинс, у которого после его несколько неоправданного нападения на Клопа были натянутые отношения с остальными юнгами, спокойно и уверенно вернул, ранее хранившееся в гальюне, под досками сиденья, зеркальце с драгоценной оправой — объяснив что его не так поняли и на самом деле он с самого начала просто опасался постоянных обысков взрослыми их, юнг, помещений и отбирания добычи.

Малыш Клоп вновь восхищённо глядел на своего, такого умного, друга. Старшаки хмыкали и говорили, что если Джим такой умный — мог бы и всю остальную кассу и добычу где удачно пристроить, а не одно лишь зеркальце. Новички южане цокали языками и показывали Хокинсу большой палец, о чём то постоянно тараторя на своём языке.

Когда прибыли на Ямайку, выяснилось что сходить на берег никому нельзя и после пары дней пополнения припасов судно немедленно отправилось вновь в Европу, на остров Мадейру, принадлежавший португальской короне.

Юнги переговаривались что скорее всего их вновь направят на берберов, что бы погасить активность тех в Средиземном море.

Иные считали что более похоже на попытку вернуть корабль в Англию и провести показательный суд над офицерами, часть которых арестуют на Мадейре, что бы не сбежали с боевым кораблём, как ранее сделал вспоминаемый многими Эвери, а уж на Мадейре — можно безболезненно менять командование судном, не опасаясь бунта или побега всей команды с большим военным кораблём куда прочь: от флотилий британской короны там не убежишь, особенно без пополне-

ния припасов после долгого перехода.

Глава шестая: «Помощь негоциантам и первая женщина Джима»

Возвращение в Европу оказалось не столь радостным, как многие предполагали: в основном из-за ареста прежнего капитана «Саффолка» и угроз расформирования нынешнего корабельного офицерского состава и возможных судов, уже над командой.

Однако ничего страшного на Мадейре не случилось: корабль на острове ожидал уже новый командир, присланный из Лондона и после представления команде выяснилось, что на самом деле решено не проводить дальнейшего расследования — этого очень не хотела сама Компания и руководство колоний, а просто временно убрать «Саффолк» от выполнения противопиратской деятельности и направить его на иные задачи.

На Мадейре судно простояло три недели, восполняя припасы и дополучая израсходованные почти что полностью, на Карибах, порох и ядра, порядком истраченные за время рейдов против тамошних пиратов и постоянной но бессмыс-

ленной пальбы по ним, когда быстроходные шхуны морских разбойников уплывали прочь от «Саффолка».

В отличие от Ямайки, офицеров и моряков теперь редко выпускали на берег, так как англичане постоянно, в пьяном виде, задирали португальцев и местным властям надоели дуэли между офицерами иноземцами и собственными аристократами или поножовщины матросни в тамошних тавернах.

Сидеть безвылазно на судне казалось адски мучительно и Джим, и прочие юнги, искали хоть какое занятие что бы немного развеяться: отпрашивались с поручениями как гонцы, убирали или перетаскивали грузы из трюмов, выпрашивали дополнительные занятия по обучению по подносу пороха к орудиям и тому подобное, что позволяло убить очередной, совершенно такой же как и предыдущий, похожие друг на друга, дни томительного ожидания отплытия.

Поход на Карибы несколько примирил две группы юнг, «стариков», из англичан и новеньких, набранных на Мальте и сейчас они вполне мирно себе сосуществовали, почти не ругаясь между собой.

В конце третьей недели пребывания на острове,

прибыл порученец из адмиралтейства и «Саффолк» получил неожиданный приказ: оказать содействие в сопровождение и охране конвоем каравана торговых кораблей, что везут порох и ружья племенам, точнее царькам племён, западной части Африки и после выполнения их миссии — помочь с доставкой иного груза, что получат данные торговцы в обмен на старые ружья и порох, что они везли как свой основной товар.

На корабле долго шушукались что бы это могло значить и отчего столь крупное военное судно как их корабль, было отправлено на такую странную и нелепую, для военной махины «Саффолка», задачу, когда во время отдыха после очередного учения «пороховых обезьян» по переноске на время сумок с порохом, один из канониров, опытный пятидесятилетний Том Сойер, с большой залысиной на макушке и спадающими рыжими волосами до самых плечь, на затылке, не объяснил некоторые нюансы Джиму, сидящему близ него: «Всё как обычно! Решили в обход Вест-Индской компании немного продать рабов плантаторам на Барбадосе, где уже затихает прежде огромнейшая торговля сахаром и ромом, а для этого, сговорившись с кем в адмиралтействе и вытребовали нас, в качестве аргумента — что

бы суда с грузом никто из «компанейцев» случайно не утопил, вроде как спутав с пиратскими! Да и настоящие пираты, из тех что возле тех мест нередко промышляют и поджидают торговцев рабами — тоже остерегутся атаковать!»

— Так мы будем рабов везти на Ямайку? — наконец то понял Хокинс все новые приказы о перемещении «Саффолка». — Я то думал снова сражаться с берберами или что подобное…

— Нет! — твёрдо проговорил Том Сойер. — Это в прошлом веке берберийцы вытворяли что хотели в Средиземноморье, сейчас, после того как крупные тамошние страны начали строить крепости на их побережье — им уже скорее за торговцем каким поспеть, а брать пленников в наших городах они не в состоянии! Не то что раньше! Торговцы, которых мы станем сопровождать — поменяют старые ружья и порох на тысячи рабов, и с новым грузом поплывут на Ямайку. Это ведь невиданные прибыли: списанные или просто украденные на складах ружья, порох среднего качества — так как царьки, правящие в тех африканских джунглях, с трудом понимают что с ним и как правильно должно быть и берут его для показухи…

— Как это? — не понял говорившего Хокинс.

— А так: для них главное что бы было как можно больше шума и дыма, они вроде духов смерти призывают, как тамошние колдуны своими плясками! Смертность от залпов у них низкая, так как мы им оружие некачественное продаём, а сами они его не производят, как и порох к нему — нет! Стреляют как из хлопушек, что бы скорее напугать друг друга: чем громче, тем лучше! А точность залпов и прицельность, это не для них! Сражение с нашим оружием, для африканцев, словно смесь какого религиозного празднества и соревнования спортивного: убивают больше стрелами, дротиками или копьями, а наши ружья для них как некие магические инструменты, не более того. Португальцы и испанцы злятся на нас, ну да и пускай!

— Чего так? Им то что?

— Они сами хотят со временем подчинить своим коронам данные побережья и опасаются что наши продажи, аборигенам, европейского оружия, помешает им в этом!

— А разве нет?

— Пускай так думают и опасаются на них нападать… А потом мы сами, себе отхватим данные богатые территории!

— Так ведь у негров будут уже наши ружья, что

гораздо опаснее дубинок и копий, и они могут научиться делать порох сами, а потом и какие пушки, и тому подобное? — предположил Джим.

— Нет! Полвека им продаём ружья и порох, и ничего они сами не начали производить: ни ружей собственных, ни порохов, даже не пробуют пороховые фабрики или простейшие мельницы у себя организовать, ничего! Всё берут у нас, а мы, если захотим их завоевать — продадим ружья с дырявыми ржавыми стволами и порох некачественный, и тут же нападём: с картечницами, линейным строем мушкетёров, преследованием кавалерией вглубь и нашими линейными кораблями, что для местных, в Африке — как плавучие непобедимые замки! Пока что они нам продают словновьи бивни и страусинные перья, золотой песок и крокодильи шкуры, алмазы и изумруды, но… Когда мы решим просто забрать это всё себе и сделать собственной землёй — тамошние племена и их жадные царьки не смогут даже пискнуть, против нашей мощи, поверь мне, Джим! — горячился Том Сойер, словно бы о чём давно спорил с подростком. — Они торгуют соплеменниками и ещё и рады, что мы им даём виски и ружья, порох и зеркала, и прочее что, вроде тканей! Мне кажется что они не представ-

ляют всех ужасов нынешних европейских войн, вроде той же «тридцатилетней», прошлого века, что была в Империи. Для них это спорт сильных против немощи слабых, не более того. Как дети — честное слово! И когда наша военная мощь там появится, не как сейчас, сопровождением конвоев или небольшими группками поселенцев, а полноценно: армией и подчинением короне… О, тогда они будут в шоке и почитать нас, белых господ — как богов! Всех без исключения!

После того разговора, Джиму ночью вновь снилось собственное поместье в Кингстоне, на Ямайке. Негритянки рабыни и он сам, одетый в дорогой, вышитый золотом кафтан и разгуливающий по террасам своего особняка, принимающий отчёты от мулата дворецкого и уплетающий за обе щеки жаркое из редкой птицы попугая, запивая его красным вином.

Через пару дней плавания выяснилось что суда направляются в Дагомею, в пролив Бенин возле Вольты, где их ждёт старый проверенный поставщик рабов, для всех торговцев из Англии.

Поговаривли, что тамошние правители даже убеждают всех что сами боги приказывают им промышлять этим бизнесом, как самым верным и достойным, что бы они оказались на небесах

или где им там следует оказаться, после смерти.

Том Сойер был прав и в том, что везли британские негоцианты в Дагомею: текстиль, в огромных количествах, так как из этого государства он уже расходился по соседним территориям, причём втридорога — шерсть на самом Альбионе была не в почёте, сейчас правили бал китайский шёлк и индийский хлопок, что бы «текстильщики» больше не поднимали бучу и не старались захватить парламент, решено было менять шерстяные ткани и одежду в Африке, как бы комичным это не казалось.

Были также дешёвые ром, виски и им подобные крепкие напитки, так ценнящиеся всеми аборигенами.

Старые, а то и просто негодные к войне ружья или порох, крайне низкого качества, который в европейской битве привёл бы к катастрофе и казни интендантов его закупивших и фабрикантов, выпустивших такой товар. Но в африканских, «погремушечных» войнах, данный некачественный товар годился на шумные эффекты, так любимые местными правителями.

По прибытии в залив Бенин, Джим узнал новости о причинах столь поспешной сделки, на которую согласились и члены адмиралтейства:

Дагомея недавно проиграла войну соседней державе Ойя или как её там именовали и должна была платить особо неприятные по размерам налоги победившей стороне, и всячески уступать ей в работорговле с европейцами.

Правитель Дагмеи согласился на уступку в цене английским капитанам, если они как можно скорее привезут ему много новых ружей и пороха — что бы имея лучше вооружённую «европейским оружием» армию, вернуть себе прежний статус и самому стать чуть ли не монополистом по работорговле, на этих землях.

Британцы просто вовремя воспользовались отличным шансом избавиться, по заоблачным ценам, от десяти тысяч старых ружей и пятнадцати тонн пороха, не считая излишних на островах шерстяных тканей и дешёвой выпивки, и сейчас, когда Джим смотрел с борта «Саффолка», как постоянно снуют шлюпы и лодки, при разгрузке английских торговых судов, он мыслено присвистывал про себя, понимая, что возможно пираты полные дураки и огромные деньги можно делать без всякого риска лишиться в бою конечности или получить пулю в брюхо.

Трое суток разгружали корабли флотилии английских торговцев. Наконец, на пятый день,

прибыли офицеры с берега и сообщили что бы матросы и часть юнг с «Саффолка» отправились с ними на сушу и помогли охранять рабов и транспортировать их на суда, как скотину, для дальнейшей перевозки на Ямайку.

Необходимо было в течении одного светового дня загрузить весь «живой товар» и как можно скорее, что бы он весь в духоте и тесноте не перемёр после трёхнедельного плавания, добраться с пленниками работорговцев на острова Нового Света, для продажи рабов с аукционов.

Джим вызвался отправиться добровольцем и получив разрешение от лейтенанта судна, уже вскоре плыл на восьмивёсельной шлюпке, к пышно цветущему зеленью берегу Дагомеи.

В заливе, на той части суши где сейчас находились приготовленные к погрузке рабы, стоял настоящий гвалт: выстроились на песке и камнях у воды тысячи рабов в нашейных колодках, скреплённые так по трое или пятеро, вместе.

Несколько сотен странных людей, из свиты местного короля, одетых в смесь европейского, арабского и африканского платья, и носящие европейские ружья, скорее как прежде римские ликторы переносили свои топорики, для красоты, чем самообороны — важно рассматривали про-

исходящее на берегу, впрочем не вмешиваясь.

Белокожие европейцы, что отбирали рабов и ссорились меж собой, сговариваясь какую партию первой пропустить в трюмы: самых сильных выносливых рабов ставили на погрузку первыми, что бы выдержали путешествие в максимально спёртом воздухе и давке, самых слабых — последними, ближе к выходу и возможности их быстро уносить из трюма и выбрасывать их тела, если заболеют или умрут, в воду, до того как они заразят остальных рабов.

Хокинс, вместе с парой юнг, принялся погонять указанных ему рабов по мосткам на большие шлюпы и заполнив их, отвозить партии «живого товара» на суда.

Потом пинками, они все вместе заставляли пленников потарапливаться и как можно скорее взбираться на борт, для этого снимая на шлюпе нашейные их кандалы и нанося пару чётких ударов, что бы те не думали что смогут сбежать.

Несколько человек, из рабов, всё же пытались сопротивляться: оттолкнули конвоиров и плюхнувшись грузно в воду, отнимали, если могли, ножи своих мучителей и пыряли их самих, что то крича пытались откусить носы своим врагам.

Джим и прочие с ним находящиеся европей-

цы, без всякой жалости убивали таких рабов с помощью кортиков или топориков, офицеры стреляли им в спину, если раб бросался в воду и пытался уплыть.

Вначале подросток думал что это самые буйные и свободолюбивые из рабов, но после того как количество, лишь им убитых им лично, пленников — достигло восьми, всего за десять перевозок на шлюпе, он перестал обращать внимание на подобные инциденты и привычным жестом снимал колодки с шей рабов, давал тумаки, угрожал кортиком или делал неглубокие надрезы, что то кричащим или скалящимся на него, людям, поставленным в условиях животных.

Торговцы, которых и охранял сейчас «Саффолк», негромко переговаривались между собой на берегу: как можно больше людей запихнуть в трюмы своих судов и следует ли их кормить в пути или ограничиться лишь раздачей воды?

Огромная территория берега, этой части залива, была покрыта людьми, в основном рабами, но также чиновниками Дагомеи или прибывшими матросами «Саффолка» и торговых судов, что теперь, как надзиратели в тюрьмах, принимали к себе на борт рабов и гнали их в трюмы душегубок, в которых тем предстояло провести от десяти

дней — до нескольких недель, как кому повезёт быть проданным на плантации.

Джим слышал что те кого продадут на ближние острова, где самые скотские условия на плантациях сахарного тростника и какао — помрут в первый же год, кого продадут далее, в Филадельфию или зачахший сейчас и некогда знаменитейший Барбадос, могут протянуть лет десять, если повезёт.

Вечером этого насыщенного дня, уже у костров, когда последняя партия рабов была погружена на суда — один из торговцев, громко хихикая себе под нос, подошёл к костру где находился и Джим, и пьяным, заплетающимся голосом, объявил: «Пару часов ещё есть — не трать время, ребята! Сейчас притащат местные девчушек, мы за них заплатили, но брать уже некуда — они ваши. Считай, подарок за хорошую службу!»

Моряки взревели и стали благодарить «добрых господ». Хокинс ничего особо не понял, но тоже кричал «браво»!

Потом до него понемногу начал доходить смысл сказанного, когда кто то из приказчиков на торговых судах, приволок к их костру трёх чернокожих женщин, точнее двух взрослых, с отвисшими грудьми и огромными, невероятными по ши-

рине, бёдрами и одну девочку, подростка, на голову ниже Джима и совершенно худенькую.

— Ваши! Не скучай братва! — с ухмылкой проговорил приказчик, пока моряки жадно тискали столь редкие им в последнее времена женские телеса и принялись заваливать полученные «призы» прямо на песок, толпясь и пыхтя в очереди.

Где то рядом, у иных костров на берегу, происходила подобная же возня и тонкие девичьи крики, точнее скорее писки, постоянно звучали в наступавшей многозвучной африканской ночи.

Джим вначале испугался и растерялся, и пропустил всех в очереди. Потом, разозлившись на себя — внезапно нанёс несколько мощных ударов по морякам перед собой и пока они ошалело бурчали скрючившись на песке, не ожидая подобного от сопливого юнги, Хокинс схватил худющую девчушку, которую уже успели попользовать двое матросов и рывком подняв её с земли, забрал с собой.

— Э, куда тварь! А ну стой!!! — заорали моряки и схватились за кортики.

Но Джим тут же взмахами ног насыпал им песка в глаза и не решаясь убить своих противников, просто нанёс несколько быстрых, но не сильных,

ударов кортиком — по рукам и ногам вопящих матросов.

Матросы с «Саффолка» повалились на землю, протирая глаза и дурно воя, а сам Хокинс сбежал в ночь, в небольшую пещеру возле каменного пятачка на берегу, где грузили весь день рабов.

Дотащив свою добычу до места где им не помешают, как те из матросов, которых Джим недавно ранил, так и какие заблудшие европейцы или любопытные местные — подросток повалил верещавшую тонко малолетнюю рабыню на землю и попытался тут же совершить с ней акт.

Но то ли от нетерпения, то ли от спешки с вознёй с собственными штанами, но первый раз разрядка произошла на песок и бёдра жертвы, а вовсе не в неё.

Разозлившись на весь мир от такой своей оплошности, Джим тут же надавал пощёчин и тумаков девушке, крича что она ведьма черноротая и наверное его прокляла.

Однако вскоре молодой подростковый организм быстро восстановился и юнга понял что у него вновь появились признаки желания обладать женщиной.

На этот раз он уже не спешил и раздвинув коленями тонкие ноги воющей животными голосами

девушки, не спеша стал тыкать своим органом, в столь им уже часто желаемый, женский «бутон».

Прошло однако не менее пары минут, что бы неопытный подросток, в почти что полной темноте, смог наконец попасть куда ему было нужно и после десятка фрикций на почти что замершей от ужаса жертве — наконец излиться в неё полностью.

На этот раз Джим свалился вбок, с девушки, довольный собой вообще и полученным новым наслаждением: теперь он стал полноценным мужчиной, во всех смыслах слова.

Напряжение, что так томило его последние несколько месяцев, теперь исчезло и появилась приятная истома.

Захотелось немедленно заснуть и после пары часов сна, наесться чего до отвала, запивая всё тёмным горьким пивом.

Подросток упустил момент когда девушка неслышно, словно бы пантера, вскочила на ноги и опрометью бросилась прочь.

Пока он сам ошалело вставал с песка, пока смотрел ей вслед, определяя расстояние — его недавнюю партнёршу повалили на землю четверо моряков и громко гогоча стали по очереди насиловать.

На этот раз Хокинсу было откровенно всё равно и спокойно пожав плечами, он направился к еле видимым в ночи шлюпам, на которых ему следовало возвращаться на «Саффолк».

Чувство превосходства и достижения чего то невероятного уже отпустило его, и сейчас осталась лишь усталось и недовольство на себя, что упустил такую ценную и приятную игрушку, так всласть с нею и не позабавившись.

В шлюпке уже валялась пара пьяных вусмерть моряков и какой то офицер, но с торгового судна, блевал через борт в воду.

Где то через четверть часа пришла команда «Все по местам!» и матросов начали развозить по их кораблям.

Хокинс постарался быстрее остальных подняться на борт «Саффолка», что бы не получить удара от недавно подрезанных им на берегу моряков и после отчёта лейтенанту, проскользнул змейкой в кубрик юнг.

Почти пол ночи он в подробностях расписывал, обступившим его мальчишкам, как «драл сучку» на берегу, как офицеры ему подобрали, за его помощь в погрузке рабов, днём — местную принцессу и как она верещала под ним, обнимая руками и ногами, и требуя что бы он не останав-

ливался и не прекращал.

— Зараза! — самодовольно сказал Джим остальным юнгам, что слушали его заворожённо. Ибо даже те из них, что также участвовали в погрузке рабов, так и не смогли пробиться в очередь на рабынь, как не пытались. Их как котят откидывали дюжие моряки или угрожали им расправой и юнги отходили прочь, боясь приближаться. Джим был сейчас для них всех настоящим героем. — Страстная стерва и заводная! Всё никак не хотела меня отпускать, плакала и просила вернуться за ней…

— А я говорил… — обиженно буркнул карпуз Клоп. — Если бы захватили корабль — сейчас бы сами девок тискали и торговали с местными! Так нет же, вы всё заладили…

Под общий смех в кубрике юнг все разошлись по своим местам и стали готовиться ко сну.

Глава седьмая: «Танцор Сильвер, балагур Флинт, стрелок Пью, разведчик Чёрный Пёс и все, все, все...»

Второе прибытие на Ямайку «Саффолка», оказалось более спокойным, чем предыдущее, с прежним, сейчас арестованным, капитаном: офицеров предупредили что расследования комиссий конечно прекращены, но могут быть запросто восстановлены и тогда им всем не сдобровать.

Это сразу же остановило новые массовые случаи дуэлей и «охот за невестами», и всё ограничилось, привычной в здешних местах, сильным вечерним загулом матросов и поножовщиной после оного.

Компания была не очень рада появлению конкурента их торговле рабами, но после переговоров с прибывшими торговцами в поместье губернатора, которых и охранял «Саффолк» — все вопросы были улажены и компанейцы ушли прочь, бурча себе под нос проклятия в адрес адмиралтейства в Лондоне.

Во время пути на Ямайку умерло полсотни рабов и Джим постоянно видел как их вечерами сбрасывали за борт, иногда по пять штук за раз, реже — лишь одного.

Говорили, что рабы друг друга в трюмах кораблей нередко убивали, из племенной мести или чего подобного, но всех это мало волновало: скорее беспокоило — будут ли наградные фонды получены или очередной поход в Новый Свет пройдёт без премиальных выплат.

В трюме где находились рабы стояла невероятная вонь: многие пленники блевали или испражнялись тут же, всё время своей перевозки и никто за ними не убирал.

Рабов, при помощи матросов и юнг «Саффолка», по прибытии на Ямайку тут же выгрузили в порту и переправили на шлюпах на остров, для возвращения в нормальный товарный вид — в поместья местных знакомых работорговцев.

Потом, партиями по сто или двести человек, рабов приводили на невольничий рынок и продавали группами по десять или пятьдесят за раз, с аукциона.

Особо ничего нового на корабле пока что не происходило и не планировалось вскоре куда отплывать, и Хокинса отпускали на берег всего

пару раз.

Во второй свой выход, подросток успел на берегу распродать часть захваченных на пиратском острове безделушек за английские монеты и теперь тяготился мыслями как ему поступить далее: немного потратить их, как настоящему моряку, на выпивку и жратву, или купить себе вновь каких вкусностей, вроде тех же бананов или ананасов, и спокойно всласть обожраться ими, прежде чем вернуться на свой корабль.

Решив про себя что пора уже браться за ум и взрослеть, не всё же оставаться ребёнком и играть в бирюльки — Джим уверенным шагом направился в ближайшую таверну, что бы немного напиться там и пожалуй устроить какую потасовку, с выбранным моряком послабее, для первого раза своего «представления» как взрослого, среди матросов на берегу, как равного им по положению.

Джим твёрдо решил взрослеть и сейчас стоило как либо громко заявить о себе, а драка в кабаке — представлялась ему отличным шансом для этого.

В таверне «У смуглой бабы квартирмейстера», по слухам ходившим на «Саффолке», самой дешёвой и в меру приличной «тошниловке» вне порта:

просторном одноэтажном здании с небольшой террасой на пять столов, выходившей главной дверью на море и с яркой вывеской с изображённой на ней пышнобёдрой смешливой белозубой мулатки, разносящей кружки с выпивкой матросам, когда туда попал Хокинс, уже стоял дым коромыслом — людей было столько, что в прямом смысле не протолкнуться.

Матросы недавно прибывших судов из Африки, привезшие новые тысячи рабов для плантаций Нового Света. Какие то французы, с аккуратными ухоженными усиками и без бород, которые сбежали от проблем с собственным колониальным правительством и сейчас пересиживали трудные времена в Кингстоне, у англичан. Гладко выбритые голландцы и даже пара немцев, из Гамбурга, прибывшим на остров по своим торговым делам.

Еле-еле протиснувшись к перегородке за которой наливали пойло, из бутылей всевозможных расцветок и размеров, хотя явно преобладали квадратные тёмнозелёные — Джим кинул большую медную монету и потребовав себе в кружку порцию тёмного рома, по словам его знакомых «самого стоящего напитка на острове», стал пробираться с наполненной тарой куда ближе к стенам заведения, боясь, что прежде чем он

успеет напиться — будет сбит с ног веселящимися и размахивающими руками людьми, и весь его труд по «взрослению через выпивку» пройдёт даром.

К огромному удивлению подростка, многие присутствующие, не скрываясь — говорили как ещё совсем недавно они грабили торговцев.

Иные описывали как продавали рабов, захваченных незаконно на островах королевств, а третьи, совершенно не стесняясь людей в таверне — обговаривали свои паи, в каком то скором налёте на жемчужный промысел.

— И чего наши офицеры сюда не забрели: чем узнавать где пираты скрываются — можно у них самих просто по-расспрашивать, за кружкой рома. Сами всё выболтают! — искренне удивлялся такой простоте нравов, царящих в кабаках Ямайки, Джим, неспеша цедя манюсенькими глотками свой ром и постепенно начиная блаженствовать от новых, столь странных, ощущений.

Дома, в «Адмирале Бенбоу», добрая матушка не позволяла ему набирать напитки посетителям и всячески его отваживала даже от проб их.

Пример отца, что постоянно напивался и буянил — также не привёл к тому что подростку хотелось бы его повторить.

На судне, пожалуй лишь пару кружек пива попробовал Джим, да глоток раки — и то, чуток. Основную часть жгучего южного напитка, до того как офицеры обнаружили схрон с бутылями, он истратил на свою повреждённую в бою левую руку.

Сейчас у Джима Хокинса была первая, полноценная, настоящая «мужская», порция выпивки в его жизни и Джим смаковал её как мог: наслаждаясь каждым граммом рома и каждой секундой, проведённой в весёлом гвалте припортовой таверны.

Видя буянящих моряков и их разговоры о грабежах и прочем непотребстве, Джим вспомнил что ему рассказывали канониры из нижних палуб, во время долгого стояния на якоре, на Мадейре: пираты редко когда оставляют деньги себе для дальнейшей жизни — так поступают единицы, из самых умных. В основном они спускают всё в первые же недели после успешного захвата торгового корабля и потом, что бы как то восстановить финансовое положение — вновь устремляются за новой добычей.

— Мда… разграбил-выпил, в поход! — мрачнея, говорил сам себе подросток. — Романтика! Или рабом где на прииске или виселица! Как то так.

Обычные пираты старались как следует гульнуть, «пожить всласть», как они сами гворили. Их офицеры или как там было принято — нередко вкладывали деньги в какие ценные бумаги или предприятия на родине, через знакомых, что бы вернувшись, обзавестись там статусом и спокойно встретить старость.

Из за перегородки где продавались напитки, пружинящим шагом, вышел в меру франтоватый мужчина чуть за сорок и показав кому из слуг что следует присмотреть за выпивкой, в бочонках или бутылях, направился к незаметной двери, бывшей почти сразу за спиной Джима и которую сам Джим не заметил.

— Юноша! — сказал насмешливо франтоватый весельчак, подходя вплотную к Хокинсу. — Поверьте мне, не стоит так уж долго цедить этот нектар богов! Выпейте его залпом и потребуйте ещё, клянусь небесами, вы отличный моряк, по крайней мере скоро им станете и заслуживаете нескольких кружек не менее отличнейшего рому!

Джим неловко замялся и хмыкнув, кивнул головой. Он боялся много пить и тем более не желал потерять те деньги, что выручил от продажи перстеньков и колец, найденных им в пиратском

схроне на «Тюлене».

За дверью, в помещение куда вошёл смешливый продавец новой порции рома, немедля взревели люди полудюжиной голосов и чей то, громовой по силе, бас, объявил: «А вот и наш лучший корабельный танцор — «Долговязый» Джон Сильвер! Ну ка, квартирмейстер, пока нет твоей трескучей злой мулатки — покажи нам, как скачут испанцы когда мы им топорами ноги рубим, под самое колено!»

Раздался странный ритмичный стук и дружный залп хохота, словно бы ржали кони, а не несколько пьяных мужчин.

— Ну и, для чего вы ко мне сейчас прибыли? — услышал Джим уже немного знакомый ему голос франтоватого джентельмена, возможно и бывшего владельцем заведения где подросток сейчас тянул свой ром. Голос тихо продолжал. — Не пора ли наконец определяться, как всем поступать и что с расчётом за выполненную уже работёнку?

— Для этого и пришли… — буркнули в ответ несколько голосов.

— Да! — проревел кто то, но его попросили так не орать, остальные собравшиеся в кабинете и этот громовой голос, уже значительно тише, продолжил. — Да. Думаю команде «Моржа» пора

разойтись. Мы достаточно получили и следует начать всё это тратить! Ребята хотят гулять…

— Капитан. — опять прозвучал голос франта. — Вы так ловко лишили команду нашей законной добычи, от последних успешнейших рейдов, что вообще то…

— Ты бы, как и вы все — сбежал от меня гораздо раньше, не так ли, Сильвер? — возопил опять, самый громкий из голосов в комнате и немедля расхохотался. — Ну нет! Вы мне нужны были всё это время и я вас заполучил для своих новых походов: ограблению жемчужных промыслов, захвате судна с грузом золотой руды с одного из рудников, перехвате негласной казны голландской Вест Индской компании, что везла сундуки для подкупа испанских чиновников и тайных с ними сделок, захвате партии изумрудов и многого иного… А отпусти я вас с расчётом — где бы мне найти таких молодцов? Да к тому же, зная что я вам должен — вы меня в бою явно берегли… Ахахаха!

— Что с расчётом? — напомнил тот, кого ранее называли Сильвером.

— Всё как сговаривались и ставили подписи по нашему договору: я, с рабами из негров и индейцев, сложил основные ценности в сундуки и

ящики, и спрятал на том острове, на Багамах, где мы все любили отдыхать и дурачиться, вдали от поисковых судов Компании и прочих Джентельменов Удачи. Выдвигаемся туда и после дележа все разбегаемся. Точнее, думаю многие со мной в Англию двинут, жить по человечески. Но кто то, как ты Джон, например — могут и тут остаться. Я вижу ты обжился на Ямайке?

— С деньгами — везде хорошо… Особенно дома! — ответил Сильвер. — Но капитан, если ты, как впрочем всегда, напьёшься до чертей и тебя, не дай кто нибудь, призовёт к себе нечистый: как нам быть? Островок тот довольно велик и хотя можно поискать твоё недавнее рытьё, но ведь и ты не дурак, и как с хитринкой всё спрятал, не так ли?

— Всё верно! И пускай Билли перестанет хмыкать и нальёт вновь всем нам рому! Так… — после паузы, всё время которой Джим напряжённо вслушивался в разговор за его спиной, за дверью в кабинете, совершенно перестав пить свой собственный ром, раздалось: «Так… Пью! Ты, как командир наших стрелков из мушкетонов, первый застрельщик «Моржа» — думаю имеешь острое зрение?»

— Как бритва, капитан! — хмыкнул новый,

прежде неслышимый Джимом, голос и вновь раздался смех в кабинете.

— Тогда вот!

— Что это?

— Карта! Шифрованная конечно же, что и где находится! Где сундуки с монетами, где слитки золота и серебра, где камушки и драгоценности, а где орудия и ружья, что я также прихватил, на случай… Разный, в общем, случай.

— Хм… — раздалось дружно из за дверей.

— Ага! Карта острова, но точки где что искать — в тексте на ней! Что бы без меня там не лазили! Идём вместе на островок и после дележа, по всем правилам нашего братства, расходимся!

— И сколько там приблизительно… Точнее — на какую сумму? — вновь проговорил знакомый голос Сильвера. — Нас осталось, всего, не более полусотни в живых из тех кого ты собирал для «Моржа» и если что, мне стоит знать: каким именно мешком запасаться что бы унести свою долю?

— Монетами, различных стран и достоинств, как золотом так и серебром — чуть более миллиона фунтов! — торжественно провозгласил самый громкий голос, в кампании за дверью. — Золотом в слитках, по моим подсчётам, там не менее ста

тысяч фунтов — не знаю точно, но много! Камней и драгоценностей, если сбагривать массово ювелирам в Голландии — ещё примерно на двести тысяч фунтов, а если не спеша, по отдельным мастерам и ценителям, вдвое больше.

Теперь молчание продлилось около трёх минут. За дверью лишь причмокивали и перешёптывались. Наконец голос Сильвера поинтересовался: «Когда?»

— Утром! Незачем тратить время и мне уже здесь порядком всё осточертело, особенно после прибытия этого проклятого «Саффолка»! Всё его опасаюсь! Завтра же пораньше уходим за добычей, точнее её разделом и потом, все кто куда разбежимся, брызгами, словно бы нас и не было никогда!

Раздался стук деревянных кружек и звон от столкновения оловянных, и тихое, еле слышимое подростком, бормотание: «Попутного ветра в делах!»

Джим замер, потом медленно выдохнул. Он уже давно перестал цедить свою порцию рома и сейчас был весь во внимании, превратившись в слух: ему удалось узнать страшнейшую, в его понимании, тайну, за которую правление Вест Индской компании или представители короля

на острове — просто обязаны были его вознаградить!

Ещё бы! Тайник, пиратский схрон — с общаком неразделённой прежде добычи, что случалось крайне редко и какой: Почти на миллион фунтов! Золото в монетах и слитках. Серебро. Драгоценные камни и изделия с ними. Захваченные пиратами на судах пушки и ружья — не перечесть всей ценности подобной добычи!

У подростка кружилась голова. Он уже представлял себе, что его, как некогда известнейшего пирата Моргана, здесь же, на Ямайке — произведут в рыцари короны.

Потом выдадут ему причитающееся вознаграждение, за найденный пиратский клад, на менее десяти процентов от его стоимости — сумасшедшие сто тыщь фунтов стерлингов! И он, Джим Хокинс, бывшая «пороховая обезьяна» с королевского боевого корабля — станет самостоятельным зажиточным джентельменом, обосновавшимся на острове и успешно ведущим свои дела: будь то торговля по морю или плантации.

За перегородкой, отделяющей кабинет от общего зала, вновь раздались голоса: «Сильвер! Ты мой квартирмейстер — тебе и обеспечивать наш выход провизией и выпивкой!»

— Не сомневайтесь, капитан! — проговорил, всё тот же уже знакомый Джиму смешливый голос, в ответ. Голос, принадлежавший шустро перемещавшемуся, словно кружащемуся в танце по таверне, франтоватому мужчине, который видимо и был настоящим владельцем данного заведения. — Будет всё в лучшем виде: ром для всех братишек! Солонина и несколько свиней и овец, для первых дней плавания и жарки свежего мяса. Даже муки захвачу — для того что бы печь хлеб!

Дружный хохот, переходящий в рёв, заглушил дальнейшее выступление Сильвера в кабинете.

Пираты с «Моржа» отчего то явно веселились от мысли что их будут на судне кормить хлебом и они это не скрывали.

Для подростка такое веселье было непонятно и он решил как нибудь разузнать, отчего хлеб на судне пиратов вызывает такие приступы веселья у них.

— Верно Сильвер — не забудь рому! Рому мне — рому!!! — орал самый громкоголосный из участников сбора в кабинете, скорее всего тот самый капитан «Моржа». — Нам с Билли, он за брата и жену, вместо хлеба и мяса! Будет ром — будет жизнь!

— Конечно, капитан. — спокойно подтвердил

Сильвер. — Думаю следует забрать все мои запасы с таверны на судно, ибо нет смысла возвращаться сюда: после раздела добычи нам следует скорее отплыть в Европу, в Англию. Поэтому пускай моя баба ищет покупателя на таверну и едет вслед мне в Бристоль, а уж я, с запасами из самой таверны — отправлюсь сегодня же вечером на «Морж» и начну присматривать за нашим камбузом, как в прежние, старые времена, всегда бывало.

— Да! Сильвер мясо здорово всегда резал: что свиное — что человечину! — хохотнул кто новый за стеной кабинета и снова раздался смех, вразнобой, сидевших там мужчин. Сразу вслед за этим последовал стук кружек и пауза.

Джим лихорадочно соображал что же ему предпринять: бежать, немедля сообщать властям о том что он обнаружил пиратов на острове и есть шанс их атаковать, пока они расслабляются и заполучить по доносу их огромные деньги. Или же подождать и выслушав как можно больше — уже вести какую свою игру.

После минуты колебаний, Хокинс решил что время ещё есть и раньше утра столь пьяные моряки Кингстон не покинут, на своём «Морже», а соответсвенно — у подростка было время успеть оповестить нового капитана «Саффолка»,

губернатора Ямайки, Компанию: о том кто сейчас пирует «У смуглой бабы квартирмейстера» и накрыть их там всей шайкой, или, если они покинут таверну, на указанном ранее судне, «Морже».

Было затихшие морские разбойники вновь начали шумное обсуждение каких то недавних походов. Отрезанных рук пастухов свиней, которых они коптили, в наказание, на кострах — вместе с животными, которых несчастные жертвы пиратской свирепости, выпасали.

Потом невнятный смех и снова голоса вразнобой. Наконец прозвучал знакомый Джиму голос Сильвера: «И всё же…Какого дьявола, раздери вам задницы нечистый — вся наша брага так дружно сейчас лакает ром в городе?! Старшины «Моржа» — у меня, прочие наши матросы — по кабакам где в Кингстоне, а то и просто на траве, под кустами! Если бы раздел добычи был не скоро, нет вопросов! Но сейчас… Может потихонечку собрать всех наших и запереть на судне, от греха подальше, а капитан?»

— Сильвер! Никогда не считал тебя трусом — ты смельчак, какого ещё поискать! Но твои постоянные желания всё учесть и подстраховаться, меня просто бесят! Дай ребятам как следует отвести душу! Я, с остальными, прежде чем добраться

до твоей стоянки на острове, почти два месяца провёл на какой то забытой Богом мели: чинили посаженного на неё «Моржа» и пытались снять доски, с части его построек и заткнуть ими дыру, как в своё время лягушатник Олонэ сделал. Мы голодали и пили лишь по десятку глотков воды в день, и лишь ром нас спасал… Да и тот кончался уже, когда внезапной бурей, разразившейся на месте нашего вынужденного простоя, мы были сняты с распроклятой мели и не перевернувшись, что я смело считаю чудом — смогли продолжить плавание! Иначе, клянусь громом — я заставил бы вас, как мы все и сговаривались пару лет назад и подписывали об этом договор, все три года заниматься добычей золота вместе со мной, а не скуля, как шавка в порту, требовать расчёта после первых же удачных дел! Тьху!

Раздалось невнятное бурчание за перегородкой в кабинете и после него, вкрадчивый, но всё же твёрдый голос Сильвера: «Капитан! Мы с вами до конца, но сами видите…Судьба! Зачем рисковать возможным ранением и увечием после него, если можно вернуться на родину и зажить там Джентельменами? Джентельмены Удачи! С деньгами и выправленными за взятку документами — Джентельмены Удачи могут быть не хуже

Джентельменов по Рождению. Уверяю вас!»

— Верно! Это верно! Долговязый «плясун» Окорок прав! Говори Сильвер!

— Капитан! Наша добыча за это время — огромна! И немалое количество, как иных команд Джентельменов Удачи, так и королевских кораблей или поисковых команд Компании — многое бы отдали что бы её заполучить…

— Пускай только попробуют! — проорал голос, который, как считал Джим, принадлежал капитану «Моржа». — Мы выпустили потроха не одной команде наших «коллег», а уж по поводу морячков из торговых или военных судов, я просто со счёту сбился! Мы — отличная команда! Нас будут бояться как никого! Чего вы так держитесь за эту долю в добыче, разве наводить страху на всех, не слаще всего на свете?! Видеть, как торгаши на своих корабликах буквально сбегают прочь, лишь завидя нас? Как даже военные суда королевств, что имеют здесь колонии — стараются не пересекаться с нами, понимая что получат ядрами в борт, а не добычу?!

— На самом деле вы не капитан… — несколько заискивающе проговорил Сильвер. — Вы — наш адмирал. Адмирал Флинт! У Вас размах и широта, умение видеть перспективу и всё тому подобное,

но… Но мы — ребята простые: хотим весело погулять, вернуться домой здоровыми и зажить там сыто, получить свою долю от большой добычи. Мы хорошо потрудились и хотели бы честного расчёта, как того велят наши правила.

— Хорошо! Сильвер — плесни ещё этого чёртова пойла, что ты называешь ромом! Полную кружку! Уф… Да, хорошо! Плывём на указанный остров и ищем там общак команды «Моржа». Делимся и возвращаемся кто куда. Хотя мне и невероятно жаль, что такое великое сообщество Джентельменов Удачи — так бесславно заканчивает свои дела.

— Всему своё время…

— Да Сильвер, я вижу о чём ты и все прочие: Билли Бонс, Пью, Чёрный Пёс — вы все думаете! Вижу вас насквозь, чертей таких! Ты, Сильвер — мечтаешь стать полноценным торгашом, где на берегу и лет через десять купить себе титул какого сквайра, а может и ранее!

— Почему бы и нет, капитан?

— Да! Будешь скакать по балам знати — ты отменный плясун и балагур, и легко сможешь очаровать провинциальных дурочек байками о боях со злыми пиратами, и спасением графинь, из их лап! Когда они станут шёлковыми в твоих

руках — ты зарежешь ночью, свою нынешнюю толстозадую жонку мулатку и сбросишь её в море, с грузом на ногах, а через пару лет будешь уже вновь женат, на дочери или вдове местного барона… Знаю я тебя — ты мастак на такие шутки!

После минутного смеха и видимо очередной порции рома, так как слышался стук и звон, Флинт продолжал: «Пью! Наш лучший стрелок и смотрящий! — твоя доля будет менее радостна, поверь мне…»

— Да отчего так, чем я хуже Сильвера?! — возмутился кто то в кабинете слегка визгливо, словно бы старческим голосом. Чего подслушивающий юнга Джим никак не ожидал.

— Мозгов у тебя маловато! — наставительно констатировал Флинт. — Пару лет будешь разъезжать в карете с четвёркой лошадей, давать балы в каком дворце, что приобретёшь вскоре по прибытии в Англию, выезды на охоты… А потом, внезапно, всё закончится и ты вновь отправишься нищим в море. Но судьба редко когда дважды даёт шанс и скорее всего новый выход и погубит тебя, если на берегу кто не укокошит! Такие как ты — весьма сильные бойцы в схватках! Но когда расслабляются — то совершенно теряют чувство меры и их можно брать голыми руками… Или

ногами, если дело касается каких смазливых ловких бабёнок!

Кто то бурчал недовольно, видимо это и был Пью, остальные откровенно посмеивались над характеристикой капитана, данной их сотоварищу и добавляли от себя ещё что крепкое, в его адрес.

— Билли! Ты, как штурман, пьёшь менее всех в нашей команде, пожалуй как и Сильвер — вы оба лишь вполовину, от обычного матроса «Моржа», хлещете ром. Возможно это и к лучшему для всех нас, но… Билли — ты слишком прижимист и аккуратен. Поверь! Перебор! Сойдя с трапа на сушу, с деньжищами — ты просто не сможешь их тратить и так и будешь всё время чего то ожидать: удара судьбы — в виде удара бутылкой по голове в драке в кабаке. Внезапного рейда стражей что тебя опознают, ещё чего… Деньги, как вода — должны течь! Те кто всегда их копит, могут обнаружить что они просто «протухли», отобрав приличный кус их собственной жизни! Билли — жри и пей сколько хочешь! Тискай девок сиськастых и прекращай травить свои заунывные байки — из тебя ужасный, очень скучный, рассказчик!

Опять все хлопнули рома и после пары ми-

нутной паузы, из за которой Хокинс уже было решился срочно покинуть данное заведение и не допив свою порцию рому — срочно бежать на свой корабль, доложиться офицерам.

— Чёрный пёс! Наш лучший разведчик и наблюдатель на суше! Человек, который выследит любого и будет идти по следу, как самая лучшая охотничья собака!

— Да капитан!

— Хех… Здесь, в Новом Свете — твой азарт и умение слежки крайне полезны, но… Но в Англии, боюсь тебя самого смогут обнаружить почти сразу же и тогда, вместо охотника, роли к которой ты так привык, станешь преследуемой жертвой — изгоем! Может и не стоит вам всем куда ехать, а ребята? Сейчас хлопнем рому и айда на «Морж»! Атакуем первыми, внезапно, этот скотский «Саффолк» устроив там кровавую баню, что бы на родине о нас не забывали и продолжим весело гулять по свету! Возможно двинем к Мадагаскару, создавать новую пиратскую республику там или куда к Ост Индии?

Наступило всеобщее молчание и после паузы, что то тихим вкрадчивым голосом начал объяснять капитану Флинту, Сильвер.

Джим уже не слушал, а как можно скорее на-

правился к двери таверны и выйдя на свежий воздух — со всех ног бросился в порт, что бы скорее доложиться офицерам «Саффолка» об услышанном им разговоре и самому участвовать в облаве на пиратов.

Основное он узнал, а все эти сопли, басни пьяного капитана при разговорах с командой, с которой тот никак не хотел расставаться-подростка уже совершенно не волновали.

Глава восьмая: «Охота на «Морже»

Джим вернулся на «Саффолк» с приличным опозданием и был немедленно арестован вахтенным офицером.

Когда выяснилось что юнга ещё и пьян, точнее от него прилично несло спиртным — вопрос о корабельном карцере, крохотной конуре где можно было лишь сидеть скрючившись, был почти что решён и боцман, здоровенный пузатый детина с огромными руками-окороками, который держал Джима за плечи, по дружески советовал подростку заткнуться и радоваться если его не продадут, как раба, кому из на местных, на плантации.

Хокинс принялся яростно брыкаться и вопить. Подошёл ещё и лейтенант десанта, и уже вместе с вахтенным офицером, они вдвоём слушали сбивчивый рассказ тараторившего без умолку, Джима: «Я обнаружил пиратскую команду в Кингстоне — могу показать! Они собираются вскоре сесть на своё судно и отправиться забирать награбленную добычу, куда на острова! Говорили что многих «хлопнули» и тому подобное! Мне

причитается процент от найденного у них и за поимку пиратов, от Вест Индской компании и короны!»

Подошедший недавно лейтенант-десантник громко хмыкнул и показав жестами другу, офицеру судна, что юнга видимо крепко нализался на берегу, влез в разговор:

— Даже если это и пиратская команда, чему нет особо никакого подтверждения: что если они имеют патент и на самом деле лицензированные каперы? — А это уже совсем иной разговор! Второе: раз их пропустили в порт Кингстона, мы, обнаружив пиратов здесь — можем бросить тень на губернатора острова и представителя Компании на Ямайке, за что они нам обязятельно пришлют «ответ». А так как расследование, по прошлому посещению нами данного благословенного островка, лишь недавно было «как бы закрыто» — то оно немедлено откроется вновь, со всеми отсюда вытекающими последствиями! Кого пьяненький юнга принял за пиратов — нам не ведомо. Пираты это или доблестные каперы — мы не знаем. Находятся они в Кингстоне тайно или с негласного соизволения местных властей, также загадка. И, что там ещё?

— Добыча! Они собрались делить добычу! Мил-

лион фунтов! Я думал и мне, десять процентов от найденного у разбойников причитается… — уже буквально хныкал Джим, видя что его никто не воспринимает на корабле всерьёз и считают что он просто перебрал рому с непривычки на берегу.

Проклятый ром, к его ужасу, постепенно выдыхаясь делал его очень нервным, дёрганным и вообще, вместо прежней эйфории наступало опустошение и слабость, вялость. Хотелось плакать и пожаловаться о чём матушке, если бы она была рядом. Голова всё сильнее наливалась свинцом.

— Малец! — наставительно сказал вахтенный офицер. — Миллион привёз в Англию сэр Френсис Дрейк! И то, согласно официальной версии… Ты бы меньше выдумывал, почему опоздал на судно или, в следующий раз — выбери какую более реалистичную версию. А то пираты, что прямо при тебе делят добычу, да ещё и столь фантастическую по размерам — могут привести тебя самого куда в колодники. Оно тебе надо? В Африке ты с нами был и показал себя молодцом! На пиратском острове… Кажется тоже присутствовал. Не помню. Прекращай хлестать выпивку до одури и начинай жить как взрослый, тогда из тебя получится неплохой матрос! Со временем…

Матрос обязан иметь логичное оправдание всегда, когда может хоть немного ворочать языком! Подумай об этом, благо время я тебе предоставлю. Толстый Снэйк!

— Я господин офицер! — ответил боцман, что всё это время удерживал Джима за плечи на месте, что бы тот не попытался выпрыгнуть за борт, хотя Хокинс и не предпринимал подобной попытки.

— Отведи юнгу под арест, в карцер на судне!

— Слушаюсь!

— Хлеба не давай — он ему сейчас не в прок. Дай воды побольше и какую посуду, что бы не заблевал нам помещение.

Пока хохочущий здоровяк боцман тащил хмурого, шокированного произошедшим разговором с офицерами, Хокинса — подросток быстро размышлял что ему далее предпринять.

Выходило совсем грустное продолжение: вместо премии, за находку пиратов и добычи ими захваченной, карцер.

А ведь «Морж» утром уйдёт и Джим не представлял точно куда именно. Искать возле неких островов, как он убедился в недавних рейдах у Мартиники — можно было месяцами и более крупные корабли, вроде огромной торговой кар-

акки что села на мель.

Завтра его сообщение может попросту «протухнуть» и следовало что предпринять уже здесь и сейчас, пока пираты собирались вечером и ночью грузиться провиантом и ромом на свой корабль, и ждали утра: видимо когда хоть часть команды немного протрезвеет, что бы выйти в море, а не врезаться в стоящие на якорях прочие суда по соседству.

Решение было найденно быстро. Оно оказалось странным, но иного у Джима сейчас не нашлось: «Меня вечером и ночью не хватятся? До самого утра трогать не станут?» — спросил Хокинс своего конвоира.

— Не боись: отоспишься и получишь розог уже с утречка! А пока — блюй в ночной горшок, а не на пол. Иначе сам его станешь вычищать потом! — ободрил Толстый Снэйк подростка.

— Восемь шиллингов серебром! — хрипло но твёрдо сказал Джим боцману.

— Что? Ты о чём?

— Тебе! Если отпустишь до утра!

— Ага! А утром ты будешь прятаться где на работах на нижних палубах, а меня вздуют? Монетки, отдашь» когда-нибудь когда встретимся», или чем ещё… — боцман маслянисто улыбнулся,

словно немец Ганс, о котором у Джима всё ещё оставались неприятные воспоминания… отработаешь? Что то ты…

— Дам деньги сейчас. Серебром!

— Как это?

Джим достал из своего тайного кармашка, в курточке, свёрток с монетами и при слабом свете фонаря пересчитал серебро перед носом заворожённого этим зрелищем, боцмана.

— Мне нужно быть на берегу до самого утра! Перед рассветом я окажусь снова на «Саффолке» и ты меня и введёшь незаметно снова на корабль, мимо вахтенных матросов и офицеров. С матроснёй сам договоришься, если что, да и офицера — приболтаешь! Четыре — получишь сейчас, остальные, по моему возвращении.

— Откуда у тебя столько… — проговорил боцман но тут же замолк, видя лицо Джима буквально искажённое гримасой.

Теперь это был уже не хнычущий юнга, а скорее молодой демон, что может и камнем пальцы дробить и за понравившуюся самку — матросов палашом резать. Да и иного мальчишку, такого же как он сам юнгу — запросто удавить тряпками.

После краткого секундного размышления, боц-

ман Толстый Снэйк мотнул абсолютно лысой головой и пробормотал: «Давай! Но на кой чёрт ты рвёшься опять на берег?! Если опять нажраться — твоё конечно дело. Да только до добра это не доведёт, поверь. А если сообщать таможенникам, компанейцам или кому ещё про пиратов — так тебя же наши и накажут, что в обход них так поступил! Какие там премии будут, я не знаю, но что голову тебе пробьют, специально, сами же наши корабельные офицеры, на ближайших учениях «пороховых обезьян» — гарантирую! Раз ты с монетами, то и тут можешь хорошо устроиться! К чему тебе это?»

Однако получив четыре серебряных кругляша мужчина успокоился и скороговоркой объяснил Джиму, как именно тому следовало незаметно возвращаться на «Саффолк»: с какого борта заплыть, как свистнуть — и что бы к рассвету уже был на корабле!

— Буду! — пообещал подросток. — Сейчас мне обязательно надо взять из кубрика юнг носки из шерсти, зимние и…

— Ну, крепко тебя пойло пробрало! — даже с некоторой завистью сказал боцман. — Я такое видел лишь раз, когда один француз смешал виски, с настоем из каким местных трав и добавил

специально им приготовленные листья коки, что постоянно жуют индейцы, для бодрости. Вот он тоже: в жару одевал на себя тёплые вещи, носился как угорелый и был из себя весь такой заводной и при этом счастливый, без всякой меры…

На недовольный взгляд Хокинса Толстый Снэйк поднял обе руки и добавил: «Твоё право! Хочешь в шерстяных, толстых, двойных носках плыть к берегу — давай! Оденешь тулуп и шапку с хвостом, что носят в Новом Свете добытчики бобров — валяй! Думаю утонешь к чёртовой матери, сразу же, но если так желаешь — почему бы и нет? Окончишь свои дни счастливым, что все твои задумки осуществились!»

В кубрике юнг Хокинс быстро взял из своей сумки, в схроне за досками, так ему сейчас необходимые шерстяные носки.

Забрал отличный испанский кинжал, что прятал у себя Клоп и передав самому младшему, в кубрике, один шиллинг «на память», чем страшно напугал малыша — Джим уже через секунду покинул так ему ставшее привычным помещение и вместе с боцманом они стали тихо и незаметно выбираться на верхнюю палубу «Саффолка».

С помощью того же Толстого Снэйка подросток смог незаметно пройти мимо вахтенных и вскоре,

спустившись по переносному трапу, спущенному немного ниже специально для него боцманом — Джим уже плыл к близким огням что хорошо виднелись на берегу.

Их было немного, но в облачной ночи они отлично были видны на берегу и на них можно было ориентироваться в пути, как на маяки.

Добравшись наконец до берега, смертельно уставший но довольный, юнга наконец стал прорабатывать ту идею, в деталях, что посетила его ещё когда боцман Толстый Снэйк отводил вернувшегося на корабль подростка в карцер: следовало самому забраться на корабль пиратов «Морж» и завладеть картой. Это позволит Джиму иметь улики против морских разбойников в порту Кингстона и даст ему преимущества в доказательствах, если он захочет вновь требовать встречи с капитаном своего корабля или, как неожиданно разумно предложил Толстый Снэйк — отправится к губернатору острова, или кому из старших директоров Вест Индской Компании.

— Карта! Карта острова с сокровищами! — говорил сам себе Хокинс, выжимая одежду и думая как ему быстрее высушиться.

Шерстяные носки в небольшом кожаном бурдюке были сухими, оставалось что придумать

с штанами и подштаниками, а также рубахой юнги.

С собой подросток взял кинжал, на случай какой опасности на пиратском «Морже», но всё же надеялся пробраться туда незаметно: «Они пьяны и думаю к ночи, кроме людей что станут таскать припасы из «Смуглой бабы квартирмейстера» на корабль, да и то, без гарантии — все остальные надрызгаются вхлам и особо никого выслеживать не станут. Добычи незаконной на «Морже» сейчас нет и соответственно рейдов стражи или таможенников они не опасаются.»

Дальнейшие действия виделись Джиму таковыми: он измажется какой грязью на берегу, в том числе и лицо, и совершенно став незаметным в ночной мгле при мерцающих коптящих факелах или редких масляных фонарях — пролезет каким образом на судно капитана Флинта.

Далее, надев шерстяные носки на ноги, станет бесшумно красться по дереву палубы «Моржа», не шлёпая босыми пятками и не стуча каблуками туфель. Скрытно.

Носки он специально взял толстые, зимние, что можно слегка распушить на ступне, что бы дополнительно придать мягкости шагу и почти полностью лишить «звучания» собственное

скрытое передвижение по судну пиратов.

Когда сможет найти каюту капитана — обыщет её. Джим считал что Флинт должен будет спать, будучи мертвецки пьяным.

Если же что случится, например ключи от сундука с бумагами не подойдут или что ещё непредвиденное — следовало в пути по кораблю обзавестись пистолетами и зарядить их. Возможно придётся кого из разбойников застрелить, в качестве самообороны, а кого и выстрелом в колено, капитана или Сильвера, заставить вспомнить где карта находится или как её расшифровать.

Вариант со стрельбой на «Морже» казался Хокинсу слишком уж неподходящим, но и его подросток не стал исключать. Могло случиться всё что угодно.

Как только карта будет обнаружена — её следовало засунуть в непромокаемый бурдюк, где ранее пребывали шерстяные носки и айда в воду! Скорее на…

— А почему я сам не могу их обнаружить и забрать себе? — внезапно подумалось Джиму. — Чем? Точнее кем: Кто меня, туда, к месту пиратского схрона довезёт, поможет найти, выкопать, перевезти в указанное мною место? Глупость… Или нет? Может сжечь к чертям этот

пиратский вертеп, когда они пьяными будут валяться? — карта будет у меня, «Морж» мне не нужен, как и законные, в меру конечно, обладатели сего клада. Кидаем огонь посильнее куда на нижних палубах и всё: пьяные вусмерть пираты пока сообразят что случилось — судно уже будет непригодно к плаванию. А потом, уже после — кто из них погибнет в дыму и огне, кто начнёт винить Флинта, если тот выживет и с ним квитаться, а если нет, тогда я один и буду из тех кто знает о схроне… Как интересно выходит.

Подросток, внезапно почему то вспомнил вычурно одетого пирата, на пиратском острове, которого он допрашивал разбивая ему пальцы камнем и требуя отдать всё что тот имел. И судно, на котором хранился пиратский схрон, «Тюлень», так смешно перекликалось с «Моржом» ватаги Флинта.

Идея, о том что возможно, после похищения карты — следует обязательнго уничтожить капитана Флинта и это даст ему время на осуществление новой затеи: обнаружения какого богатенького дворянчика или негоцианта, которые не против будут получения доли, в поиске сокровищ. Перевербовка к ним, на новое судно, части юнг с «Саффолка» и в случае чего, ликвида-

ция «компаньона» в поисках сокровищ, прямо на острове — да мало ли чего можно было сделать, имея при себе подобный документ, пяток юнг военного королевского флота под командой и опыт, которым Джим обзавёлся за последнее время: убивая товарищей и врагов или допрашивая зверски пиратов?

Он уже успел убить несколько человек и совершенно не испытывал по этому поводу угрызений совести: ни бранденбуржец Ганс, ни вычурно разодетый пират, ни пара юнг взятых на Мальте — совершенно ему не снились ночами, ни разу после случаев когда он их собственноручно убивал.

По мнению Хокинса, если он уничтожит Флинта — так ему ещё должны будут, директора Компании и губернаторы островов, выплатить премию, за столь удачную акцию.

— Да, Флинта надо будет уничтожить — зарезать! Пока он пьяным валяется сейчас. Чик — и всё! Хотя, если быстро не смогу обнаружить его карту, тогда беда: следует как допросить капитана «Моржа», но пьяного пока расшевелишь… А если сперва зарезать и не найти самой карты, тогда глупость огромнейшая получается!

Пока Хокинс сам с собой спорил, он уже поне-

многу добрался до стоявших в порту кораблей и высматривал сейчас их названия или какие приметы, что помогут обнаружить «Морж».

Внезапно он заметил как по набережной идёт группа моряков, человек в двенадцать численностью и впереди них, сразу же заметный издали, в дорогом синем кафтане вышитым серебром, быстрой походкой вышагивает его знакомец по таверне, Сильвер.

— Веселей ребята! — говорил он, идущим за ним с грузом, морякам. — Чего вы? Несёте жратву и пойло, чего же так стонете и ругаетесь как старые бабы? Вам же это всё и достанется, при чём бесплатно!

Когда кавалькада матросов стала взбираться но сходням, на стоявший, почти что в полной темноте, странного вида корабль — Джим мыслено присвистнул и направился туда же, понимая что это и есть разыскиваемый им «Морж».

Сильвер приказал зажечь с пяток новых фонарей и кого то отругал на верхней палубе. Потом указал морякам, переносчикам бочек и ящиков, куда что положить и через пять минут вышел на набережную и пошёл в обратном направлении. Сообщив при этом остальным, что если они опоздают — лично будет их избивать зверски, пока

все они не станут ковылять на костылях!

— Идиоты! — ругался вполголоса франтоватый владелец таверны, всё также разодетый в свой вычурный синий кафтан, в котором совсем недавно он принимал членов своей банды в собственном питейном заведении, проходя мимо кустов за которыми спрятался Джим Хокинс. — Идиоты! Сейчас, когда осталось сделать последние несколько шагов перед обеспеченной старостью и достойной жизнью — эти придурки перепьются, как команда Моргана, когда он только что получил от тогдашнего губернатора Ямайки тридцатипушечное судно и на радостях станут палить из ружей и я уверен, уверен! — обязательно, как и те дураки, попадут картечиной прямо в корабельный пороховой склад! Если по пьяной дурости кого из нашей команды мы лишимся «Моржа» и карты, то я клянусь всеми чертями морей: что не стану ни с кем из них иметь более общих дел и самолично выгрызу печень Флинту, что бы узнать, где же именно, на том огромном острове, он схоронил наши пенсионы!

Выслушавший, данную многословную ругань пирата и тавернщика, одновременно, Джона Сильвера — Джим напрягся и стал просчитывать про себя комбинации: вариант со «случайным»

подрывом «Моржа», во время пьяной оргии команды судна, теперь казался ему наиболее подходящим из всех — так как позволял избавиться от хозяев клада и замести следы своего присутствия при похищении карты.

Оставалось лишь придумать такую «малость»: как заполучить саму карту и заставить Флинта объяснить подростку что значат различные символы и сокращения на ней, тот самый «шифр», о котором капитан пиратской шайки говорил недавним вечером в таверне, со своими людьми.

Раз все они, даже хитрющий Сильвер, не пытаются похитить карту сами — значит этому есть какая причина.: возможно что тяжёлая рука Флинта, но может быть величина площади острова, на котором схоронили добычу и невозможность обнаружить сам схрон, без чётких указаний на место захоронения клада или хотя бы направления, в котором следует двигаться на поиски.

Видя, что часть тех, кто заносили бочки и ящики на «Морж», пиратов — принялись и сами употреблять ром большими глотками, и лишь трое идут в обратном направлении, в котором до этого прошествовал своей быстрой, пружинистой походкой, Сильвер, Хокинс обошёл кусты и

выскочив возле каких то старых развалившихся ящиков, что уже полусгнили в порту, схватил один из них в руки, тот что показался ему самым крепким.

Далее подросток уверенно пошёл к мосткам поставленным на корабль пиратов и со спокойным уверенным видом взошёл на борт «Моржа».

Его тут же окликнул какой то пират, видимо вахта всё же была выставленна, но перепилась, также как и все остальные матросы судна: «Бен — это ты?»

— Угу! — уверенно махнул головой Джим и тут же направился прочь от света фонарей, в огромное тёмное серо-чёрное пятно, на верхней палубе корабля.

— Тогда тащи ящики с выпивкой капитану! Он желает продегустировать все сорта и виды пойла, что Сильвер носит нам из своего кабака! Говорит, что это единственная причина, по которой он согласился на такой скорый делёж раньше оговоренного, в договоре, срока: ром, что Сильвер всегда умел выбирать!

Матросы, которых оказалось не менее восьми на верхней палубе, многих из которых Джим в темноте сперва просто не заметил, так как они валялись среди досок и канатов, еле держась за

борта «Моржа» — принялись пьяно гоготать или прихихикивать, кто на что сейчас был горазд.

Подросток удивлялся подобной дисциплине на судне и тому, что данная странная группа пиратов вообще смогла заполучить себе добычу, особенно такую, о которой они говорили в «Смуглой бабе квартирмейстера».

Видимо лихость налётов данной пиратской команды — компенсировалась не меньшим удальством в кутежах и глухом пьянстве, когда ромом они заливали все виденные ими ужасы пальбы и абордажей, и те мучения, которым подвергали своих жертв.

Постояв с пару минут тихо, не шевелясь, в тёмном месте на верхней палубе, почти что не освещаемом совершенно фонарями на «Моржe» — Джим начал понемногу осматриваться: на палубе вповалку, оказалось, из видимых его глазу — около десятка моряков. Ещё семеро переговаривались, стоя группами по трое-двое человек.

Кто из них отходил и блевал за борт, остальные с него посмеивались и вновь наполняя стаканы пойлом опустошали их с крайней скоростью и через пару минут шли сами блевать.

На Хокинса никто не обращал внимания: то ли по пьяному глазу, то ли по причине низкой

дисциплины, свойственной команде «Моржа» постоянно.

Пробравшийся в логово пиратов — юнга осторожно натянул косынку тёмного красного цвета на лицо, так, что бы она закрывала его нижнюю часть и мешала опознать его.

Поднял валявшуюся и страшно вонючую чью то полотняную куртку и тут же, хоть и скривившись, но натянул на себя: находка была почти землистого цвета и позволяла в темноте наступившей ночи неплохо скрыть передвижения подростка на судне.

Потом Джим вытащил свои шерстяные носки из за пазухи и распушив ступни на них — надел на себя данную обнову.

Ещё раз оглядев ждущих очередного появления Сильвера с «грузчиками», матросов на палубе «Моржа» — Джим осторожной змейкой соскользнул по трапу вниз, подозревая что поиски капитана сего судна могут и затянуться.

Ступая на пятки, что бы ещё менее «звучать» по доскам палуб, Джим прошёл всего пару метров по проходам корабля, когда на него выскочили трое моряков и обдав чужака сильнейшим перегаром и оттолкнув к переборкам, совершенно не заметив крадущегося человека с косынкой на лице,

со страшной руганью бросились по трапу наверх, на верхнюю палубу.

Вскоре там послышалась очередная порция громкой брани и возня. Раздались стуки и звон, и Джим не выдержав, решил взглянуть хоть одним глазком, что происходит.

Троица, что совсем недавно проскочила мимо него — вовсю мутузила какого то валявшегося на палубе пирата и требовала от него мяса, так как ром ромом, но они и жрать тоже хотят.

Избиваемый пират орал что пускай на берегу собак ловят и их жрут, как китайцы в Гоа или Макао, за что его принялись избивать с новой силой.

Вахтенные и прочие выражали своё одобрение экзекуцией и говорили что скоро придёт Сильвер, и у него можно будет чуток чего попросить, из жрачки, а сейчас, пока погрузка только в своём начале, по требованию капитана Флинта первыми тащили на борт ящики с бутылками рому и бочонки, с этим же напитком, внутри.

Раздались голоса где у грот мачты и странный человек споро слез из корзины наблюдателя на ней и спустился на верхнюю палубу «Моржа».

Когда он заговорил, Джим тут же узнал Пью, с его странно стариковскими нотками в голосе и

помня о том что этого пирата называли лучшим стрелком, а значит и зрение у него должно быть отменным — подросток тут же скрылся на нижних палубах, но продолжал оставаться у трапа, подслушивая разговоры что вели пираты.

— Нет! — сказал Пью, своему, невидимому подростку, собеседнику. — Всех кто не в стельку, кроме меня, забрал с собой Сильвер — на погрузку! Остальные, как свиньи уже и ни на что не способны!

— А что на нижних уровнях?

— Всё как обычно! Джорж Мэри, ты же его знаешь — прирезал в игре в кости Аллардайса и сейчас готовимся уйти в море и там сбросить тело. Капитану это всё равно, но Билли Бонс и Сильвер злые, так как опасаются что морская стража порта что пронюхают и потому заперли Джоржа Мэри куда подальше! Но Флинт лично приказал его отпустить и дать выпивки…

— А девки, откуда шлюхи?

— Да ну, а когда их с нами не было?! Чёрный Пёс и Том Морган, старый хрыч — решили взять с собой до острова «расслабляющую кампанию» и капитан был не против: ржал от души что засолим их, если мясо закончится! Им пообещали по полсотни реалов, за каждый день в гамаке

команды и они не против. Смеялись что «такие весёлые мальчики — так щедро наливают!»

— Хм… А какие они, годные?

— Да тебе ли не всё равно?! Света почти нет, рома — как воды в море! Наливай стакан, выдуй его и залазь на деваху! Расслабься за все наши лишения, последних месяцев, особенно когда на мели чёрти сколько простояли!

— И то верно — пойду я!

Мимо не успевшего далеко спрятаться Джима, пробежал, в секунду спустившийся по трапу, с верхней палубы, пират.

Совершенно не заметив прижавшегося на полу к переборкам Хокинса, пират пробежал почти до последней двери у носа шхуны и рывком открыв её — вскочил внутрь помещения.

Потом раздался явственный звон стаканов и звук разбиваемой при падении о пол бутылки, и тот же пират уже молнией выскочил из каюты в коридор, ругаясь последними словами.

Он, во владении какого зуда, очередным сумбурным рывком отворил новую дверь, напротив помещения где только что накатил выпивки и когда там раздался звонкий разнобой из трёх женских голосов, видимо обрадовавшихся новому посетителю, глупо рыгнув и хохотнув, проделав

это почти что одновременно — с воплем ринулся внутрь.

Джим слышал возню, женские визги и смешки, рычание пирата. Впрочем всё затихло уже минуты через три после того как началось.

Далее раздавались лишь насмешливые голоса женщин и звук стаканов или кружек, что видимо без конца наполняли.

Пока подросток выжидал в своём укрытии прямо у трапа на верхнюю палубу и думал как ему скорее начать поиск каюты капитана Флинта, где наверху раздался знакомый голос Долговязого Джона Сильвера: «Что это, Пью?! Какого чёрта они блюют и дерутся в одном месте? Выброс скотов за борт — пускай успокоятся! Нам не хватало очередых дураков, вроде Джорджа Мэри и жмура… Аллардайса?»

Начался спор между вернувшимся Сильвером и бывшим видимо сейчас на корабле за смотрящего, Пью: Сильвер хотел прекратить вакханалию и пинками вернуть хоть какие остатки дисциплины, но Пью его успокаивал и говорил что доля каждого лишь увеличится, если «немного ребят укокошат друг друга или утонут в собственной блевотине…», и что не стоит бояться стражи — они к ним на «Морж» не сунуся, а тела Аллардайса

и кого с ним, выбросят в море как только покинут порт, как ранее всегда поступали! Ребятам надо как развлечься, раз уж добрались живыми до Ямайки после сидения на мели и приготовиться к будущей богатой жизни. А то с непривычки перепьются до смерти, ныряя в бочки с ромом и виски, уже добравшись до Англии…

— В это — верю! — убеждённо сказал Сильвер. — Где капитан, кто за ним присматривает?

— Никто! Жить то все хотят… Билли иногда проходит мимо его каюты — глазком в щель смотрит, но не лезет. Пускай, говорит, немного смягчит свой нрав ромом, а то по трезвому — он совершенное животное!

— И то верно. Так в какой из «своих» кают он сейчас пребывает? — а то любит ведь, скотина, то с канонирами жрать ром неделями в их «коптилках», то на верхней палубе себе гамак ставит и живёт как последний юнга, без собственного угла.

— Нет! — пояснил другу Пью. — Сейчас грустит в своей обычной, что с самого начала на «Морже» лишь его считалась, возле носового трапа и в десятке шагов от хранилища пороха и нашего ружейного склада. Лежит на шконке и пьёт твой ром… Пробует всё новые бутылки и

бочонки, смешивает их и вновь — пьёт. Говорит что за подобным месивом и бурдой, всего со всем — будущее!

— Угу… Верю! Пускай пьёт, он тогда добрее, человечнее. Не мешайте ему! Главное, что бы стреляться не захотел и нас с собой не захватил. А там — хоть до самого острова пускай хлещет выпивку!

— Ахахаха! Ты вспомни, как он раба, ну того, что нам сдал своих хозяев на Барбадосе — как он с ним тогда переговоры вёл: налили полную пивную кружку бренди и заставил и раба такую же вместе с ним выпить залпом.

— Да. Силён в этом, да и в разговорах по душам — тоже.

— Точно! Я до сих пор смеюсь, когда вспоминаю как капитан пообещал тому негру выпивохе — что сделает его самого господином, над всеми рабами на плантации и отдаст ему дочерей хозяина, в наложницы: пьянчуга раб тогда неделю с нами по всем окрестностям лазил, всё выискивал тайные стоянки своих господ и показывал на иных рабов, бывших в любимчиках у плантаторов.

— Помню, помню… И как мы этих самых Бишопов, кажется так их звали, по очереди тащили к

костру и намазав ноги маслом и завернув в сухие пальмовые листья — клали пятками в огонь… Они так смешно визжали.

— Ага! Как свиньи! Я тоже это вспомнил, как ты сказал. И как лица прижигали пальмовыми листьями, так что глаза пропадали и волосы, под ничего сгорали, особенно это страшно у женщин было наблюдать.

— Да ничего особенного — всё равно их потом рабы, с нашими ребятами, пускали по всей браге… Зато допросы, с костром для рук и ног, и прижиганием головы — самые верные, особенно если времени в обрез, а надо срочно что узнать, прежде чем срываться с якоря и сбегать от скорой погони! Читал, когда школярствовал в юные годы, что так даже римские кесари поступали, во как!

Пара о чём то зашушукалась и их не стало слышно. Джим, немного поразмыслив о том: а не сможет ли он сам «незаметно для остальных прижечь ноги Флинту», что бы разговорить того на подробные объяснения обозначений на карте острова с сокровищами капитана «Моржа» — начал внимательнее присматриваться к тёмному проходу, где сам сейчас прятался в углу сидя на корточках в грязной серо-чёрной куртке, с изва-

зюканным землёй лицом и надетыми на босые ноги толстыми шерстяными носками.

Похоже было что рому, пирату что сейчас находился со шлюхами — налили именно в каюте, где расположился капитан «Моржа» Флинт, и куда сносили основной запас «огненной жидкости» пираты-грузчики, перенося его с таверны на берегу, на корабль пиратов.

Подросток думал сперва что в данной каюте возможно никого нет, но за время разговора Пью и Сильвера он постоянно слышал постоянное некое бормотание оттуда и постоянный звон бутылей, и посчитал что вариант — что это и есть каюта пробующего все виды рома капитана Флинта, был весьма велик. Стоило её осмотреть в первую очередь!

Не успел Хокинс начать неспеша отходить и двигаться в направлении «наливайки» на судне, как Сильвер чётко спросил у Пью: «Ты карту видел?»

— Конечно! С тобою вместе, в таверне и потом, на «Морже»!

— Да… Толково! Куча текста, который мы неделями станем расшифровывать и особо ничего не понятно.

— Флинт её по пьяни ранее всем показывал.

Но сейчас, по словам Билли, наш старый дурак карту себе под голову положил, вместе с пистолетами. Билли говорил ему что проще где в сундуке схоронить, но капитан ругаться на него начал и кричать что Бонс — всех хочет обдурить, и даже целился в него, из своего любимого мушкетона! Так что наш штурман тут же вприпрыжку ретировался, как мы тогда, от флотилии Компании, когда они на нас семь военных судов, с десантом, кинули на поимку.

— Помню… — задумчиво проговорил Сильвер. — Думаю капитан уверен, что без него — ни черта мы не получим и посему так демонстративно и не прячет карту. Это очень плохо.

— Отчего? — изумился Пью искренне. — Мы же тот остров знаем вдоль и поперёк! Я и Чёрный Пёс его часто осматривали и сможем…

— Нет! Там поиска на месяц, а уж если схрон делал Флинт, то может и более! Лагерь придётся ставить на берегу — все в срубе не поместимся: искать провиант, смотреть что бы ребята друг друга, по пьяни, не перерезали… Нам необходимо с капитана пылинки сдувать, пока всё не заполучим, а уж тогда — делай кто что хочет!

Слушать далее Джим не стал, а встав на ноги, скорым шагом направился к каюте где возможно

находился пьяным капитан «Моржа».

Осторожно заглянув в плохо освещённое лишь одним зажжёным фонарём предполагаемое обиталище Флинта — Джим увидел огромного верзилу, с широкой бородой рыжего цвета, почти до самого брюха, широченными «руками-окороками» и такими кулаками, что лошади зубы одним ударом могли выбить.

Идея драться с ним, даже просто напасть внезапно с кортиком — казалась сейчас совершенно нелепой.

Верзила лежал на шконке в камзоле, но не парадном, как у Сильвера, а совершенно затёртом и замызганном, выцветшем и многократно полинявшем до неузнаваемости.

Вокруг него, словно бы в каком жертвенном ритуале индейцев, располагались целые батареи полных и пустых бутылок, и словно туры, корзины с землёй что прикрывали орудия в Новом Свете, выстроились бочонки с выпивкой.

На своём животе пират великан держал деревянную посудину — чан для напитков, куда вливал левой рукой очередную бутыль и размешивая её содержание прямо пятернёй, потом отхлёбывал с жадностью, словно бы потерявшийся путник в пустыне, завидев долго им

ожидаемый источник.

Решение пришло в голову Джима почти внезапно: завидев кусок карты на пергаменте, что высовывалась из под головы пирата и видя что верзила совершенно не обращает ни на что внимания, будучи занят лишь очередным смешиванием напитков в посудине на своём обширном брюхе, подросток решил сильно не рисковать и провести, как ему казалось, изящную комбинацию.

Ему виделось решение таковым: зайти, быстро зарезать Флинта кинжалом, захватить его карту и по возможности облив дверь в пороховой склад корабля ромом, маслом и накидав туда тряпок — зажечь это всё.

Потом опрометью бежать на верхнюю палубу «Моржа» и кинуться в воду, пока пираты ничего не соображают.

Далее будет взрыв и расследование чиновников в порту, которые установят что подорвался пиратский корабль «Морж» и задержат всех бандитов что выживут, возможно, после подрыва.

О Флинте и его карте ещё долго не станут вспоминать, а Джим тем временем найдёт себе компаньона, в поисках клада и с ним вместе, на нанятом судне…

С самого начала всё пошло не так как предполагал Джим: Флинт вскочил как только увидел перед собой незнакомого ему матроса — с косынкой на лице и кинжалом в руке.

Неизвестно, насколько он был пьян, но Джим явно не ожидал что верзила так скоро среагирует на его появление.

Драться же с таким громилой было опасно, а пистолетом Джим не обзавёлся, за всё короткое время нахождения на судне пиратов.

Метнув свой кинжал в живот капитана «Моржа», отчего Флинт взвыл как волк — Хокинс схватил в руку первое что ему подвернулось и также бросил со всех сил в голову разъярённого пирата. Флинт схватился за окровавленное лицо и начал сползать на пол своей каюты.

Оказалось что Джим смог случайно нащупать рукою двухлитровую серебряную бутыль, какого то редкого испанского вина, что стояла скорее для красоты в каюте капитана корабля и она, благодаря своему весу и той силе, с которой её метнул подросток — слегка оглушила капитана Флинта.

Подскочивший к поверженному врагу Джим схватил карту, находившуюся под подушкой на шконке капитана «Моржа» и тут же спрятал её у себя за пазухой.

Когда Флинт, распростёршийся на досках пола, попытался было схватить нападающего своими огромными ручищами «клешнями», за штаны — подросток ещё дважды ударил сидящего на полу верзилу капитана полными, полуторалитровыми, квадратными, зелёного цвета стекла, бутылками с ромом — по голове и розочкой, от второй из них, нанёс сильнейший удар ему прямо в горло, в самый кадык.

В этот самый момент в дверях каюты Флинта появился пират, что до этого заскакивал с рычанием в комнату бывшую напротив, где располагались проститутки.

— Капитан, вы меня зва… — спросил он и остолбенел, видя дёргающегося в предсмертных конвульсиях на полу Флинта, в луже рома и собственной крови, постоянно хрипящего и неизвестного ему человека с красной косынкой на лице, торопливо прячущего карту себе в рубашку как можно глубже.

Джим однако не растерялся и схватив заряженный мушкетон Флинта, бывший с другого, от карты, конца шконки капитана — быстро взвёл его дорогущий кремнёвый замок и нажав на спусковой крючок, произвёл оглушающий, в ночной тишине и нынешнем пьяном спокойствии

«Моржа», выстрел.

Так невовремя зашедший пират, недавно расслаблявшийся, по совету Пью, с тремя жрицами любви в соседней каюте — получил с десяток пятиграммовых дробин себе в тело и лишь раз громко охнув, грузно быстро свалился на пол палубы в капитанской каюте, прямо у двери.

Подростку пора было срочно сбегать прочь, пока остальные пираты не начали погоню!

Выскочивший в проход Хокинс сделал всего три быстрых шага, когда одновременно с визгом «дам», выбравшихся что бы посмотреть чего там «мальчики разбушевались и стреляют» — с трапа на него выбежал Пью: рубаха его вздымалась под мощной грудью, в своих руках он держал длинный кинжал, скорее восточный ятаган и фонарь, с тусклой масляной лампой внутри.

Времени перезаряжать оставшийся в руках подростка мушкетон Флинта уже не было и Джим, надеясь хоть немного выгадать времени себе для спасения бегством — швырнул это оружие в сторону Пью, который ещё только присматривался после своего спуска с верхней палубы и тихо спрашивал, то ли у бывших внутри судна пиратов, то ли у Сильвера, оставшегося на верхней палубе: что же произошло и кто стрелял

— неужто Джорж Мэри опять достал выпивку и оружие и снова чудит?

Довольно весомый мушкетон, брошенный с силой Хокинсом, попал точно в фонарь: стёкла тут же треснули и частью разлетелись словно брызги шампанского. Горячее масло выплеснулось и загорелось на одежде Пью.

Пират завизжал и начал, словно бешеный в припадке, тушить обеими руками случившийся, словно бы материализовавшийся из их недавних с Сильвером воспоминаний о прежних походах, пожар на собственном теле.

Пробегавший мимо пирата Джим Хокинс — нанёс тому пару новых сильных ударов кинжалом в лицо. Но в темноте удары прошли вскользь и подросток отметил про себя, что завизжавший внове пират получил оба ранения в левое плечо и возможно глаз.

— Что? Что там у вас?! — заорал Сильвер и заглянул в темноту прохода. — Что за выстрел? Какой дурак решил разбудить всю портовую или морскую стражу Ямайки? Пью — прибей своих придурков, пока они нас не подставили под…

Договорить мысль квартирмейстер «Моржа» не успел — как на него, неслышно, благодаря надетым на ноги толстым распушенным шерстяным

носкам, выскочил по трапу неизвестный и пока Сильвер хватался обеими руками за свой кинжал, висевший на широком поясе пирата, напавший схватил Сильвера за левую руку и сильнейшим рывком кинул в глубину зияющего, словно вход в Ад, абсолютным непроглядным мраком — проход на нижнюю палубу корабля.

Бесшумное внезапное появление из темноты неизвестного произвело настолько шокирующий эффект, на прежде всегда хладнокровного Сильвера, что он не справился с волнением и достал своё оружие не с первой попытки, а уже в процессе полёта с верхней палубы на нижнюю, минуя процесс касания ногами трапа.

Когда Джим, незаметной беззвучной тенью пробегал по верхней палубе «Моржа» к сходням, что бы как можно скорее сбежать прочь на берег и спрятаться где в порту, дабы пираты его не смогли обнаружить — из того места куда он только что забросил рывком Сильвера, раздался истошный крик, переходящий в вой: «Нога! Нога!!! Кто нибудь — ко мне, сучьи дети! Нога…»

Иной, словно бы старческий, голос вторил из темноты нижней палубы и криком сообщал всем на судне: «Глаза! Что за жжение! Сильвер! Билли! — где вы?! Почему так темно что я ничего

не вижу?! Зажгите фонари — на «Морже» чужак! Братишки, тревога! Быстрее!!!»

— Что там случилось? — поинтересовался заплетающимся языком один из троицы вахтенных, почти чудом державшихся на ногах, у пробегающего мимо него Джима.

— Кто то украл карту капитана и заперся в пороховой комнате с мушкетом Флинта! — проорал подросток уже сбегая на набережную, прочь от пиратского судна. — Не трать зря время — стреляй через дверь, что бы скотина не сбежал с нашей долей добычи! За-а-алп!!!

Вахтенные пьяно ухмыляясь проводили взглядом убегающего всё далее неопознанного «братишку», с косынкой на лице, потом переглянулись и с изменившимися лицами, что то решив про себя — дружно побежали к трапу, что бы спуститься на нижнюю палубу.

Вскоре раздался новый вопль и крики Пью и Сильвера. Которых задели, буквально упавшие по ступенькам трапа на них сверху, пьяные вахтенные с верхней палубы.

И пока раненные Джимом разбойники что то пытались объяснить новоприбывшим, те, уже никого не слушая — стали сыпать порох на полки своих ружей и зажигать фитили, бормоча себе

под нос о том, что сейчас они пристрелят того кто заперся в пороховой комнате и карта останется у них…

Пью и Сильвера выбросило в воду взрывной волной, когда первый же выстрел одного из вахтенных «Моржа» увенчался успехом и горячий шар свинца, пробив не сильно толстую дверь пороховой комнаты, попал в стоявший слегка приоткрытым бочонок с гранулевидным порохом.

Дисциплина, всегда бывшая слабой стороной команды «Моржа» — подвела экипаж судна и на этот раз.

Билли Бонс находился на набережной, куда вышел что бы узнать какие свои вопросы у одного знакомого ему скупщика драгоценных камней и сговориться с ним о скорой встрече: когда прямо на его глазах «Морж» взорвался и весь окутанный белёсым дымом, стал опадать верхними надстройками и досками, на́ воду.

Как говорилось ранее: Пью и Сильвера — выбросило взрывной волной в воду, Билли Бонс отсутствовал на корабле. Бен Ган и Том Морган, по слёзным просьбам Джорджа Мэри — выпустили того с разрешения Флинта из сурового карцера и предложили арестанту помочь им в переноске

грузов, из таверны Сильвера, на корабль — тем самым заслужив прощение убийства Аллардайса, случившегося накануне.

Чёрный Пёс, уставший от надоевших ему портовых безотказных дам, вызванных им самим на корабль — пошёл на поиски новых, и вначале не знал что так громко взорвалось в гавани Кингстона. И лишь прибежав на стоянку своего корабля, понял что именно их пиратский «Морж», в окружении шлюпок портовой стражи, сейчас развороченный догорает в ночи.

Из сорока человек бывших в составе команды «Моржа», разными способами спаслись лишь двадцать два — которые сейчас на берегу шало уставились на свой корабль и пытались понять: что вообще происходит, и как дальше будет осуществлена делёжка ими собранного общака награбленной добычи, когда и где, кем?

При появлении директора Компании, портового чиновника, и офицеров стражи — все стали потихоньку разбредаться, не желая объясняться кто такие, и кроме раненных Пью и Сильвера, которых еле вытащили сержанты и солдаты на берег, вскоре никого из лихой команды «Моржа» не оказалось вблизи, их столь странно уничтоженного, прославленного в будущих романах,

судна.

Глава девятая: «Возвращение — Дагомея и Англия»

Джим нёсся изо всех сил по набережной Кингстона, прочь от разлетающегося деревянными и металлическими клочьями «Моржа», постоянно опасаясь возможной погони за собой: не зная даже точно от кого именно он сейчас бежит, пиратов Флинта или портовой стражи, и в любую минуту ожидая напороться на возвращающихся из «Смуглой бабы квартирмейстера» оставшихся матросов пиратского судна — которые всё ещё должны были носить, усилиями Джима только что уничтоженный корабль, остатки провианта и напитков из таверны принадлежавшей Сильверу.

Пробежав с добрую четверть мили, подросток только тогда понял что за ним никто так и не стал гнаться и более того: всё новые люди прибывали в порт из города и немедля бросались к горящему судну, так чётко видимому сейчас в темени ночи.

Порт наполнялся толпами всё новых, орущих и размахивающих руками, людей, и вскоре, от

стражи, как городской так и морской, при самом порту, представителей Компании, матросов с иных судов — было буквально не протолкнуться.

Команды кораблей в гавани старались скорее увести свои собственные суда прочь от развороченного остова, но уже почти что полностью потушенного, «Моржа» или чем помочь людям плававшим в воде, вокруг него.

Решив, что сейчас самое время немного отсидеться и придумать что же ему делать далее, Джим наконец заметил что всё ещё носит косынку на своём лице, явно подозрительную для обыкновенного портового зеваки и быстрым движением руки её немедля снял.

Потом подросток осмотрел свои штаны, сорвал с себя с облегчением найденную на «Морже» чью то провонявшую до одури куртку матроса и достав всё ещё наличиствующий у него бурдюк, осторожно вложил в него заполученную с такими трудами и опасностями в каюте Флинта, карту острова с пиратскими сокровищами.

Дальнейший осмотр и самообыск показали, что Хокинс потерял собственные старые ботинки — оставленные на взорванном, его удачной провокацией, корабле пиратов и убегал он со всех ног от возможной погони, во всё тех же толстых шер-

стяных носках, что были на нём в самом начале его проникновения на нижние палубы «Моржа».

При нём оказались кинжал, что он взял с собой на вылазку и кинул, лишь слегка ранив — капитана пиратов Флинта, и странный полумеч или что подобное, имевший множество несколько дюймовых «зубьев», на своём, впрочем довольно широком, как у мачете, лезвии и острый наконечник.

Джим с трудом припоминал как хватал с пола, прямо возле хрипящего и захлёбывавшегося собственной кровью Флинта, какое валявшееся там оружие. Как в левой руке нёс клинки, а в правой — разряженный в любопытного пирата мушкетон.

С удивлением рассматривая такое странное объединение расчёски и меча, что подросток, в спешке собственного побега из каюты Флинта случайно прихватил с собой и которым так и не воспользовался ни разу — Джим вдруг расхохотался, так как вспомнил что Клоп, во время их первого визита на Ямайку, когда офицеры «Саффолка» чуть не каждый день устраивали дуэли между собой или местными дворянами, ради скорейшей женитьбы на богатой наследнице кого из успешных плантаторов, Так вот: Клоп

ему рассказывал что местные бойцы — на дуэлях частенько используют пиратские «бесчестные» мечи, под названием «шпаголомы» — в их прямые длинные зубья на клинке попадают узкие палаши или офицерские шпаги, и, при известном умении в обращении с данным оружием, возможно как сломать наконечник так и, что случалось не в пример чаще, просто выбить шпагу из рук противника.

Клоп говорил, что нередко местные аристократы, выбив «шпаголомом» клинок из рук офицера их корабля — вместо того что бы требовать того сдаться, в виду очевидности поражения, как самые настоящие разбойники атаковали безоружного и далее его кололи и резали, пока тяжело не ранили соперника или даже убивали — случаи были!

Несколько раз подобные, «пиратские» дуэли — прекращались лишь стрельбой из пистолетов в нарушителя негласных островных дуэльных правил, и прибывшие из Англии люди, постоянно удивлялись одичанию нравов местной, «заморской» аристократии и тому, как много те переняли от отбросов общества — пиратов, самых дурных людей в мире.

Немного поразглядывав «шпаголом» — Джим

его выбросил в воду, боясь появляться с подобным необычным оружием на своём корабле и возможных, никому не нужных расспросов, по этому поводу — и стал думать как ему далее поступить: сбежать прочь и спрятавшись в Кингстоне ждать шанса отплыть в Европу или всё же вернуться на «Саффолк»?

При всех первых восторгах, что одолевали подростка сразу после заполучения им карты с указаниями многомесячной или даже многолетней добычи пиратов и удачного избежания нападений матросов «Моржа», всё же он вскоре понял что оставаться беззащитным, в незнакомом городе, без денег, а его тайник с ценностями сейчас оставался в гальюне «Саффолка», и премногих иных подобных трудностях — совершенно бессмысленно!

Следовало вернуться на свой корабль и по возможности быстро. Потом спрятаться в карцере или где ещё и завтра, получив наказание за вечерний пьяный бред о пиратах — как ни в чём не бывало продолжать свою службу «пороховой обезьяной».

Вернуться на свой корабль правда оказалось гораздо сложнее чем юнга думал: всюду шныряли лодки морской береговой стражи или с

кораблей.

Взрыв на «Морже» перебудил чуть ли не весь город и сейчас в порту было довольно освещено, от всё чаще зажигаемых фонарей и факелов, и стояла, невидимая ранее здесь никогда Хокинсом, толчея.

Захватить пустую лодку и на ней вернуться — уже не получалось, и Джим, что бы не нарваться на ненужные расспросы, просто тихо и незаметно осторожно залез в воду и стал плыть к своему кораблю.

После двадцати минут утомительного барахтания в воде: в тяжеленных, намокнувших штанах и рубахе, с бурдюком с картой и кинжалом на поясе — подплывающий к цели Джим внезапно осознал, что вдоль бортов «Саффолка» сейчас бродит множество людей с факелами и пробраться на его верхнюю палубу, просто свистнув боцману Толстому Снэйку, с которым он сговаривался ранее вечером о своём возвращении, уже проблематично.

Когда Джим начал кружить, не зная что предпринять, чуть вдали от кормы «Саффолка» — его окрикнул кто из смотрящих вахтенных и потребовал не приближаться к судну, иначе он будет стрелять!

— Зови Снэйка, дурень! — громким голосом потребовал Хокинс. — Я за борт свалился, ты что, ополоумел, своих не узнаёшь?

Случилась небольшая кутерьма и спущенная на воду шлюпка, с лейтенантом на ней, тем, который совсем недавно смеялся с планов Джима об аресте пиратов на «Морже», подплыла к юнге.

— Невероятно! Ты, скотинка юная, что здесь делаешь?! — поразился «найдёнышу» офицер, помогая Джиму взобраться в шлюпку и тут же давая ему воспитательный подзатыльник. — Ты же под арестом, пьяный, должен был в корабельном карцере сидеть? Что за порядки — ты как в воде оказался?! Говори!

Подросток, добрые пять минут, пока поднимались по трапу на палубу «Саффолка» из шлюпки, объяснял лейтенанту что боцман, видя что Джим может заблевать карцер — за шкирку вытащил его проветриться и облегчиться, и не успел он как следует извергнуть из себя накопившееся в нём непотребство, как что то бахнуло и Джим сам оказался в воде.

— Что за странная байка? — не поверил лейтенант услышанному. — Бахнуло, с добрые полчаса назад и что, ты всё это время там, внизу плавал? Вахтенные, что дополнительно выставлены в

опасении нападения на наш корабль — говорят что видели что ты плыл со стороны порта. Сейчас! Ранее тебя не было близ корабля! Да и судно, что взорвалось, далековато от нас стояло, что бы взрывной волной с него тебя за наш борт кидало…

Однако, как ни странно, но особо никто далее не стал ничего выяснять подробно: Джим внове отбрехался и принеся извинения за своё вечернее поведение, был отпущен вахтенными офицерами прочь — из за странного подрыва корабля в порту у них были дела поважнее, чем пьяный баламут юнга.

Боцман Толстый Снэйк получил оставшиеся ему положенные серебряные шиллинги и бурча что следовало бы добавить, ушёл прочь.

Джим, вначале скользнувший в судовой гальюн и привычно спрятав в своём тайнике, под доской, добытую им на «Морже» карту — лишь после этого, совершенно спокойный и усталый, вернулся в кубрик юнг и был встречен дикими воплями радости от Клопа, который боялся что с Джимом что произошло, таким таинственным он был, когда забирал шерстяные носки из узла своих вещей.

— Да нет, малявка — я жив и здоров! Давайте

все спать, скоро подъём!

Спать однако, никто кроме вернувшегося подростка не хотел и все по новой обсуждали недавний взрыв в гавани и то, что же это всё могло означать: подрыв судна Компании теми торговцами и кнтрабандистами, кого она до этого как сильно задела в торговле с колониями. Или пиратский рейд, с запугиванием нынешнего правления острова — угрозой новых подобных акций. Нападение иностранного флота, в связи с очередной войной в Европе.

Юнги не знали что и думать, и Джим вскоре заснул под их нескончаемые споры шёпотом и тихий голос Клопа, который рассказывал уже дремавшему другу, как волновался за него и переживал что Джим может не вернуться к ним никогда.

Утром, на общем построении команды корабля, капитан «Саффолка» сообщил всем — что прошедшей ночью было взорвано, неизвестными негодяями, судно негоциантов.

Уничтоженное судно принадлежало каким то крайне неуспешным, почти что нищим, торговцам и было пустым, без ценного товара в трюме в виде какао или сахара с ромом.

Большая часть экипажа взорванного корабля

погибла. Сейчас принято решение руководством острова — что «Саффолк» пополняет свои припасы и срочно отплывает в Африку, во всем им знакомую Дагомею, для кратковременного патрулирования африканского побережья и оказания помощи караванам торговцев в тех водах.

Всем следовало готовиться к новому переходу и всё подобное, что уже было.

Хокинс был искренне рад услышанному: он мог скоро покинуть Ямайку и удалиться на приличное расстояние от возможно оставшейся ещё силой, но уполовиненной его усилиями, прошлой ночью, пиратской команды капитана Флинта.

Карта острова с сокровищами была у него и в случае такой возможности — следовало приняться её как-либо начать изучать. Возможно там всё довольно просто и примитивно зашифровано, и лишь пираты, с их пустоголовыми гловами прибрежных мясников — не могли понять что имел в виду громила Флинт, так странно отоваренный бутылкой рома по голове подростком, а в дальнейшем, зарезанный «розочкой» от неё, тем же Джимом Хокинсом.

— Флинта погубил ром… — многозначительно пробормотал Джим и почему то хихикнул. Фраза показалась ему забавной. — Пятнадцать человек

за сундуки мертвеца! Йо-хо-хо и бутылкой рома! Бей пиратов и дьявол их всех доведёт до конца, йо-хо-хо и бутылки — рому!

Через трое суток военный королевский корабль «Саффолк» отбыл по новому маршруту и после трёх недель зануднейшего перехода, где хоть небольшие шторма как-то позволяли скоротать время, прибыл в знакомый многим из команды, пролив Бенин, где ранее матросы с «Саффолка» помогали сортировать и отправлять рабов на суда работорговцев и сами, под конец того дня, недурно повеселись: с выпивкой, жратвой и рабынями, предоставленными им расщедрившимися негоциантами.

Однако оказалось что на берег их пока что не выпустят, так как совсем недавно произошли некие события, из-за которых король Дагомеи стал крайне подозрительно относиться к прибывающим к нему на судах белым людям и решил лишь после проверки разрешать тем высаживаться на его побережье.

Клоп, что был за главного осведомителя в кубрике юнг и который, в силу своего малого возраста не воспринимался офицерами как полноценный «хитрила» юнга, сообщал своим товарищам что несколько недель назад, почти

сразу же после отплытия «Саффолка» от этих берегов — два больших европейских корабля подошли к этому месту пролива Бенин, но плыли они с юга на север, возвращаясь в Европу.

Когда местные чиновники поднялись на их борт что бы предложить купить рабов, главный товар корлевства — то прибывшие европейцы связали и повесили на реях, а потом, высадив десант на нескольких шлюпках, принялись убивать солдат и чиновников короля, и орать различными европейскими языками что против работорговли и если кто готов к ним присоединиться — они его немедля примут в свою команду.

Рабы, которых таким образом освободили не менее тысячи человек, правда почти ничего не поняли и кто сбежал, как только получал свободу, кто спрятался и вскоре был найден поисковыми группами короля Дагомеи.

Непонятные агрессивные европейцы — взяли с собой не более полусотни пополнения и обстреляв из орудий лодочный флот Дагомеи, вышеший им на перехват — убрались прочь.

Король был шокирован таким странным поведением чужеземцев и сейчас ко всем судам «белых» относились с опаской, ожидая новых

десантов от них и бессмысленного освобождения пленников, приготовленых к торгу.

Офицеры «Саффолка» в разговорах между собой подозревали, что на Мадагаскаре может быть возрождена старая, почти что мифическая, Либерталия — о которой они прежде немало слышали и читали, и что данные корабли — её эмиссары, что вербуют пополнения к себе в Республику Свободы.

Выяснилось, что пираты рабов обычно себе не берут в качестве прислуги, скорее как пополнение команды или временных помощников, и посему являются естественными друзьями или хотя бы нейтралами, к подобным пленникам.

Однако различие в языках и нравах не позвляет полноценно объединиться пиратам и африканцам или индейцам.

Рабы с плантаций немногочисленны среди пиратов и скорее служат как проводники по территориям где находились, чем полноценные участники пиратского сообщества.

Для колонистов и властей — что пираты, что рабы — всё отребье и с ними разговор короток: петля на руки или шею, или пуля в голову!

Обе данные группы совершенно похожим образом относятся к своим преследователям и если

захватывают города, то издеваются над населением по полной, невероятной по жестокости, мере: пираты, по причине желания узнать где спрятали ценности и пограбить как можно более всего в захваченном городе, а рабы — из чувства мести своим прежним господам и мучителям.

Вскоре однако «Саффолк» получил разрешение войти ближе к берегу в пролив и начать выпускать офицеров и матросов на берег, для закупок еды или чего ещё.

Король Дагомеи, из за случая с освободителями рабов, потерял около сотни своих солдат раненными и убитыми, и три десятка боевых лодок.

Сейчас его сильно теснили войска соседнего королевства, которому Дагомея прежде платила непосильную дань.

Король умолял офицеров «Саффолка» обстрелять пушками большой город соседей, что также стоял на берегу залива Бенин и совершить высадку десанта — что бы подобной акцией сравнять его потери в воинстве, с потерями агрессивных соседей.

Также местный правитель просил продать ему «большие ружья» и новый порох, не порошок, а гранулированный, что обычно поставлялся его армии крайне небольшими партиями.

Ему сказали прежние торговцы, что европейцы именно таким порохом ведут свои конфликты и правителю Дагомеи захотелось полностью перевести собственных стрелков на подобный «взрыв-порошок». Он думал что тогда будет ещё сильнее звук выстрела и больше облако дыма, и вражеские силы отступят в панике перед его усилившейся мощью.

За те три недели что Джим постоянно курсировал с корабля на берег и обратно, он немного отъелся и смог даже обзавестись рабыней — тринадцатилетней местной девчушкой, во всём ему послушной.

Первоначально она досталась Хокинсу случайно, как несорт при погрузке очередной партии рабов и он тут же взял её к себе в качестве наложницы, что бы ждала его на берегу и помогала покупать и нести к шлюпкам провизию, для закупок на судно.

Потом, когда пару недель прошли в почти «семейной», как казалось Джиму, жизни — он задумался что же ему делать дальше: бросать Юаю не хотелось, такое прозвище девчушка получила случайно, от их смешного первого объяснения кто есть кто и что он хозяин, а она рабыня: Ю-ай-ю и тычки пальцами в грудь.

Юаю была худой и длинноногой, ростом почти с самого, возмужавшего, за время плавания и прилично вымахавшего ростом и расширившейся грудной клеткой, Джима. Девчушка имела плоскую грудь и огромнейшие глаза, почти на четверть лица.

Всегда ходила лишь в небольшой набедренной повязке и отказывалась прикрывать грудь, вызывая этим раздражение европейского подростка. Часто смеялась и неплохо, хотя и по своему, танцевала.

То, что она никогда не отказывала в близости Джиму, особенно его радовало и юнга всё время думал как можно будет тайком провести её на «Саффолк» и сбежать вместе в Англию или Ямайку, что бы вдвоём начать поиски по карте острова с сокровищами, зарытых там капитаном Флинтом, кладов.

Варианта никакого реалистичного он придумать так и не смог, и зная что вскоре его корабль вновь возвращается в колонии, что бы сопровождать девять судов в очередном караване работорговцев, совершенно пал духом.

В один из последних дней перед возвращением на Ямайку, Хокинс увидел отряд местных женщин, что шествовали в походной колоне, с

кинжалами на поясах и ружьями за плечами.

Три десятка темнокожих дев с ружьями так поразили Джима, что он спросил об этом у Толстого Снэйка, с которым поддерживал постоянные деловые отношения и сбагривал через него какие безделушки, что остальные юнги воровали на берегу или ещё каким образом доставали.

— Амазонки… Здешние! — хохотнул боцман и облизываясь, стал и сам разглядывать шествующих важно туземных дам. — Воительницы гвардии короля. Говорят, что особо лихие и невероятно опасные — настоящие дикие кошки! Но другие люди, не менее осведомлённые о делах здесь творящихся, упирают что это что то вроде местных жриц или любовниц короля, показуха, одним словом и на самом деле они никуда и никогда не выходят на войны!

— И кто прав? — спросил Хокинс у Толстого Снэйка.

— Понятия не имею! — честно ответил юнге боцман. — И главное — совершенно не желаю проверять ни одну версию! Если они сами обидчику своему голову не отрежут, может местные телохранители вождя, за них мстящие, с этим уж точно справятся. Ну их! И с рабынями на берегу — весьма сладко спится!

Боцман хохотнув толкнул в бок Джима, тот ему ответил тем же и оба отправились на свой корабль в шлюпке, из которой им уже минуту кричали что бы они в неё скорее залазили.

Следующие дни Джим как заведённый всё пытался придумать как протащить Юаю на «Саффолк», но вскоре сдался: незаметно скрыть туземную женщину на судне было невозможно!

Если офицеры могли, при негласном разрешении капитана, взять себе рабыню в услужение, хотя бы в водах колоний, то юнгам или матросам такое совершенно не светило.

Ночью, за пару суток до отплытия на Ямайку, Хокинс увидел что какой то быстроходный шлюп пополняет свои припасы на берегу, а его команда, примерно из восьми человек, деловито общается с Толстым Снэйком, ведя какой свой привычный обменный торг.

— Кто это? — поинтересовался Джим у боцмана, когда тот проходил мимо.

— Понятия не имею!

— Чего хотели?

— Пороха и пистолеты, если есть. Предложил рому и пули, взяли!

— И всё же — кто это такие?

— Какое нам дело? Платят. Сами плывут в

Европу, на Мадейру, а потом в Бристоль. Соотечественники, дери их черти за ногу! Помощь, поддержка и всё тому подобное…

Далее Хокинс действовал со скоростью молнии: сам подошёл к команде шлюпа и узнал есть ли у них пара мест до Бристоля, и получив согласие их с Юаю принять — дал три шиллинга задатка и пообещал остальные двенадцать, когда погрузятся.

Потом на шлюпке отправился на «Саффолк» и стал собирать свой нехитрый скарб, сговорившись с Толстым Снёйком что тот поможет ему покинуть судно, за два десятка шиллингов серебром и скажет что Джим, если офицеры начнут активно искать юнгу, что было сомнительно, что Джим бредил Либерталией и мечтал на неё отправиться.

В кубрике «пороховых обезьян», после того как были вытащены из укрытия в судовом гальюне карта и заначка — Джим странно для всех присутствующих мальчишек попрощался с ними, особенно с Клопом, который расплакался при этом и подарив хнычущему, бормочущему малышу, тихо, в уголке, что бы остальные не видели, шёлковый свёрток с золотым дублоном и десятью шиллингами, Хокинс вскоре оказался на верхней палубе «Саффолке», где его уже поджидал Тол-

стый Снэйк.

Побег с королевсткого военного корабля был большим риском, но все последние события укрепили Хокинса в мысли что уже давно ему пора бросить службу, с её рисками увечий в боях или мучительной смерти и как можно скорее заняться заполученной им столь неожиданно пиратской картой: её расшифровкой и нахождением сокровищ капитана Флинта и команды морских разбойников с «Моржа».

Юаю была забрана из береговой хижины, скорее землянки в лесу у берега и без объяснений погружена в шлюп, что уже готовился к отплытию.

— Ты уже обзавёлся здесь туземной жонкой? — удивился шкипер шлюпа проворству Джима, которому было на вид не более четырнадцати лет. Но пожав плечами лишь кивнул и скомандовал. — Всё! Пора! Нас ждут доступные, горячие и томные андалузийки, и тёплое море у Гибралтара! Хватит кормить москитов у этих чёртовых берегов!

Первые двое суток после побега всё было как обычно, лишь теснота в шлюпе несколько мешала нормальным, привычным на берегах Дагомеи, отношениям Джима с его Юаюй.

Однако на третий день, широкоплечий, заросший бородой «лопатой» шкипер — внезапно потребовал с подростка новую оплату, за еду и воду, говоря что он согласился на старую сумму лишь что бы их довезти на указанное место, но никак не кормить в пути.

Отчасти это было правдой, ибо Хокинс, в великой спешке устроив свой побег, совершенно позабыл о припасах в пути и надеялся где ими разжиться, когда они окажутся на стоянке.

Однако шлюп всё плыл и плыл, и пока не было видно когда он сможет пристать к берегу и будет ли там вода и пища.

Вначале Джим просто выпрашивал, себе с темнокожей девчушкой — еду и стаканы с водой. Потом, уже его «туземная жена», обворожительно улыбаясь просила жестами, так как никакого языка, кроме родного, не знала, что либо им дать у команды шлюпа.

Ошибкой подростка стало то, что он достал свёрток со своими ценностями и потрясая кошелем с сорока пятью шиллингами серебром и тремя дублонами золотом в нём, заявил что покупает себе и девушке воду и провизию, и считай что нанимает, как на прогулочной яхте, матросов шлюпа себе на услужение.

Однако берега западной Африки отличались от подобных им берегов Темзы и вместо благодарности, и получения на подносе еды и питья, оплаченных щедрой рукой Джима звонкими монетами — подростки увидели наставленные на них пистолеты и получили немедленный обыск, с вполне таким себе приличным избиением бывшей «пороховой обезьяны Саффолка».

Бывший юнга не успел достать свой кинжал, как ему засадили кулаком в живот и когда он скорчившись свалился вниз шлюпа, продолжили избиение руками и ногами.

Девушку тут же вытребовал к себе шкипер и приказав какому матросу не начинать дележа добычи без него — завалился всей своей немалой тушей на Юаю, пока Джима продолжали мутузить, раздевая догола при этом.

Джим даже подумал что и его изнасилуют, как и девушку бывшую с ним, но оказалось что матросы шлюпа просто ощупывали все его вещи, в надежде получения новой богатой добычи.

С их слов выходило, что они ранее промышляли разбоями на берегах Африки или работорговлей, и не ожидали что столь богатенький сынок какого то торговца — решит воспользоваться их судном в качестве пассажирского средства, что

их всех немало позабавило.

Все деньги и драгоценности, что он заполучил в своих скитаниях по морям — были забраны у Джима.

При этом карту острова капитана Флинта, которую Хокинс успел свернуть и засунув в широкий пояс зашить его — грабители, несмотря на все ощупывания пояса, так и не заметили: видимо решив что это просто такой у подростка странный предмет одежды, с двойной мягкой кожаной вкладкой.

На монеты или ценности карта никак не походила, а сам пояс был грязным и выцветшим, и его вскоре вернули, вместе с остальной одеждой, Джиму.

— Свободна! — провозгласил улыбающийся шкипер шлюпа, натягивая штаны и подходя к веселящейся группе своих моряков. — Ребята, что тут у нас?

Ему объяснили что у Джима оказались монеты и брюлики, и в довольно приличных количествах.

— Отлично! — потёр руки вовсю смеющийся шкипер, пока новый матрос уже залазил на слегка повизгивающую за ящиками, на носу шлюпа, Юаю. — Теперь так: девчонка — просто огонь!

Жаль расставаться — мы с нею, скорее всего, поплывём до самого конца, до Бристоля! А вот его… — шкипер пальцем указал на Джима. — Следует где продать и получить ещё некоторую сумму монет, что бы наше возвращение на родину было совсем уж праздничным!

Следующие дни, после данного неожиданного перераспределения ролей, были примерно одинаковыми: Джима гоняли на грязной работе, заставляя убираться или ставить паруса, перетаскивать что тяжёлое на шлюпе. Тем временем девушка стала любовницей всей команды и особенно шкипера, с которым она постоянно проводила вечера в обнимку, о чём то пересмеиваясь.

Юаю, доводя подростка этим своим новым поведением до припадков бешенства — заигрывала со шкипером, как ранее, на берегу Дагомеи, с самим Джимом: строила матросам уморительные рожицы и почти постоянно разгуливала голышом, позволяя всем кто желал себя ощупывать или что ещё с нею делать.

Девушке нравилось быть в центре внимания, быть любимицей стольких белых мужчин и она этого не скрывала.

Попытки Джима объяснить ей что её ждёт

рабство — её удивляли, ибо она и до этого была рабыней, и вряд ли что ей светило нового, после того как «белый мастер Джи» взял её к себе в наложницы…

Вскоре Хокинс уже по стариковски бормотал себе под нос, что связался с «проклятущей ведьмой и подстилкой», в то время как матросы шлюпа чуть не на руках носили игривую, словно кошка, чернокожую девчушку и всячески с нею забавлялись, впрочем, не без её согласия.

Близ Сеуты, когда моряки принялись было сговариваться как им скорее избавиться от Джима и получив за него, как за раба, деньги — плыть далее, возможно не заходя на Мадейру, случилось событие что и помогло Хокинсу: в гавани Сеуты испанцы разгружали судно которое привезло порох им в крепость и ближайшие форты, и при перевозке одной из телег, по неизвестной причине, случился взрыв. Погибло с полсотни человек и множество домов рядом с портом были разрушены хотя бы частично.

Стража тут же стала проводить проверки всех подозрительных пришельцев, что недавно прибыли в город и Джим, при виде офицера портовой стражи с парой солдат с ружьями, при нём, на ломаном испанском, который более менее стал

понимать на Ямайке в свои два визита туда, начал орать: «Пираты! Синьор офицер — это пираты!» и показывать руками на людей в шлюпе.

Если бы матросы внутри шлюпа просто дождались проверки — всё бы сошло отлично, так как никаких, подтверждающих их пиратское прошлое, вещей внутри посудины не было, а Джима могли объявить пленником рабом, честно ими купленным в Новом Свете и который теперь бузит.

Но шкипер и его люди дёрнулись, и выхватив пистолеты открыли беспорядочную стрельбу по страже порта Сеуты.

Их тут же прорядили выстрелами из ружей стражники на берегу и вскоре все кто остался в живых из команды английского быстрого шлюпа, предстали перед скорым судом.

Джиму никто не поверил, когда он предъявил свои требования на украденные у него монеты и ценные вещи, и посчитали его пленником разбойников, которому они отбили мозги избиениями.

Юаю подтвердила жестами что знает Джима и что он — её хозяин, и судья вынес скорое решение: отпустить молодого англичанина с рабыней, с тем что у них есть, без ложной компенсации за

вымышленное ограбление, на свободу. Остальных моряков шлюпа — решено было повесить в назидание прибывающим в город пиратам.

Хокинс напомнил испанцам что он предупредил власти о том что это разбойники и ему должны выписать премию.

Но судья объяснил ему что он иностранец, тем более безбожный протестант из Англии и пускай ещё радуется что времена сейчас иные и его, как при Филлиппе Втором, никто живьём на костёр не тащит, а если он чем не доволен — ему могут показать здание инквизиции в Сеуте, пускай у них что требует.

Пробродив, с вновь оказавшейся в его собственности Юаю, немного по городу — Джим осознал что совершенно не собирается везти девушку в Англию, как планировал ранее: ревность и ненависть к ней, так быстро отдавшейся всем матросам шлюпа, просто не могли пройти даром для подростка.

Тут же им был найден выход из сложившегося положения и решив что его земляк Шекспир просто плохо знал жизнь, Джим пошёл «иным путём»: вместо удушения девушки в порыве ревности — Хокинс продал её, на местом рынке рабов, за вполне приличные полтораста реалов

серебром и медью, и получив деньги на руки, тут же отправился выпить и закусить в ближайшую к рынку «наливайку». После чего купил себе место на шхуне до самого Бристоля.

Деньги однако у него быстро кончились, так как Джим смог за полсотни реалов приобрести вполне сносные голландские документы, на мастера Йоханна Рюннегана из Гааги, семнадцати лет от роду.

Потом купил себе крепенькую полотняную сумку и дагу, взамен потерянного на шлюпе кинжала. Сделал небольшие запасы провизии и купил крепкого бренди, на всякий случай.

Через, чуть более года, со времени своего отплытия на борьбу с берберийскими пиратами в Средиземное море, Джим Хокинс наконец вернулся на берега родного и любимого им Туманного Альбиона, когда шхуна соотечественника высадила его в Бристоле.

Подросток опасался что его разыскивают, после побега с «Саффолка» у берегов Дагомеи, хотя ему и казалось это почти невероятным — так часты были пропажи юнг, в тех или иных условиях, во время рейдов любого флота по колониям.

Он подрос, отпразновав совсем недавно в пути в Англию своё пятнадцатилетие и совершенно не

походил на того щуплого, сопливого мальчугана, которого отец продал юнгой, около полутора лет назад.

Джим нынешний был широкоплечь, имел шрамы по всему телу во множестве, особенно на левой стороне. Готов был убивать без жалости — и он это хорошо помнил.

— Карта! — бубнел Хокинс себе под нос, когда ехал на повозке с какими харчами, что должна была доставить свой груз в городок, возле которого и располагался «Адмирал Бенбоу», принадлежавший его семье. — Следует заняться ею в первую очередь! Понять что там и как, найти людей, разбирающихся в значках пиратов, может кто остался из знакомых «бородачей», что с отцом прибрежными делами вместе занимались…

Однако он тут же вспомнил что ту пятёрку — всех перевешали почти сразу же после расследования, которое так хорошо пошло не без помощи донесений Хокинса-старшего и слегка приуныл.

Всю дорогу шёл мелкий моросящий дождь. Было холодно и Джим, уже многие месяцы привыкший ходить в рубахе на голое тело и штанах, в тропическую жару, сейчас явно мёрз.

Вскоре добрались к городку где повозке следо-

вало разгружаться и Джим, не без дрожи в ногах, сошёл с неё и направился к «Адмиралу Бенбоу», не зная как на его появление отреагируют родители и главное, что сделает он сам, увидев матушку и тем более — второго своего родителя…

Распахнув двери таверны Джим сразу же заметил суетливого паренька, лет одиннадцати, который спрашивал у немногих посетителей заведения заказы и бежал к длинному столу, за которым пьяный отец Джима на него что то ворчал и привычным подзатыльником отправлял в сторону женщины, почти что старухи, в которой подросток сейчас с трудом узнал свою мать, настолько она выглядела измождённой и постаревшей, по сравнению с той — какой он последний раз её видел.

Джим сел за длинный стол у двери, прямо напротив своего отца и вызвав внимание того щелчками, а старший Хокинс был привычно для себя сильно пьян — уставился на родителя в упор немигающим взглядом и пытаясь понять, что же испытывает к человеку, которого столько лет уважал и боялся, и которого, особенно первые месяцы пребывания на «Саффолке» — столь неистово ненавидел, желая ему страшной мучительной смерти.

Ненависти однако пока то не было, впрочем как и желания слезливо начать обниматься и приветствовать друг друга долгими сюсюкающими фразами.

Джиму, в его нынешней ситуации, собственный отец был совершенно безразличен, не более того.

— Что…? — вычурно добавил к вопросу ругань, старший Хокинс. — Я не на заказах! Спросите шкета, когда он подбежит к вам и…

Старший Хокинс внезапно с бульканием заткнулся и вытаращавшись смотрел на нового посетителя, потом громко, чуть не давясь слюной, сглотнул и пробормотал: «Джим… Это ты?»

Сын утвердительно кивнул на вопрос отца и между ними внове воцарилась тишина: когда сын не знал что ему говорить, а отец — боялся спрашивать.

Внезапно старший Хокинс подскочил со скамьи, словно бы его ужалила змея и принялся орать, лихорадочно размахивая руками: «Что ты тут делаешь — сбежал?! Убирайся прочь, негодяй! Нам с матерью и самим мало, что бы ещё беглого преступника себе на шею садить и мы…»

Женщина, разливавшая напитки по кружкам на подносе, вскрикнула и бросилась к длинному столу. Мальчишка служка кинулся туда же.

Все посетители небольшого общего зала таверны «Адмирал Бенбоу» уставились на сына и отца Хокинсов.

Тогда Джим, совершенно спокойными движениями, регулярно им отрабатываемыми в кубрике юнг на «Саффолке» — резко коротко ударил отца в живот и тут же, когда тело того только скрутило, дважды повторил быструю боковую «двойку» — в голову и правый бок родителя.

Отец повалился на пол таверны под натиском возмужавшего сына и лишь крик матери: «Джим! Джимми — не делай этого, он старый больной человек!» — остановили продолжение избиения.

Вернувшийся в родные места Джим, с самой своей первой минуты, хотел показать отцу и прочим что прежнего наивного мальчика — более нет, а он нынешний не потерпит избиений или ругани в свой адрес, за это будет карать нещадно, как это делал всегда с дерзкими юнгами в корабельном кубрике «пороховых обезьян».

Мать подростка, подбежавшая с оханием к своему побитому мужу и внезапно вернувшемуся сыну — помогла старшему из своих мужчин встать на ноги и уйти в свою комнату наверху. Потом, со слезами на глазах и щеках, вернулась к своему долгожданному ребёнку и долго что то

шептала по старчески, целуя его в лоб и щёки и заглядывая в глаза, как случайно нашедшая то, что считала давно и безвозвратно потерянным.

Джим так и не понял: то ли она пыталась так извиниться, что не помешала отцу продать его в юнги на корабль, то ли действительно, просто не знала куда пропал её мальчик и сейчас радовалась его невероятному возвращению, возмужавшим и сильным.

Уже через пару дней по возвращению подростка, выяснилось, что как ранее планировал Джим — явно не получается: вместо тихой, спокойной работы на прежнем месте и возможности в знакомой обстановке понемногу расшифровывать пиратскую карту, вместо всего этого — Джим слышал постоянную пьяную ругать отца, который жаловался всем подряд на «беглого сына каторжанина» и угрозы старшего Хокинса сообщить куда следует, как он в своё время поступил с бандой береговых пиратов, когда ему сильно припекло.

— Ты не думай, что раз ты мне сын — я стану терпеть беглого каторжника! — распаляясь всё сильнее с каждым новым днём, буквально орал отец на Джима. — Хватит! Я с вами, преступниками, больше дел иметь не желаю — баста! Одни

головы людям на берегу режут, а потом и мне этим угрожают… Ну и, где они сейчас? Второй руку на отца поднимает! Вы посмотрите какой смелый выискался…

С каждым новым днём отец становился всё агрессивнее и многословнее. Он постоянно намекал что уже завтра и отправится сообщать что в «Адмирале Бенбоу» беглый и то что это его собственный сын — не остановит его.

Мать как то договаривалась с ним и старший Хокинс уходил вечером в свою комнату довольно хохоча, но Джим понимал что это не вариант и что то предпринять следовало в ближайшее время: или сбежать самому, или как заткнуть рот отцу…

А в то что тот может сообщить страже и довести дело до суда и преследования Джима, бывший юнга «Саффолка» даже и не сомневался, отлично помня что случилось с «командой адмирала» и как именно его папенька — вначале всеми силами старался организовать данную шайку, а потом запросто сдал её властям, взамен на свободу и собственное непреследование за грехи этой банды береговых пиратов.

На сороковой день после возвращения младшего Хокинса домой, произошло «странное

происшествие», как его в соседних городках окрестили местные жители: оба Хокинса, отец с сыном, отправились вдвоём побродить по берегу, а вернулся назад лишь Джим — сообщив что его отец подскользнулся и свалившись со скалы в воду, свернул себе шею и утоп, прежде чем он, несчастный слабый подросток — успел его вытащить из воды.

Многие видели шагающих к морю Хокинсов. При чём отец постоянно что то талдычил и хохоча, грозил пальцем Джиму, а тот лишь грустно кивал головой, ничего не отвечая родителю.

Потом они удалились достаточно далеко от любых людей, что как и они группками прогуливались вдоль побережья в поисках хоть какой поживы, принесённой волнами на берег и когда внезапно вернулся один Джим, который и сообщил сбивчиво что случилась беда и следует немедля вызвать доктора и священника, что бы они чем помогли и зафиксировали в документах произошедшее — все немного растерялись.

Прибывший местный доктор, Ливси: высокий и гибкий, постоянно что то с двусмысленной улыбкой на лице рассказывающий вкрадчивым голосом — быстро осмотрел тело старшего Хокинса и констатировал проломленный череп у того.

В ране оставались кусочки камня, смешавшиеся с осколками черепа и мозговым веществом, но указать на кого-либо как на убийцу доктор не решился и лишь констатировал: что смерть произошла прежде всего от удара, то ли головой о камни, при падении — то ли камнем о голову, и при этом старший Хокинс практически не набрал воды в желудок, а значит не тонул, а лишь сильно расшибся и именно ушибы послужили причиной его скоропостижной кончины.

Свидетелей происшествия, кроме самого Джима, никаких не было и решив что расследование особо никому и не нужно, так как миссис Хокинс, стареющая заплаканная вдова покойного и владелица «Адмирала Бенбоу» — наотрез отказывалась письменно его требовать, а посему доктор Ливси написал справку для полисменов: что смерть наступила от ушиба головы, предположительно случившегося по причине неосторожного хождения покойным по прибрежным скалам, ставшими скользкими от недавних дождей.

Далее доктор ещё с час посидел в таверне «Адмирал Бенбоу», выпил несколько кружек тёмного пива с жареной ветчиной и порцию виски, и спросив у Джима куда он пропадал и не подался ли в школяры, на учение в столичный Лондон —

уехав и покинув за лучшей долей местную глушь, ближе к полночи простился со всеми и поехал в особняк местного сквайра, Трелони, при котором числился за откровенного прихлебателя, получая от благодетеля небольшие подарки: за что сообщал сквайру интересные сведения обо всех болящих округи, их семьях или просто развлекал его забавными происшествиями, случившимися лично с ним в его практике врачевателя.

Мать Джима, в разговорах с сыном называла доктора Ливси не иначе как «шут сквайра Трелони» и сколько помнил подросток, ныне покойный отец всегда с нею соглашался в этом вопросе.

Сам младший Хокинс, тайно, что бы не огорчать матушку — выпив почти полный стакан бренди привычно отправился спать. День выдался тяжёлым и ему хотелось как следует отдохнуть.

Подростку удалось удачно решить одну из так внезапно возникших проблем, с отцом, и теперь Джим собирался, после нескольких дней отдыха, приступить к двум прочим, не менее важным проектам: организации, из числа местных мальчишек, новой банды береговых пиратов, благо опыт участия в «адмиральской команде» и рейдах против морских разбойников в колониях многому его научил и потихоньку начать пы-

таться расшифровывать карту капитана Флинта, с сокрытой на тропическом острове долей от последней добычи команды «Моржа», столь удачно отправленного в утиль стараниями подростка.

Отца Джим ударил внезапно, когда они достаточно далеко отошли от ближайшей группы людей, что как и они бесцельно бродили по берегу и уже не боялся что их ссору увидит кто чужой: просто громко скомандовал стоящему к нему спиной мужчине, обернуться и когда старший Хокинс, словно что почувствовав, с белым как полотно лицом медленно обернулся на голос своего чада — подросток нанёс жесточайший удар в голову отца осколком скалы, найденным ранее на берегу. Камень идеально лежал в руке убийцы и имел узкое «полотно» — как у топора викингов.

Потом, упавшего на колени и тихо воющего пожилого человека, подросток ещё около минуты забивал до смерти этим камнем и лишь удостоверившись что тот мёртв — аккуратно скинул тело точно головой вниз, на камни под скальным уступом, на котором они ранее вместе находились.

Пришлось вернуться на площадку и прибрать окровавленную землю и траву, из за чего место стало выглядеть несколько странным.

Но как выяснилось позже всё это был напрасный труд: прибежавшие на призывы Джима ближайшие оказавшиеся на берегу люди — стали охать и горевать вместе с убивавшимся на их глазах «несчастным дитятей» и затоптали всё что только могли.

Потом парень, лет восемнадцати, сбегал в ближайшее поселение за однолошадной повозкой и погрузив на повозку тело старшего Хокинса — его отвезли в «Адмирал Бенбоу».

Все добровольные помощники полностью поверили в версию Джима о том, что отец подскользнулся на мокром камне и свалился вниз головой, после чего утоп в воде и лишь доктор Ливси при осмотре констатировал, что воды во рту убитого или желудке, как бывает при утоплении, практически не обнаружено.

Однако по причине того что подозревать сына в убийстве отца вроде бы не было никаких причин и отказе матери Джима требовать полного расследования, решено было принять за верную ту версию, что рассказал всем «свидетель», сын погибшего.

Подросток сейчас искренне радовался, что за всё время что он вернулся на родину — никто не потребовал у него документов, оставшихся на

«Саффолке» и переданных его отцом матросам вербовщикам, иначе он вряд ли бы смог внятно объяснить почему является, согласно имеющимся бумагам — голландцем из Гааги.

В течении следующей недели Джим с матушкой принимали дела покойного, в том числе и его долг, в размере девятисот фунтов, перед неким мистером Питкином из лондонского Сити — утверждающим всем к месту и без оного: что он известный герой, многожды бывший в опасностях и пересекавший линии вражеских войск, что бы оказаться в глубоком тылу и там помогать, с помощью лома и лопаты, сооружать дороги и чинить мосты, для успешного наступления английских войск.

Далее Джим, уже самостоятельно, провёл первые закупки джина, виски, рома в Лондоне и вернулся на повозке с данным грузом в таверну «Адмирал Бенбоу», помочь содержать заведение матери.

Маленький мальчик, «служка за всё», был явно на своём месте и Джим попросил матушку не увольнять его, прекрасно понимая что он сам постарается как можно скорее разобраться с захваченной им картою острова с сокровищами и отплыть в тамошние воды, для нахождения

схронов и тайников пиратов.

Решив немного подзаработать денег для будущей экспедиции на известом ему ранее ремесле берегового пиратства, младший Хокинс собрал примерно десяток сорвиголов мальчишек, в возрасте от девяти до тринадцати лет и рассказав им сказочные истории о невиданных прибылях, что получали ранее бойцы «адмиральской команды», попытался было развернуться на новом поприще.

Ничего однако не получилось: старые подельники его отца, частью выпущенные по амнистии, частью сбежавшие и вернувшиеся тайно на родные берега — уже прочно оседлали «береговое дело» и не собирались пускать сюда чужаков.

Ставить «маяки иуды» или что подобное — они уже не решались, помня к чему это привело в прошлый раз, но зато сговаривались с лоцманами, особенно из числа иностранцев или помогали контрабандистам, в войнах тех между собой — регулярно.

Сложившаяся группировка из пятнадцати человек, одиннадцати мужчин и четырёх женщин, в том числе пары из тех что были ранее в «адмиральской команде» — легко и не напрягаясь избивала мальцов Джима, правда не рискуя свя-

зываться с ним самим и вскоре почти что все из «команды юнг капитана Хокинса» — переметнулись к победителям.

Новые «старые» пираты побережья Англии, сейчас подставляли на катастрофы у скал небольшие иноземные или прогулочные яхты и корабли, избивали пассажиров и команды судов жертв, но более не резали их, как ранее всегда поступали «бородачи», а лишь сильно прибив и запугав — отпускали восвояси.

Нередко лишь после выкупа со стороны их родственников, если дело касалось богатых людей.

Розыски новой прибрежной банды проводились, но какие то не очень пристальные и пока не было трупов во множестве, как в прошлый раз, при «адмиральской команде», или не захватывали в заложники слишком уж известных людей, власти ограничивались опросами и обещаниями мизерных наград, и сами не веря в успех подобной тактики.

С контрабандистами «береговые» наладили сотрудничество: они сговорились с самой мощной группировкой, что продавала европейские товары на острове, скупала виски в Шотландии и переправляла его в огромных бочках во Фландрию или французскую лесную Бретань,

захватывала «белых рабов» в Ирландии, особенно девушек, для обеспеченных колониальных плантаторов и новые береговые пираты помогали этой группировке на своём участке берега, чем могли.

А могла, подобная банда сухопутных пиратов, многое: обеспечивать вдоль побережья ночные маяки быстроходным шлюпам с контрабандой незаконных торговцев — в обход засад таможенников и береговой охраны, сообщать о таможенных чиновниках или страже, которые появлялись на побережье с проверками и наконец, убив в ночной поножовщине кого из конкурентов, из вражеской шайки контрабандистов — просто засолить их разделанные туши в бочках или отдать старухе «Буу», на кормление её ракам в озерце или голодным свиньям в хлеву старухи.

Молодой Джим Хокинс так и не решился на прямое противостояние бывшим подельникам отца, особенно когда узнал об их «союзнических» отношениях с влиятельными контрабандистами, с которыми ранее они враждовали и быстро смекнул что нарывается на новые неприятности для себя, не менее тех, что могли ему устроить пираты с «Моржа», если каким чудом узнают где

он сейчас обитается.

Пришлось Джиму отложить попытки верховодить местными подростками и вновь, не по своей воле, вернуться полностью к расшифровке карты: со множеством ранее предпринимаемых попыток и каждый раз с нулевым результатом.

Карта, которую Джим в очередной двудесятый раз разложил на столе своей комнаты, у окна, пока матушка и мальчик служка на первом этаже обслуживали редких завсегдатаев «Адмирала Бенбоу», вызывала у него множество вопросов.

Сам остров был изображён довольно качественно, указаны гавани и примерная глубина в них, для стоянки судна. Показаны источники воды и некое странное укрепление сруб, на вершине одного из холмов. Но…

Но не было даже намёка знаком или как ещё, кроме странного текста на боковых полях карты, где именно мог располагаться спрятанный тайник с монетами и драгоценностями «последнего раздела добычи» пиратской команды капитана Флинта.

Сам же остров, даже на карте, казался Джиму настолько огромным, что отправляться туда не имея и приблизительного представления с чего начинать — ему виделось изначально гиблым

делом.

Там можно было проплутать всю жизнь и так и не найти даже монетки, из всех тех сокровищ что схоронил хитрый выпивоха Флинт, на данном клочке суши.

— Сильвер был прав… Нужно понять что и где, иначе это всё глупости! — мрачно констатировал подросток, уже в надцатый раз пытаясь осилить текст на полях карты и хотя бы приблизительно понять, с чего ему следует начинать свой поиск сокровищ на острове, с какого его края или приметы на нём, к которой обычно привязывают подобные тайники: будь то высокое дерево, странная скала или что подобное.

Глава десятая: «Сколько верёвочке не виться…»

Через два с половиной месяца, с того времени как Джим вернулся в «Адмирал Бенбоу», туда же заглянула и странная пара: двое мужчин, крепкие на вид и немного «тёртые жизнью» — из которых один, бывший почти вдвое шире плечах, поддерживал своего товарища, у которого грязная тряпичная повязка была на глазах, закрывая их обое.

Зайдя в «Адмирал Бенбоу», тот из прибывших, что вёл незрячего товарища — усадил слепого калеку на табурет и громко произнёс, видимо специально для него: «Здесь!»

— Рому!

— Может лучше сначала о деле поговорим, а уж потом… Хотя нет, ты прав — рому! Хозяйка — рому!!!

Хокинс вздрогнул услышав крики в общем зале таверны. Подросток, сидя на втором этаже трактира, в своей комнатушке, уже несколько недель к ряду пытался понять указания бывшего хозяина пиратской карты, начертанные на её

полях и вглядывался в обозначения и значки, изображённые на ней.

Требование рому, довольно редкое в землях где популярнее бренди и виски — лишь пиво, его сильно взволновало.

Чуть задержав дыхание, подросток на цыпочках, стараясь не шуметь — направился к двери и осторожно её приоткрыв стал наблюдать за странной парой, требовавшей у его матери, внизу, в общей зале, налить им срочно рома.

Однако прибывшие ему так никого из знакомцев с Кариб и не напомнили: сам Джим скорее опасался своего розыска за побег с «Саффолка», но данной пары на судне точно не было и он, уже шире приоткрыв дверь, спокойно вышел на небольшую террасу, с которой начиналась лестница ведшая вниз, в общий зал.

— Хозяйка! — обратился громовым голосом, зрячий здоровяк новоприбывший к матери Джима. — Мы разыскиваем нашего доброго друга, юнгу, с королевского военного корабля «Саффолк» — Джима Хокинса. Не вы ли являетесь его родительницей и не могли бы вы назвать нам то место, где мы вскоре пересечёмся с этим… этим… С ним! — говоривший с невероятной силой опустил кулак на стол, так, что грохнуло словно от

выстрела пушки. Все находившиеся в заведении завсегдатаи вздрогнули.

Джим замер от ужаса на верхних ступенях лестницы, с которой было уже собирался спуститься вниз, так как стал подозревать что ищейки были отправлены адмиралтейством по его душу в погоню и смогли легко добраться, до столь очевидного, укрытия.

Он прежде даже не подозревал, что за сбежавшим у берегов Африки юнгой, а может похищенным, или убитым диким зверьём что в тех землях случалось часто — снарядят полноценные поиски детективами и вместо того что бы в ближайшем порту схватить ещё десяток бездомных мальчишек, на пополнение кубрика «пороховых обезьян» — начнут вести полноценный розыск пропавшего подростка!

Пока Джим резко остановился, как вкопанный, сделав всего четыре шага по лестнице — второй прибывший недавно мужчина, сидевший с повязкой на глазах и до этого тихо хлебавший ром из оловянной кружки, внезапно крикливым, словно бы старческим, голосом, так не подходившим его моложавому лицу и жилистой высокой фигуре, чуть не закричал в ухо товарищу, спрашивающему у матери подростка о Джиме: «Я

слышу испуганные шаги! Билли — он здесь, не упусти его! Чёрный Пёс прав — он здесь, клянусь потрохами всех выпотрошенных нами падре испанцев, он рядом!»

Расспрашивающий хозяйку заведения здоровяк вскочил на ноги и в мгновение достал свой длинный кортик, из-за скрытых в одеждах кожаных ножен.

Женщина с визгом отшатнулась и бросилась к стойке с напитками. Туда же пробежал через весь зал и мальчишка прислуга.

Четверо посетителей удивлённо уставились на новое зрелище, прежде никогда не виданное ими в «Адмирале Бенбоу».

— Хватит! — прокаркал своим характерным голосом Пью, ибо именно по голосу Джим и узнал одного из разбойников ватаги капитана Флинта, отчего подросток и замер, как соляной столб, на верхних ступенях лестницы и сейчас лишь с нескрываемым, всё возрастающим, ужасом, взирал на своих неожиданных преследователей. — Хватит! Ах Билли… Билл! — так ты всех распугаешь… А нам ведь этого не надо, не так ли? Тащи паренька к нам за стол и пускай его добрая матушка даст нам жаренного мяса и хлеба, а также рому, много рому! А мы будет вспоминать

и говорить… Вспоминать «Моржа» и говорить о том, что нам остался должен, юнга с королевского корабля «Саффолк», в Кингстоне, на Ямайке.

Хокинс было собрался бежать, но его остановил резкий окрик, быстрым шагом приближающегося к нему громилы Билли Бонса: «Куда?! Пожалей мать — мы её саму на жаркое пустим, если убежишь!»

Билли Бонс за шиворот стащил, бледного как смерть, Джима вниз и силой усадил за стол, с противоположной стороны его, спиной к деревянной стене заведения, прямо напротив него самого и Пью.

Складывалось впечатление, что сейчас подросток, прислонившийся спиной к брёвнам стены и отрезанный от возможных путей бегства: как спасительной внешней двери, так и коридора к чёрному входу — был приготовлен мужчинами к скорому пристрастному допросу.

Джим всё ещё неверящим взором смотрел на ухмылявшихся пиратов, убитого им собственноручно капитана Флинта и никак не мог взять в толк: как же они так быстро поняли что это именно он устроил на «Морже» заварушку, похитил карту капитана Флинта и сбежал со службы на свою малую родину, в «Адмирал Бенбоу». Это

казалось чем то совершенно фантастическим и неправдоподобным.

Подростку однако хватило ума спокойным голосом попросить мать быть потише и не поднимать панику, и принести мяса и хлеба, выпивки, ибо он понимал что сейчас ему нужно выиграть время, что бы придумать что далее предпринять — против, столь внезапно оказавшейся прямо перед его носом, смертельной опасности.

Вскоре, после принесённой бубнящей себе под нос молитвы, женщиной, еды, на которую пираты набросились словно голодные уличные псы — они уже весело что то гомонили меж собой и перемигивались с Джимом, видимо полагая что дело сделано и самое сложное сейчас у них позади.

— Лихо ты нас в Кингстоне, прямо такое устроил… Что просто — уух! — признал заслуги Джима Билли Бонс, затягиваясь из набитой табаком трубки, из красного дерева. — Пью, после того как ты его чем швахнул в проходе, по фонарю — потерял полностью зрение: осколки в левом глазу и порез, когда ты его ножиком почикал по лицу и руке, и сильнейший ожог правой части башки, особенно верхней половины.

Сидевший рядом с Бонсом Пью вдруг изме-

нился в лице и схватился за нож, что то коротко прошептав себе под нос, но здоровяк штурман «Моржа» быстро перехватил его руку и на ухо объяснил, громким шёпотом: что «всё потом — сейчас дело.»

Слепец всё же снял свою широкую грязную повязку с глаз и Джим увидел, кроме опалённого с правой стороны лица, ещё и огромную проплешину, с той же части головы.

Видимо Пью лишился значительной части своих волос, когда тушил горящие одежды, после точного броска мушкетона Флинта, Джимом.

— А наш весёлый балагур квартирмейстер, что считался лучшим плясуном «Моржа»? — продолжал, с холодной ненавистью цедя слова, Билли Бонс, словно бы примериваясь со скорым приговором подростку, — Он стал одноногим… Одноногим! С его слов выходит, что сперва его столкнули с трапа в темноту прохода, из которого и выскочил прочь чужак в косынке на лице, а потом, когда он со сломанной ногой вопил о помощи, кто из наших дураломов спрыгнул, прямо ему на ногу и принялись шмалить из ружей в пороховую комнату и она тут же и рванула! Его, из-за того что он уже почти выкарабкался по трапу, на одних руках, на верхнюю палубу, как и

Пью — выбросило в море взрывом. Но сломанная нога висела на сопле теперь и когда его выловили из воды, то доктор без лишних раздумий её откочерыжил Сильверу, что бы не началась гангрена, да и вообще — потому что, со слов этого коновала: просто не знал как сшить что бы было как прежде.

Джим уже немного пришёл в себя и сейчас жалел лишь о том, что сам не обзавёлся кортиком по возвращении в Англию и не носил это оружие постоянно с собой, как бандиты сидящие напротив него. На родине Джиму данная предосторожность казалась излишней.

Решив как потянуть время, что бы не было расспросов о карте и прочем, Джим вскинул глаза к небу и спросил: «Да с чего вы взяли, не знаю кто именно вы оба такие, что я виноват во всех тех бедах что случились в вашим судном? Я — простой юнга! Сопляк и молокосос, по сравнению с такими…»

— Шутник! — констатировал Пью. — Сильвер бы его сейчас задницей на свой костыль насадил, для воспитания почтения к старшим, а Флинт, где бы он ныне не обретался — мог бы и жечь частями тело, подолгу с интересом выспрашивая о деньгах…

Билли Бонс покачал вихрастой свинцовой головой и спокойно начал объяснять: «Мы, Я и Чёрный Пёс — не были задеты взрывом на «Моржe», так как находились вне его палуб в то время как ты там ошивался… После первой паники нам пришлось залечь на дно, без денег и вариантов, совершенно не понимая что и как далее делать. Но потом, когда мы с ребятами встретились, с теми кто остался жив, нам пришло на ум, ибо по рассказу Пью и Сильвера выходило что случилась какая потасовка и выстрел, как раз на том уровне корабля, где пьяным валялся наш капитан. Потом странный незнакомый матрос, с косынкой на лице, что так лихо отоварил эту пару нынешних калек. Вслед за его побегом, прочь с «Моржа», Сильвер клялся что тот кто его сбросил с трапа — тот и кричал, требуя обстрела двери пороховой комнаты: паника у наших пьяных дураков вахтенных и их самоубийственная стрельба, в двери проклятущей многожды, пороховой комнаты «Моржа». Все конечно вхлам перепились, но эти трое стрелков, просто сыновья мартышек, не иначе!»

— Я простой юнга, что соскучился по родным людям и покинул… — тянул подросток, с трудом понимая о чём его говорит штурман «Моржа».

— Заткнись!!! — рёвом буйвола перебил подростка Билли Бонс. — Иначе клянусь что выпотрошу тебя немедля, несмотря на все требования Сильвера привести к нему Джима Хокинса — живым и в меру невредимым!

Из дальнейших объяснений пиратской пары выяснилось, что когда поредевшая ватага «Моржа» кое-как пробивалась что бы не сдохнуть от голода в таверне Сильвера «У смуглой бабы квартирмейстера», то они смогли, долгими вечерами от безделья и безденежья, прийти к выводу что их кто где подслушал.

Они все по пьяни и сами много чего лишнего болтали, но о карте и скором дележе — никому! Зачем лишний раз заставлять сердца «коллег» стучать чаще и возбуждать в них нездоровую зависть: а то налетит ещё какой «голодный» молодой пират и хлопнет всю их многомесячную добычу себе, в одном удачном налёте.

Предлагались самые невероятные варианты к рассмотрению: негр слуга, что был с ними на мели где застрял прямо перед прибытием в Кингстон «Морж». Но потом, после появления корабля на Ямайке — был продан знакомым рабовладельцам Флинта, для пополнения денежных запасов на корабле и покупки ящиков рому.

Проводники индейцы, которые помогали вести отряды пиратов на наземных нападениях на крепости или поселения испанских и португальских колонистов.

Кто из «девочек» на берегу, с которыми наши пиратствующие кавалеры проводили частенько своё время.

— Наконец Сильвер вспомнил, что по словам его бабы, смуглянки, тот юный паренёк, с ромом, всё время проторчал у двери кабинета, когда мы несколько громко толковали: о скором выходе и дележе, и ушёл прочь лишь незадолго до нашего появления в общей зале. — продолжал успокоившийся Билли Бонс.

Пираты однако сперва похитили негра раба с плантаций Ямайки и зверски его пытали — но бедняга ничего не знал, так как недавно был привезён в колонии и плохо говорил на европейских языках.

Сильвер ещё вспомнил что Флинт ему говорил часто, что бы при «служке» дела не обсуждали — запирая его в каюте, на всякий случай что бы если он сбежит с судна, ничего про пиратов не знал. Раба убили и продолжили поиски.

Отправились оставшейся командой, на каноэ, вдоль берега за индейцами проводниками и по-

сле налёта на их селение — стали всех пытать и требовать разъяснений.

Однако лишь убили почти семь десятков человек, прежде чем поняли что вряд ли кто из их команды стал бы объяснять подолгу индейцам что такое карта и что за знание в ней сокрыто, уж больно те были безграмотны для подобных штук. Соответственно устраивать налёт ради карты, а в ней и была главнейшая ценность «Моржа» — индейцы не стали.

Вернулись злыми на Ямайку и стали мурыжить «девочек» в порту, избивая их нещадно и грозя отрезать носы и уши, а также титьки — что бы те уже никогда не могли работать, когда вдруг, неожиданно, Чёрный Пёс, которого как сухопутного разведчика направили на поиски именно безвестного юнги, что возможно их подслушивал у двери кабинета в «Смуглой бабе квартирмейстера» — рассказал что его знакомые в порту, говорили что после взрыва «Моржа», был вроде слух: что в гавань Кингстона зашли пираты и что они готовят рейд, а об этом сообщил некий юнга, на английском корабле и сейчас многие считают что «Морж» и есть та самая жертва рейда пиратов. Несчастная и невинная.

Чёрный Пёс, будучи опытным разведчиком

пиратской ватаги — смог получить у Сильвера около двадцати фунтов на расходы и принялся спаивать шкиперов и боцманов английских судов, интересуясь данной легендой и слухами о её происхождении.

Вскоре, некий боцман Толстый Снэйк, с королевского боевого корабля «Саффолк», подтвердил: что вечером того дня, когда ночью был взорван некий корабль, в порту Кингстона — к ним на борт вернулся с берега, пьяный вдрызг, юнга, Джим Хокинс и долго буянил на судне, требуя что бы офицеры срочно начали операцию по ликвидации пиратов, о которых он вроде бы узнал в какой местной рыгаловке, так как «Саффолк» совсем недавно именно этим и занимался, вблизи Мартиники, а до этого против берберийских пиратов, в водах Средиземного моря.

Юнга клялся всеми святыми, что пираты готовят что то непотребное и грезил невероятными сокровищами, с которых собирался получить процент.

Сокровища, со слов подростка, были долей пиратов при разделе своей добычи и сейчас они собирались куда плыть, что бы её отыскать… и тому подобную пьяную ахинею, из романов.

Соответственно: юнгу отправили в карцер где

он и сидел ночь. Но… После очередной порции отменного рома и задушевного тоста от Сильвера, который, по просьбе знаком Чёрного Пса, доковылял на костыле к их столу и присоединился к разговору, Но! — сам Толстый Снёйк, как оказалось и отпустил паренька на берег, в ночь, в нарушение приказа вахтенного офицера и готов был клясться что тот был трезв, по крайней мере не так пьян, как думали офицеры их корабля!

Примерно через час или около того, чуть меньше, после взрыва в порту — появился подплывающий к кораблю Джим Хокинс и его на шлюпке подобрали из воды, со скандалом. Но далее, по причине опасения новых диверсий пиратов в гаване Кингстона — «Саффолк» был отправлен прикрывать рейды работорговцев в Дагомею, а не находиться без дела в порту.

В тот же вечер Сильвер и Чёрный Пёс как могли обхаживали разговорчивого боцмана «Саффолка», а Сильвер, даже свою туземную жонку под него подложил: «Ради хорошего человека и отличного моряка!» — по его словам с кривой усмешкой, то ли брезгливости, то ли ненависти…

Утром они сговорились с Толстым Снёйком, что тот привезёт с судна какие бумаги на Джима, хоть

что: откуда он родом и кем являлся до того как стать юнгой, ибо, по словам боцмана «Саффолка», Джим был не из бродяжек, подобраных облавой в порту, а приведён родителем. Как сказать «аристократия пороховых обезьян!»

Через три дня, когда пираты раздобыли сведения о том, из какого городка Англии юнга Джим Хокинс и сколько ему лет — они решили обязательно начать его розыски, уверенные в том, что именно Джим является тем человеком что похитил у капитана Флинта карту, убив того, здоровяка и отменного абордажника, выстрелом в упор, что и слышали Пью и Сильвер на верхней палубе, и «сбежав в ночь с картой прочь», с «Моржа».

Выпивкой, едой, услугами «девочек» в порту — пираты смогли узнать поболее о Джиме от прочих юнг и матросов «Саффолка», что его хоть немного знали.

Толстый Снэйк доверительно сообщил новым друзьям что Джим сбежал в Англию, сев в шлюп странноватых моряков, у берегов Дагомеи и взяв с собой чернокожую девочку рабыню.

В тот момент когда оставшиеся пираты уже было собрались плыть на поиски Джима Хокинса в Англию, воду стал мутить Бен Ган: «Какого

чёрта мы прёмся туда — где нас могут перевешать? Зачем?!» — вопил он постоянно. — «Флинт настолько был хитёр, что умнее нас всех вместе взятых? — плывём на указанный, к разделу добычи, остров и во все пары глаз ищем её! Уверен, что те сундуки и пушки, что он схоронил, так просто скрыть было нельзя: есть какие следы и тому подобное! Хватит искать юнг и индейцев — айда всей оравой на поиски наших денежек!»

Сперва слушали Сильвера, но когда Бен Ган сказал что сам снарядит барк и отправится за сокровищами на остров — остальные, даже Сильвер, побоялись опоздать к разделу и что Бен действительно первым найдёт клад Флинта, и сам его заберёт, и отплыли вместе с ним.

Десять дней пираты обшаривали остров, обходили щели в скалах или подозрительные «недавние» раскопки и всё искали сокровища.

Они сожрали всю провизию и уже не могли кормиться охотой, так как на острове почти не было живности, кроме птиц, да и те, после первых выстрелов из ружей — стали массово улетать куда прочь. Козы, которых видели пираты — убегали от них при одном виде и охотой на коз, прокормиться всей ораве, оказалось невозможным.

В конце концов, бросив на острове Бена Гана и

пожелав ему жрать, найденные им, в случае чего, монеты — все остальные на барке отправились в Саванну, а уж из неё, нанявшись матросами и продав барк, доплыли до Англии, где Чёрный Пёс вновь вышел на след Джима Хокинса и «Адмирала Бенбоу», что держала его семья.

— Мы здесь, мой мальчик. — наставительно проговорил Билли Бонс, — и ждём от тебя карты! Лучше дай сразу, до того как Сильвер и Пью, так сильно пострадавшие от тебя, не стали самолично вести допрос. Поверь — они страшные люди, гораздо страшнее остальных, особенно сейчас и особенно — для тебя!

Пока Билли Бонс хохотал, а Пью, сжимая и разжимая кулаки, что то бубнел своим старческим голосом о том как следует сдирать с мальца кожу, ломтями, понемногу за один раз — Джим уже понял как сам будет дальше действовать.

Билли Бонс положил свой кортик на стол прямо перед собой и если первое время постоянно ощупывал его рукоять, то потом, после спокойного разговора и видимо выпив лишнего, почти о нём и забыл: Джим попросил матушку принести ему горячего супа, самого горячего какой возможно и поблагодарив женщину, после того как она это сделала, дождался что бы она отошла от стола где

они втроём расположились.

Резко плеснув обеими руками содержимое тарелки, с горячим супом, в лицо взвывшему от боли Билли Бонсу — Джим разбил глиняную тарелку о голову вскочившего было, с кортиком в руке, Пью и пока тот валился с визгом на друга, схватил оружие самого Билли Бонса, что осталось лежать на столе.

— Скоты! Я таких как вы, на Карибах и в Новом Свете — резал десятками! — вопил как оглашенный Джим, собственным криком возвращая себе мужество.

Пока Пью тяжело вставал, шаря всюду своими руками и упустив собственный кортик, в так неожиданно, для пиратов, случившейся потасовке — Джим бросил ему прямо в голову табурет и тот, при точном попадании, заставил слепого пирата свалиться вновь на пол «Адмирала Бенбоу», на этот раз ближе к входной Двери.

Все в общей зале замерли и сейчас заворожённо смотрели на невиданное здесь прежде зрелище: почти настоящий разбойничий бой на кортиках, как в рассказах о моряках, что участвовали в морских абордажах — между сыном хозяйки и странной парой моряков, которые недавно зашли в заведение.

— Ах ты щенок… — бормотал с ненавистью Билли Бонс, медленно поднимаясь на ноги. Джиму нечем было в него метнуть, а подходить ближе к такому здоровяку, даже вооружённым его же кортиком, подросток так и не решился. В свои пятнадцать лет он был неплохо развит, но по сравнению с «крепышом Билли», как штурмана «Моржа» нередко называли друзья, выглядел совершенным цыплёнком. — Я пропорю тебе брюхо и посмотрю какого цвета твои потроха. Слышишь!

— Флинт тоже многое мне обещал, когда визжал, подыхая — в том же духе! — решил напустить на себя флёр героя, Джим. — Грозил и кричал, когда я забирал у него карту.

— Ты его застрелил, пьяного! Это всё пустяки…

— Зарезал! — немного соврав поправил Билли Бонса, Джим, начиная чувствовать всё тоже покалывание в кончиках пальцев, что было у него ранее на пиратском острове, когда он разбивал камнем руки вычурно разодетого пирата с «Тюленя», чьим тайником с ценностями в дальнейшем и воспользовался. — Застрелил я другого, что в каморке напротив капитанской каюты с девками развлекался — пустил в него заряд дробин, из мушкетона вашего Флинта, а его самого, беспро-

будного вашего лидера — зарезал!

— Ахахаха! Докажи в схватке! — взорвался несколько наигранным смехом, Билли Бонс. — Дай мне достать нож и давай с тобой сойдёмся в резне, и я посмотрю на что ты способен.

— С пиратами договариваться о чести? — не смеши! — прервал Билли Бонса, Джим. — Я ударил несколькими бутылками рома, по голове, вашего Флинта и когда он свалился на пол, перерезал ему глотку розочкой от последней из бутылок и если ты, тупая пустобрешущая скотина, не уберёшься отсюда и не предупредишь своих дружков что они все пойдут на виселицу, то клянусь:- я сам буду резать ремни из тебя, как ранее предлагал твой напарник, по отношению ко мне.

— Тебе конец! — орал словно бы медведь, огромный шкафоподобный шкипер «Моржа». — Мы спалим твой кабак, на части разорвём твою мамашку и тебя самого будем мучить столь долго, что ты себе даже не представляешь! Я и Сильвер — мастера в подобных штуках!

Видя что подросток откровенно потешается над ним, взбешённый Билли Бон принялся орать что каждую ночь они будут бродить рядом и стараться проникнуть в дома, где станет ночевать Джим,

резать его со спины на улицах и тому прочее, пока не получат то — что им принадлежит по праву!

— Повторюсь: я десятками «валил» пиратов в колониях и возле берегов Африки, — начал хвастать Джим, столь привычный, как и многие подростки, к преувеличению своих возможностей или деяний. — Стрелял в корсаров Магриба и голландских каперов Ла-Манша! Заткнись отребье и беги скорее к своим! Сообщи что…

Договорить Хокинсу не дали: Пью быстрым движением уронил свой наконец найденный им кортик на пол и в то же мгновение, в полёте, ногой, мягко подбросил его к Билли Бонсу.

С радостным воем здоровяк шкипер «Моржа» в долю секунды вскочил на ноги и кортик в его руках, словно некая блестящая молния, принялся «плясать» при всех тех выкрутасах кистью, что проделывал с ним сейчас Билли Бонс.

Однако именно чрезмерное воодушевление и погубило морского разбойника: слишком яро кинувшись на сперва опешившего Джима, с кортиком наперевес — пират напоролся на угол длинного стола и свалился в левый бок.

Пока он вставал в прежнюю стойку, Джим, имевший определённый опыт владения кортиком по схваткам на «Саффолке» — тут же пришёл

в себя и метнувшись к Билли Бонсу, нанёс ему короткие тычковые удары прямо в грудь, в солнечное сплетение и сердце.

Бонс ответил лишь невнятным боковым взмахом своего кортика, но тот лишь вскользь задел левое плечо подростка и слегка оцарапав, не причинил особого вреда.

С грохотом, слышным и вне стен «Адмирала Бенбоу», тяжеленный громила Билли Бонс, шкипер «Моржа» и один из офицеров ватаги Флинта, проклиная всех и всё — свалился на пол таверны и буквально через пару секунд после этого замер на нём. Билли Бонс был мёртв.

Слепой Пью, отлично слышавший потасовку и грохот падения тела друга, словно бы почувствовавший опасность и для себя — со странным воем бросился прочь из таверны, в вечернюю сырую туманную мглу.

— Передай своим, что бы больше мне на глаза не показывались! — проорал Джим в темноту и вернулся в общий зал заведения.

Остальные посетители и его мать, со служкой мальчиком, так и оставались на своих местах, боясь шевелиться.

Не успел Джим, стоя над трупом поверженного им в схватке на кортиках, Билли Бонсом, при-

думать что сделать с телом убитого им пирата и как задобрить всех в зале, что бы они сказали нужные ему свидетельства полисменам. Ибо объяснять, кто это такие на него напали — Хокинс не хотел никому и тем более, чего нападавшие от него желали получить — Как в «Адмирал Бенбоу» заскочили полицейские: троица — в составе сержанта и пары его подчинённых, а за ними шествовал доктор Ливси, в привычном, вечернем, почти что полностью чёрном камзоле. В котором, по слухам, он обожал подслушивать вечерние разговоры в парках и у окон первого этажа.

— Невероятно! — провозгласил доктор странно улыбаясь и потирая руки. — Зарезали! Просто какое поветрие: то отца мастера Джима, случай, буквально бьёт камнем по голове, то сам Джим — режет необычного моряка, кортиком… Ведь именно кортиком, я полагаю? Да, всё верно…

Посетители заведения тут же стали давать свидетельства того что видели и кто что сказал, из тех обрывков фраз что они слышали.

Один солдат стоял на страже у стула с сидящим на нём Джимом, второй опрашивал свидетелей, пока сержант разговаривал с вдовой Хокинс.

— Удачи Билли Бонсу. — прочитал одну из татуировок, на руках убитого Джимом шкипера

«Моржа», доктор Ливси. — Хоть какая зацепка. Хотя и откровенно слабая. Невероятно! Джим, мой мальчик — твоё возвращение домой как то сразу стало создавать проблемы в округе, а ты ведь знаешь, что сквайр Трелони не любит когда кто то создаёт проблемы! Сначала твой несчастный беспутный отец, потом непонятная группа мальчишек, которые начали утверждать что они новая банда береговых пиратов. Пять минут назад прибегает на пост полиции, куда я зашёл узнать новости прежде чем идти на доклад к сквайру, он любит вечерние посиделки и рассказы под стакан виски и пару трубок отменного табаку, из голандских колоний, так вот — забегают люди и говорят, что когда они захотели зайти в «Адмирал Бенбоу», выпить кружечку пива и заглянули в окошко понять есть ли там свободные места или кто из знакомых уже сидит — то увидели что всем известный Джим Хокинс, с огромным ножом в руке, запугивает двух почтенных людей: одного — слепого калеку, который видимо и убегал с воем куда прочь, мимо нас и здоровяка пожилого матроса.

— Это они на меня напали и грозились сжечь таверну и нас с матушкой убить… — запротестовал Джим.

— Возможно! — улыбаясь согласился доктор Дивси. — Но сейчас мы едем в дом сквайра Трелони и обсудим что с тобой делать далее. Завтра ты отправишься в нашу небольшую тюрьму, а уж если свидетельства будут против тебя — то извини: полное расследование и возможно перевод в Лондон. Для массового повешения преступников. И кстати, миссис Хокинс — принесите пожалуйства документы Джима сюда, мы всё равно должны будем его вписать в протоколы и желательно это сделать без ошибок.

Мать не знала где бумаги сына и после краткого обыска комнаты Джима полицейскими, был найден купленный им поддельный документ о том, что он голландец из Гааги. Карта была схоронена между досками стены, в небольшой нише, и её не обнаружили.

— Мило. — кисло внове улыбнулся доктор, обращаясь к подростку. — Фальшивые документы? Шарма́н! Контрабандисты, банда подростков что грабят потерпевших крушение, убийство моряка Билли Бонса или как его там… Конкуренты по бизнесу, по провозу брабантских кружев?

Вскоре после опроса свидетелей Джиму связали руки и усадив на повозку, что привёл к «Адмиралу Бенбоу» один из полицейских — повезли уже

почти что в ночь, в поместье сквайра Трелони, так как доктор Ливси считал что небольшая беседа, со столь юным и отчаянным негодяем как Джим Хокинс, здорово развеселит, откровенно скучающего в последнее время, сквайра. К слову — бывшего покровителем и отчасти спонсором, самого доктора.

Во время поездки растекался «мыслию по древу» лишь Ливси, остальные хмуро молчали: Джим — отчаянно придумывал что сказать Трелони и как, воспользовавшись тем что его пока не везут в тюрьму, попытаться сбежать — вначале вернуться в «Адмирал Бенбоу» за картой, а потом, убежать куда прочь, с захваченными в таверне хоть какими деньгами.

Полицейские же были недовольны тем, что вместо положенной пинты пива, сейчас, в промозглую сырую ночь, везли преступника, да ещё и убийцу, настоящего душегуба — на разговоры к местному помещику, который станет кормить негодяя паштетом, а им, стражам порядка, по этой сырости и холоду, возвращаться в свою каморку для дальнейшего ночного дежурства.

Подросток пока так и не решился ни на что: драться, со связанными руками, против троих стражей и доктора Ливси — казалось ему верхом

глупости, ибо результат был очевидным. Сбежать же от егерей, что охраняли дом и парк, при здании принадлежавшие сквайру Трелони и вооружённых дорогущими винтовками — виделось ещё более недостижимой целью.

Варианта подходящего пока что так и не появилось, и Джим решил канючить, уже в доме сквайра, что у него затекли руки и молить что бы его развязали, а уж тогда, возможно схватив нож и угрожая самому Трелони, постарается покинуть поместье и вернуться в «Адмирал Бенбоу», сколь бы очевидным для его преследователей это не было.

Когда повозка наконец прибыла к воротам парка, при в меру большом, в два этажа с мансардой, доме, в котором сейчас горел свечной свет лишь в одном окне на первом этаже, а также на кухне для слуг — где по ночам отогревались, после ночного ежечасного обхода парка, егеря сквайра и в большой зале на втором этаже, так называемом «салоне путешественника», где сквайр Трелони любил подолгу рассказывать всем своим гостям о тех приключениях, которые пережил самолично.

После стука доктора молотком во входную дверь — появился старый слуга и бывший неко-

гда лучшим егерем отца Трелони, и спросив кто прибыл и зачем, впустил Ливси в дом, пока остальные оставались на улице в ожидании.

Через десять минут, с факелами в руках, появились доктор Ливси и сквайр Трелони самолично, хозяин сего поместья: в отличие от высокого и худого, всё время извивающегося при произносимых им словах, словно змея, доктора — сквайр Трелони был высок и дороден, но не с брюхом, а скорее просто крупнокостен во всём и везде: широкие плечи, хорошо развитые руки с мощной мускулатурой, огромные кисти рук, бывшие словно клешни краба.

Оба, и Ливси и Треллони — были уже без париков, видимо в виду позднего времени и одевать их не собирались.

— Этот? — обратился Трелони к доктору.

— Да. Сын четы Хокинсов, из «Адмирала Бенбоу»! Сейчас устроил поножовщину в таверне родителей и убил некоего моряка, Билли Бонса. Хотя, возможно его имя и иное…

— Невероятно! Обожаю подобные рассказы на ночь. Бодрит, в нашей провинциальной глуши! — потирая руки, с громким смехом объявил сквайр и потребовал что бы задержанного ввели к нему в дом и отконвоировали в кабинет, где

они с доктором станут ужинать и за бокалами вина, послушают объяснения Джима, перед тем как того утром отвезут в ближайшую тюрьму. — Полицейским нашим славным — выдать жареной сельди и по кружке пива! Их отличному сержанту — окорок и к пиву ещё и стакан виски, наилучшего!

Смеющиеся доктор и сквайр отправились указывать путь стражам, что вели на верёвке Джима по полупустынному дому, где лишь свет от факелов впереди идущей пары давал возможность что разглядеть.

Теперь полисмены были всем довольны: их накормят и напоят, можно будет отогреться на тёплой кухне прислуги дома, а не возвращаться в свою сырую комнату, где всё уже просто осточертело им до одури.

Когда Ливси и Трелони уселись в кресла, а Джима поставили перед ними и с согласия сквайра полиция ушла на первый этаж, получать свою награду за вечернее развлечение для хозяина дома — Хокинс стал внимательно присматриваться к двум мужчинам напротив себя, которые неспеша ужинали голубиным паштетом и рагу из кролика, запивая всё это отличным красным бургундским вином и заедая зеленью и сырами,

лежащими в изобилии перед ними на подносах.

Подростка они ни о чём не спрашивали и Джим мог попытаться немного собраться с мыслями и сориентироваться, как ему себя вести в новой ситуации.

Сквайр Трелони был балагуром и шутником, большим любителем всяких проказ и развлечений, и откровенно скучал в семейном поместье, где сейчас проживал: жены и детей у него не было и сам сквайр уже давно подумывал переселиться на пару лет в Лондон, что бы обзавестись там семьёй и хоть немного разогнать ту тоску, что стала его преследовать по возвращении на родину.

В молодые годы сквайр был офицером флота и по словам его знавших людей — подавал явные надежды, но… Но вскоре охладел к флотской дисциплине и выпросив у батюшки денег на снаряжение собственного торгового корабля, отправился с ним в Ист-Индию, в надежде разбогатеть.

Вернулся он оттуда через семь лет, без особых богатств, но и без потерь — примерно при тех же деньгах что были у него при отплытии. Он получил в заморских странах десяток шрамов и бронзовый загар.

Ходили слухи что люди, которых он взял в

услужение после этого путешествия — бывшие пираты или контрабандисты, да и сам Трелони, в водах где не было свидетелей, не брезговал грабить всех подряд, в том числе и соотечественников.

После того как один из выживших, после встречи с ним у берегов Мадагаскара, негоциантов, прямо его обвинил в нападении и грабеже его судна и убийстве или продаже в рабство членов команды, сквайр, по настоянию отца — отправился добровольцем, на нанятом им самим судне, на Карибы, помогать Вест Индской компании бороться с местными пиратами.

Через четыре года Трелони вернулся с небольшим ларцом полным изумрудов, на которые и совершил ремонт родового поместья и помог семье выдать замуж сестру, которая только что разменяла четвёртый десяток и считалась «вечной невестой».

Трелони ещё дважды, по паре лет, отправлялся на Карибы, Патагонию или к берегам северных колоний, в надежде разбогатеть на торговле сахаром, ромом, какао, пушниной или добыть себе драгоценных камней из местных шахт, но особо так и не разбогател, скорее немного накопил сверх того с чем отправлялся ранее.

Тогда сквайр сговорился с некими директорами Компании в Кингстоне и стал им регулярно поставлять рабов, в основном мужчин, на плантации.

Этот вариант «бизнеса», сделал Трелони, всего за три года — весьма состоятельным человеком и уже к смерти своих родителей, случившихся в течении одного года несколько лет назад, Трелони мог себе позволить вести в меру роскошную жизнь, имея крупные счета в лондонских банках и покупая бумаги успешных предприятий.

Трелони был говорлив, но умел и слушать то, что считал для себя интересным. Хвастал постоянно, но без злобы — что бы чуть возвыситься, не более того. Считался крайне хитрым и «многоликим» человеком, способным на что угодно, хотя прямых доказательств этому и не было.

Поговаривали, что доктор Ливси при нём вроде осведомителя, который, проводя рейды по лечению местных жителей, обзаводится необходимой инормацией, что доводит до сведения самого сквайра, позволяя тому и самому иметь долю в прибрежных контрабандных делишках.

Отец Джима, несколько раз, будучи сильно пьяным, орал что он всё расскажет на суде о сквайре и его доле в добыче «адмиральской команды»

береговых пиратов, но мать затыкала ему рот и дальнейшего Джим не слышал.

Глава одиннадцатая: «Судьба — или каждому своё…»

После пяти минут тихого переговаривания между собой, двух мужчин расположившихся в креслах, чавкания и нескольких бокалов вина — сквайр Трелони наконец соизволил обратить внимание на стоявшего, перед его с доктором, стола с яствами, подростка и проговорил, немного насмешливо: «И что же Ливси, натворил этот юный негодяй, а?»

— Я же вам уже сказал, Трелони! — с напускной важностью отвечал доктор и тут же, не выдержав паузы, расхохотался. — Невероятно, но со времени своего возвращения, Джим Хокинс успел наворотить такую кучу дел, сквайр, что возможно лишь петля — как очистит его совесть!

— Ну ка, ну ка, — попросил продолжать доктора Ливси, Трелони и развалившись в кресле поудобнее, решил выслушать очередную занимательную историю на ночь.

— Почти сразу же после своего возвращения — он начал избивать своего малопочтенного батюшку. О чём мне нередко рассказывали мои

клиенты, что иногда захаживали в «Адмирал Бенбоу» и видели своими глазами, подобное непотребство со стороны Хокинса-младшего!

— Бывает… — лишь отмахнулся своей мощной дланью сквайр.

— Однако старший Хокинс вскоре расшибся насмерть, упав со скалы и совершенно невероятным образом он сделал это — гуляя вместе со стоящим перед нами, Джимом!

— Ого! Совпадение?

— Доказательств я не нашёл. Но часть жителей городка, что живут по соседству с их таверной, рассказывали, что старший Хокинс частенько в подпитии — грозился сдать сына правохранителям…

— Так… Уже что интересное. Продолжайте доктор.

— Итак Трелони: сегодня врывается к полицейским один из завсегдатаев «Адмирала Бенбоу» и кричит как ненормальный, вы же знаете наших провинциалов из глухомани — что видел с улицы, в окнах таверны, что Джим Хокинс кого то пыряет длинным ножом в главном зале! Мы туда немедленно побежали и что же там нашли? — убитого! Причём не ножом, а кортиком! Лежащего на полу в лужи крови моряка и Джима

Хокинса, с данным окровавленным оружием в руках. При обыске, когда мы искали его документы, что бы как верно записать при постановлении на учёт в тюрьму, вместо этого в его комнате нашли бумаги на имя некоего голландца из Гааги, но полнейшее отсутствие его собственных. Но это основное что наводит на подозрение…

— Было и менее важное?

— Да. Я знаю мальчишек, что утверждали что он хочет возродить банду, что организовал некогда его покойный отец и сам промышлять береговым пиратством и контрабандой. Но что бы он начал убивать людей прямо в семейной таверне — невероятно!

Сквайр довольно отрыгнул и весело поглядел в сторону молчавшего Джима, потом стал что то бубнеть себе под нос: «Странная смерть отца, который собирался сдать Джима стражам — это раз! Банда новых береговых пиратов, точнее серьёзные подозрение на неё — два! Чужие документы — три и наконец, убийство моряка, зашедшего в «Адмирал Бенбоу» — четыре… Для петли — более чем достаточно! Что молчит, наш юный негодяй, хочет получить розог от моих егерей?

Джим, поняв что на этот раз Трелони не шутит, несмотря на весёлый тон вопроса, тут же покачал

головой.

После некоторого переминания с ноги на ногу и выдыханий, он наконец решился что сказать: «Я спасал свою жизнь, сэр! Эти люди, а их было несколько: пара бандитов зашла в таверну, ещё несколько прятались на берегу, поджидая от них сигналы! Так вот, эти люди — пираты, и они мстят мне! У меня не было выхода и пришлось в поединке зарезать бросившегося на меня негодяя и…»

— И на кой чёрт ты сдался пиратам, да ещё здесь, в Англии? — рассмеялся в лицо подростку сквайр Трелони. — Прекращай дурить! Скорее ты просто облапошил этого честного моряка и не заходел с ним рассчитаться или же вы вместе занимались каким мошенничеством, и он пришёл за своей долей, а ты, напившись с ним вместе до скудоумного состояния — зарезал его, как свинью!

Хокинс хотел было рассказать как на «Саффолке» он ходил в рейды против пиратов и что команда «Моржа» злится на него именно после тех славных дел на пользу короны… Но тут же вспомнил что в этом случае Трелони может начать проверку о юнге Джиме Хокинсе и многое станет очевидным, в том числе и побег Джима со службы.

— Я… Я агент его королевского величества! — Внезапно ляпнул первое что взбрело на ум, Джим. То ли от страха, то ли по причине малых лет, прожитых им на свете. — Джим Хокинс, агент… агент… агент номер семь!

— Скорее дурак. — парировал слова Джима сквайр, пока доктор, откровенно потешаясь, хохотал в своём кресле так, что оно ходило ходуном.

— Я выполняю секретное задание правительства и уничтожаю пиратов, о которых мне становится известно!

— Доказать сможешь? Документы, командиры, на какую конкретно службу работаешь? Или пытаешься косить под сумасшедшего? — зря! За убийство повесят и такого, я уж растараюсь…

Поняв, что пока что верёвок, для силового побега, никто с него не снимает и убедить сидящих перед ним мужчин никак не удаётся, Джим решил что как совсем пропадать, лучше поделиться информацией и получив помощь и спасение от сквайра, вернуться с частью клада Флинта, чем быть повешенным совсем скоро и сохранить тайну пиратских сокровищ.

— Я обладаю картой острова с сокровищами. — хрипло процедил Джим, важно глядя на сквайра и доктора Ливси. — Эти морские разбойники

хотят себе её заполучить и разбогатеть, но пока что безрезультатно.

— Хм… — пробормотал Трелони. — Какие сокровища?

— Схрон добычи пиратов команды «Моржа», где капитаном был Флинт! — начал в запале говорить Джим, видя что его слова особого впечатления на мужчин не произвели. — Они несколько месяцев грабили суда и поселения на побережье и сговорились разделить всё на определённом обозначенном для этого острове, где их капитан и схоронил общую кассу, требуя что бы пираты, день в день, два года плавали вместе с ним, согласно их пиратскому договору и…

— Что за глупость! — завопил сквайр Трелони и даже вскочил на ноги. — Что за книжная, романтичная, бабская ахинея — срывается с уст этого малолетнего преступника?! Пираты исполняют свои «уговоры-договоры»?! — Да это отребье, что лишь ради наживы готовы терпеть лишения и как только получают вдоволь монет и жратвы — тут же мчатся всё прогуливать в кабаках и с девками, оппиваясь до ежеминутной блевотины или угощая всех подряд, кого встретят на улицах! Великий, легендарный Морган — даже когда то соврал своим людям что вино испанцев, что они

захватили, полностью отравлено! Так как боялся что они все разом перепьются и ближайший отряд испанских колонистов всех его головорезов перебьёт, пьяными и беспомощными! Зачем им соблюдать договора? И кстати, сколько эти «моржи» захватили добычи — ты не в курсе?

— Миллион фунтов! — тут же сообщил сумму присутствующим Джим, что бы как их раззадорить своим рассказом.

— Ясно! — махнув рукой устало рассмеялся Трелони и грузно уселся в своё кресло. — Может я и не прав, дорогой друг Ливси и данный подросток действительно — безумец! То что он нам сообщает — полная чушь! Даже у величайшего пирата и прирождённого Джентельмена, сэра Френсиса Дрейка и то, миллион фунтов добычи — скорее словесный оборот о его успехе, в том легендарном рейде что его прославил и опозорил испанцев, чем реальность! А уж сейчас, когда Ост-индские и Вест-индские компании европейских стран нанимают целые флотилии, для борьбы с морским разбоем — и тому подавно! Пираты какого то «Моржа», от малоизвестного капитана Флинта, награбили целый миллион фунтов и вместо того что бы срочно всё разделить и разбежаться, пока иные, голодные безденежные

пираты не начали за ними охоту, не говоря уже про военные корабли королевств, суда Компании, вольных торговцев и авантюристов — просто закопали огромные суммы на некоем острове. Совершенно не боясь что среди них найдётся какой хитрец, что сбежит с корабля и организовав свою собственную ватагу — начнёт поиски столь огромного куша, вместо всего этого они продолжили рисковать своим здоровьем, а то и самоей жизнью, продолжая морской разбой?! — Что за романтичная бабья нелепость! Хокинс перечитал книжек!

Пока оба мужчины откровенно потешались над подростком, тот, чуть не плача, продолжал доказывать что он не врёт и что действительно существует карта. Он может показать где!

— И что это доказывает? — перебил стенания Джима Трелони. — Ты сам что то там нарисовал и что?

— Они не могли найти, ибо Флинт умён был и на острове, что достаточно велик — не так просто, не зная меток, найти сокровища… — сбивчиво доказывал свою версию Хокинс.

— Глупости! Мой мальчик, — Трелони стал предельно корректен к Джиму, как к слабоумному, — Пираты на островах не прячут сокровища,

это нонсенс: зачем им это делать?! Добыча у них редко когда слишком большая, что бы хватило на один сундук с монетами, да и жить на что то надо: гульнуть с девочками, сменить обносившуюся одежду, закупиться порохом и провизией для нового «дела»… Много трат! На островах пираты не прячут добычу, а делят её сразу же после рейда! Сразу! Так наверное и поступили бандиты этого малоизвестного Флинта: выбрали какой ранее сговоренный остров и всею флотилией, если судов несколько, высадились на него и разделили честно то, что ими было захвачено. Выдали доли раненным, деньгами или рабами, если таковые были захвачены, потом сговорились о встрече через несколько месяцев и разбежались кто куда: прожигать жизнь и тратить награбленные деньги. И так у них всегда заведено было!

Ещё пять минут Джим, со всем жаром юности, доказывал что Трелони, и сам по слухам ранее пиратствовавший на Карибах — ничего в пиратах не понимает и что настоящие пираты, только и делают: что зарывают свои денежки в землю, как кроты, что бы потом, когда пойдут на заслуженный отдых, спокойно их тратить в Англии.

— Это не пираты, а какие то салонные дамы из Парижа: мудрые и выдержанные мамзели… —

устало зевнул Трелони, под смешок доктора Ливси. — Гулянки не устраивают, всё не пропивают, а постоянно копят на старость… Пираты, такие пираты.

Джим, не разобрав сарказма в словах сквайра, принялся толковать о том что он лишь один знает место на карте где следует искать, так как это ему сообщили устно и что он может провести сквайра Трелони, если тот согласиться помочь и честно поделить добычу.

— На виселицу! — коротко бросил Трелони. — Ливси, этого сумасшедшего негодяя следует вздёрнуть: он ополоумел совершенно и раз начал привселюдно резать людей кортиками — уже не остановится! Повесить подлеца.

Вскоре прибыли егеря Трелони, вызванные своим хозяином звоном колокольчика и забрали плачущего Джима в какой сырой погреб, сидеть там до утра.

Утром, полисмены, на уже знакомой повозке — отвезли Хокинса в соседний городок и там, после оформления документов, заперли в помещении с тремя клетушками камерами, где Джим оказался единственным задержанным.

Подросток слышал что по приказу доктора Ливси, к нему скоро вызовут судейских чиновников

и в течении пары дней перевезут в Лондон, для скорейшего суда и отправления на виселицу, по просьбе сквайра, не желавшего терпеть сумасшедших на своей земле.

Планы на побег сменялись в голове Джима с калейдоскопической скоростью: сделать из ложки заточку и убив полицейских, сидевших на посту в соседней комнате, сбежать, забрать карту и…

Проблема была лишь в том, что двери его клетки не отпирали, а еду, на завтрак и ужин, просто совали в щель у самого пола, так, что даже если чудом удастся зарезать заточкой, до смерти, приносящего пищу охранника — не было возможности его быстро и качественно обыскать, что бы понять есть ли при нём ключи от клеток и с помощью подобранного ключа освободиться.

Возможно следовало начать побег уже в Лондоне, или по пути к нему, но тут же возникали новые вопросы: а представится ли такая возможность, ведь если Джима свяжут и при новой перевозке, то легче не станет!

Вечером, ближе к ночи того дня как подростка привезли на новое место и оформили его документы, в помещения тюрьмы городка прибыли трое егерей от сквайра Трелони, что бы помочь с отправлением и конвоированием «полоумно-

го негодяя Хокинса»: как можно скорее, завтра утром — в Лондон.

Подросток буквально взвыл, понимая сколь сильно прибавилось его охраны и что теперь, убегать и драться придётся не с тремя толстобрюхими полисменами, а уже с шестью — из которых половина опытные охотники стрелки, егеря, вооружённые столь редким и дорогим оружием, как винтовка!

Пока прибывшие шумно располагались в комнате, где обычно спали дежурные стражи местной полиции и потихоньку начинали распивать с теми виски, в плохо освещённые помещения тюрьмы с улицы осторожно вошла пара детей, лет по десять каждому, и поинтересовались: не здесь ли находится их любимый братик — Джим Хокинс?

Удивлённый вопросом детей, Джим замер на лавке, в своей клетушке и весь превратился в слух, отлично помня что он — единственный ребёнок в своей семье.

И пока умилённые детскими расспросами и выпивкой, егеря и полисмены сюсюкали с малышами, говоря что бы они не брали примера с плохого старшего брата, а слушали родителей — в помещение, через оставленные открытыми

детьми двери, ввалилось ещё семь человек: здоровые моряки с кортиками и кинжалами в обеих руках, с косынками на головах, что не давали поту с головы течь в глаза, при обычных для них абордажных схватках.

Едва хозяева помещения вскочили на ноги, как новоприбывшие, с криком «Круши-режь-бей-Коли!!!» — уже ринулись на них.

Дети, что до этого так мило лопотали с егерями и полисменами, достав короткие кинжалы из своих грязных курточек, стали бить своих недавних собеседников во все места ими, из за чего егеря не сумели вскинуть собственные винтовки для выстрела, а полисмены не дотянулись до своих деревянных дубинок и старых ржавых пистолетов.

Джим, не понимая что же сейчас происходит в комнатах конвоя, слушал свалку случившуюся в соседней комнате, когда сквозь возню и крики, он с ужасом разобрал знакомый «стариковский» голос, теперь, его, Джима, стараниями, слепого Пью: «К чёрту этих псов — скорее хватайте Джима Хокинса и давайте его по-расспрашиваем, сдирая с живого кожу или припаливая лицо ветками пальмы!»

— Пью, дурень — мы не на Карибах! — проорал

кто в ответ.

— Заткнись и доставай Джима, всё остальное уже не важно! — истошно завизжал Пью.

Хокинс кинулся к окошку в стене, ближайшему к его клетушке и принялся как мог громко орать: «Пираты! Стража! Пираты!!! Налёт на город — зовите стражу!!!»

Пара выстрелов и вслед им — одна пуля, пробив доску обивки комнаты, немедля влетела в клетушку где находился Джим, в ответ на его призывы.

Но пролетев без препятствий, пуля застряла в толстой дубовой двери, окованной железом.

— Скорее! — торопил нападавших Пью. — Быстрее ищите ключи, пока этот подлец всех не перебудил. Скорее же!

Однако пираты всё никак не могли найти, в полутьме и бардаке небольшой комнаты, набитой людьми и трупами, нужный ключ и буквально через пару минут после отчаянных криков Джима — раздался один, потом ещё три выстрела где на тёмных улицах городка и громкий свист.

Дети, что помогали пиратам, дружно закричали тоненькими голосами: «Опасность!» и кинулись прочь из помещений тюрьмы. Пираты бросились им следом.

— Стойте дураки! К чёрту опасность! Хватайте Джима! С ним — мы богачи, без него… У-у-у-у-! — трусливые шавки вы, а не пираты!!! — взывал к товарищам Пью, своим характерным, полустоном-полуголосом птицы.

После быстрого последующего громкого топота, кто то открыл двери в помещения где содержался Джим и осветил его факелом. Хокинс приготовился драться с пиратами, но это оказались егеря Трелони и он сам.

— Хм… — пробормотал сквайр Трелони. — Забавно. Я решил завтра самолично помочь перевезти Хокинса в Лондон, что бы он в пути не сбежал и заодно самому немного развеять скуку последних недель, подобной нехитрой задачей и вдруг, такой вот поворот событий! Ведь действительно — пираты! Невероятно! Охраняйте его как зеницу ока, пока мы проводим поиски оставшихся подонков, что зарезали Артура, Дина и Питера, и полисменов, распивавших виски во время службы… И ведь с ними были дети! Невероятно!

До самого утра Джим слышал перекличку постов и гонцов Трелони, и всё прибывавших полисменов, которые сейчас проводили полноценную операцию в городке: обыскивались дома, отправлялись отряды в ближайший лес и

к берегу моря — высматривать подозрительные суда или лодки.

Под утро Джим наконец заснул счастливым: он был уверен что сможет убедить сквайра и доктора в своей правоте и уговорить их не отправлять его на виселицу.

Он был на волосок от пыточной гибели, но случай его спас и теперь, благодаря этой атаке пиратов с «Моржа» — можно было убедить сквайра в наличии карты и того, что она имеет некоторую ценность.

Разбудили Джима поздно: доктор Ливси не собирался никуда торопиться и даже предложил Джиму, вместе с ним и сквайром, откушать в местном лучшем кабаке «Гарри Поттер — канонир пиратов», на вывеске которого лысый мужчина с длиннющей «палицей» шомполом, размахивал в воздухе, обеими руками держа шомпол.

Вскоре, когда подросток уже сидел на стуле и с аппетитом уминал жаренного голубя, Трелони и Ливси рассказывали друг другу и ему, чего же им удалось добиться ночью и к чему привели их поиски и рейды.

Оказалось, что возле помещения тюрьмы где содержался Джим, патрулями полисменов и еге-

рей Трелони были схвачены несколько человек, мужчин, с характерным чёрно бронзовым тропическим загаром и шрамами на лице и уже вскоре они давали показания. Не без принуждения… Впрочем, как шутил сквайр — недоказуемого.

— Я не зря бороздил моря на Карибах и знаю как выспрашивать интересное у подобной швали! — бахвалился Трелони, со смехом наливая бренди в стакан Джима. — Верёвка и ложка, и когда глаза, как куриные яйца, вылазят из орбит подлецов, как у их жертв в колониях — они тут же соглашаются всё рассказать!

Захваченными оказались слепой Пью, что потерялся при сумбурном побеге остальной шайки Флинта из городка и был задержан патрулём.

Его бы может и отпустили, как калеку на которого сложно было подумать что дурное, но тут сержант, что вчера отвозил Джима в усадьбу сквайра, вдруг вспомнил, что именно точно такой же слепец сбегал прочь из «Адмирала Бенбоу», когда они вместе с доктором Ливси ворвались в таверну и обнаружили там некоего Билли Бонса, зарезанного младшим Хокинсом.

Утром, ещё несколько человек, живущих по соседству с помещениями тюрьмы, опознали слепца и указали: что как только привезли задер-

жанного Джима, Пью вскоре начал ошиваться в городке и выспрашивать где находится городское узилище, и нет ли в нём паренька молоденького, его племяша.

Вторым оказался крепыш, с татуировками собачьей головы на левой груди и спине.

— Чёрный Пёс! — вскричал Джим, когда услышал о том кто достался, в качестве пленника, сквайру Трелони.

— Точно! — подтвердили доктор и сквайр предположения юноши. — Именно он! Слепой Пью утверждал что является лишь допытчиком и наводчиком, а полноценное нападение, вместе со слежкой — планировал и устроил именно данный негодяй, Чёрный Пёс! Со слов Пью выходит, что Чёрный Пёс нашёл нескольких нищих детей и сговорившись с ними, дал им ножи и пообещал жратвы от пуза, и по золотому каждому, если они помогут спасти некоего бандитского кореша, из охраняемой местной полицией и егерями, тюрьмы.

В дальнейшем всё оказалось проще простого: банда, в двенадцать пиратов с «Моржа», проникла группами по два три человека поздним вечером в город и окружив здание тюрьмы, решила так — вначале беспризорные с холодным

оружием входят внутрь тюрьмы и канючат что у полисменов, их задача попасть внутрь и не позволить стражам запереть двери, что бы пираты могли свободно в ночи ворваться внутрь.

Когда это удалось и дети болтовнёй начали отвлекать сторожащих Джима людей, бандиты разделились на две группы: тех кто собирался атаковать, и тех кто должен был находиться на дорогах к тюрьме, и предупреждать о возможной опасности.

Сперва Чёрный Пёс хотел отложить нападение и с помощью беспризорников вести лишь наблюдение, не желая слишком уж откровенно лезть в петлю, лобовой атакой.

Но когда в городе появился Трелони и его егеря, и прошёл слух, от пирующих в кабаках людей из свиты сквайра, что тот завтра же утром они отвезут под конвоем Джима в Лондон, для суда и казни — пираты решили что времени в обрез и следует действовать немедля!

Сам Чёрный Пёс смог быстро выследить перемещение Джима, после того как вернулся слепой Пью и объявил что Билли Бонс мёртв и убил его — чёртов юнга Джим Хокинс!

Разведчик на суше, «Моржа» — Чёрный Пёс уже вскоре вышел на полисменов, которые отвозили

Джима в городок и выпив с ними пару стаканов виски, узнал где содержат подростка и то, что его болтовне никто не верит.

Подобная информация обнадёживала пиратов! Однако новые сведения, о том что Трелони готов как можно скорее отвезти Хокинса в Лондон и предать суду — довели всех до отчаяния и рискованной атаки на тюрьму, где пребывал в клетке так нужный им всем, человек.

Беспризорные дети смогли проникнуть в помещения, где находились сторожа Джима Хокинса. Потом — не дали запереть двери на засов, а когда пираты ворвались внезапно, с кортиками в руках внутрь тюрьмы — хватали за руки егерей, мешая тем сделать выстрел в нападавших или били их неожиданно своими ножами по ногам или причинным местам.

Однако крики Джима из своего угла и сдавшие нервы одного из разбойников, что стрелял в окно тюрьмы с улицы из пистолетов — что бы заткнуть, поднимавшему своими отчаянными воплями тревогу, в сонном городке, подростку рот — изменили выигрышную комбинацию пиратов.

Крики в ночи, выстрелы, какая то заваруха у тюрьмы — и вскоре уже егеря сквайра Трело-

ни, под крики хозяина: «Вперёд! Подельники этого юного негодяя пытаются его отбить!!! Вперёд!» — кинулись к входу в местное узилище с винтовками наперевес.

Случилась новая потасовка с выстрелами, как в тёмном городе, так и на входе в заведение где томился в клети сам Джим.

В итоге, утром, после всех перебежек и облав, розысков и патрулей, выяснилось следующее: погибло четверо полисменов и пятеро егерей — три полисмена и три егеря пали под ударами кортиков пиратов, в помещении тюрьмы, одного полицейского и одного егеря застрелили из пистолетов разбойники, когда сбегали из города в ночи. Чёрный Пёс метнул топорик, с верёвкой на нём, в грудь ещё одного егеря прежде чем его скрутили…

Пираты потеряли четверых убитыми в самой тюрьме и пару застрелили из винтовок егеря Трелони, в охоте по ночному городку и его окрестностям. Слепой Пью и Чёрный Пёс взяты в плен и дают показания.

Доктор Ливси и сквайр решили пока что их не показывать полиции, так как надеются получить от Джима новые объяснения по карте, о которой он ранее сообщал им и о том, что это были за

разбойники — ибо сквайр склонен начать верить подростку.

— Наконец то! — возопил Джим, которого после всех треволнений последних дней, несколько начало подтрушивать и порция бренди, столь заботливо налитого в его стакан доктором Ливси, здорово успокоила расшалившиеся нервы подростка, позволив взять ему себя в руки. — Я вам всё сейчас объясню! Есть карта, но лишь общая, ибо хитрюга Флинт не доверял своим людям и не стал на ней что обозначать, кроме самых приметных мест самого острова, для ориентирования! А вот сокровища, он всё это объяснил мне на ушко, что бы я мог его подстраховать, если что…

— Хм… Разумно. — после паузы согласился сквайр. — С такими людьми, как те кого мы ловили ночью и утром, лишь так и можно было действовать.

Далее Хокинс, по возможности более красочно, описал сколь многие опасности он претерпел из за того что Флинт считал его «верным» человеком и что лишь ему одному, после смерти капитана Флинта, известно где именно начинать поиски схрона на острове с сокровищами.

— Вот как! — ухмыльнлся зловеще доктор Ливси. — Наш Джим Хокинс — доверенное лицо

пирата душегуба? Это уже любопытно… Полиция и судейские внимательно узнают об этой стороне жизни вернувшегося подростка!

Но сквайр с усмешкой отмахнулся от слов друга и потребовал что бы Джим продолжал свой рассказ.

Джим постарался как можно скорее перевести внимание слушающих его мужчин на то, какие огромные богатства скрыты на данном острове и что если туда отправиться максимально спешно, до того как остатки банды Флинта начнут их преследовать, есть немалый шанс разбогатеть.

— Мда… Судьба… — словно бы самому себе, бормотал сквайр Трелони уставившись в окно. — Всё же именно в колониях мне сужденно по настоящему разбогатеть и умереть в своём доме, во время праздника: богатым, знатным, уважаемым человеком! Всё как та цыганка старуха говорила… Ни каперство, ни контрабанда, ни работорговля — не принесли по настоящему стоящей добычи и вот теперь… Судьба!

Доктор Ливси перебирал пальцами на трости, украшенной огромным медным набалдашником в виде бычьей головы и постоянно поглядывая с хитрецой то на сквайра, то на Джима, всё ещё завтракавшего и тихонько хихикал себе под нос.

Что бы окончательно убедить в своей правоте сидящих напротив него людей, Джим объяснил где найти карту капитана «Моржа», спрятанную в его комнате и согласился немедленно отправиться вместе с Трелони и Ливси на поиски клада пиратов.

— Что же! — восторженно орал сквайр, когда карта была расположена прямо перед ними, и доктор, вместе с Джимом, заглядывали через мощные плечи Трелони, на рисунок очертания берегов острова с сокровищами. — Багамы! Я проплывал там несколько раз и скажу вам Ливси, как на духу — сказочное место! Белый песок, тишина, чистые голубые воды… Эх! Когда нибудь там будет курорт, не хуже нынешних тосканских купален, говорю вам!

— Да ну, скажете тоже… — хмыкнул недоверчиво Ливси, но так и не оторвал жадного взора от карты.

Решено было, что Трелони займётся подбором скоростной шхуны и команды для неё, благо опыт подобной организации дела у него был и связями, по прошлым своим путешествиям, сквайр обладал немалыми.

Доктор Ливси соберёт всё необходимое для лечения команды матросов и егерей Трелони,

часть из которых сквайр непременно хотел взять с собой в данное путешествие и в дальнейшем станет за квартирмейстера на судне — проверяя качество закупленной провизии и набранной воды, а также следя за состоянием гигиены матросов и егерей.

Джиму досталась роль проводника на острове, на этом и порешили.

Хокинс сильно страшился того дня, когда их корабль доберётся наконец до заветного острова и ему придётся либо признаться — в том что он совершенно не знает где именно прятал свои сокровища Флинт, либо тратить время и путать поисковую группу, тем временем самолично срочно изучая карту и пытаясь разгадать «флинтовы писания».

Карта сейчас хранилась у сквайра Трелони, что и обеспечивал большую часть трат и набора людей на данную экспедицию, но всё же Джим имел пару часов в день на её регулярное изучение, в присутствии сквайра или Ливси, что обычно неспеша беседовали за его спиной и всячески старался разгадать тот метод шифрования или иносказания, что имел в виду убитый им на «Морже», Флинт.

Было решено что каждый получит свою до-

лю сокровищ: Трелони, как глава предприятия — половину от найденного. Ливси — тридцать процентов. Джим, как владелец карты и проводник — десять процентов, вся остальная команда — также десять процентов на них всех.

Джим, на всякий случай, предупредил матушку куда они направляются и оставил ей запечатанное письмо, в котором вкратце рассказал общую канву его отплытия, потребовав, что бы в случае если вернутся лишь Ливси и Трелони, но без него самого — женщина немедленно прочитала письмо и сама поступила, как считает нужным.

Джим откровенно побаивался Трелони и был уверен что у сквайра рука не дрогнет — перебить его и доктора Ливси, что бы стать хозяином всех сокровищ единолично. Тем более на землях необитаемых, далеко от Альбиона.

То, как сквайр и доктор вскоре поступили со слепым Пью и Чёрным Псом, лишь добавил силы этому подозрению юнги.

Когда Трелони и Ливси поверили что есть подлинная карта, раз столько бандитов за нею охотятся — значит есть и сокровища, и немалые, что скрыл на острове Флинт, они тут же стали перешёптываться о том что Пью и Чёрного Пса нельзя отдавать полиции: те могут проболтаться

и тогда снарядят какую экспедицию им самим вслед или придётся делиться с короной, чего оба совершенно не желали.

Прямо при подростке мужчины порешили так: Трелони идёт к главе полиции города и добивается немедленного повешения Пью, как негодяя что убил собственноручно, зарезал ночью, троих полицейских в крохотной тюрьме, где содержался Джим.

Сквайр привселюдно возьмёт на себя содержание семей покойных и станет всячески взывать к тому, что подобного подонка не должна носить земля.

Вряд ли кто станет сильно защищать слепого калеку оборванца, да ещё и при таком знатном обвинителе и тех преступлениях, в которых его подозревали.

Так и вышло что к исходу дня, когда Джима выпустили из узилища и сделали компаньоном кладоискателей — Пью, под вопли мужчин и визг женщин, был поставлен на бочку и его шея оказалась в петле.

Трелони спонсировал все судебные издержки и добавил на выпивку всем «труженикам» казни — один из захваченных свидетелей, что знали о кладе Флинта, был повешен так и не разболтав

о своей тайне.

Некоторые из полисменов правда удивлялись, что именно слепец резал их товарищей и чуть ли не в одиночку. Но не особенно сильно и вскоре, благодаря бочонку грога, выставленного им Трелони, они угомонились и пошли праздновать.

К Чёрному Псу отправился доктор Ливси, со своим небольшим лекарским мешком. Сообщил пирату что у него рецидив лихорадки, видимо подхваченной ранее в тропиках, и сказал что как врач, что давал клятву Гиппопотаму — он обязан его вылечить!

Неизвестно что за настойку влил в кружку Чёрному Псу, Ливси — но к вечеру того же дня, оба взятые в плен пираты, слепой Пью и Чёрный Пёс — были мертвы.

— Отлично Ливси! — смеялся на ужине в собственном поместье, сквайр. — Всё просто отлично! Лишние свидетели не смогут сообщить властям, о том что скрывается за бойней в нашем тихом провинциальном городке, а мои люди всюду станут распространять слухи о разборках между контрабандистами, и полисменами, и таможенниками. В это поверят охотно все!

— Но Трелони… — попенял сквайра доктор. — Мы не знаем сколько мерзавцев ещё живы и

какая у них есть информация о сокровищах? Может их несколько сотен и они будут поджидать нас на месте высадки? Тогда совсем будет скверно и мы идём просто в пасть голодных волков, а это неприятно, уверяю вас…

— Вряд ли! — успокоил друга сквайр. — Нет! Ждать на тех островах несколько недель, без подвоза провизии — большой отряд не сможет, а судно, что я найму — будет скоростным, что бы мы могли как можно быстрее отправиться на остров за кладом и заполучив его, отплыть в те страны, где на эти деньги можно будет жить как короли!

— А разве мы не в Англию вернёмся? — искренне удивился Ливси.

— Я, конечно же нет! Что я тут не видел?! — отстрою себе на каком острове Дворец. Найму сотни рабов, точнее рабынь, для его обслуги и тысячи — куплю для плантаций: стану самостоятельным правителем, что бы надо мной не было никого, кроме Бога! Моя власть и мои законы… Это просто мечта! Сахарный тростник, ввоз рафинада в Британию, производства тёмного и светлого рома…

Через трое суток, после дня когда Джима освободили из заключения, а слепой Пью и Чёрный Пёс были казнены усилиями сквайра Трелони и

доктора Ливси — Джим и Ливси были вызваны в Бристоль сообщением сквайра и уже через шестнадцать часов, сидели вместе с ним в кабаке, на верхних этажах здания коего и была устроена квартира для кладоискателей.

— Друзья мои! — радостный Трелони не скрывал своих эмоций при разговоре с Джимом и Ливси. — Всё прошло на редкость удачно! Я встретил капитана Смоллетта, с которым прежде, у берегов Западной Африки… Хм… В общем проворачивали некоторые прибыльные делишки, на многие тысячи фунтов и оказалось что у него есть на примете отличнейшая, быстроходная шхуна — «Эспаньола»! Нам нужна именно такая, на случай если придётся сбегать от кого либо…

— Пиратов? — было догадался Джим. Но Трелони лишь поморщился и неопределённо развёл руками.

— Команда состоит из верных Смолетту людей, что уже не раз проявили свою честность и стойкость к опасностям, в тёплых водах наших колоний… — продолжал Трелони, явно радуясь возможности намекнуть о своих организаторских способностях. — Если вкратце: они ходили вместе со Смоллеттом не один раз на абордажи, атаковали туземные поселения или сбегали от

преследовавших их военных судов… Хм… разных стран. В общем — люди надёжнейшие, хотя и не без изъяна!

— Что такое? — насторожился Ливси.

— Ну, мне кажется, что при нахождении сокровищ они потребуют несколько большую долю и взятые с собой отряд моих лучших егерей — нам могут понадобиться! На мой взгляд потасовки на берегу с морячками не избежать, и возможно, доктор, вам придётся прорядить прилично состав команды капитана Смоллетта и его самого, после нахождения клада — отправить в лучший мир, как вы до этого сделали с Чёрным Псом.

Доктор понимающе улыбнулся и спокойно кивнул. У Джима мороз пошёл по коже: он конечно и сам многое видел на «Саффолке», но что бы так спокойно договаривались о будущих убийствах людей, с которыми собираешься вместе отправиться в трудное путешествие — это было впервые!

Утром следующего дня, все они, втроём, отправились на «Эспаньолу». Так как, по словам Трелони — основные запасы судна они со Смоллеттом уже восстановили и осталось лишь Ливси осмотреть их труд и что добавить, но это не займёт более трёх часов.

Сквайр хотел как можно скорее отправиться за сокровищами и буквально каждая минута в Англии его бесила, отделяя от так им любимых пышнозадых бразильских негритянских рабынь, томных мулаток или индианок, с осиной талией и ногами от ушей…

По пути на «Эспаньолу», в гавани, когда они, в лодке, лавируя между судов, плыли сидя на куче личных вещей Джима и доктора — подросток заметил на берегу пышнобёдрую темнолицую женщину, показавшуюся ему отчего то знакомой, которая рукою что то указывала в порту потрёпанному жизнью одноногому калеке, на самодельном костыле и одетому в подержанный, выцветший, некогда бывший синим — кафтан.

Джим улыбнулся про себя: «Куда сквайр спешит? Мулатки есть и здесь, были бы деньги на них…»

Шхуна, которую нанял сквайр, была не особенно презентабельна, по мнению Джима после его службы на «Саффолке», так и откровенно грязновата. Но при этом, по словам капитана судна Смоллетта и самого Трелони, что уже выходил на ней в море для испытания — обладала великолепной скоростью и маневренностью, а управлять ею мог даже ребёнок! Со слов всё тех

же капитана и сквайра…

Решено было что Трелони, капитан и Ливси — каждый расположится в своей отдельной каюте. Джим и егеря — в кубрике возле носа шхуны.

Трелони опасался «чего лишнего» и так как на английских судах чаще всего пороховой склад делали в носовых помещениях, именно возле них решил выставить своих егерей и расположить их на отдыхе, заодно охраняя запасы пороха «Эспаньолы».

Кубрик матросов был в кормовой части и между собою Ливси и Трелони перешучивались, что их собственные каюты, также расположенные в кормовой части шхуны — находятся в зоне «абордажа», намекая на возможный бунт людей Смолетта в будущем, в то же время Джим и егеря расположились на территории «перестрелки».

Когда приветствия закончились и на верхней палубе остались лишь Джим, сквайр, доктор и капитан Смоллетт — последний внезапно изменившись в лице, указал на подростка рукой и прошипел: «Трелони! Отдайте мне этого поганца, я мечтаю его повесить!»

Хокинс отскочил прочь, считая что Смоллетт просто пьян и не понимает кто перед ним. Однако присмотревшись, подросток расхохотался:

капитаном Смоллеттом был один из шкиперов первого каравана негоциантов, который сопровождал «Саффолк» к берегам Африки, для обмена старых винтовок и ножей, а также некачественного пороха — на рабов, для последующей продажи в Колониях.

— Ахахаха! — откровенно зубоскалил Джим. — Так вы уже со шкипера — в капитаны подались? Ахахаха!

— Убью! — заорал Смолетт доставая широкий палаш, но Трелони его остановил жестом.

Потом сквайр обратился к Джиму: «Вы разве знакомы?» и когда подросток пояснил когда и как повстречал ранее этого «шкипер-капитана» и как повздорил с ним на берегу Дагомеи, из за Юаю, после чего пинками гнал пьяного и постоянно блюющего Смоллетта прочь, Трелони рассмеялся ему вослед: «Ну-ну, полноте! Мы со Смоллеттом вместе начинали на военном флоте и примерно в одно время его и покинули… По разным причинам!»

Капитан «Эспаньолы» тут же чертыхнулся и немедля отправился на нижние палубы своего судна.

— Его, — пояснил Трелони, кивком головы указывая на спину скрывавшегося внизу Смо-

летта, — турнули за ограбление нескольких пленных голландских офицеров и ещё, тому подобное… Не важно! Потом Алекс получил лицензию капитана и плавал на Мадагаскар, но и там, за сотрудничество с пиратами — чуть не был повешен Компанией и сбежал. Шкиперстовавал в Дагомею, скорее под чужим именем, что бы в случае если Компания станет судиться — не попасть внове на скамью подсудимых. А так, у него есть необходимый нам опыт. Документы, в меру чистые и желание подзаработать любым способом — что нам сейчас и необходимо!

Вечером этого же дня шхуна вышла из порта Бристоля и направилась в море. Капитан Смоллетт шутливо обещал Джиму что тот «случайно утонет на обратном пути, так как Трелони просил не трогать его в первую часть путешествия» и показывая два пальца, как делали валлийские стрелки в Столетней войне, показывая этот жест французам, что бы те видели что у них есть пальцы которыми они станут натягивать тетиву своих страшных длинных луков, невероятное супероружие той войны — приставлял пальцы вплотную к своему горлу и что то невнятно шептал.

Доктор тихо говорил сквайру, что вся команда «Эспаньолы» обожает светлый ром и достаточно

будет запастись этим напитком достойного качества и «отметить» нахождение клада Флинта на острове, и можно будет уже не беспокоиться о людях капитана Смолетта, и о нём самом…

Джим, обходя стороной капитана судна на верхней палубе, уставился на берег. Там снова появилась столь заметная пара: одноногий инвалид с птицей на плече, огромным белым попугаем и тёмнокожая пышнотелая женщина, что внове указывала ему куда в море, словно бы целясь ладонью в «Эспаньолу».

Вокруг них, на портовом камне, стояло ещё около десятка странных людей, словно бы матросов потерпевшего крушение корабля, настолько нелепо и бедно выглядела их старая разорванная одежда, что словно бы лишь минуту назад была ими подобрана где в канаве, но все они держались чуть позади от данной пары.

Внезапно, с гортанным криком, одноногий сорвался куда в сторону и быстро ковыляя направился к стоявшим на приколе ряду шхун.

Птица не его плече начала махать крыльями и Джиму показалось что он расслышал что то вроде: «Астры! И Астры!».

— Цветы? — Забавно. — подумал подросток про себя. — Редко когда моряки цветами увлекаются,

разве что голландские и то, скорее их скорейшей доставкой на свои рынки тюльпанов, известные во всём мире. А тут такое…

Глава двенадцатая: «Мушкеты против винтовок»

Следующие, за отплытием, дни — проходили довольно однообразно и Джим даже заскучал за своим многолюдным коллективом на «Саффолке», когда постоянные службы, ввесь световой день — будь то прислугой на камбузе или при офицере, или пробежки на учениях «пороховых обезьян» и постоянные рассказы в кубрике юнг, помогали скоротать однообразие долгого перехода по морю.

Матросы капитана Смоллетта и егеря сквайра Трелони — относились друг к другу с явным опасением, но самого подростка видимо за ровню себе не считали и охотно делились с ним новостями или же попросту трепались на все темы, когда было время.

Джим решил нигде не упоминать что ходил на абордажи и имеет опыт столкновений на море, и даже наоборот: всячески, как только получал повод, хлюпал носом — говоря что сирота по отцу и рассказывал как ему страшно уходить так далеко от берегов Англии.

Матросы «Эспаньолы» и егеря сквайра, даже те кто знали что Джим был арестантом и под конвоем возим в Лондон, куда банально не доехал — тут же его успокаивали и начинали рассказывать как и куда сами ходили, а рассказать им действительно, было что…

Старый егерь Том Редрут, что был главным стреди стрелков сквайра в отсутствие Трелони — седой, с обильной залысиной на лбу и макушке, весь бронзовый лицом и с мохнатыми сивыми бровями, словно бы сросшимися в единую линию, морщинистый и медлительно немногословный — неоднократно рассказывал Джиму, которого считал чем то вроде непутёвого сына, которого лишь добрые внушения его хозяина, сквайра Трелони, направили наконец на путь истинный.

Так Том Редрут думал по причине того, что видел как сперва его друзья, молодые егеря, везли вместе с полисменами Джима в тюрьму, а потом, они же его вернули в поместье сквайра и стали относиться как к младшему господину, вроде доктора Ливси.

Этот Том Редрут неоднократно рассказывал Джиму Хокинсу как много лет назад, когда они вместе со сквайром бороздили моря у далёких колоний, в том числе и на Карибах или Мада-

гаскаре, и рядом расположенных островах — то нередко захватывали суда «лягушатников» и «деревоногих», как старый егерь называл французов и голландцев, и грабили их подчистую, нередко сжигая сами суда и уничтожая команды под ноль, если нельзя было их скоро продать местным царькам, как рабов.

— Там это привычное дело… — говаривал Том Редрут, попыхивая трубочкой и глядя куда на водную гладь. — Ничего зазорного в этом нет, что бы отобрать у слабого что тебе понравится: будь то товар или женщина, а его самого отправить в колодках в рабство! Французиков и голландцев, мы десятками корабли на дно пускали — при этом пиратами не были ни на йоту! Просто подвернулись хорошие случаи: то налёт на чинящиеся суда у Мадагаскара, когда половина их команд где на острове разбрелась и нам особо никто не мешал захватить товары, специи и шёлк, а потом сжечь суда подчистую!

— А что с теми кто выжил, случилось? — осторожно поинтересовался подросток, хотя уже догадывался об ответе, ибо сам видел, в рейдах против пиратов близ Мартиники, что бывает с подобными неосторожными мореходами в дальних морях.

— Вряд ли что дельное. — степенно ответствовал юнге Том Редрут. — Или пропали, как еда для местных диких племён каннибалов, или же сами одичали и сейчас возможно жрут друг друга, на каких пирах туземцев. Не суть! Выжить в таких условиях тяжело, ибо даже если бы их кто сразу и нашёл, те же соотечественники — не вариант что не продали бы в рабство, что бы пополнить собственную казну! Кто докажет что такой случай произошёл? А сбежать из дальнего плена, найти лодку или корабль на родину, и заявить в суд, если запомнил кто с тобой так поступил — это уже скорее сказочка, чем что реальное…

Джиму вспомнился его собственный возврат на родину, на быстроходном шлюпе, команда которого отняла у него Юаю и чуть было его самого не превратила в раба.

То что ему несказанно повезло, он стал понимать лишь сейчас, слушая старого егеря об их, Тома Редрута и сквайра Трелони, прежних «приключениях» вдали от берегов цивилизованных стран: где белые господа изголялись как могли, как над местным населением, так и друг другом.

— Если никто не видел и была возможность, мы четырежды грабили суда и англичан… — спокойно продолжал повествование старый егерь,

словно бы рассказывал всем понятную обыденность. — Дважды, у того же Мадагаскара, один раз на Карибах и один раз возле Ормузда, кажется там… Не помню уже точно. Захватили неплохую добычу! Но продавать земляков в рабство не стали, мы же не скоты какие дикие и всех их перерезали, как свиней! А суда затопили, на всякий случай. Крайне выгодные сделки потом сквайр провёл с теми товарами, мы даже удивлялись его ловкости — настоящий негоциант!

Джима уже ничего не удивляло и он совершенно спокойно выслушивал многочисленные старые байки Тома Редрута, который видимо не желал разговаривать о прошлом, его и Трелони, с кем из егерей и предпочитал Джима, считая его ещё несмышлёнышем, которому можно иногда изливать душу и при этом не опасаться что тот верно оценит услышанное.

В дальнейшем, тем же приступом многословности и некоего отвлечённого покаяния, страдать начали и матросы «Эспаньолы».

Алан и Абрахам Грей, как и старый егерь сквайра, без обиняков однажды поделились с Джимом информацией о том, что под командованием капитана Смоллетта они весьма удачно промышляли у берегов Мадагаскара и соседних островов,

грабя всех подряд и однажды были вынуждены бежать от флотилии англичан, вышедших на рейд против пиратов, что бы не оказаться повешенными как морские разбойники.

По их словам, они даже посетили руины недавно разрушенной Либерталии, государства пиратов где все были свободными и не было ограничений как в государствах с монархиями, так и республиках, и осмотрели их.

По рассказам матросов выходило, что городок был явно меньше чем о нём принято думать и знакомые пираты, которые ранее входили, по их собственным словам, в команды флотилии Либерталии — часто говорили Алану и Абрахаму что пиратствовали они как обычные морские разбойники и лишь при возвращении в гавань, данной пиратской республики, выполняли некие обряды, исполнения которых требовали лидеры Либерталии.

Потом это многим надоело и после конфликтов и пары успешных рейдов против них, французского и английского флотов: кто из тамошних пиратов погиб, а кто просто сбежал, что бы уже заниматься чистым разбоем, без всякой ненужной никому из разбойников странноватой идеологии…

Также матросы «Эспаньолы» рассказали Хокинсу, что видели и прежде сквайра Трелони, который, вместе с капитаном Смоллеттом, неоднократно закупал у берегов Африки рабов или просто отправлял на сушу поисковые команды и те, недолго думая, шустро захватывали какие поселения местных племён и забирали подчистую население их себе, в качестве товара для продажи плантаторам в колониях Нового Света.

Рейды на Барбадос и Ямайку стали приносить столь крупную прибыль, при том что опасности было в разы меньше, чем при пиратстве, что Смоллетт даже подумывал создать небольшую флотилию скоростных шхун и запасаясь старьём, из просроченных товаров на складах адмиралтейства, благо связи у капитана «Эспаньолы» там были и были немалые, уже грезил что за пять лет такой «меновой торговли» старых ружей на рабов, а рабов — на монеты в колониях, он сможет обзавестись собственным замком, где на островах в Шотландии и стать там полноценным правителем, плевавшим на всех, в том числе и на корону!

— Они с Трелони видимо одной болезнью заразились… — хмыкал себе под нос Джим, слушая очередной рассказ, о подобных закидонах, глав-

ных людей, в этом походе.

Ему было очевидным что друзья, Трелони и Смоллетт, слишком долго безраздельно карали и миловали множество людей в заморских землях и сейчас, находясь в Англии — просто скучают о той своей власти в дальних морях, когда они были на своих кораблях практически равны королям, величайших из стран.

Хокинс, воспользовавшись неким пренебрежением к нему и тем что пока его особо работой на шхуне не напрягали, смог стянуть у новых знакомых, матросов команды корабля, пару ножей и кортик.

Спрятав всё это добро в тайнике в кубрике, где сам Джим проживал с егерями сквайра, подросток стал чувствовать себя гораздо увереннее.

Он считал что обладая оружием — уже сможет дать элементарный отпор, если доктор Ливси и сквайр Трелони поймут что он не знает где именно находится клад и попытаются его задержать для пыток или казни, что бы тем или иным способом узнать что ему сообщил Флинт.

Джим планировал, в случае явной опасности для себя — попытаться взорвать «Эспаньолу», как он ранее проделал это с «Моржом», ватаги Флинта. Либо же затопить корабль у острова

с сокровищами, а самому скрыться на лодке, попытавшись в дальнейшем найти в колониях новую команду, которую можно будет заманить обещаниями на поиски клада.

Через восемь дней после их отплытия из Бристоля, одним скучнейшим вечером, в кубрике егерей начался спор между Томом Редрутом и молодым егерем, бывшим порученцем при сквайре и его личном гонце.

Том Редрут и Ричард Джойс стали спорить: кем является доктор Ливси при Трелони и отчего его, простого лекаришку, сквайр всегда привечает и благоволит ему.

— Наверное это его младший брат, от незаконной любви отца сквайра, к какой служанке. — наставительно и медленно говорил Том Редрут. — Они постоянно дружили и как только хозяин возвращался из своих походов, так сразу же вызывал Ливси и они вместе что учудят: то охоту, то бал с маскарадом, а несколько раз даже фейерверки в парке устраивали. Да точно — брат! Посему сквайр и благоволит к нему, помогает чем может и использует как наблюдателя за местными, кого доктор лечит. Ливси можно доверять и его сведения не проверяются Трелони по иным источникам. Такое отношение может быть лишь

к брату…

— Или любовнику! — вмешался Ричард Джойс и все в кубрике дружно призадумались. — Молодой любовник при богатом проказнике, который обладает деньгами и хотел бы как придержать при себе «молодца», и купив ему лицензию врача, сейчас держит всё время его при себе — как тебе такой вариант?

Джима удивило, что особо никто с этим спорить из егерей и не стал, и подросток заподозрил что Трелони видимо «шалил» не только как пират в дальних странах, но и каким иным образом.

Однако Джим тут же вспомнил «Саффолк», где совсем недавно служил и неуставные отношения некоторых офицеров друг с другом и с юнгами.

Похоже было, что с английской аристократией «это» — случалось сплошь и рядом, а не по причине отсутствия женщин или воспитания в детстве, в сугубо мужских коллективах колледжей.

Тем временем молодой Ричард Джойс горячился: «Ежемесячные тридцать фунтов — доктору Ливси! За просто так, без оказания каких официальных услуг тем сквайру. Покупка дома доктору, вблизи от поместья сквайра, покупка ему лошадей и дорогого оружия и тому подобное, прочее.

Нет, такое просто по дружбе не делают, разве что «очень тесной»!

Опять начали спорить что бы это могло быть: грехи старого хозяина поместья или же нового, и в какой форме что произошло.

Егеря постарше помнили сколько любовниц было у отца сквайра, но всё же лично никто не видел что бы какая женщина молила старого сквайра о помощи их общему ребёнку или что подобное, всё оставалось на уровне слухов.

Особо тёплых отношений, вроде постоянных потискиваний в объятий и схожего, между Трелони и Ливси также не наблюдалось, что несколько удивляло, зная сколько они вместе и что почти все крупные мероприятия посещают вдвоём.

— А что если… — внезапно предположил очередную сенсацию Ричард Джойс. — Что если Ливси просто служил вместе с Трелони на военном судне, когда тот был офицером и знает о нём какую тайну и наш господин, что бы его не опозорили, вынужден просто выплачивать доктору постоянно им требуемые суммы и держать его при себе, как паразита?

После некоторого молчания и взвешивания возможности подобного варианта, вновь заговорил Том Редрут: «Да ну! А то сквайру не хватило

бы ума сговориться с ребятами, из контарабандистов, которые или в рабы, на Ямайку, доктора утащили бы, или просто зарезали и скинули с камнями — в ручей с раками! Я помню хозяина по Мадагаскару или Карибам — рука у него и самого не дрожит, когда владеет палашом, а уж найти исполнителей, столь пустячных дел — он бы точно смог!»

Спор зашёл в тупик и вскоре все понемногу заснули от начавшейся качки и наступившей ночи. Все егеря и Джим, так и не разобравшись в столь крепкой дружбе между сквайром Трелони и доктором Ливси.

Утром, после несколько порядком надоевшего завтрака, из каши с кусками мяса и нескольких яблок, когда все вышли на верхнюю палубу и принялись выполнять приказы Смоллетта — случилось наконец событие, что вначале удивило всех, а потом привело к неожиданной развязке.

На горизонте показалось неизвестное судно под британским флагом, что стало идти курсом «Эспаньолы» и через пять часов, можно сказать определённо что преследования, наконец сблизилось со шхуной арендованой сквайром Трелони достаточно близко, что бы команды двух кораблей уже могли разглядывать друг друга.

Непонятным кораблём оказалась точно такая же, как и сама «Эспаньола», быстроходная шхуна, пожалуй даже имеющая лучшее парусное вооружение, чем на судне где сейчас находился Джим.

После некоторого колебания, капитан Смоллетт плюнул за борт и объявил: «Это Чёрная Каракатица. Многократная победительница регат герцога Виндзорского. Удивительно! — она ведь была с нами по соседству в Бристоле и даже не собиралась отплывать ближайшие десять дней, после недавнего возвращения от берегов Африки, а тут… И да — отчего они плывут по нашему маршруту? Удивительно!»

— Александр! — буквально возопил сквайр Трелони, указывая капитану Смоллетту на странный корабль преследующий «Эспаньолу». — Если бы я знал что в Бристоле есть судно быстрее вашего, я бы нанял именно его! Какого чёрта! Почему этот мерзавец нас догоняет с такой лёгкостью, что ему нужно?

— Не знаю Трелони. — спокойно отвечал капитан «Эспаньолы». — Пиратством, команда «Чёрной каракатицы» никогда не занималась, разве что работорговлей и на мой взгляд, атаковать «Эспаньолу», а моряки наших судов отлично знакомы по бристольским кабакам, точно не

решится! Скорее у них какой срочный заказ и мы просто случайно пересеклись. Тем более что они несутся словно оглашенные, поставив все паруса и с риском сломать какую из мачт, нам же данная поспешность в океане — излишня.

Когда «Чёрная Каракатица» стала находиться уже всего в трёхстах футах от кормы «Эспаньолы», Джим, что смог наконец выпросить у сквайра Трелони его подзорную трубу, капитан Смоллетт своей бы ни за что ему не дал — быстрым взглядом осмотрел суетящихся, словно бы готовящихся к чему, людей, на верхней палубе догоняющего их корабля.

Капитан «Чёрной каракатицы» был самым странным человеком, из капитанов, которого Джим когда либо видел: ему, командиру на корабле, постоянно отвешивали пинки и явно что нелицеприятное высказывали прямо в лицо его матросы, а одноногий человек, в видавшем виды синем кафтане, с белой птицей на плече — даже угрожал кортиком…

— Вот это дисциплина, прямо как на борту «Моржа»… — хмыкнул про себя Джим и внезапно одна мысль холодной ящерицей скользнула в его голове.

Он снова стал смотреть в сторону одноногого,

что явно был страшнее для команды судна, чем, отчего то стоящий всё время на одном месте, словно бы привязанный к данному месту на палубе верёвками, одетый в треуголку, высокие сапоги и камзол — капитан судна: отдающий приказы, но на которого все постоянно огрызались и даже били его.

Хокинс стал нервно шептать себе под нос: «Сильвер! Сильвер стал одноногим, но выжил… Баба Сильвера была мулаткой или кем там ещё, и именно такая и указывала одноногому моряку, на пристане Бристоля, в нашу сторону. Когда мы отплывали они куда помчались и меня этим рассмешили… Попугай!»

Пока Джим вглядывался и размышлял об увиденом им, и том: возможно ли что бы команда убитого им Флинта так скоро вышла на их след, и будучи нищими, со слов убитого им Билли Бонса — обзавелась новым, скоростным кораблём, как со стороны «Чёрной каракатицы» была вынесена картечница-бас и установлена на небольшой упор.

— Что это они делают? — забеспокоился сквайр Трелони. — Ведь похоже на то что…

Договорить сквайр не успел, так как прозвучал выстрел и «Чёрная каракатица», подошедшая

всего на расстояние в сто футов с правого борта «Эспаньолы», выстрелила залп картечин в сторону судна что преследовала.

Видимо команда шхуны преследователя зарядила малое орудие ещё в трюме и смогли сразу же, после установки баса на упор, начать обстрел.

С шорохом пронеслись картечины над головами команды «Эспаньолы», так толком никого и не задев: один егерь получил ранение в левую руку и пара матросов, осколками щеп, немного поранили себе спины.

— Это пираты Флинта! — буквально заверещал Джим Хокинс, бросаясь к Трелони и капитану Смоллетту, что стояли как изваяния, в ужасе наблюдая перезарядку единственного орудия шхуны что их сейчас атаковала. — Они обзавелись кораблём и сейчас преследуют нас! Я узнал одноногого на палубе — это квартирмейстер Флинта! На «Чёрной Каракатице» люди Флинта — они пойдут скоро на абордаж!!!

— Вот и отлично! — прорычал в великом гневе капитан Смоллетт, которого просто бесило что какие то скоты, посмелили обстреливать из картечницы, его красавицу шхуну. — Мои матросы вспорют им их жирные животы и засунут туда отрезанные головы, этих дураков!

— Нет Александр! — потребовал сквайр Трелони. — Я не намерен рисковать, в столь важном для меня, деле! Маневрируй и не дай возможности пиратам произвести абордаж, а мы…

— Но! — возмутился капитан «Эспаньолы».

— Здесь я адмирал! — громовым голосом заорал на Смоллетта Трелони, — и мне должны подчиняться все!!!

— Ладно. Я понял.

Пока матросы «Эспаньолы» поднимали новые, ранее не использовавшиеся за ненадобностью, паруса и по команде капитана совершали боковой поворот. Манёвр, что бы не дать преследователю сблизиться и совершить скорый абордаж, сквайр Трелони инструктировал своих егерей: «Каждый берёт по паре заряженных винтовок и бегом сюда! Прячьтесь за бортами или надстройками и выщёлкивайте пиратов! Потом, старшие из егерей, когда все винтовки будут разряжены — отдают свои ружья на перезарядку младшим, а сами, с парой пистолетов в руках, прикрывают нас всех, в случае возможной высадки пиратов на палубе «Эспаньолы»!»

Капитан Смоллетт приказал зарядить единственное орудие своего судна, вертлюжную пушку и выстрелить из неё ядром, в сторону

«Чёрной каракатицы». Из за чего один из моряков корабля преследователя упал за борт, а в борту шхуны пиратов образовалась небольшая дыра.

Но пожалуй это был скорее хороший приём, действующий как катализатор паники, чем реальная подмога в бою.

Пушку перезаряжать был долго и под обстрелами из ружей, когда пираты сами стали отчаянно палить в канонира и ему помогающих, и убили пару матросов «Эспаньолы» — заставив отказаться от долгой перезарядки вертлюжной пушки и вернуться лишь к исполнению плана сквайра.

Джим слышал вопли Сильвера о том, что пускай они подойдут как можно ближе и после залпа из ружей и мушкетонов — начнут бросать гранаты на верхнюю палубу врага, а когда это сгонит матросов «Эспаньолы» вниз — на её верхнюю палубу можно будет провести полноценную высадку!

Часть пиратов стали заряжать в ружья стрелы, обвязанные обожжёнными тряпицами смоченными в масле из ламп и не проталкивая их, а так и оставляя в самом начале ствола тряпкой наружу — поджигать, а когда стрела начинала коптить, выстреливать ими в сторону такелажа «Эспаньолы».

Часть канатов и небольших парусов начала гореть, хотя и не так явно, как хотелось бы пиратам, но Сильвер подбадривал своих тем, что «Скоро уже враги потеряют скорость и если загнать их с верхней палубы в помещения внутри корабля, та высадка на «Эспаньолу» пройдёт просто отлично!»

— Готовьте картечины для мушкетонов и пули для ружей! — орал Сильвер, ловко перескакивая на одной ноге и держась за верёвки и канаты «Чёрной каракатицы», — ещё чуток ребята и мы станем снова хозяевами карты, а уже вскоре — получим и наше, давно заслуженное, золото! Станем богачами! Заживём в собственных особняках барями, заведём себе гаремы из каких жопастых бабёнок! Ну же, поднажми ребята!!!

Не успели пираты изготовиться к новому залпу из своих ружей и каких то странных, коротких, и не ружей и не пистолетов, оружия среднего между ними, с расширяющимся, словно горло кувшина или амфоры, стволом — именно из такого оружия Джим застрелил пирата что забежал в каюту капитана «Моржа» и получил от подростка десяток дробин себе в тело, как появились увешанные винтовками и пистолетами егеря Трелони и указывая друг другу знаками на цели

к стрельбе, стали готовиться к собственному первому залпу.

— Александр! — потребовал Трелони у Смоллетта. — Уводи как можно дальше «Эспаньолу», нам нужно что бы эти негодяи своим оружием, в основном опасным лишь на близком расстоянии, не могли нас достать!

Шхуна с Джимом на борту сделала очередной манёвр и немного оторвалась от пиратской «Чёрной каракатицы».

Прозвучавший дружный залп, примерно из полутора десятков ружей и десяти «коротышей» мушкетонов, окутал верхнюю палубу «Каракатицы» дымом, но «Эспаньоле» особого вреда не причинил: пули крайне неточно просвистели выше над палубой или попали в фальшборт шхуны, картечины оцарапали одного матроса, но из за расстояния и сильного ветра, в основном свалились в воду или застряли в бортах «Эспаньолы».

— Ближе! — орал, брызжа слюной, Сильвер. — Подходите ближе к ним, болваны! Что вы позволяете им вилять, прочь от нас?! Подходим ближе и повторяем всё: Том Морган и Джорж Мэри стреляют зажжёнными стрелами по такеллажу! Остальные, из ружей, дают залп по офицерам и стрелкам у пушки, а те что с мушкетонами — на-

крывают площадь верхней палубы, как ранее мы всегда делали на «Морже», ну же!

Джим, видя что стрелки егеря сквайра целятся, искренне удивился: расстояние и постоянная качка, вместе с поворотами шхуны и креном при них, казались ему крайне неудачными для прицельной стрельбы, так что, по мнению Хокинса — абордажа было не избежать.

Однако дальше произошло невероятное: семеро егерей дружно выстрелили и шесть пиратов свалились на палубу «Чёрной каракатицы», как подкошенные.

Сильвер зашкандыбал куда прятаться, а остальные пираты — в страхе прижались к бортам или спрятались прочь, из за чего «Каракатица» стала сильнее крениться по сторонам, так как особо её парусами никто сейчас не занимался.

Егеря прицелились снова и после их второго залпа — ещё пятеро пиратов свалились замертво на верхнюю палубу своего судна, пока остальные, с воплями, убегали по трапу в нижние уровни собственного корабля.

— Сближаемся и атакуем! Если откажутся сдаться — спалим судно ко всем чертям! Вперёд ребята, мы с вашим капитаном немало абордажей совершили! — орал как умалишённый

Трелони, пока матросы «Эспаньолы» подводили свою шхуну к неуправляемой сейчас никем «Чёрной каракатице» и изготавливались взобраться на её палубу.

— Как это случилось?! — не верил своим глазам капитан Смоллетт и прочие также удивлённо таращились на Трелони. — Объясни! Пираты стреляют из ружей, всё как всегда и большая часть пуль прошла мимо нас! Твои молодцы дают залп — множество пиратов влёжку, с такого расстояния и при качке! Что за чудо!

— Технологии и прогресс!!! — проорал счастливый происшествием Трелони, одевая кирасу и беря себе в качестве оружия палаш и длинный кинжал. — У меня все егеря вооруженны «винтовальными ружьями» — винтовками. Оружием с нарезными стволами, а не гладкоствольными ружьями и соответственно…

— А в чём разница между ними? — недоумевали уже все кто стоял рядом и слушал Трелони, готовясь дружно высадиться на борт «Чёрной Каракатицы».

Пока было время до сближения и пираты спрятались на нижних палубах «Чёрной каракатицы», сквайр решил немного просветить собравшихся вокруг него людей, дабы показать себя как

опытного стратега: «Друзья мои! Обыкновенные стандартные армейские ружья — это всё те же мушкеты или аркебузы, что были в армиях ещё Колумба, Франциска Первого при Павии или Генриха Бурбонна, оружие, с которым Дрейк спасал Англию от сумасшедших инквизиторов испанцев, а Кромвель, второй, который Оливер — лишил головы короля Карла. Нынешние ружья лишь ненамного их превосходят! Это всё тот же мушкет, с гладким стволом, который быстро заряжается и позволяет давать залпы исключительно по массивным целям, когда шеренги бьют в шеренги — на том и держится вся линейная тактика нынешних наших армий! Абсолютная дикость и варварство! Никакой прицельности или точности, при одиночном выстреле, фактически вся выстроенная линиями армия представляет собой огромную картечницу, где каждый солдат с ружьём запускает одну единственную дробину, в надежде что «авось кого и заденет»!

— А ваши винтовки разве не такие же мушкеты, что и армейские ружья? — удивился капитан Смоллетт и внимательнее присмотрелся к готовящим винтовки к новым выстрелам, молодым егерям из свиты сквайра, которые осторожно, с помощью деревянных молотков, вбивали пули

вслед насыпанному в дула винтовок пороху, вместо привычного всем быстрого забивания их лишь с помощью рук и шомпола.

— В том то и дело что нет! — Трелони буквально сиял от радости, объясняя каков он молодец и как идёт в ногу со временем, используя новейшие изобретения, в том числе и оружия. — Винтовки имеют нарезку внутри своего ствола, по некоторым слухам по этой причине их винтовками и прозвали — «Ружья с винтовой нарезкой в стволе». Вот эта резьба внутри ствола и позволяет стреляющему — раздавать врагам пули с поражающей точностью, если конечно обладатель винтовки и сам умеет стрелять: на расстоянии в триста футов мушкеты бесполезны, точнее они и вполовину этого расстояния не могут точно попасть, совершенно не поражают даже ростовую цель. Ростовую! Винтовка же, спокойно, при умелом стрелке — до пятисот футов расстояния даёт возможность поразить цель точно в голову, с гарантированной, так сказать, смертью!

— Невероятно! — поразились все, в том числе и Джим, начинавший подозревать что слухи, о том что контрабандисты и разбойники не просто так в Англии побаивались сквайра и его людей, имели под собой почву. Видимо отстрел особо

зарвавшихся из них и был любимой «охотой» Трелони.

— Пиратам, — продолжал сквайр всё сильнее воодушевляясь, — с их примитивным оружием, я имею в виду ружья, пистолеты, мушкетоны — необходимо подойти как можно ближе и тогда данное оружие отлично им послужит при абордаже, прорядив ряды врага на верхней палубе судна жертвы и загнав остальных, не стойких сердцем, в нижние уровни корабля: ружьями можно, давая залп обученными тройками, сбивать офицеров и шкиперов. Пистолеты для ближнего боя, когда нужно по мосткам скоро залезть на вражеский корабль и кто мешает, по иному их не использовать, а вот мушкетоны — для залпа множеством картечин и дробин почти в упор, залпа, который приведёт к массовым ранениям в команде вражеского судна и ослабит их силу сопротивлени. Но! Им всем жизненно необходимо близкое расстояние — иначе современные мушкеты начнут куда зря посылать свои пули, пистолеты окажутся слишком маломощны, а картечины, из мушкетонов, просто разлетятся куда попало на длинной дистанции! Вот тут то и проявляют себя мои егеря, вооружённые новейшими винтовками: они, даже при качке и ветре,

вполне прицельно могут ложить свои выстрелы, если и не в головы пиратов, то уж точно в их тела. Вы, я думаю отметили, что промахов было крайне мало…

— Да, да! — горячо подтвердили все, кто стоял рядом с Трелони на верхней палубе «Эспаньолы».

— В этом и была моя задумка… — не без ложной скромности выпятил грудь сквайр. — Издали, с помощью высокоточного оружия — «выщелкать» с расстояния, недоступного стандартному оружию пиратов, как можно более этих негодяев и загнав их прятаться от нас на нижние уровни их шхуны — попытаться либо утопить её, выстрелами нашей вертлюжной пушки ниже ватерлинии, либо же захватить. Попытаемся провести второй вариант и если не получится, тогда топим ко всем чертям! Клянусь вам, друзья мои — когда винтовку станет возможно не так долго перезаряжать, как сейчас и в производстве она сравнится в лёгкости и дешевизне с мушкетами — данное оружие полностью вытеснит нынешние гладкоствольные ружья, позволив вести полноценную прицельную стрельбу в сражении!

— Ну уж, сквайр… — недоверчиво забормотали все, считая что Трелони, привычно ему, немного

привирает и приукрашает.

Самым лихим матросам, из команды «Эспаньолы», удалось наконец заскочить на «Чёрную каракатицу» и они принялись спускать паруса шхуны, дабы снизить её скорость до полной остановки.

Через пару минут на борт заскочили и егеря Трелони, а вслед им уже и сам сквайр с доктором Ливси и капитаном Смоллеттом, а также затесавшимся с ними Джимом Хокинсом — перебрались по удобным мосткам на захваченное судно.

Пираты, бывшие ранее хозяевами корабля, не показывались из нижних помещений и выставив по паре егерей к каждому из двух выходов на верхнюю палубу, сквайр отправился к капитану судна, что всё ещё, даже будучи раненным, оставался на своём месте.

Тут же выяснилась причина столь странного поведения капитана «Чёрной каракатицы»: пираты просто привязали его ногами к одному из выступов широкой толстой доски и по словам сего мужчины, когда с помощью бренди его немного привели в чувства, а доктор Ливси перевязал ему раны — постоянно избивали его, заставляя вести судно вначале по какому странному маршруту вдоль берегов Франции, а потом, разозлившись

на что — срочно повернули в океан и без подготовки решили направиться в колонии в Новом Свете, на Карибы!

Всё это время его почти не кормили, так как запасов провизии, ещё в Бристоле, было крайне мало, ибо «Чёрная каракатица» только возвратилась из долгого рейда и буквально лишь сутки перед своим неожиданным захватом как стала на место в порту.

По словам капитана захваченной пиратами шхуны: ни с того ни с сего — к нему на верхнюю палубу, где он с парой матросов проводили осмотр такелажа, стали валиться два десятка каких то оборванных странных моряков и уже вскоре они просто прирезали его матросов и угрожая самому капитану «Чёрной каракатицы» кортиками, заставили его срочно, в великой спешке, вывести судно в море.

Моряками они оказались исправными и быстро выполняли все команды. Капитан не мог себе представить что может быть нужно от него пиратам, да ещё и в порту Бристоля — ведь судно стояло без груза и рядом находились суда военного флота Британии.

Однако вскоре выяснилось что захватили «Чёрную каракатицу», в такой панике и беготне,

именно из за преследования некоего, уже отплывшего, корабля, а восе не добычи ради.

Первые двое суток пираты велели вести их к острову Джернси, потом плюнули на это и избив капитана — направились прямо в океан, талдыча друг другу что станут ждать кого то уже на каком то острове, в засаде.

Вскоре, правда, выяснилось — что еды на судне так мало, а пираты запаслись лишь немного водой, у берегов Франции, что приходилось всем выдавать по одной лишь порции её в сутки — этим занимался одноногий моряк, что был у ватаги за главного.

Пираты хотели было остановиться и где пополнить припасы разбоем или охотой, но потом стали голосить что могут куда то не успеть и решили немного потерпеть: с их слов выходило что не в первый раз им голодовать и следует как можно скорее гнать к острову, а уж там чем разживутся!

Завидев через несколько суток голодного плавания паруса — пираты решили немедля ограбить увиденное ими судно, благо оно было не особо крупным. Они буквально визжали о еде и требовали немедленного грабежа съестных припасов, завиденной ими шхуны.

Потом у них снова изменилось настроение: они стали носиться как пьяные и орать что это «то самое судно на котором и плыли их враги» и что теперь, одной атакой и абордажем, они решат все свои проблемы!

Пираты установили принесённую ими из трюма захваченной шхуны небольшую картечницу и выстрелили в «Эспаньолу», потом стали стрелять из ружей и мушкетонов.

Однако вскоре ответные выстрелы перебили почти десяток из них самих и ранили капитана «Чёрной каракатицы», и пираты в спешке бросились вниз, позабыв об обороне или управлении судном, всё как всегда с Джентельменами Удачи: «В атаке первой, они — сумасшедшие черти, но лишь дай отпор и побегут, куда прочь, поскорей…»

Сквайр Трелони постоянно менялся в лице, а узнав что пираты гнали поскорее к острову, начал о чём то многозначительно переговариваться шёпотом с доктором Ливси. Доктор кивал и постоянно соглашался.

— Друзья мои! — сказал сквайр уже всем. — Нам следует как можно быстрее осмотреть данную шхуну и… Уничтожить её! Скорее добраться до нашей основной цели и провести поиск!

— Как?! — возопил ошарашенный предложением Трелони капитан «Чёрной каракатицы», — разве вы не спасёте мою красавицу и не доведёте в ближайший порт? На кой чёрт вам так спешить, что у вас с пиратами за дела такие, что вы… — он осёкся, так как его знакомый, Александр Смоллетт, сжал ему сильно плечо и так странно посмотрел в глаза раненному, что тот вынужден был прекратить все свои стенания.

Тем временем сквайр обратился к пиратам, засевшим внизу: «Если вы меня слышите, гнусные негодяи…» — тут же прозвучал выстрел и пуля, пущенная видимо из пистолета, пробила доску переборки и трапа. — Ах так! Тогда вот что: мы запрём вас, как крыс, в этой ловушке и подпалим шхуну, и клянусь, что когда станем отплывать прочь — дадим несколько выстрелов ниже вашей ватерлинии, что бы вы стали утопленными, жаренными крысами! Вот!»

Трелони размахивал руками и горячился. Ему казалось невероятным что бы в него, во время обращения к пиратам, хоть какая сволочь осмелилась стрелять.

Внезапно раздался странный стук и чей то, показавшийся хорошо знакомым Джиму голос, просто таки униженно, произнёс: «Сэр, будьте

великодушны! Как и подобает Джентельмену по рождению! Не стоит брать на себя несколько лишних смертей, тем более столь непорядочных в исполнении — дайте нам шанс и клянусь вам, мы не настолько плохи, как вам могло показаться!»

Удивлённый Трелони лишь попятился прочь от трапа, по которому поднимался одноногий моряк в вычурном, хотя и давно обношенном кафтане, некогда бывшем, видимо, синего цвета.

— Разрешите представиться! — тут же вытянувшись по стойке смирно отрапортовал одноногий. — Сильвер! Джон Сильвер, кок данной ватаги обормотов и гуляк, раздери их всех медузы!

На Сильвера тут же навели свои винтовки егеря и он, улыбаясь как можно дружелюбнее, спокойно скинул пояс с ножнами для кинжала и кортика, бывшими в них же и парой пистолетов, заткнутыми за пояс и брошенными Сильвером на доски палубы: «Всё! Мы проиграли и это признаём! Многоуважаемый сэр! К чему эта бессмысленная бойня, может и не самых лучших, но всё же христиан? Мы можем быть вам полезны и тем самым, к взаимной выгоде, послужим друг другу, а вся эта свара… Так она от недопонимания

и больше ни от чего!»

— Помочь? Помочь?! — вскипел Трелони наконец приходя в себя. — Да чем же, подобные негодяи, могут нам помочь?!

— В поисках. — спокойно ответствовал Сильвер, явно бывший не робкого десятка и видевший немало подобных истерик и патетичных криков, от разных людей в разных обстоятельствах. — Мы вам поможем найти то, что по большому счёту, по справедливости — принадлежит нам! Но сейчас вы в своём праве и если оставите нам жизнь и поможете вернуться в колонии, мы вам пригодимся!

— У нас есть Джим Хокинс и его карта! — высокомерно произнёс сквайр Трелони и не без удовольствия отметил как изменилось лицо Сильвера, став землистого цвета.

Сильвер внезапно перестал улыбаться и с ненавистью уставился, на до этого прячущегося за спинами остальных своих товарищей, подростка.

Однако уже через пять секунд улыбка снова вернулась на загорелое лицо одноногого и он дружелюбно проговорил: «Сэр! Карта ведь наша и лишь мы понимаем что там накалякал старина Флинт: его обозначения или им часто говоримые

словечки. А Джим… Джим отличный моряк, такое с нами сотворил в Кингстоне, самим даже чудно́ что он там проделал с «Моржом»! Но, то старое и пустое! Без нас — вы месяцы потратите и можете не найти даже пенни, с нами — гораздо вернее!»

После краткого совещания, Трелони постановил сдавшихся пиратов заковать в цепи, но позволить им помогать чем малым, команде на «Эспаньоле» и уж потом, после нахождения сокровищ, определить их судьбу.

На верхнюю палубу первыми поднялись оставшиеся пираты, бывшие на «Чёрной каракатице»: старик, с седыми волосами — Том Морган. Лысый ирландец в красной ермолке на голове, чьего имени Джим не запомнил, когда он тихим голосом представлялся сквайру и доктору Ливси. Джорж Мэри и Израэль Хэндс, оба высокие и одетые в чёрные куртки и такого же цвета штаны, но если первый был широкоплечь и могучь, и отдалённо напоминал Билли Бонса, то Хэндс скорее отличался ростом и худобой, а также полностью лысой и выбритой головой, что сейчас блестела от испарины, на ней обильно проступившей.

Троих раненных, стонущих, пиратов решено было не лечить и им перерезали глотки прямо на палубе «Чёрной каракатицы», егеря сквайра.

Остальные разбойники с безразличием смотрели на судьбу раненных товарищей — было видно что подобное зрелище им не впервой выпадало смотреть.

Девятерых морских разбойников, из бывшей команды капитана Флинта, связали кожаными ремнями и отправили под конвоем егерей и матросов «Эспаньолы» на борт данного корабля, пока осмотровая группа разделилась и начала проводить инспекцию того, что можно было бы перенести с «Чёрной каракатицы» на «Эспаньолу».

Джим оказался напарником Сильвера по осмотру и если первое время сильно его опасался, ожидая что одноногий пират в любое время захочет с ним поквитаться за своё ранение и дальнейшее увечие, то вскоре понял что квартирмейстер «Моржа» не настолько глупый человек, что бы рисковать головой ради какой то там мести: Сильвер всячески подшучивал над тем что с ними в Кингстоне учудил подросток, говорил что они сами виноваты и дисциплина на «Моржe» всегда хромала, в отличие от удальства и лихачества — бывшего с избытком, и постоянно жаловался на свою судьбу, что помешала ему полностью выучиться и стать достойным членом

общества.

Уже вскоре, одноногий пират, вовсю хохоча, веселил Хокинса рассказом о том, как именно они захватили «Чёрную каракатицу» и отчего решились на столь отчаянную атаку «Эспаньолы».

— Мы вас выследили ещё в Бристоле, когда наши сбежавшие наблюдатели, что не участвовали в штурме тюрьмы с тобой внутри, мой мальчик — сообщили нам что мы потеряли не только Билли Бонса, но и слепого Пью и Чёрного Пса, в дополнение ко всему! А это были большие люди в команде Флинта, очень большие… Тогда же мы узнали что сквайр Трелони нанимает для экспедиции «Эспаньолу» и тут же отправились к капитану Смоллетту для представления и просьбы о найме к нему в команду. Но тут выяснилось что «Эспаньола» уже имеет полный состав и по словам О Брайена, того лысуна в красной ермолке — там все ребята матёрые, некоторых из них он помнил ещё по Карибам, как отличных абордажников…

Со слов Сильвера выходило, что ватага Флинта отчаялась, так как не понимала что им теперь делать: проникнуть на судно, отплывающее к острову — было невозможно, а нанимать самим корабль, что бы первыми добраться до острова с

сокровищами — у них попросту не было денег.

— Да и времени! — говорил Сильвер Джиму, протискиваясь в очередную каюту «Чёрной каракатицы», — Ваш сквайр оказался человеком дельным и очень скоро снарядил всё для похода, так что мы не имели попросту времени, что бы первыми добраться до острова и поджидать вас там, хотя это и было опасно крайне! А когда наши наблюдатели сообщили что ваша «Эспаньола» уже покинула Бристоль и мы своими глазами узрели это ужасное зрелище — началась буквально паника! Все проклинали и обвиняли всех, а мне даже ставили в вину то, что мы не взяди «Эспаньолу» ночным приступом, и не ушли на ней в море! От отчаяния мы поступили поспешно, однако шанс ведь был…

Оказалось, что жена Сильвера, та самая темнокожая мулатка, которую несколько раз видел Джим — посоветовала захватить стоявшую неподалёку «Чёрную каракатицу», что по словам моряков Бристоля ходит даже шибче «Эспаньолы» и на ней организовать преследование судна сквайра Трелони.

От паники и отчаяния пираты мгновенно перешли к веселью и неугомонной жажде деятельности, и тут же, ни медля ни минуты — отправились

захватывать указанный женщиной корабль.

Капитана они оставили в живых, хотя и избили, а всех моряков, в количестве четырёх человек — попросту зарезали, как совершенно ненужных свидетелей, что могли поднять скорую тревогу на берегу.

Подняв паруса пираты тут же бросились в погоню за «Эспаньолой», но видимо неудачно взяли курс и так её и не обнаружили, хотя и вышли в море всего через час после неё.

— У нас ведь тоже были проблемы! — продолжал Сильвер попросту выговариваться, что видимо ему было уже совершенно необходимо, после нервотрёпки последнего времени. — Кто мог управлять кораблём из нас? — Никто! Капитан Флинт сдох, твоими усилиями, ещё на Ямайке. Билли Бонса, штурмана «Моржа», снова ты — весело подрезал в семейном кабачке… Швах! Моряков множество, но кто станет вести судно до острова, с нашими заслуженными пенсионами? — Некому! Вот по этой то причине мы и оставили в живых капитана «Чёрной каракатицы». Представляешь? Капитан — пленник на судне и как он его вёл, одному Богу известно…

Выяснилось, что догнать «Эспаньолу» не удаётся и что самое скверное, на судне нет припасов

почти что никаких! Шхуна захваченная пиратами лишь недавно вернулась из рейда и сейчас готовилась к небольшому ремонту.

У побережья Франции был захвачен и ограблен какой то небольшой бот и провизия с него стала хоть каким подспорьем, для бывшей команды капитана Флинта.

В конце концов пираты решили как можно скорее добираться до своего острова, на котором Флинт спрятал общак команды «Моржа» и там сходу атаковать или же наоборот, поджидать, если первыми доберутся, Трелони и его егерей.

Завидев через несколько дней впереди себя паруса, оголодавшие пираты, что не ели полноценно уже около четверо суток — люто обрадовались и потребовав у капитана догнать увиденное судно, решили взять его на абордаж. Но не по причине денег, а что бы разжиться едой и пресной водой, запасы которой также подходили к концу.

— Неудачная идея… — вздыхая, говорил Сильвер подростку, ковыляя с ним по тёмным проходам «Чёрной Каракатицы». — Всё не то и не так, ребята! Увидев, что догнали именно «Эспаньолу» — мы взвыли от счастья и решили провести привычный абордаж: сбить картечью людей с

палубы судна, а потом высадиться на ней, но… Но вы, словно бы черти из самого Ада — сами с нами сотворили подобную штуку! Эти ребята, в красный ливреях, из стрелков сквайра — бьют без промаха! Я такое впервые в жизни видел, что бы с палубы корабля, на таком расстоянии и так точно стрелять! Мы, потеряв почти десяток своих, так испугались, что сами, словно бы крысы — умчались вниз, подальше от смертоносного оружия красноливрейных!

— Это винтовки! — пояснил Джим Сильверу. — Сквайр большой их поклонник и вооружил личный отряд именно ими. Он с самого начала предполагал вас расстреливать на расстоянии и пойти на сближение лишь когда прорядит вашу команду прилично и заставит вас бросить управление судном, и прятаться на нижних уровнях корабля…

— Ах вот оно что… — задумчиво пробормотал Сильвер, глядя куда в переборку. — Слыхивал я о них, но сам никогда не сталкивался. Флинт презирал винтовки и орал нам что для пирата, ничего лучше мушкетона — быть не может.

— Коротыш, помесь мушкета и пистолета — с широким стволом и ободком на конце, словно бы у кувшина? — вспомнил оружие Флинта Джим,

из которого он сам застрелил одного из членов команды на «Морже».

— Ну да! — рассмеялся Сильвер несколько наигранно, — он самый! Для нас это идеальное оружие!

— Почему? — искренне недоумевал Джим. На «Саффолке» подобное оружие ему не попадалось и сейчас, услышав от пирата что те частенько прибегают к мушкетонам, ему хотелось узнать причины такой необычной любви к данному типу «стрелкача».

По словам одноногого моряка, всё объяснялось просто: мушкеты позволяли стрелять далеко, но так как точность у них была крайне низкой, это их «далеко» — сильно никого толком не впечатляло, особенно при начале абордажа. Ружьё годится скорее при осадах крепостей, в обороне, чем в морских схватках и внезапных налётах.

Мушкетон — другое дело: пока первая линия пиратов прячется за бортами и выставляет корзины с мешками с песком или толстые доски, что бы блокировать хоть как вражеские пули, кому как это удастся — стрелки из мушкетонов заряжают своё оружие крупными дробинами или картечью и производят выстрелы из за голов сидящих на корточках сотоварищей в первой линии, прямо в

противника на верхней палубе корабля жертвы.

Рой металла, выпущенный из данного оружия, несётся к противнику и если и не убивает его, то сильно ранит, благодаря разбросу при выстреле.

— Ручная картечница? — внезапно догадался Джим, чем служил пиратам мушкетон. — Позволяет быстро закрыть всю площадь палубы маленькими пульками, что бы как можно больше людей ранить перед началом абордажа?

— Ну да! — подтвердил предположения Джима Сильвер, похлопав подростка по плечу. — Ты сообразительный парень! Сейчас доспехи редкость и даже небольшая дробина — может прилично задеть человека в обычной рубахе или кожаной куртке! Кираса? — так это для офицеров и то, она ведь рук и ног не бережёт! Сначала обстрел из мушкетонов, а не ружей, что нами лишь при дальнем преследовании используются и тут же, после залпа картечью из мушкетонов, начинается и сам абордаж, пока противник в шоке от многочисленных ранений! Круши, режь, коли! Да и заряжать такого «коротыша», при морской качке и суматохе боя, благодаря кувшинному его горлу и короткому стволу — гораздо проще!

Сильвер и Джим вместе вышли с кормового выхода по трапу на верхнюю палубу «Чёрной

Каракатицы» и одноногий калека продолжал экскурсию, пока остальные моряки и пираты вместе перетаскивали что ценное с одной шхуны на другую: выяснилось, чего Джим не знал, что были специальные, бортовые, огромные, мушкеты и мушкетоны — для особо мощных выстрелов.

Но сейчас их на военных кораблях не использовали, предпочитая небольшие лёгкие пушки картечницы или обыкновенные ружья. Пираты же, «по старинке» — давали залпы и из такой рухляди.

Сильвер объяснял подростку частично то, что тот уже узнал ранее, когда был юнгой на «Саффолке»: в абордаже важна скорость и что бы оружие не задевало в толчее прочих бойцов или такелажа, а посему предпочтительны кортики, палаши и небольшие топорики, которыми удобно равно как драться на палубе, так и в переходах внутренних помещений судна или на темнейших уровнях нижних палуб.

Ружья хороши на дальние дистанции, но почти что не прицельны. Винтовки очень дороги и крайне долго перезаряжаются, пиратам они без надобности! А вот мушкетоны, с помощью которых можно «прорядить» врагов перед абордажем или короткие пистоли, из которых удобно стре-

лять в помещениях судна, благодаря их малым размерам — другое дело! Именно это оружие и есть главный инструмент «работы», для настоящего Джентельмена Удачи!

Внезапно разговор одноногого моряка и юнги Хокинса был прерван отчаянной площадной бранью: капитан «Чёрной каракатицы», изрыгая проклятия, орал что он не позволит топить своё судно и что как только доберётся до Англии — Трелони и прочим не избежать суда за этот акт вандализма!

— Зря он так… — как то смурно констатировал Сильвер. — Сейчас это глупо и крайне неуместно! Там — это там, а здесь… Здесь Джим, совсем иные порядки.

Трелони быстро вскинул одну из взятых у одного из своих егерей винтовок и тут же произвёл выстрел в упор, прямо в голову отчаянно голосившего офицера «Чёрной каракатицы». Несчастный без стона откинулся резко назад и его пробитая винтовочной пулей голова, ещё и прилично ударилась о дерево шхуны за ним.

Потом сквайр потребовал что бы его люди кинули несчастного за борт и сообщив всем что пора возвращаться на «Эспаньолу» — первым последовал выполнить этот свой приказ.

Далее, в течении полутора часов, подожённая во множестве мест и пробиваемая ядрами из единственного орудия «Эспаньолы», вертлюжной пушки — «Чёрная каракатица» ещё держалась на воде, однако всё же в конце концов завалилась на правый борт и выгорала, уже медленно но верно погружаясь в воды вокруг неё. Победители смотрели на данное зрелище отойдя на «Эспаньоле» на безопасное расстояние.

Всех колодников пиратов, кроме одноногого Сильвера, посадили в трюме, но при этом накормили и выдали воды вдоволь, так что они особо не возмущались и спокойно приняли свою нынешнюю участь.

Бывший квартирмейстер «Моржа» был вызван сквайром и доктором в кают-компанию и имел там разговор с ними обоими, на который Джима не пригласили. Что лишь усилило его подозрения о том, что его компаньоны ему не доверяют и надеются в лице одноногого пирата получить альтернативу, в качестве проводника на острове, Джиму.

Ещё через восемь дней после сражения с пиратами на море, благодаря дельным советам Сильвера — «Эспаньола» наконец добралась до указанного капитаном «Моржа», как хранили-

ще казны команды, острова: размерами он был примерно две на четыре мили и имел несколько явственно выделявшихся возвышений.

Одна условная гора располагалась посредине острова и по словам Сильвера, совершенно очаровавшего своими байками сквайра — на ней стоял форт, который они всей командой «Моржа» и строили, по приказу Флинта.

На острове было два источника питьевой воды, что и определило имено его выбор, в качестве одной из тайных стоянок «Моржа».

Водились также некогда завезённые испанцами козы, хотя впрочем и в крайне небольшом количестве, и когда недавно пираты сами хотели искать здесь сокровища — они вскоре поняли что несколько десятков здоровых мужчин остров долго не прокормит и бросили бесплодный розыск клада Флинта.

— Так вы уже пытались найти сокровища?! — вскричал в возбуждении Сквайр Трелони. — Где и как?!

— Без карты, сквайр… — качая головой, спокойно принялся объяснять одноногий Долговязый Джон. — Наобум! Просто обшарили какие известные тайники в скалах, потом осмотрели места где недавно работали лопатой и заступом или

ломами, но ничего интересного! Флинт был не дурак и прятать он умел!

Глава тринадцатая: «Крайне насыщенный день»

Следующие несколько дней, что прошли со времени прибытия «Эспаньолы» на остров, на котором капитан Флинт закопал сокровища — промчались в необычайной суете и спешке, прежде всего для Джима: он был под постоянным пристальным вниманием сквайра Трелони и доктора Ливси, и его ни разу ни отпустили на берег самого, без эскорта из нескольких егерей Трелони.

Сперва была проведена разведка возле гавани, где остановилась на якоре шхуна, с искателями кладов на борту.

Потом отправлены поисковые отряды в форт на вершине холма и на предварительный осмотр острова что бы понять: есть какая существенная опасность, вроде оставшихся людей Флинта или чего подобного, или можно высаживаться и готовиться к поискам сокровищ.

Форт из срубленных брёвен, на вершине среднего из островных холмов, очень внимательно осмотрел сам сквайр и что то шепнув на ухо док-

тору вскоре покинул его.

По уходу сквайра Ливси принялся обустраивать новое жилище, в котором, по его словам Джиму — им и предстояло провести время до возвращения в Англию, так как сквайр не собирался скоро возвращаться в свою вонючую тесную каюту на шхуне, а желал как можно больше времени провести на тропической природе, благо было жарко, даже душно и ночи не требовали разведения больших костров что бы согреться.

Трелони явно понравилось сам остров и он постоянно пропадал на охотах или осмотре всё новых мест данного клочка суши.

По происшествии первых двух суток после прибытия, занятых приведением в порядок слегка обветшалого форта и подготовкой его к ночёвкам множества людей, Том Редрут, старейший из егерей Трелони, с которым Джим всегда дружил — сообщил подростку по секрету: что на самом деле сквайр не расстаётся ни на минуту с картой и надеется самолично заполучить сокровище, после чего он постарается избавиться от «лишних» людей в данном походе, и прямо с самого этого острова — направиться на Ямайку, для покупки там плантации и какого никакого поместья.

Подобная информация ужаснула Хокинса: он

прекрасно понимал что сейчас имеет отличные шансы быть отравленным доктором Ливси, как тот ранее, в Британии, поступил с Чёрным Псом и лишь необходимость в Джиме, как главном поисковике сокровищ Флинта, пока что и спасала жизнь подростку и давала возможность выторговать ему себе какие преференции, по возвращении в Англию. И если Трелони найдёт всё сам, а как известно было Хокинсу, именно на карте и были зашифрованы все указания Флинта по поискам клада — тогда судьба Джима казалась решённой.

На четвёртые сутки, когда егеря, сам сквайр, доктор Ливси и Джим с Сильвером уже сутки провели в форте на вершине и как им показалось вполне сносно его обжили — было решено наконец начать общие поиски сокровищ.

Сквайр Трелони официально признал невозможность их нахождения лишь своими силами и потребовал что бы Джим как можно скорее приступил к выполнению своей работы, в данном походе.

Сутки Хокинс делал вид что вспоминает где и как расположены деревья или скалы, возле тайников Флинта, чем несказанно удивил скачущего с ними вместе, на своей деревянной ноге,

Сильвера: «Парень! Да в своём ли ты уме?! Называть Подзорную Трубу — «Длинной Спицой» и указывать на Остров Мертвеца, как на «Карапуза»? Я не знаю откуда у тебя и какая именно информация, но ощущение что ты просто сел на мель, дружище…» — тихо прошептал одноногий пират подростку на вечернем привале.

Хокинс и сам понимал что всё идёт не так как он себе ранее представлял: он попросту стал путать часть названий, что читал прежде на карте Флинта, а остальных и не знал вовсе, в отличие от команды «Моржа» бывшей на острове несколько раз. Приходилось выдумывать на месте, что бы сквайр и доктор ничего не заподозрили.

Сквайр позволил подростку ещё немного изучить карту, но лишь в его присутствии и стал торопить, указывая что его удивляет, что Хокинс — не знает основные ориентиры, а ведь именно на них обычно завязано нахождение тех или иных тайников и схронов.

Следующие сутки полностью ушли на обнаружение неких таинственных знаков, объяснение которых настолько позабавило Сильвера, что тот, прыснув, даже громко произнёс, словно бы ни к кому не обращаясь: что видимо умершего Флинта принимают за поклонника фей, а не пиратского

капитана.

Трелони явно стал что то подозревать и всё чаще с негодованием требовал что бы Джим прекратил их дурачить хождением туда-сюда и сам честно рассказал всё что поведал ему Флинт.

По его мнению, юнга, видимо в силу возраста — просто не так понял слова старого пирата и сейчас не может сориентироваться в тех данных что имеет.

На третьи сутки бессмысленного хождения по тропкам острова, когда уже и до подростка дошло что он совершенно не понимает где же капитан «Моржа» мог схоронить сокровища и что долго ему обманывать товарищей не удастся, произошёл полный крах первоначального плана Хокинса: Трелони внезапно схватил Джима за шиворот, на обеде у костра и громовым голосом, брызжа слюной, потребовал что бы тот немедля при всех рассказал что знает, иначе он из него дух вышибет!

— Хватит нас дурачить, малолетний урод! — вопил изменившимся, слегка ставшим визгливым, голосом Трелони, срываясь на истерику. — Я прикажу моим егерям тебя допросить с пристрастием, они ещё по Мадагаскару подобное нередко проделывали с нашими пленниками из туземцев

и матросов захваченных нами судов и клянусь тебе — заставлю тебя говорить! Скажи немедля что тебе известно и ты спасёшь себя от пыток! Пускай нас ведёт Сильвер, по ориентирам что оставил тебе Флинт, а ты сам сиди в лагере и драй котелки, перед нашим возвращением.

Потом сквайр отвесил десяток приличных тумаков и оплеух ноющему подростку, который уже было думал сбежать куда прочь в зелень острова, подальше от егерей-палачей Трелони, когда вмешался в разговор доктор Ливси: «Он нас дурачит, Трелони! Я все эти дни это подозревал — попросту принимает нас за дураков! Сильвер лучше этого крысёныша ориентируется на острове и соответственно Хокинс нам совершенно не нужен! Предлагаю его немедля силой допросить и если после первых пыток он ничего нам не расскажет — значит ничего и не знает, и его можно сковать цепями как колодников пиратов что томятся у нас в трюме на шхуне!»

Про себя Джим уже решил что время пришло и ему пора поступить также, как он сделал во время своего налёта на «Морж»: убить тех кто хочет убить его и скорее бежать, лишь бы спастись, здесь и сейчас!

Подросток присмотрелся, у кого из егерей смо-

жет быстрым рывком отобрать его винтовку и выстрелив в Трелони, что бы поднять панику — бросится прочь, с оружием над головой, сбивая людей ударами приклада и прорываясь к опушке леса, довольно густого что бы там можно было затеряться.

— Погодите! — внезапно в разговор вмешался Сильвер. До этого одноногий пират лишь веселился вовсю, но тут он как то резко посерьёзнел и встав на здоровую ногу, не без труда впрочем, принялся убеждать сквайра и доктора что это не выход. — Я, при всём моём желании — особо вам не помощник, так как попросту не знаю где именно Флинт закопал нашу заначку! Мы же уже здесь высаживались, я рассказывал Джиму и самостоятельно вели поиски — неудачно! Мне нужны хоть какие зацепки и если пацанёнок их знает, но вы, напугав, заставите его заикаться и всё позабыть — клад считайте нами потерян! Вы что?! Одной карты и знаний острова мало, можно годами вести поиски и всё напрасно…

Сквайр и доктор призадумались, и вскоре Трелони попросил Сильвера подойти к ним для совета.

После пяти минут разговоров вполголоса, времени, что сам Джим провёл осматривая пути

своего возможного скорого бегства, вернувшийся одноногий пират потребовал у Хокинса: «Слушай, Джим — давай с тобой немного поговорим с глазу на глаз. Вон в той сторонке, пока сквайр и доктор ещё добрые и готовы позволить тебе всё нам объяснить по нормальному и без скандала. Без никому не нужных тыканий, подожжёнными сухими пальмовыми листьями, в лицо…»

Отведя Джима на пятнадцать шагов от всех, так, что бы между спасительной тропинкой в лесную чащу находились егеря сквайра, а за спиной пары переговорщиков был скальный обрыв — Сильвер сел на кочку и спокойно стал объяснять, на что же согласились на переговорах со сквайром и доктором, подростку: «Не дури! Тебя распотрошат как курёнка, я подобных господ знаю — они не хуже нас, Джентельменов Удачи, умеют пускать кровь тем, кого ненавидят. Как тебя сейчас. Намекни мне что тебе сказал Флинт и я постараюсь спасти твою, трижды ненужную никому, жизнь! Метки, ориентиры, словесные обороты Флинта — что он тебе сообщил? Любая мелочь может тебя спасти!»

— Сильвер… — пробормотал Хокинс и внезапно прямо уставившись в глаза одноногому пирату, прошептал. — Не желаешь вернуться на свободу,

а не ждать, как я сейчас — пули в загривок или подачки милостыни, от сквайра и доктора Ливси?

Сильвер лишь сперва недоумённо уставился на подростка, потом осторожно кивнул и широко улыбнулся, давая понять что внимательно слушает то, что ему сейчас скажет Джим. Джон ничего не обещал, но и не отказывался сразу от предложений подростка.

— Я ранее уже нескольким матросам «Эспаньолы» сообщил, зачем мы на острове и они, я это точно знаю, тайно сговаривались с капитаном Смоллеттом что бы после нахождения сокровищ — перебить «сухопутчиков» и самим всем завладеть.

— Толковые ребята, О Браен их именно такими и описывал. — согласился со всем услышанным Сильвер.

— Помоги мне добраться до шхуны и давай с тобой поднимем бунт! Я знаю где на корабле есть запасной ключ от кандалов и помогу освободить твоих людей! Мы соединимся с матросами шхуны и тогда даже вопли капитана нам не помешают. Сейчас, когда нашими усилиями, твоими и моими — сокровища станут лишь нашими и моряки «Эспаньолы» будут за нас, против всех господ мира, лишь бы им отсыпали пару тысяч фунтов

на брата!

Несколько секунд Сильвер что то просчитывал, потом мрачно хмыкнул: «Капитан Хокинс собирает свою собственную команду? Забавно, но пожалуй подойдёт! Я успел немного осмотреть карту, когда Трелони показывал её тебе, Джим и если ты перестанешь и меня водить за нос — то подскажу тебе метки, на которые указывал Флинт, возможно вместе мы скорее доберёмся до клада. А пока что, слушай мой план: я отпрошусь отлить и потребую что бы тебя пока постерёг, на этом самом месте, один егерь сквайра. На самом деле я достану заточку, что ранее смастерил на камбузе, для своих собственных нужд и постараюсь стерегущего тебя стрелка быстро прикончить. Ты тут же беги вниз и прыгай в воду с обрыва — я знаю этот участок острова и помню что здесь глубоко, и можно без опаски добраться до небольшой пещеры у самого берега, за каменным скальным выступом. Далее проще: пока по нам будут стрелять из неудобных позиций с нависающих козырьков, или спускаясь по тропкам искать нас — мы успеем добраться до шлюпок и на них как можно скорее доплывём до «Эспаньолы». А уж там всё и провернём…»

Сказано — сделано! Через минуту, после прось-

бы одноногого пирата, молодой егерь занял место Джона возле Джима, пока сам Сильвер многословно хвалился сквайру что «паренёк уже немного перестал бояться и скоро выведет всех куда нужно, стоило лишь немного с ним поговорить по душам».

Зайдя в кусты «по нужде», минуту спустя — Сильвер вытащил из какого углубления своей деревяшки тонкую заточку, сделанную из рукоятки ложки и вскоре вернувшись, точным выверенным ударом, прямо в сердце — первым же тычком прикончил егеря охранявшего сейчас подростка.

Когда все вскочили на ноги от неожиданности, Хокинс схватил винтовку убитого молодого егеря и быстро прицелившись — выстрелил в сторону сквайра Трелони.

Но тот совершенно случайно именно перед этим подскользнулся на траве и за мгновение до выстрела начал валиться вправо и пулю, по касательной, «получило» плечо капитана Александра Смоллетта.

— Предательство! — заорал с земли сквайр. — Предательство! К бою!

Егеря в спешке снимали свои винтовки с плеч, доктор Ливси тащил Смоллетта куда прочь, по-

дальше от начавшейся, так неожиданно, схватки, а в это же самое время одноногий пират и юнга — вдвоём, прячась в пышных, густых, тропических кустах, шустро достигли края каменного уступа этой части острова и дружно плюхнулись в воду, с высоты в добрые тридцать футов.

Беспорядочный залп егерей из винтовок их совершенно не задел и уже вскоре пара авантюристов добралась до берега острова, а на нём, всё также прячась в густой растительности и иногда откровенно переползая, начала двигаться в сторону небольшой бухты, где находились шлюпки «Эспаньолы».

Преследователи не смогли быстро выйти на след беглецов и ещё добрые десять минут была слышна стрельба егерей по воде, близ уступа, с которого подросток и калека бросились в воду.

Когда сквайр потребовал прекратить стрельбу и разрешил наконец начать розыски беглецов на острове, поняв что те его смогли дважды обмануть — Сильвер и Джим уже плыли в шлюпке к «Эспаньоле», предварительно пробив найденными в шлюпках ломами днища остальных из них и затопив их.

Сейчас, скорого преследования одноногого пирата с «Моржа» и юнги бежавшего с «Саффолка»,

организовать было практически невозможно.

— Что случилось? — спросили матросы «Эспаньолы» прибывших к ним Сильвера и Джима. — Мы слышали пальбу и отдалённые крики.

— Потом. Всё потом! Сбор на палубе через десять минут! — проорал Хокинс им и бросился ломать двери каюты Трелони, помня что запасной ключ, от кандалов пиратов, находится за небольшой картиной с изображением птицы.

После нахождения ключа, Сильвер и Джим опрометью бросились в трюм где находились запертые колодники пираты и открыв двери начали их освобождать.

Было решено что пока одноногий пират станет снимать цепи со своих коллег — Хокинс на верхней палубе начнёт агитировать матросов «Эспаньолы» вместе разыскивать клад и настроит их против капитана, и сквайра Трелони.

Вскоре подросток уже толкал речь перед стоявшими перед ним семью моряками: все егеря и четверо матросов — сейчас постоянно находились на острове и проживали в форте на вершине холма, на «Эспаньоле» оставалась лишь небольшая группа моряков и пираты, которых решили использовать лишь когда придёт нужда перетаскивать сундуки с монетами на судно.

Джим напомнил матросам шхуны что уже ранее говорил им о сокровищах и стал утверждать что Трелони и капитан Смоллетт сговорились не расплачиваться с ними, а продать их всех в рабство в колониях, как только они зайдут в порт Кингстона.

Данные семена бунта упали на благодатную почву, так как моряки уже давно перешёптывались о том что было бы неплохо и самим что урвать, при погрузке сокровищ или как ещё… Но всё заполучить себе!

В данную минуту, слыша что их обманули в дележе и собираются ещё и рабами сделать, моряки буквально бесновались и хотели немедленно идти на штурм форта и в корткой резне, по типу абордажной, выпустить кишки стрелкам егерям сквайра и собственному капитану. Который, по их мнению — их предал.

— Там миллион фунтов! — вопил Джим перед людьми его слушавшими. — Трелони хочет более никогда не видеть берегов Англии и остаться на Ямайке плантатором, а вас — сделать своими белыми рабами!

Все неоднократно слышали частые высказывания сквайра, что он не желает возвращаться и предпочитает основать собственные плантации

где на Карибах и в провокации подростка матросы «Эспаньолы» верили без раздумий.

— Зачем нам, истым морякам — делиться с сухопутными крысами и их жирным господином, сквайром?! — кричал Джим, краем глаза замечая как с другой стороны, с кормового трапа, начали по одному появляться пираты освобождённые Сильвером и уже успевшие вооружиться. — Доктор хочет долю — мышьяку ему, а не дублоны! Смоллетт предатель и его следует повесить на рее!

Не успели матросы прокричать что в одобрение слов сказанных Джимом, как насмешливые медленные хлопки Сильвера заставили их всех резко обернуться и замереть от неожиданности: «Браво, браво… Ну точно — наш новый капитан.»

Схватки между моряками Смолетта и пиратами с «Моржа» удалось избежать благодаря стараниям Хокинса, который пояснил что им ещё следует вести судно обратно и посему моряки, в отличие от сухопутчиков — ещё пригодятся, а денег столь много, что хватит на всех!

— На всех?! — завопил в ярости Израэль Хэндс. — Клянусь, я сейчас отрежу нос и язык у этого проклятого мальчишки!

— Стой Израэль! — прикрикнул на него од-

ноногий Сильвер. — Хватит. Не дури! Он знает ориентиры Флинта, без них, ты и сам помнишь — мы ни черта не смогли сами найти! Это он помог заполучить ключ от ваших кандалов и главное, он говорит дело: нам всем хватит! Сейчас важнее разобраться с теми кто засел в форте, на вершине холма и имея у себя шхуну, уже без спешки, вести поиски наших схронов!

Не без опасения, две группы моряков, условные команды «капитана Хокинса и капитана Сильвера», стали приближаться друг к другу — и став двумя полукругами, возле грот мачты, начали держать совет.

Пиратов было чуть больше и они явно были понаглее людей Смоллетта, однако Сильвер их сдерживал, периодически прикрикивая на начинавших угрожать новым союзникам.

Матросы «Эспаньолы» молчали, но не забывали показывать знаками, что кортики висят и у них на поясах, так что сперва опасавший поножовщины Хокинс быстро понял что её уже удалось избежать.

— Карта! — говорил Сильвер всем стоявшим людям. — Карта у Трелони и её стоит заполучить — это раз! Форт затарен припасами и там много врагов — они станут нам мешать, если мы найдём

сокровища и решим их перенести на шхуну, это два и наконец — зачем нам свидетели?! Сейчас, пока у людей Трелони паника, после нашего с Джимом побега от них — начинаем атаку на форт и устроив им бойню, захватываем форт и карту сквайра, всё вместе!

— Окорок! — обратился Израэль Хэндс к Сильверу, чем сперва несказанно удивил Джима. Но подросток вскоре вспомнил что Сильвер был квартирмейстером и иногда коком, на «Морже» и для пиратов именно кличка Долговязого Джона, как «Окорока», стала наиболее привычной. — Окорок! Ты не забыл как мы оказались в цепях, в трюме? Там ведь тоже сперва был твой гениальный план — и что?! Половину ребят перещёлкали на палубе захваченной нами ранее шхуны, как котят! Ты предлагаешь нам снова идти на штурм укрепления — где засели подобные стрелки?! Ты совсем видимо сдурел после контузии…

Одноногий заскрипел зубами и со всей силы огрел говорившего, своим деревянным костылём, по спине. Тот упал на четвереньки, но сдержался и лишь быстро отполз к борту.

— Скотина! Заткнись! Если бы не ваши пьяные вахты в Кингстоне, мы бы спокойно уже заполучили свои монеты и пропивали их в кабаках

Лондона! Если бы вы меня послушались и не настаивали на самостоятельных поисках сокровищ, без карты — мы бы раньше Трелони обнаружили Джима и заполучили себе карту, без всякого шума, по тихому. Если бы не ваша глупость, в городском ночном бою, в тюрьме — нам бы не пришлось в такой спешке захватывать в порту Бристоля шхуну без припасов! Всё вы — всё спешите куда то! Наверное на тот свет опаздываете?! Заткнись! Смоллетт ранен выстрелом этого паренька. — Сильвер указал костылём на Джима и все уважительно стали шушукаться. — Я зарезал одного из егерей заточкой — сунул ему под ребро, где сердце!

— По нашему! — хохотнул старейший пират Флинта, седовласый Том Морган с лицом словно бы из огромного кирпича и остальные пираты одобрительно хмыкнули на его реплику.

— У них сейчас паника: нет Джима и меня, нет проводников по острову, а одной лишь карты им явно мало! — продолжал речь Сильвер. — Шлюпки в гавани мы затопили и к нам они скоро не доберутся. Сейчас сделаем так: Ты Израэль, как наш бывший канонир на «Морже», заряжаешь орудие и начнёшь стрелять ядрами по форту, ориентируясь на британский флаг на его крыше.

Пока они станут прятаться от такой бомбардировки внутри форта или вне его укрытия в лесу, мы успеем высадиться с горшками с порохом, сухим и сырым, и подойти как можно ближе к ограде укрепления…

— Зачем сырой порох? — удивился Джим.

— Хех… — покачал головой Сильвер недогадливости подростка. — Горшки сухого, как самодельная замена гранатам, что бы осколками и взрывами выкурить кого на площадке у форта, и в нём самом! Сырой — для задымления, что бы чёртовы егеря сквайра нас всех рядком не положили. Так вот: если кто из них будет прятаться от обстрела пушкой вне стен форта — мы его первыми, из кустов перестреляем, их прицельность хороша на открытой местности, а не в этой буйной тропической растительности. Потом готовим две группы и задымив максимально площадку перед фортом, накинем туда и самоделок «гранат», что бы немного пугнуть или ранить кого из них, а сами подбежим в относительной безопасности к самому срубу. Далее проще всего: залпы мушкетонов дробинами в бойницы — это будет что ужасное, когда через прорехи в стенах мы станем пускать мелочь внутрь дома! Потом пару горшков внутрь, с сухим порохом и

наконец, небольшой горшочек под двери, что бы скорее их вынести для штурма… Когда ворвёмся, моё мнение, там нас встретит не более пары раненных противников, остальных мы успеем уничтожить!

Все стали говорить что план неплох и Сильвер явно тянет своё капитанство. Потом занялись приготовлениями.

Израэль Хэндс командовал парой матросов «Эспаньолы» и уже через три минуты сделал первый выстрел в сторону флага на крыше форта.

Впрочем ядро не попало в здание и улетело куда в лес неподалёку, после чего там раздался стук и вслед ему отчётливый треск. Видимо какое из деревьев приняло на себя удар ядра выпущенного из вертлюжной пушки.

Сильвер начал готовить к бою горшки, осторожно набивая их порохом и вставляя самодельные фитили, а Джорж Мэри и О Браен, заряжали найденные на шхуне ружья и мушкетоны, и сговаривались как и в каком количестве их брать с собой на штурм.

В их спор вмешался одноногий капитан Сильвер и безапеляционно заявил: «Первые трое идут наблюдателями и стрелками — с одним мушкетом и парой пистолетов. Всё! Остальные тянут

весь запас на себе: горшки, бочонок с порохом, все мушкеты и мушкетоны. Если для перестрелки издали нам понадобятся наши ружья, то после задымления и нашего быстрого броска бегом к дому — лишь мушкетоны! На всякий случай возьмём с запасом и если наблюдатели что заметят — скинем на землю. Если дойдём тихо, незаметно — будет из чего обстреливать защитников форта.»

Подготовка заняла около четырёх часов, включая плотный обед и немного рому, «Для уверенности» — как объяснил Сильвер Джиму, когда спокойно покуривал свою трубочку и разглядывал дым, поднявшийся над фортом.

Одноногий пояснил что он было надеялся на пожар, от начавших попадать в цель ядер из вертлюжной пушки шхуны, но вспомнил что это не бомбы и особо, кроме запасов пороха в форте, они там поджечь ничего не могли: «А в случае попадание в кладь с пороховым запасом — там бы произошёл мощнейший взрыв! И мы сразу же победили! Нет, скорее они сами костёр жгут и готовят пищу, видимо мы их обстрелом не беспокоим и наши ядра скорее мажут мимо, чем куда точно ложатся.» — констатировал Сильвер, потягиваясь.

Наконец уселись в шлюпки, все, кроме Израэля Хэндса и пары его ассистентов у пушки, которым приказал Сильвер, ставшим негласным лидером новой команды, вести обстрел до тех пор, пока они не увидят сильного дыма от горшков с влажным порохом, тогда резко прекратить и ждать от него распоряжений вместе с гонцом на шлюпке.

Наблюдатели, высадившиеся первыми на острове, указали ватаге идущих на приступ форта моряков с «Эспаньолы» и пиратов Флинта, что путь к укреплению чист и можно заходить на тропу к форту безбоязненно.

Джим помогал нести бочонок с сухим порохом, для перезарядки ружей и мушкетонов. Сильвер вышагивал и прикрикивал на своих людей. Оставшиеся, уже не разбирая кто из них бывший пират, а кто матрос Смоллетта — несли на себе по паре мушкетов или мушкетонов, пистолеты, патронташи, кинжалы.

Все были вооруженны кортиками или топориками, у Джорджа Мэри был изогнутый восточный меч, такое оружие Хокинс видел у берберийских пиратских капитанов, в Средиземном море.

Не успели пираты собраться вместе в зарослях, примерно в ста футах от начала скальной площадки бывшей совершенно без растительно-

сти, на которой и располагался сам форт — как прозвучал выстрел откуда со второго уровня, смотровой башни сруба и пуля пробила вершину дерева близ них.

Вся штурмовая группа пиратов разом присела на одно колено и заозиралась, в поисках места куда бы они могли убежать, спасаясь от метких выстрелов из винтовок, егерей сквайра Трелони.

— Чего вам угодно? — прозвучал властный голос поминаемого сквайра и Сильвер, схватив за плечо Джима и силой выволакивая его вслед себе, направился к воротам форта.

Подросток тотчас понял, что самый умный и пожалуй опытный, из них всех, Долговязый Джон Сильвер — сомневается в окончательном успехе штурма и видимо хочет провести переговоры перед его началом. Это заставило и самого, прежде уверенного в скорой атаке, Хокинса, начать мандражировать.

— Переговоры, сэр! Я желаю вести переговоры! — с приятной, наивной улыбкой на лице, орал Сильвер, ковыляя на своей деревянной ноге к форту и тут же зашептал Джиму на ухо. — Необходимо их посильнее напугать и сговориться о карте! Я подумал что если мы сожжём форт, а такое вполне возможно в суматохе боя и забра-

сывания горшками с порохом, случится — что может пропасть карта и тогда все наши труды перед этим — пойдут прахом! Нам снова придётся искать схроны, лишь примерно ориентируясь на то, что тебе сообщил Флинт… Хотя убей не пойму — с какой такой стати он тебе что говорил?! Ладно… Потом обсудим. Лучше иметь карту и таких проводников, как мы с тобой — чем одну карту или лишь нас, в качестве поисковиков. Да и сейчас, наши шансы, имея «Эспаньолу», явно выше чем у тех кто заперся в форте. Провизия и вода у нас есть, оружие тоже. И главное: мы можем покинуть остров и пополнить наши запасы, а вот они — уже нет! Стоит вести переговоры с позиций сильной стороны и требовать себе карту!

По приказу сквайра Трелони было решено вести переговоры у ворот форта, не впуская никого внутрь.

Капитан Смоллетт, было рвавшийся на беседу как свидетель, был остановлен вежливым, но неуступчивым доктором Ливси, по просьбе сквайра Трелони, который видимо не собирался ни с кем делиться информацией о беседе с бежавшими от него Сильвером и Джимом, ведь их побег был полностью именно на его совести.

— Негодяи! — бушевал сквайр, подходя к во-

ротам и поднявшись на ящике, осматривая с высоты своего немалого роста и удобной тумбы, стоявших перед ним людей. — Какие негодяи! Один, старый прожжёный пират, второй — малолетний убийца, который совершенно спокойно кладёт трупы: его собственный отец, моряк Билли Бонс, а сейчас вот тоже — чуть меня, своего благодетеля и спасителя от петли, не прикончил! Скоты и негодяи!

Одноногий с нескрываемым уважением посмотрел на Джима и пихнув того ободрительно локтем в бок, начал говорить сам: «Ужас сэр! Но честное словно — у нас не было выбора! Правда! Вы так медленно вели поиски наших сокровищ, что мы решили с Джимом немного вам подсобить, а для этого нам необходима была свобода, без которой никак… Не стоит так шумно обижаться на нас, сэр!»

— Вы убили моего слугу и попытались прикончить и меня! Вы — подлые негодяи, самые большие обманщики коих я видел в своей жизни!

— А вы сквайр, — вмешался Джим в переговоры, с несколько детской обидой, — без нас постоянно обшаривали остров, я слышал об этом от Тома Редрута и подозреваю, что именно в

поисках клада, которым не собирались ни с кем делиться! Квиты!

После минутной общей паузы, Сильвер решил продолжить переговоры, ради которых он всё и начал: «Сэр! Прошу вас — будьте реалистом!»

— Что такое?! — возмутился Трелони, но жестом показал что слушает.

— Сэр, большая часть моряков «Эспаньолы» — уже с нами заодно и желают получить свою долю сокровищ, и поверьте мне, они хотят получить приличную долю, а не подачку!

— Хм… — лишь пробурчал недовольно сквайр, но видимо он и сам понимал что после побега Сильвера и невозможности его преследовать, должно было что то случиться и со шхуной, раз никто из остававшихся там матросов — не приволок связанными бежавших калеку и подростка. — Вы были на шхуне и именно после вашего появления там, они и начали нас бомбардировать?

Словно бы в подтверждении слов Трелони раздался выстрел из вертлюжной пушки на «Эспаньоле» и ядро, с небольшим свистом пронеслось с обратной от ворот где стояли переговорщики, стороны форта, врезалось куда в скальную породу, не причинив никому вреда.

— Идиоты! — начал ругаться Сильвер, но Джим ему напомнил о сигнале и одноногий пират проорал в кусты, где прятались его люди. — Порох! Задымите наконец порох! Пускай Израэль Хэндс прекратит обстрел, он не нужен!

Вскоре уже столб дыма поднимался из кустов и переговоры возобновились, без опаски увечий кому из принимавших в них участие, людей.

— Сэр! — продолжал с милейшей улыбкой Сильвер. — Мы, как вы сами видете — действительно смогли с Джимом добраться до «Эспаньолы» и освободить всех моих товарищей, запертых в трюме шхуны. Потом Хокинс объяснил команде судна, что её водят за нос и не желают с ними делиться огромными деньжищами, и моряки дружно присоединились к нам! Сейчас случилась интересная рокировка, как в шахматах: вы сидите с капитаном и доктором, со своими слугами — внутри форта, зато матросы корабля и мои ребята, находятся на шхуне! Не стоит ли нам провести переговоры о нейтралитете?

— Как это? — удивился сквайр.

— Вы нам отдаёте карту, а мы позволим вам сесть с нами на «Эспаньолу» и высадим где в колониях! Или оставим вам большую часть припасов и пороха, и клянёмся направить ближайшее

судно, к острову, что бы вас забрало поскорее!

— Ахахаха! — разразился наигранным смехом Трелони. — Поверить пирату? Негодяю и разбойнику?! Что вы можете без карты, Сильвер — ничего! Этот малолетний подлец дурачил нас и станет дурачить и вас! Все пометки зашифрованы на карте, я уверен в этом и скоро мы их сможем понять! Клад наш! Вы можете месяцами тут бродить и ничего не добьётесь… Хотя нет! Мои молодцы, из егерей, станут ежедневно и еженочно отстреливать вас, на шхуне и на острове, издали и вскоре вы попросту сбежите, поджав хвосты, или же перессоритесь: люди Смоллетта и ваши люди, Сильвер и тогда мы предложим честным, но обманутым вами, морякам, вернуться к нам — с прощением и небольшой долей сокровищ!

— Сэр, не держите нас за дураков… — устало протянул Сильвер и зевнул. — Этот вариант мы с самого начала учли, оценив возможности ваших стрелков ещё во время неудачного собственного абордажа «Эспаньолы»! Мы сильно впечатлились и атаковать в лоб, днём, без подготовки, укреплённый форт что сами и возводили — не станем! Но мы подготовились и вас ждёт неприятный сюрприз! Винтовки, спору нет, вещь великолепнейшая — но им необходима открытая

местность и немалое время для перезарядки. Мои люди, которых на глаз, в трое-четверо больше чем защитников форта, имеют шанс просто блокировать, небольшими засадами, все выходы из сруба и не дать вам возможность охотиться на местных коз. Вода есть внутри форта, но вот провизии, даже при экономии — может надолго не хватить, а прорываться на остров вам нет смысла: шхуна также под нашим контролем. Вот и думайте что лучше!

Сквайр надулся словно жаба и выпалил, видимо ранее заготовив речь: «Мы принимаем ваш вызов и готовы стоять насмерть, защищая данный форт под развевающимся британским флагом! Если кто из вас, негодяев и подлецов, ещё раз подойдёт к укреплению — мои егеря, на его втором уровне, откроют стрельбу и перебьют всех вас и ещё, Сильвер: я сговорился с моим семейным нотариусом, что если через пару месяцев от меня не будет вестей, он пошлёт за мной поисковую экспедицию с солдатами! Вы не сможете нас выбить скоро и припасов, минимум на месяц, нам точно хватит, а вот вам самим придётся уходить на охоту вглубь острова, чем мы и воспользуемся! Мы имеем не такие уж и плохие шансы, что бы вы о себе не думали: мы

в укрытии и с провиантом, внутри форта есть источник с пресной водой, у нас много оружия и пороха, и мои люди отменные бойцы, а главное — за нами вскоре отправится поисковая команда, с отрядом солат! Сильвер, вы всё же окажетесь в петле, как бы вам этого не хотелось. Сдавайтесь и возможно я сохраню вам жизнь и всё закончится лишь длительным заключением для вас и ваших людей, трижды негодяев и грешников!»

Одноногий квартирмейстер «Моржа» мрачнел с каждой фразой сквайра. Джим понял что Сильвер видимо несколько преувеличил, в своих прожектах, их собственные шансы и сейчас, слушая Трелони, он оценивал варианты и они были не в пользу штурмовой группы с «Эспаньолы».

Тем временем Трелони, видя что его слушают не перебивая, всё распалялся в своих речах и уже описывал, как вскоре они начнут полноценную партизанскую войну против пиратов на самом острове, как попытаются ночью захватить шхуну и как, если этого сразу не произойдёт — уже вскоре все на «Эспаньоле» начнут роптать, не найдя клада, что без карты сделать станет невозможным и требовать либо убраться прочь, как побитые собаки, либо пойти на последнюю отчаянную атаку, самоубийственный штурм форта.

— И тогда, — торжествовал сквайр, — тогда Сильвер — мы вас всех, отчаявшихся от своих неудач и прикончим! Прямо у этих брёвен, из которых состоит забор укрепления! Когда же придёт спасательное судно, то мы, если сами не сможем вернуть себе «Эспаньолу» и горстка из вас что останутся в живых, после наших действий по ночам, всё же скроется на ней — мы выроем сокровища Флинта и клянусь вам всем, что я снаряжу на эти деньги полноценную поисковую экспедицию против вас и заплачу такие деньги, за ваши пустые головы, что за вашей шайкой разбойников станут гоняться головорезы во всех водах мира! От Саванны до Манилы, от Архангельска до Ормузда! Сильвер — ваша песенка спета и вы во всём проиграли! Вы зря совершили убийство моего егеря и послушавшись этого юного подлеца, рискнули всем — вы преступник! При этом вы не можете завладеть столь вами желаемыми сокровищами, как и выбить нас из форта, а главное: вскоре вам придётся бежать прочь, надеясь что удастся найти какую дыру, где вас никто не опознает и не станет искать, что бы отделив голову от тела, приподнести её мне, в качесте подтверждения для получения назначенной огромной награды!

Сильвер покачал головой и спокойно сплюнув на песок у ворот, тихо произнёс ответ, на филиппику сквайра: «Я всё понял — вы хотите загнать нас в угол? Вы правы, у вас действительно есть неплохие шансы выиграть и добиться своего, но… Вы несколько торопите события, сэр! Мы, те кто пиратствовал в составе команды капитана Флинта, имеем немалый опыт партизанских действий против колониальных армий, как и противодействия ему, в отличие от ваших егерей! Может они и хорошие стрелки, на партизанить в густых кустах тропиков — проще с индейскими луками и дротиками, короткими ножами и кортиками, которыми в ночи тихо уничтожать врагов, снимая их посты и накатывая молчаливыми волнами на укрепления, чьих часовых вы только что прирезали в полной тишине. Шумный огнестрел для паризанской войны — так себе оружие: много шума для внезапной атаки, дым, по которому место бойца легко можно определить — нет! Партизанить нужно как это делают краснокожие, тихо и почти незаметно, в лесу… Вы зря нас недооцениваете, сквайр. Второе: ваш корабль спасения прибудет через несколько недель и я уже говорил, что вы попросту возможно не сможете покинуть само своё укрепление и станете

подыхать от голода, а голодных людей, что еле таскают даже кортики, можно хватать пачками: я видел как наших ребят на островах, когда они надолго лишались провизии и воды, и превращались в доходяг — испанцы и португальцы вязали как малых детей или протыкали пиками, без малейшего сопротивления с их стороны, прямо на земле, лежащими. Мы — привыкшие к голоду, ибо это частый спутник рейдов Джентельменов Удачи, но как себя проявят ваши исполнительные солдатики егеря, это одному Богу известно… Форт деревянный и нет никакой гарантии что ночью он не запылает, а тогда, в панике схатки в темени — всё может случится! Повторюсь: отдайте нам карту и мы готовы дать вам места на «Эспаньоле», а иначе мы вас уничтожим, тем или иным способом!»

— Прочь!!! — буквально заорал сквайр Трелони, отскакивая от ворот. Его явно злило что враги не испугались и столь вычурная и логичная тирада с его стороны, так и не заставила их признать поражение. — Убирайтесь скоты! Я прикажу своим слугам стрелять в вас, если вы немедленно не уйдёте куда прочь!!!

Сильвер развернулся и знаком показал Джиму что бы тот следовал за ним. Когда пара перего-

ворщиков подошла наконец, к отошедшим на ещё полсотни футов от прежнего места, пиратам, которые не хотели оставаться возле дымящего горшка с сырым порохом из за постоянно меняющегося ветра и сильной задымленности того места, Сильвер спокойно объявил всем: «Там дебилы! Готовим всё к штурму. Ждём когда ветер начнёт дуть в их сторону и зажигаем все горшки «дымовухи». Пока отходим далее в лес и поочерёдно ведём наблюдение, что бы они на нас внезапно не напали. Когда ветер станет что нам необходим или, если так случится, перед тем как сядет солнце, в обоих этих случаях — зажигаем все наши «дымовухи» и под прикрытием их завесы врываемся внутрь за забор. Первые бегут что есть мочи к бойницам и далее уже сами смотрят, что лучше: закидывать горшки с порохом внутрь сруба или вначале дать залп из мушкетонов и пистолетов. Те, кто станут сзади — начнут бросать «дымовухи» внутрь двора, при форте, что бы егерям сквайра было сложнее вести по нам прицельную стрельбу. И ещё: когда пойдём на приступ, пускай четверо из нас, с парой ружей у каждого, именно ружей, это важно — начнут вести регулярный обстрел второго уровня форта. Если там останутся егеря, обстреливать нас с

возвышения — следует хотя бы их припугнуть залпами из ружей, что бы они не слишком часто нас беспокоили, пока доберёмся до стен сруба и сможем закидывать его обитателей нашими самодельными гранатами и вести обстрел, через амбразуры, из мушкетонов заряженных крупной дробиной!»

Все, включая и самого Хокинса, признали разумность приказов одноногого Джона Сильвера и спокойно распределились на команды: кто готовил пищу, пока было время для очередной «жрачки», кто на холстине набивал всё новые, небольшие, горшки порохом и распределял где будут «рывки», а где «дымовухи», что бы в спешке сражения не спутать.

Была отправлена команда с ружьями, для наблюдения и охраны пиратов, а оставшиеся свободными, начали проверять свои мушкетоны и пистолеты, и вытаскивая топорики и кортики из ножен или широких поясов, смотрели насколько легко и удобно те извлекаются, в случае начала рукопашной схватки.

Через полчаса пираты пообедали во второй раз и принялись поочерёдно отсыпаться, ожидая удобного, для приступа деревянного форта, ветра.

Где то часа за три до заката, когда жара стала практически нестерпимой и лишь укрытие из растений спасало, хоть немного, от лучей Солнца, хотя было влажно и нестерпимо душно, внезапно поднялся лёгкий ветерок и начал вести столб тонкого сейчас дыма из горшка с влажным порохом, наискось к форту.

Наблюдатели тут же сообщили об этом Сильверу, что хоть и отдыхал как все на земле, прислонившись спиной к какому дереву, но тут же вскочил на ногу, с помощью лысого ирландца О Брайена и скомандовал своим людям: «Ребята — пора! Сейчас мы сделаем отбивную из этих знатных свиней, как уже не раз у нас получалось в этих благословенных водах!»

Снова, когда все собрались возле одноногого командира, Сильвер объяснил им порядок выдвижения и потребовал чёткого исполнения приказов, а не «как обычно — что кому взбредёт!».

Стрелки с ружьями отправились к кустам, что располагались ближе всего к площадке возле форта, что бы стрельбой из своего оружия удерживать от прицельного огня по пиратам егерей, на втором уровне сруба.

Далее, должны были начать зажигать всё но-

вые пороховые «дымовухи» оставшиеся пираты и закидывать ими территорию площадки перед срубом.

Когда Сильвер посчитает что уже достаточно задымлено и можно относительно безопасно преодолевать такое препятствие как бревенчатый забор — все, кроме стрелков из ружей что стерегут появление егерей на втором уровне сруба, бросаются в атаку и перебравшись во внутренний двор форта — сломя голову несутся к стенам сруба, что бы начать забрасывать его через бойницы горшками с порохом или обстреливать из мушкетонов внутренние покои.

Когда было подожжено и брошено полтора десятка горшков с сырым порохом, и подошедший к Сильверу Джорж Мэри сообщил, что там сейчас такая непроглядная муть, что сами пираты себе руки ноги переломают, пока сообразят в спешке где же именно находится форт — одноногий приказал прекратить зажигать всё новые «дымовухи» и начать выдвижение: сперва молча, и лишь после того как окажутся внутри, во дворе — можно начать кричать и запугивать врага, но не ранее сего момента!

Первые сложности у пиратов начались ещё когда они подходили к бревенчатому забору у

форта: ветер сильно прижимал дым к земле и он оказался стелющимся, что мешало видеть свои цели спрятавшимся стрелкам пиратов с мушкетами, которые должны были отпугивать егерей сквайра наблюдавшими за лесом и дать пиратам фору в несколько минут — дабы перебраться внутрь двора и начать бег к амбразурам дома.

Пока пираты шли в дыму, путаясь в ногах друг друга и толкаясь с руганью — прозвучала пара выстрелов со второго уровня сруба и один из атакующих форт морских разбойников, схватился, с коротким криком, за руку, а второй, огромный брюхатый здоровяк из пиратов Сильвера, имени которого Джим даже и не знал — перегнувшись вдвое, тут же, мгновенно уткнулся лбом в скалу и немного побившись в конвульсиях так и затих, прижимая скрюченные руки и ноги к своему огромному чреву.

— Идиоты! — заорал одноногий Джон своим стрелкам с ружьями что караулили егерей. — Какого дьявола вы не стреляете по снайперам сквайра, на вершине форта?! Что с вами, увальни!

— Мы их не видим! Проклятый дым понизу стелется и ничерта не видно! Глаза нам застилает и… — ответили Сильверу из зарослей.

— Тогда к чёрту вашу позицию и выскочив где удобней — начинайте срочно палить по второму уровню, пока нас всех, как перепелов, не перестреляли!!! — скомандовал Сильвер стрелкам в засаде и потребовал от остальных пиратов, было готовившихся отступать вновь под защиту деревьев. — Стоять! Вперёд!! Там добыча!!!

— Да!!! — завопили в ответ своему лидеру штурмовики и все дружно бросились к брёвнам забора, благо до них оставалось не более пятидесяти футов.

Вновь раздались выстрелы, трижды, и пара пиратов с отчаянными криками повалилась на землю, но остальные их товарищи уже неслись не останавливаясь и вскоре оказались близ забора из брёвен.

Как только из кустов, где располагались стрелки морских разбойников, с ружьями, начали производить нестройные залпы в сторону егерей сквайра на верхних уровнях форта, Сильвер и ещё пару человек забросили несколько «дымовух» уже внутрь самого двора у сруба.

Потом они же зажгли горшки с сухим порохом и обмотав их тряпицами, что бы не разбились при падении раньше взрыва, как пояснил Джиму старый пират Том Морган, кинули ещё порядка

полутора десятков «рывков» с зажжёнными фитилями, вслед дымовым горшкам.

Раздались оглушительные взрывы и песок и камни короткими яростными волнами ударили по брёвнам забора, словно кто метал огромный бисер, целясь в стволы деревьев.

— Атакуем, ребята! — проорал Сильвер своей ватаге. — Пока наши их обстреливают из мушкетов и отвлекают на себя внимание, пока дым во дворе и наши гранаты их немного напугали, заставив отойти от бойниц что бы не получить ранение головы осколками или рикошет камнем — у нас есть время! Вперёд Джентельмены Удачи!

Пираты, по подсчёту Джима не менее четырнадцати человек, с воем и криками, площадной бранью и громким свистом — запрыгнули на забор и дружно стали перебираться во двор при форте.

Из за дыма влажного пороха и недавно взорванных горшков с сухим порохом — видимость была что называется «урывочной», не далее трёх-пяти футов перед собой и посему как и ранее, пираты стали сталкиваться друг с другом или падать на землю, попав ногой в ямки или ударившись о брошенные во дворе брёвна, часть из которых

сейчас подпирала ворота.

— Вы, двое! — обратился Сильвер к морякам с «Эспаньолы», сейчас атакующим вместе с его пиратами, форт. — Уберите брёвна, что бы наши могли затащить сюда бочонок с порохом, может придётся минировать стену форта или угрожать их взорвать ко всем чертям! Живо!

Сразу же после данного приказа одноногого главное и началось: раздалась невероятная по частоте и грохоту трескотня, словно бы беспрерывная пальба из всех бойниц форта и хотя большая часть выстрелов была потрачена на выпускание пуль в брёвна многострадального забора, всё же пятеро атакующих в секунду упали на землю — заполучив в свои тела пули из пистолетов или ружей, огромный запас которых находился внутри форта.

Сильвер, рассчитывая свой план атаки, совершенно забыл что на «Эспаньоле», кроме оружия взятого из Англии сквайром Трелони — ещё был и запас захваченного на «Чёрной Каракатице» и их самих, пиратов, ружей.

Трелони, считая что винтовки слишком дороги что бы их постоянно использовать, например для охоты, забрал множество трофейных ружей и пистолетов в форт из запасов шхуны, выбрав

лучшие из них, дабы именно этим оружием вести повседневную охоту и лишь для отражения нападения, использовать дорогие винтовки.

Переговоры с Сильвером помогли защитникам форта зарядить все имеющиеся у них многочисленные стволы и сейчас они стреляли из них в плотный дым площадки перед домом где сами находились, лишь иногда урывками видя тех — в кого палили. Залпы делались с близкого расстояния, но по площадям…

Количество выстрелов было огромно, ибо палили обороняющиеся из трёх дюжин пистолетов и тридцати пяти ружей и винтовок, а посему часть выпущенных людьми Трелони пуль, несмотря на сильное задымление территории дворика у форта, от влажного пороха или недавно взорванных пиратами самодельных гранат — всё же попала в нестройные ряды нападавших пиратов.

Защитники форта не ожидали что пираты так ловко и быстро смогут задымить открытое пространство без единого куста, перед основной дорогой в форт, которое они планировали без труда держать под прицелом егерей с винтовками и на ночь, выставляя двойные посты, готовились отражать возможную атаку пиратов именно ночью, когда у разбойников будет меньше шансов

попасть под обстрел из винтовок людей сквайра, чем при дневном свете.

Однако Трелони не учёл что и пираты, знатоки штурмов и абордажей, прекрасно понимали что им придётся в полумраке перелазить через забор и атаковать укрепление: если будет яркая луна, то из дома их будет отлично видно, если же не будет луны, из за облаков — самим пиратам сложно станет добраться до врагов и провести полноценный штурм. Даже высадив каким образом двери и ворвавшись внутрь дома, они в темноте станут палить куда зря и даться в рукопашной схватке как слепые щенки.

Атака, почти под вечер, застала защитников форта врасплох: задымление, стрельба по егерям на втором уровне и их быстрое отступление на первый этаж. Потом громкие хлопки взрывов во дворе, что так всех напугали.

От гранат пиратов правда никто сильно не пострадал, всего пара человек, включая и доктора Ливси — получили песком в глаза и вынуждены были, отскочив вглубь дома, срочно начать их промывать водой из фляг.

Не зная что предпринять и где ожидать следующего шага неприятеля, сквайр услышал нарастающие крики и свист, и быстро поняв что

противник под прикрытием дыма уже перебрался через забор и бежит к дому, Трелони завопил: «Стволы! Все хватайте ружья и пистолеты и стреляйте из бойниц, пока они нам в дом не стали забрасывать гранаты, скорее! Егеря — вначале залп из обычного оружия и лишь по моей команде, из винтовок! Вперёд!»

Как требовал сквайр так и поступили: люди внутри здания стреляли в дым и кутерьму на площадке перед своим убежищем, не видя точно цели и скорее давая залп за залпом по площадям, чем точно выбирая себе жертву.

Обилие оружия помогло защитникам форта и пятеро пиратов всё же получили пули и вышли из возможного продолжения схватки.

— Скорее! — орал Сильвер паре моряков, что возились с брёвнами блокировавшими ворота. — Дайте нам бочонок с порохом и мы рванём этих скотов, как форт на Санта-Анне, когда местные паршивые идальго не захотели выдать нам полсотни свиней! Пошевеливайтесь!

Джим, глядя на то как пираты, вместо того что бы бежать к форту, сейчас залегли кто где, надеясь что в дыму их не будет видно, быстро понял что они не ожидали столь мощного ответа ружейным огнём из укрепления, видимо надеясь

что гранаты шокируют и оглушат защитников и штурмующие сумеют, быстро подобравшись к бойницам, забросать дом новыми «рывками».

Сейчас пираты прятались и громко переругивались, обвиняли Сильвера во всех грехах или просто стонали.

Похоже было на то, что кроме пятерых убитых наповал, ещё столько же получили ранения разной степени тяжести и теперь от того отряда, что готовился совсем недавно атаковать и захватить внезапным нападением форт, оставалось здоровыми не более четверти прежнего состава.

— Теперь понятно отчего пираты, при всей своей отчаянной смелости — так редко постоянно успешны. — думал про себя Хокинс, подползая ближе к Сильверу. Одноногий решил помочь людям у ворот и сейчас ковылял, почти в полный свой немалый рост, что бы сбить последнее бревно. — Отвага есть, даже некое отчаяние в бою — но вот с мозгами им явно не повезло… Такие лихие атаки и так странно проводятся! Дикость!

Подросток вслед за Сильвером выскочил через наконец отпертые воротца из двора при форте и помчался по открытой площадке к зарослям.

Он планировал помочь донести бочонок с порохом, а потом принять участие в полноценном

штурме форта, как ранее, на «Саффолке» — дрался с пиратами или воевал против них на острове, где пытал разодетого пирата с «Тюленя».

Именно сейчас показались пиратские стрелки из ружей, что прикрывали атаку на форт своими залпами, они то и тащили все вместе тяжёлый бочонок с порохом.

— К нам, к воротам! — вопил Сильвер размахивая костылём.

В этот самый момент раздались новые выстрелы из помещения сруба и пара моряков, что держали отворёнными ворота, свалилась замертво.

Защитники форта увидели сквозь рассеивающийся дым, именно благодаря отворённым воротам дым возле них быстрее всего разгонялся ветром с моря — что пираты стоят удерживая створки ворот и пара егерей сквайра тут же пристрелила незадачливых моряков с «Эспаньолы».

Трелони немедля приказал взобраться вновь егерям на верхнюю площадку и осмотреть кто из пиратов где находится.

Завидев «несунов» с бочкой — один из егерей произвёл выстрел и убил одного из четвёрки носильщиков.

Пираты просто поставили тяжёлую бочку на

землю и не отходя от неё, начали хвататься за свои мушкеты, что успели перезарядить что бы дать ответный залп по верхнему уровню форта и опять загнать снайперов на первый этаж.

— Стойте дураки! — орал как умалишённый им Сильвер. — Стойте! Что вы делаете?! Хватайте порох и бегом ко мне, потом эти пострелушки, пот-о-о…

Его крик потонул в невероятном по силе взрыве, что разорвал в клочья троих пиратов возле бочки с порохом, которые должны были её занести своим товарищам для подрыва форта и бросил на землю, несколько раз перевернув при этом, Джима Хокинса и самого одноногого Сильвера.

Второй из егерей, что оказался на верхнем уровне, решив повторить успех друга также стрелял в одного из пиратов у бочки, но промахнулся и пуля из винтовки попала в саму деревянную тару для переноски взрывпорошка.

Взрыв настолько шокировал пиратов и наоборот, приободрил защитников форта — что если первые бросились бежать в паническое отступление кто как мог: кто лез через забор, иные пробегали сквозь ворота оставленные открытыми и лишь благодаря этому не сорванные

с петель взрывом пороховой бочки, то егеря и сквайр выскочили во двор из своего укрытия и стали по ним стрелять из всего оружия что было у них в руках.

Пара пиратов свалилась замертво, остальные с перепугу стреляли из мушкетонов себе за спину и бросали не глядя горшки с порохом, с незажжёнными фитилями.

Залпы крупной дробью ранили одного и одного убили, из числа слуг Трелони, а горшки с порохом, упавшие на песок, настолько напугали всех выскочивших для преследования пиратов егерей и самих доктора Ливси и Трелони, что все они опрометью бросились обратно в дом, под защиту его толстобрёвенных стен.

У Джима началась тихая истерика. Он никак не ожидал взрыва бочки с порохом и такого кровавого, по потерям, штурма пиратами форта.

План Сильвера ему казался вполне реализуемым и подросток уже вскоре надеялся пытать Трелони и Ливси, требуя у них пояснений по карте, но всё пошло не так как он ожидал…

— Щусёнок! — прошипел кто то сзади него и Джим отпрянув, после того как лишь секунду назад поднялся с земли, увидел грязное, с прилипшей к нему травой, лицо одноногого квар-

тирмейстера с «Моржа», — тварь малолетняя! Всё! Именно ты подорвал наше судно и лишил меня моей заслуженной доли в добыче! Ты и никто иной — виновен в моём увечье! Из за тебя я убил егеря сквайра, который мне ничего плохого не сделал… Впрочем как и хорошего — всё ты! И сейчас ты подставил нас под этот идиотский штурм и я уверен, что вы с сквайром специально всё так разыграли, как по нотам: что бы в бою перебить как можно больше свидетелей! Так ведь?!

Видимо Сильвера контузило взрывом и сейчас он в состоянии эмоционального возбуждения выговаривал Джиму всё что у него накопилось.

Однако Хокинс не стал ждать возвращения на «Эспаньолу», которое могло закончиться для него чем угодно, включая пытками от бывших сотоварищей пиратов и махом достав свой кортик — нанёс им короткий колющий удар в левую руку одноногого кока шхуны и нынешнего капитана пиратов, по совместительству.

Сильвер, охнув, завалился на деревянную «ногу», после чего Хокинс уже не слушая его проклятий или воплей убегающих прочь подальше, от места их бойни, оставшихся в живых немногочисленнх пиратов — сам бросился, не разбирая дороги, через кусты в лес.

Подросток хотел лишь схоронившись где спрятаться, что бы его не нашли: ни люди скайра ни пираты Сильвера и подумать как ему поступить далее, в новых условиях, когда обе группировки пожалуй его убьют, если схватят.

Глава четырнадцатая: «Трижды несчастный Бен Ган»

Джим несся куда вперёд, сквозь густую, но низкую растительность острова, в направлении чащи округлого крохотного леска, что служил главным ориентиром на острове для всех.

Испуг у подростка быстро улетучился и настало время гнева, просто таки ярости: всё время, после убийства Билли Бонса в семейном заведении «Адмирале Бенбоу» — Хокинс вёл себя иначе чем привык на «Саффолке» или первые месяцы после побега с него: старался казаться сквайру и доктору этаким запутавшимся мальчиком, почти что ребёнком, что лишь волею случая пошёл по неверной тропинке в жизни.

Джим демонстративно не носил при себе оружия, что бы не дать повода доктору Ливси шутить о том, как он ловко орудует кортиком или кинжалом и не напоминать о поножовщине с пиратами Флинта в «Адмирале». Особо старался не участвовать в схватках, скорее прятался за спинами старших товарищей, что было ему всегда на руку.

К подростку на корабле вскоре все привыкли именно как к юнге и хотя Трелони, пока надеялся с его помощью добраться до сокровищ всячески ему льстил, но самого Хокинса, подобное обращение «волка в овечьей шкуре», по отношению к нему — не обманывало и подросток решил играть собственную игру: в которой он, внезапно для всех, лихо вытащив кортик из ножен — сможет быстро объяснить любому, кто решит его обмануть или убить, чем занимался во время абордажных схваток, служа «пороховой обезьяной» на большом военном корабле Англии!

Треволнения сегдняшнего дня вывели Джима из себя и сейчас, убегая куда подальше от всех: как пиратов, захвативших его усилиями «Эспаньолу», так и людей сквайра Трелони — Хокинс думал лишь о спасении жизни и о том, как ему выбраться с этого распроклятого острова. Сокровища и их получение уже казались ему далёким миражом.

Утром — очередное вождение за нос сквайра и истерика последнего, с угрозами расправы, причём позорной, с жутчайшими пытками над юнгой.

Потом утренний сговор с Сильвером, убийство одноногим пиратом молодого егеря сквайра

и стрельба из егерской винтовки Джимом по самому Трелони, в надежде избавиться, одним удачным действием, от лидера врагов.

Вместо этого ранение Смоллетта и теперь, понимая что сквайр не забудет покушения на него, а капитан «Эспаньолы» не простит своего тяжёлого ранения — договариваться с данной группой «островитян» Джиму было просто не через кого. Доктора Ливси не станут и слушать, предложи он вернуть подростка…

В обед: захват судна и сбор штурмовой команды для овладения фортом на холме. Странные переговоры, в которых сквайр настолько много привёл новых доводов, прежде неизвестных Джиму, что Хокинс сомневался что сможет просто прятаться где на острове и стать здесь «дикарём», дождавшись отплытия шхуны: если егеря начнут розыски подростка, а у юнги с собой сейчас было лишь холодное оружие, тогда придётся отказаться от костров — что бы дымом днём и огнём ночью, не указать им на свой след.

Фруктов и орехов на острове было мало и именно козы, точнее их молоко и мясо — служили основными запасами «местной» провизии.

Но охотиться без ружья дело муторное, а жрать сырое мясо… Бррр! — подростка до дрожи обуяло

отвращение к подобной, возможной уже совсем скоро, его собственной трапезе.

Вечер: Пиратский штурм, яростный и глупейший — привёл к гибели большинства пиратов из обеих команд, «Моржа» и «Эспаньолы» — и схватка с Сильвером, который видимо показал своё настоящее лицо, своей истерикой указав Джиму на то что не забыл все грешки подростка и намеревается выставить ему полнейший счёт за них, как только предоставится возможность.

Ситуация выглядела совсем безнадёжно — и в деревянном форте на вершине и на шхуне, в удобной гавани — везде были нынешние враги Хокинса и каждая из групп могла начать на него охоту, ради пыточного допроса что бы узнать о сокровищах и последующей позорной казни за предательство.

Единственным выходом казался вариант попытаться спрятаться в пещерах на острове и как можно дольше перебиваться яйцами птиц и рыболовлей, дождавшись отплытия «Эспаньолы».

Но и здесь, в виду отсутствия огнестрельного оружия и ненависти к Джиму врагов, это могло стать отсроченным приглашением на казнь, не более того. Если уплывут пираты — на острове, в форте, останутся люди Трелони. Если сквайр и его

егеря захватят «Эспаньолу» и перебьют пиратов на ней, что было вполне вероятно — зачем им уплывать? Проще продолжить поиски: сокровищ и Джима…

Под сенью огромных сосен, что и составляли небольшой бор видимый издалека, со всех сторон острова — подросток остановился и оглядевшись что никого нет кто бы его преследовал и на открытой территории он сам, стал думать как ему поступить далее.

Он снова решил стать тем Джимом Хокинсом — кого боялись все в кубрике юнг на «Саффолке». Тем, кто мог камнем бить кисти рук разодетому пирату с «Тюленя», кто зарезал бутылочной розочкой капитана Флинта и спровоцировал его людей на самоубийственную бойню, кто сдал пиратов с быстроходного шлюпа в Сеуте местным властям…

— Есть кортик и нож… — думал про себя Джим, — но нет пороха и ружья! Сложно! Может забраться ночью на борт «Эспаньолы» и обзавестись там всем необходимым?

Данный внезапный вариант действий его обнадёжил и решив про себя, что пираты, после своего поражения при штурме форта — напьются из запасов виски на шхуне и не станут, как и ра-

нее на «Морже», исправно дежурить свою вахту — Джим хмыкнул себе под нос и решил направиться к небольшому выступу скалы, с которого немного понаблюдать, в закатном свете Солнца, что происходит на корабле и заодно примерно прикинуть как бы ему незаметно до судна доплыть и тихо подняться на борт.

Хрустнула сухая ветка в кустах чуть левее подростка и когда Джим быстро, хотя и без опаски, обернулся — в то что подкрадывается кто из людей сквайра Трелони или пиратов Сильвера он не верил, так как те обычно шагали так, что даже когда крались, их шаги хорошо были Джиму слышны издали, а посему Хокинс ожидал скорее увидеть какое небольшое животное, вроде той же водной крысы.

Однако вслед странной шкуре в кустах показалась и морда… Да нет же — Лицо! Лицо человека!

Заросшего тёмно каштановой бородой, с всклокоченными и при этом слепившимися комками, волосами до самых плечь, грязным сероватым лицом и скалящим светло коричневые зубы на Хокинса, словно бы дикое животное.

Не успел подросток вскочить на ноги от такой неожиданной встречи с незнакомцем, которого

он, Джим готов был поклясться всем чем угодно — никогда ранее не видывал: ни среди слуг сквайра, ни среди моряков «Эспаньолы» — как странный человек, одетый сплошь в козьи шкуры и носящий на ногах мокасины вместо сапог, мехом наружу — тут же с рычанием бросился на него и повалил вновь на землю.

С минуту они яростно пыхтя боролись. При этом Джим скорее опасался, что ежесекундно клацающий зубами странный человек ему откусит нос, ухо или пальцы, ибо тот предпринял несколько попыток к этому — но через эту долгую минуту Хокинс явно начал одолевать своего врага.

«Дикарь», как про себя назвал Джим странного противника, был на полголовы ниже подростка и чуть ни на треть — уже его в плечах.

Если при первоначальной атаке, благодаря внезапности её проведения и эффектному появлению почти бесшумно, видимо благодаря умению индейцев и мокасинам на ногах, «Дикарь» и получил преимущество, то в схватке на земле уже вскоре его полностью растерял.

Хокинс смог наконец выкрутить ему до хруста кисть руки и повалить в бок от себя, после чего поднялся наконец на ноги, поставив своего поверженного, необычного врага, на колени и

уткнув его лбом в ближайший камень.

— Ты кто? Англичанин? Откуда ты здесь? — негромко начал допрос Джим. Он вспомнил как пытал, ради схрона с добычей, пирата с «Тюленя» и заозирался в поисках какого камня, что бы и «Дикарю» раздробить кисти рук, а также пальцы и заставить того сообщить хоть какие сведения, даже если это окажется высаженный на острове и одичавший испанец или француз.

— Бен не боится Флинта! — внезапно слишком громко прокричал, визгливо и резко, на несколько ломанном языке пленник подростка. — Флинт мёрт!

Хокинс дал ему пару пинков ногой в рёбра и потребовал не орать. Подросток боялся что на странные звуки могут появиться егеря Трелони и тогда придётся от них сбегать методом Сильвера, просто прыгая в воду прямо со скалы. И никаких гарантий что в данном месте глубина это позволяла сделать. Подыхать от пули стрелков сквайра или кончаться после переломов на камнях у острова, подросток не желал.

— Бен дурак, Бен тупая скотина что всех подвёл? — скулил скрученный Джимом странный человек в козьих шкурах, одетых на голое тело. — Нет! Бен умница и всех перехитрил! Флинт мёртв

и Бен в своём праве! Так вот!

Джим стал припоминать рассказы Билли Бонса и Сильвера о том, что сперва команда «Моржа» попыталась сама найти сокровища на острове, но потеряв зря время и истратив скудные припасы — оставила на нём главного инициатора подобных поисков.

Видимо «Бен» и был тем самым активным сторонником нахождения сокровищ без всяких карт, методом тщательного осмотра свежих ям и прочему, что могло навести на след немалого схрона монет и драгоценностей.

— А Сильвер или Билли Бонс? — насмешливо спросил Джим без задней мысли, ему просто было забавно наблюдать за реакцией своего пленника на им обоим знакомые имена пиратов из команды капитана Флинта. После всех волнений сегодняшнего дня это было отличным способом немного сбросить тяжесть от мрачных дум и отвлечься.

— А… А! — снова завопил Бен и тут же получил очередной пинок в бок от Хокинса. — Бен что? — Бен ничего! Бен поддерживает штурмана и квартирмейстера и признаёт что они были правы, когда высадили Бена здесь, что бы он сам искал клад… Бен его и искал! Бен не против

воссоединиться с командой! Бен всё понял и хочет попросить прощения! Бен не хочет быть съеденным каннибалами и готов всё отдать, что имеет, старым братишкам, Джентельменам Удачи! Честно!

После минутных раздумий, когда наконец Джим осознал что именно ему говорит пленник, подросток связал заросшему, грязному, довольно сильно попахивающему нечистотами мужчине руки, его собственной курткой, точнее жилетом из козьих шкур и поставив его перед собой на ноги — потребовал объяснить что тот только что сказал.

Выяснилось, что Бен» Дикарь» прятался всё это время от людей, прибывших на корабле, так как до них на остров регулярно приплывали на пирогах и каноэ индейцы или кто на них похожие, и совершали ритуальные убийства и поедания жертв!

Несколько раз они пытались догнать и самого Бена, но тому удавалось скрываться в каких им вырытых малозаметных норах и посему чаша сия, послужить желудкам проглотов туземцев, его пока оминула.

Сейчас Бен видит знакомых ему белых людей, в «нормальной» одежде и с оружием, что он ранее

и сам носил, и просит забрать его с собой куда прочь с этого острова.

Джим понял что Бен видимо сперва решил что прибыли люди Флинта и побоялся выходить на встречу со сквайром, когда тот носился по острову с картой, надеясь лично обнаружить сокровища или потом, когда уже снаряжалась поисковая экспедиция с Джимом во главе.

Возможно, то что по острову ковылял одноногий Сильвер, которого Бен отлично знал и заставило «Дикаря» так долго не проявлять себя и где прятаться в норах, и лишь странная схватка с подростком вынудила Бена начать канючить себе сохранение жизни и готовность служить новым, прибывшим на остров, людям, если они спасут его от дикарей людоедов, настоящих или вымышленных грёзами одинокого человека, что также было вопросом.

Внезапно Бен рассмеялся и подмигивая и хихикая глуповато, стал предлагать Джиму помощь в поисках сокровищ: «Без Бена их не найти!»

— Ага! — рассмеялся искренне, прямо в лицо пленнику, Джим. — Я сам такой! Тоже думал что разберусь в закорючках Флинта, но никак! Меня за это Сквайр чуть не повесил, сегодня же утром!

— Нет нет… — продолжать гнуть свою линию

Бен. — без меня ничего не найти! Я был прав, в отличие от Сильвера и Билли Бонса, но они, взяв мало провизии и воды на этот остров, испортили все поиски и ещё потом обиделись на меня! Но я готов к примирению! Бен к нему готов!

— Точно! У нас ещё и Сильвер есть, тоже знаток острова! — продолжал вовсю немного нервически веселиться Хокинс. — Сейчас они со сквайром по разные стороны, но если объединить карту Трелони и знания Сильвера — тогда что то да получится!

— Да нет же! — разозлился внезапно Бен» Дикарь», так же как ранее порывисто начинал смеяться или угрожать подростку. — Нет! Без Бена уже ничего не найти! Всё! Старое место пропало, а новое, куда Бен самолично спрятал, знает лишь он сам! Верните Бену людей, дом, дайте круг сыра со слезой и тогда он поделится своим обретённым богатством, ему много не надо!

Несколько секунд Джим смотрел на пленника что то просчитывая, потом осторожно поинтересовался: «Карта уже негодна к поиску? Бен сам нашёл сокровища и перенёс их на новое место?»

— Да, точно! — по детски засмеялся «Дикарь», но как то очень тихо и чуть не икая, как глубокий старик. — Бен оказался прав и смог найти по ма-

лым признакам, всё что нужно ему было: сундуки с монетами, камешки на брюликах, слитки! Пушки Бен не искал — они ему не нужны! Надоели…

Тут же последовал резкий удар кулаком в живот Бену и Джим, словно бы обезумев, начал его душить: «Говори обезьяна! Говори! На ремни резать буду, душу выну! Говори где монеты!!!»

Хокинс избивал несчастного, упавшего на землю человека, с добрые пол минуты — но так и не добился от него ничего внятного.

Было очевидным что Бен смог оборудовать несколько новых тайников и теперь, к проблемам поисков по карте, прибавилась и трудность получения сведений от одичавшего человека.

Подросток однако быстро понял что Бен просто так не собирается ему ничего рассказывать и всё что то своё лопочет.

Уже смеркалось и проводить полноценный пыточный допрос, в ночи, когда была опасность нарваться на людей сквайра или оставшихся в живых пиратов — было глупо.

— Чёрт с тобой! — наконец объявил Джим Бену, вновь поднимая его на ноги. — Потом объяснишь чего ты хочешь за найденные монеты и цацки капитана «Моржа». Есть где нам ночь провести и что пожрать?

— Конечно! — обрадовался «Дикарь», словно бы его сейчас и не били вовсе. — У меня сейчас, «домов» на острове — с добрый десяток! Где прячу переносимое имущество, где отдыхаю у моря, где коротаю холодные ночи или храню запасы вяленой козлятины! Тут недалеко! Я здесь как большой начальник, губернатор! Хи-хи-хи…

Быстро перебирая ногами в мокасинах, Бен всё время оглядывался и с детским смехом рассказывал Джиму как он ловил немногих коз и частью резал их, а частью приручал, впрочем безуспешно. Как чуть было не свернул себе шею, когда оступился на камне в погоне за одной из коз и рухнул со скалы расположенной высоко над водой, прямо в пучину морскую.

Потом «Дикарь» остановился и замолк и внезапно, почти в полной ночной темноте, когда подросток его видел очень смутно и лишь держа за связанные своим поясом руки, брёл ему вслед, Бен зашептал: «Мне — десять тысяч дублонов, дом в Англии и возвращение на вашем корабле! Всё! Всё остальное вам, мне больше ничего не нужно! Берите миллион себе, мне лишь чуток, что бы спокойно жить…»

— Я не против… — устало буркнул Джим и они вновь стали направляться куда в сторону самой

высокой вершины острова, на ту его окраину, что была почти в миле от деревянного форта и куда даже сквайр и его люди, забредали всего пару раз за всё время пребывания здесь.

В нору, спрятанную за растущим пышным кустарником с колючками, они скорее провалились чем вошли, как по мнению Джима.

Когда Бен попросил его развязать, что бы он угостил гостя — тот заявил что это всё лишнее и он сам возьмёт мясо и воду, пускай ему укажут где.

В почти полной темноте, лишь какое отверстие давало лучики отблесков, вышедшей из за облаков Луны отражавшейся от вод моря — Хокинс начал шарить по стенам и полу, и худо-бедно но обнаружил и флягу с пресной водой, которой более всего обрадовался и вяленную козлятину.

Козлятины подросток съел совсем чуть-чуть, так как все переживания сегодняшнего, полного событий и провалов дня, его окончательно вымотали и вскоре привязав Бена за обе руки к какому то камню, вроде бывшему столом в этой пещере, подросток провалился в глубокий сон.

Ему было плевать что «Дикарь» мог высвободиться из своих пут и убить его — на всё было плевать! Джиму срочно нужен был отдых. Он устал бояться и ждать смерти, будь то пыточной

на суде сквайра или от раны в бою — при приступе форта на холме.

Утром, от того что Бен постоянно пинал небольшие камушки и они попадали по нему, Хокинс проснулся и потянувшись, наконец осмотрелся где провёл эту ночь: просторная, хотя и низкая пещера с парой параллельных коридоров. Аналог окна, в виде щели выходящей на море. Каменная крошка и песок на полу, видимо занесённые сюда хозяином «поместья».

Всё ещё было плохо видно из за того что щель, всё же не окно, да и трое входов-выходов в данную пещеру — были предусмотрительно закрыты что бы их не обнаружили посторонние и не давали света внутрь.

Однако подросток оценил укрытие и мысленно присвистнул: здесь было много вяленного мяса, стояли бочонки, видимо с водой, валялись шкуры, правда все на брёвнах, в дальнем конце пещеры, ближе к щели выходящей на море.

— Осовободи меня! Рукам больно! Я под себя ночью мочился, пока ты спал — плохо! — стал ныть пленник Джима. — Я тебя кормлю и воду даю, а ты как себя ведёшь?!

Однако подросток уже принял решение и решил начать его исполнение немедленно: он уже

хорошо отдохнул и видел перед собой ёмкости с пресной водой и вяленную козлятину, соответственно вопросы собственного снабжения едой и главное водой, пока что его не должны были мучать, в отличие от попыток найти сокровища…

Джим кортиком отколол длинные щепы от брёвен валявшихся в пещере и связав шкурами ноги Бена плотнее к камню, заодно и проверив путы на руках у пленника, спокойно объявил своему гостеприимному хозяину: «Или скажешь где клад — или живьём жарить стану! Думай!»

— Нененееееет! — немного заикаясь заорал «Дикарь» и получив удар в голову, из за чего стукнулся лбом о камень «стола», уже молча наблюдал как Джим раскладывает у его кистей рук щепы от брёвен и самые сухие из шкур режет на лоскуты. Потом, с помощью найденного в пещере огнива разводит небольшой огонь и когда тот разгорелся, начинает сооружать очередной костёр, на этот раз под связанными ногами Бена.

Первое время подросток боялся что дым привлечёт внимание егерей сквайра, оставшихся на острове.

Но поразмыслив, Хокинс решил что став обладателем столь важной информации как перепрятанный клад капитана Флинта Беном»

Дикарём» — он получит в свои руки столь мощные козыри, для начала переговоров с Трелони и гарантий его, Джима Хокинса, возвращения в целости и сохранности в Англию, и дальнейшего прощения, что это оправдывало всё. Важнее было первым добраться до схрона Бена и проверить, что там и как.

Некоторое опасение что сквайр может его попросту убить, получив сокровища, всё же оставались, но Джим решил что в любом случае, став единственным обладателем информации о новых местах захоронения добычи команды «Моржа», он получает в разы более дивидентов, чем имел сейчас и приступил к пыткам несчастного, одичавшего подручного Флинта, со всё новым рвением.

— Где? Где ты прячешь найденные сундуки?! — орал Джим Бену «Дикарю», подпаливая ему горящей лучиной растительность на лице и немного задержав огонь на мочках ушей, заставляя несчастного пленника начать визжать от боли. — Говори скотина — говори!!!

Связанная жертва брыкалась и визжала, по детски плакала и отвлечённо бубнела себе под нос скороговорки о том, что если он всё сейчас отдаст — то его не вернут в Англию, а оставаться

на острове с каннибалами он более не имеет никаких душевных сил…

Джим не выдержал и после десяти минут подобного разговора ни о чём, схватил самые большие щепы и сухие шкуры, и устроив небольшой костёр прямо на условном каменном «столе» — сунул в них связанные руки Бена, кистями вперёд. Демонстрация костров была скорее запугиванием, но Бен всё никак не начинал говорить и это вывело из себя Хокинса.

Тут же раздался очередной вопль пленника и запах жаренного мяса стал заполнять пещеру, разносимый дующим с моря ветром, проникающем через все щели в пещере.

— Говори скотина — всего медленно зажарю и сожру! — уже в некоем припадке, знакомом ему по допросу разодетого пирата, ещё когда Джим был юнгой на «Саффолке», кричал, словно бы безумный, подросток в ухо пытаемого им мужчины. — Говори пиратская тварь — говори! Жарить стану руки, потом ноги и лишь в последнюю очередь обварю кипятком твоё лицо, что бы кожа с него слезла, говори!

У Бена изо рта пошла пена и он потерял сознание. Джим на время вытащил сильно обгоревшие в огне руки несчастного и вылил воду на лицо

того, приводя его в сознание.

Очнувшийся «Дикарь» с пару минут ничего не понимал, потом невнятно стал бормотать себе под нос и жалостливо плакать, умоляя прекратить всё это, ведь он поделился своим жильём и едой, и не понимал за что его так зверски мучают.

Увидев что Джим готов снова сунуть его руки в небольшой костёр на камне, Бен коротко взвизгнул и тут же зашептал, впрочем, довольно громко: «Пещера под большим белым камнем, с обратной к пляжам, стороны соснового бора! Всё там, клянусь! Ничего себе не взял, всё как было оставил — где мне тут тратить деньги?»

Подросток немного обдумал услышанное и решив что лучше что бы Бен его сам отвёл на место, что бы не произошло ошибки, поднял того на ноги и внове связав искалеченные руки пленника — выбрался с ним из пещеры, где они провели вместе ночь.

К огромной радости Джима егеря их не заметили, по крайней мере нигде возле замаскированного входа в убежище Бена их не было видно, как и следов возможного рейда за бежавшими после поражения форта пиратами и слегка поозиравшись, странная пара отправилась на поиски

тайника с сокровищами Флинта.

«Дикарь» было попытался сбежать, но споткнувшись на подсечке и тут же вдогонку получив десяток страшнейших ударов по рёбрам, а далее Джим принялся топтать его ногами по обгоревшим рукам, что бы причинить максимум боли — Бен стал буквально биться в припадке на земле и переворачиваясь из стороны в сторону, орать разными странными голосами.

Подросток решил немедленно прекратить его избивать, что бы не привлечь внимания столь подозрительным шумом егерей Трелони и не нарваться на них.

Закрыв рот пленнику, Хокинс пообещал повторить пытки если тот решится вновь от него сбежать и тут же гарантировал что всё будет хорошо — если его просто приведут к спрятанным сокровищам.

Осмотревшись, Джим поднял Бена на ноги и удивляясь что на них двоих всё ещё никто не наткнулся, позже Джим объяснил это себе тем, что видимо после вчерашнего боя — сквайр и его люди ждут засады на острове от пиратов, а сами пираты, после столь неудачного для них штурма форта на вершине — сидят на шхуне, опасаясь абордажа со стороны находящихся сейчас в боль-

шинстве, людей из деревянного форта.

По этой то причине обе группы противников и не ходят по острову, а укрылись на своих базах и высматривают возможную новую атаку врагов.

Бен наконец привёл их обоих к ничем не приметному огромному камню, в два человеческих роста, что располагался в малопроходимой части острова, где даже хорошо видимые тропки и вовсе почти пропадали для человеческого глаза.

Под камнем, с его слов — со стороны что выходила на прибрежные скалы находился небольшой вырытый лаз и мягкая лестница, сотворённая самим Беном, из волокна каких то пальм, обнаруженных им в обилии на побережье.

«Дикарь» кое как убрал камни своими израненными обгоревшими руками, головой и ногами помогая толкая их как мог — после чего объявил что всё там.

— Там? — возмутился Джим, видя что под камнями, тонкими брёвнами и шкурами, с насыпанными на них сверху песком — оказалась вода. — Там?! Я тебя, скотину многословную, сейчас на части…

— Там! — повторил Бен буквально давясь от смеха, дробного, как у старика. — Там, оставленное мне Сильвером корыто с водой, на тот случай

если кто найдёт схрон без меня, например тот же Сильвер или индейцы: они увидят воду, а части корыта плотно прилегают к песку и земле, так что если не знать, можно подумать что вода уже полностью заполонила яму и они перестанут здесь искать! Вот каков Бен! Бен умный, но его никто никогда не слушал: ни Флинт, на «Морже», ни Сильвер — на острове… — «Дикарь» замолк и внезапно принялся тихо плакать.

Подросток потратил добрые четверть часа, прежде чем вычерпав ладонями воду из поставленного Беном овального корыта, смог, не без усилий, наконец вытянуть его из «горловины» глубинной подземной пещеры и зажегши очередную, прихваченную в прежнем схроне Бена, лучину — осторожно осмотреть что там внутри.

Внутри оказалась верёвка с узлами, видимо та самая самодельная лестница, которой так гордился «Дикарь» и несколько мешков, лежащих друг на друге. Всего их было видно не более семи.

— И это всё?! — в шоке спросил Джим, подозревая что его просто дурачат. — Миллион фунтов стерлингов — всего в семи махоньких мешках?!

Бен подполз на коленях и принялся горячо рассказывать смысл этого тайника: пещера была чем то вроде узкого колодца, так ему показалось

проще спрятать вход в неё. Сначала он сделал нормальный пол в пещере, накидав прибрежных катышей и засыпав их принесённым в тазу песком. Потом поставил брёвна крест на крест, что бы было возвышение в случае прилива, хотя сомневался что до этих мест он доберётся — просто на всякий случай.

Далее, оставшийся в одиночестве пират, день за днём, в течении десяти дней — приносил сюда сундуки, кожаные мешки, слитки и вначале сбрасывал их внутрь или спускал на верёвке, а потом, залазя туда самолично, устанавливал как было удобно.

— Там глубина футов на тридцать! — шептал Бен Джиму, продолжая ползать возле подростка.

— Не говори чепухи! — рыкнул зло на него Хокинс.

— Тогда на двадцать! — тут же согласился Бен. — Очень глубоко! Много дней, час за часом, Бен носил и скрывал там сундуки и слитки — очень много раз!

Следовало спуститься и проверить слова мужчины, и Джим было уже начал это делать, но внезапно мысль о том что «Дикарь» может его каким образом там захлопнуть или закидать камнями, сверху вниз, настолько испугала Джима,

как и мысль о своей кончине в узком колодце, что сперва он связал крепче у дерева своего пленника и лишь потом направился на осмотр клада.

Особо осмотреть ничего не удавалось: под ногами были действительно кожаные мешки с монетами, но какими именно было неясно — из за того что зажжённая лучина быстро потухла, а в тесноте колодца запалить новую никак не удавалось.

Плюнув на всё это, Джим принял решение просто поверить говорливому «Дикарю», опасаясь далее пребывать в колодце с кладом и уже в какие лучшие времена, заняться столь внезапно им обретённым, сокровищем команды Флинта.

Разрезав кое как в тесноте кожаный мешок и набив монетами свои карманы, Джим вылез с немалым трудом на свежий воздух и немного отдышавшись, вновь замаскировал вход в схрон.

Воду в корыто он наливать не стал, просто немного накидал всякого мусора, надеясь уже вскоре, вновь, с более пристальным вниманием — провести инвентаризацию содержимого колодца.

В карманах подростка звенели монеты и он, вытащив их, внимательно осмотрел найденные сокровища: все они оказались испанскими или

португальскими, попадались редкие голландские. Все были серебрянными, от пары грамм, до пяти. Было и три огромных пиастра, тяжёлых, в разы больших от обычной серебрянной монеты.

Видимо золото находилось в сундуках на самом дне колодца и до него ещё следовало добираться с немалыми усилиями, но главное, некий схрон с монетами уже найден и это отличная возможность завязать переговоры со сквайром Трелони, и вытребовать себе прощение и место на шхуне, до Англии.

Сейчас подростку стало так хорошо, что хотелось петь и танцевать нечто дикое и несуразное, кричать и палить в воздух из пистолетов.

Бен оказался если и дураком, то явно не до конца и сумел спрятать найденные сокровища настолько удачно, что пока он не показал новый тайник Джиму, ни у Хокинса, ни у людей Трелони и самого сквайра — и мысли не было искать под большим белым камнем, на обратной гавани, где расположилась «Эспаньола», стороне соснового бора.

Была надежда что в случае чего, например если сквайр и доктор Ливси решат обмануть Джима и не давая ему каких ненужных клятв — просто попытаются обнаружить клад самостоятельно, при

таких вариантах была серьёзная уверенность что они не смогут найти тайника Бена «Дикаря» и Джиму всё же удасться заполучить заветную клятву на Библии, от руководителей поиска.

Сама по себе эта клятва ничего ему не давала, однако зная нрав Трелони, его припадки ярости и столь же быстрые успокоения, Хокинс надеялся выиграть время — за которое убедить всех что существует ещё минимум три подобных тайника, но он им укажет на них не ранее, чем его вернут в Англию и выдадут крупную сумму, из уже обнаруженных сокровищ!

Далее можно выдумать некие тайники или спросить у Бена где были спрятанны орудия Флинта и именно их преподнести, как некие «новые» сокровища.

Тайник у белого камня был «заманухой». Сдав его сквайру следовало начать интриговать и обещать ещё большие сокровища, подогревая жажду наживы — но лишь после возвращения в Англию и получения Джимом доли от нынешнего похода.

После того как пара тысяч фунтов окажется в кармане подростка — обещать помочь с новым походом или же просто сбежать куда прочь, возможно нанять себе самому шхуну и возить рабов

из Африки в колонии, как это делал капитан Смоллетт.

Сладкие грёзы Джима прервал бубнёж Бена, что тараторил быстро быстро слова, словно бы перед кем извиняясь или объясняя кому то свои поступки: «Да! Да-да-да! Я расскажу любому кто отвезёт меня в Англию, где находится колодец с сокровищами — берите! Бену уже не нужны они, совсем! Не бейте Бена и отвезите домой и пожалуйста, все денежки ваши!»

Хокинс призадумался, потом замотал головой и со словами: «Нет. Подобный план двоих не выдержит…» — приблизился к связанному у дерева «Дикарю».

Далее подросток быстро вытащил свой кортик и закрыв рот Бена собственной грязной ладонью, трижды воткнул клинок кортика в бок пленного.

Дважды коротко и последний раз, глубоко. После третьего удара Джим попытался провернуть кортик в теле конвульсирующего мужчины, но тот начал опадать на колени и Хокинс просто бросил его, вытянув рывком своё оружие.

У дерева лежал, связанный лоскутами козьих шкур, Бен» Дикарь» — с опалёнными руками и избитым лицом, в быстро натекавшей под ним

луже собственной крови.

Его убийца постоял немного, прислушиваясь не приближается ли кто к ним, ему и только что убитому им, одичавшему пирату с «Моржа» — и поняв что всё тихо, как и раньше, спокойно вытер свой кортик о шкуры на теле своей жертвы. Немного подумав Джим перерезал путы связывающие прежде Бена.

Сперва подросток собирался просто оставить тело Бена здесь же, но посчитал это опасным: егеря по запаху разлагающегося тела или ещё как — могли за пару дней наткнуться на тело Бена и тогда возле Белого камня начнутся поиски и нет гарантии что кто внимательный не обнаружит какие следы деятельности Бена и Джима, по сокрытию перенайденных ими сокровищ капитана Флинта.

Сбросить в море труп — также было не вариантом, именно из за того что тело могло прибить к берегу где то поблизости, а отвезти труп подальше от берега — было попросту не на чем.

Оставался вариант забрать труп с собой и спрятать уже где подальше от места с пещерой колодцем, в которой «Дикарь» и спрятал найденные монеты и слитки.

После пяти минут переноски мёртвого тела

по тропкам острова, Джим сильно вымотался и посчитал что можно просто скинуть в самом сосновом бору: если кто и найдёт, это будет не его проблема, так как Бен не принадлежал ни к одной из группировок на острове и его убийство можно спихнуть на противную сторону, если кто начнёт спрашивать Хокинса о смерти странного человека, в козьих шкурах.

Внезапно Джиму пришло в голову немного запутать всех и он, выпрямив как сумел, уже начавшее коченеть тело «Дикаря» — попытался устроить из него что то наподобие стрелки компаса, что бы соорудить некое «направления движения», что указывает…

На что «Это» могло указывать — кроме как на сокровища Флинта?! Были правда вопросы с тем что ранее тела никто не видел на этом месте и егеря, если и обнаружат мёртвого странного человека, сразу сообщат сквайру о необычной находке. Но Джим просто надеялся что подобная неожиданность на пару дней собьёт с его следа возможный поиск и поможет ему решить оставшиеся проблемы, что бы окончательно вытребовать новые условия для себя у Трелони, и сговориться с ним о найденном схроне с сокровищами, его дележе и возвращении в Англию.

Вернувшись в морскую пещеру Бена, Джим тут же выпил два десятка глотков воды, точнее не скажешь и сожрал кусок вяленного мяса, с его ладонь размерами.

Тут он вспомнил что Бен, пару раз утром, перед началом пыток, говорил, словно бы в бреду, что он смог без топора изготовить каноэ, как это делают индейцы — выжигая осторожно понемногу нужный для этого ствол стоящего зелёного дерева и выбивая камнем пепел и золу, пока не получилась в меру готовая к использованию посудина, «обожжённая» и с древесным соком, что под воздействием огня просмолил её не хуже воска или смолы.

Подросток слышал и ранее рассказы о подобном изготовлении лодок, точнее каноэ или пирог у различных туземцев, но до конца не верил слышанному.

Однако Бен клялся что он сделал не хуже и лишь долго возился с тем что бы свалить дерево на землю и сбить сучья и толстые ветви.

Тут же у подростка зародился новый план и он решил приступить к поиску скрытой пироги убитого им Бена «Дикаря», что по отрывочным «смешкам-рассказам», самого её создателя — обреталась сейчас в каких то зарослях у самой воды,

в западной части острова.

Джим набрал воды в горшок, видимо оставленный ранее Бену Сильвером и взяв пару кусков вяленого козьего мяса — пошёл на поиски «каноэ-пироги-лодки-бревна».

Ему грезились всё новые блестящие планы: он самолично сбегает с острова с кожаными мешками наполненными монетами и оставляет в дураках всех, как пиратов так и сквайра.

Идея о том, что раз индейцы каннибалы откуда то приплывали для своих обрядов, значит и он сможет туда добраться, на каноэ Бена — не давала покоя Хокинсу.

Вскоре правда он уже считал что это плохой вариант: это могли быть такие же острова как тот, на котором он сейчас находился — лишь населённые дикими опасными туземцами и Джим скорее попадёт им на ужин, чем доберётся до колоний и сможет там наконец использовать найденные им монеты, что бы благополучно добраться до Англии.

Со злости подросток так рассердился, что стал мечтать как сегодня же ночью заберётся на борт «Эспаньолы» и кинув горящий фонарь с маслом в сторону носовой «пороховой комнаты» — сам прыгнет в воду и спасётся, пока шхуна рванёт

и падёт своим летящим древесным прахом, в тёплые воды у острова.

— Вот тогда то они завоют! — зло хохотнул Джим. — Пираты все повыздыхают, как ранее с ними случилось на «Морже», пускай и не со всеми! Трелони и доктор в отчаянии станут бегать по берегу, понимая что их могут ещё очень скоро не найти — потом они одичают как Бен «Дикарь» и станут жрать друг друга, когда припасы в форте закончатся, а коз на острове не так уж и много, для такой оравы ртов!

Но и тут долго наслаждаться грёзами Джиму не довелось: он вспомнил что при переговорах Сильвера и сквайра, последний упомянул что через два месяца, если они не дадут о себе знать — за ними, по указанным координатам, отправится поисковая команда с солдатами…

— Нет! Не успеют оголодать! И что это даст мне? Столько риска и всё ради минуты радости… Нет! Шхуна нужна в целости и сохранности, что бы на ней добраться до родных мест… Так то.

При последнем слове Джиму показалось что он наконец заметил низкие густые кусты, что спускались к самой воде и стал внимательней их осматривать, как место указанное Беном в качестве бокса его пироги.

Потом вошёл в воду по пояс и немного пройдя, отталкиваясь от дна или просто плывя, где было глубоко — подросток наконец обнаружил каноэ Бена: странное, с видимыми следами костра или грубыми шрамами от камней, которыми, по словам убитого, он и зачищал ствол дерева от сучьев и веток.

Взобравшись в «лодку», Джим тем не менее тут же обнаружил весло, с двумя лопастями из кож натянутых на деревянные рогульки.

Опробовав каноэ Хокинс пришёл в восторг: данное судёнышко отлично слушалось управления, было быстроходным и позволяло двигаться даже при небольшом противном ветре, чуть ли не в лицо.

Во время испытаний каноэ у Джима созрел новый план его следующих действий: ночью он попытается пробраться на «Эспаньолу» и захватить её, потом, отогнав на безопасную стоянку у острова, он…

— Стоп! Что за глупость?! — возмутился сам себе Джим… — Сам захвачу судно?! Как?! Если Сильвер жаловался мне, что без Флинта и Билли Бонса они не могли управлять «Чёрной Каракатицей» и вынуждены был захватить её капитана, то как же я смогу в одиночку это провернуть?

Понятно, что мне идти не в море, куда далеко, а лишь немного остров обогнуть, но всё же: мели, управление парусами и «колесом». Нет! Нужны люди и с опытом.

Немного подумав, Джим решил что ему следует поступить хитрее: взобравшись на «Эспаньолу» устроить бунт старых моряков судна, бывших ранее под командой капитана Смоллетта, против пиратов Сильвера. Их теперь примерно поровну и Джим был уверен что «капитанские» жалеют что связались со столь неудачливыми пиратами, каковыми оказались бывшие люди Флинта.

— Итак. Добраться до судна, желательно засветло и провести переворот или как там его. Потом увести судно куда прочь и шатнажировать сквайра и Ливси тем, что у меня сокровища и шхуна, и мне нужен лишь капитан, что бы добраться до… Хм… Тогда зачем мне нужны Ливси и Трелони, если нужен лишь раненный Смоллет, которому и дать приличную долю? А если он меня прикончит, как ещё в Бристоле желал? — ладно, берём сквайра и доктора, как противовес Смоллетту на шхуне. Мы отведём шхуну на другую стоянку и… Что за очередной бред?! Зачем?! Остров хоть и велик, но всё же не настолько, что бы за сутки не обнаружить нового расположения корабля у его

берегов! Шхуна не иголка, да и остров — не стог сена! О чём я думаю?!

Разозлившись на себя, Хокинс принял окончательное решение: немедленно идти к «Эспаньоле» и пока светло попытаться устроить там мятеж против Сильвера.

Потом, не меняя положения шхуны — пойти в форт на переговоры и предложить остававшимся там людям сделку: сокровище и корабль, в обмен на возвращение в Англию и долю в добыче! Морякам, что станут на его сторону, ясное дело, также причитается равная доля со всеми.

— Капитан Хокинс… — мурчал себе под нос Джим, — зря одноногий Окорок тогда смеялся, я вполне могу стать капитаном, пускай и всего на несколько часов — но могу! Из юнг — в капитаны! Это что то…

Глава пятнадцатая: «Два капитана на одной шхуны»

После того как общий план возвращения на шхуну и попытку организовать на ней мятеж, против Сильвера и пиратов с «Моржа», был окончательно принят Джимом за самый скорый к исполнению — встал вопрос когда и как его осуществить: первоначально подросток планировал ночью, при неверном свете Луны добраться до шхуны, на найденном каноэ убитого им Бена «Дикаря» и поднявшись по канатам или якорной цепи — попытаться…

— Что? — сам у себя спрашивал Хокинс, вытаскивая каноэ на берег и осторожно пряча её за несколькими большими валунами, в человеческий рост. — Что далее?

Вопросов к самому себе у него скопилось множество: именно ночью ему удалась великолепно акция на «Морже», когда, благодаря пиратскому раздолбайству и желанию наконец всласть напиться, морские разбойники попросту не смогли оценить что у них тогда на борту происходило — вторжение чужака, похищение карты с обозна-

чениями сокровищ капитана Флинта, убийство самого Флинта и ещё какого из пиратов, кого Джим попросту застрелили в упор, из мушкетона самого командира «Моржа».

Тогда всё прошло просто великолепно, везло всё что могло везти — достаточно вспомнить ошибку Пью, ставшего слепым из за неё и самого лучшего «танцора» пиратов, Сильвера, лишившегося ноги: Пью полез с фонарём на осмотр нижней палубы из за шума и стрельбы, без прикрытия хоть ещё кем из пиратов, а Сильвера, оставшегося на вершине трапа — таковым тогда считать было нельзя и Джиму удалось ловким броском мушкетона разбить фонарь и покалечить Пью, выведя его на время из строя.

Сильвер растерялся и дал себя спихнуть на нижние палубы, а при падении по ступенькам трапа ещё и сломал себе ногу — удивительное везение подростка и невезение квартирмейстера пиратской ватаги!

Залп вахтенных «Моржа», в сторону пороховой комнаты, когда пьяных взрослых мужчин подросток спровоцировал криком об опасности и сообщением о похищении карты — уже скорее случайность: пьяные, ничего не подозревающие моряки, уверенные что в порту Кингстона им

попросту нечего опасаться — дали явнейшую слабину и за это заплатили по самой высокой цене.

— Может пираты и сейчас перепились? — с надеждой спрашивал у себя Джим, осторожно оглядываясь и взбираясь на небольшой утёс, с которого можно было наблюдать чуть сбоку и с высоты, за верхней палубой «Эспаньолы».

Егерей Трелони на утёсе не было и опасения подростка о встречи с кем из них, оказались напрасны: «Почти наверное что пьяны! От страха и что бы зализать раны… Значит ночью? Однако мне придётся в темноте искать на шхуне моряков Смоллетта и как то договариваться с ними, что бы они меня сразу же не пристелили, что тоже, чревато многими неприятностями. А если я наткнусь в темноте на людей Сильвера, с «Моржа»? — тогда можно и кортик в брюхо незамедлительно получить… Не то!»

После четверти часа наблюдения за шхуной и признания того факта что никто на её верхней палубе так и не появился, что само по себе было просто удивительным — Хокинс посчитал что темнота, что ему была ранее нужна лишь затем что бы незаметно взобраться на борт «Эспаньолы», уже не столь необходимое условие его успеха: команда шхуны и так проводила время на

нижних палубах и сейчас взобраться на корабль можно было без особых помех с их стороны.

Соответственно, удобнее всего стало начать действовать прямо сейчас, пока светло и можно провести переговоры с бывшими моряками шхуны о том, что бы вернуться снова к сквайру Трелони и «поклониться» ему кладом и кораблём — вытребовав себе прощение, возвращение в Англию и долю от найденных Джимом сокровищ. Всем!

Осторожно спустившись с утёса, Джим наскоро пообедал вяленой козлятиной и запив её водой из баклажки, найденной в пещере Бена, затащил каноэ в воду и стал подбираться ближе к «Эспаньоле».

Он решил заходить не со стороны борта что был ближе к берегу, так как была опасность быть обнаруженным островным дозором Трелони и получить залп от егерей с винтовками — на таком расстоянии они вполне могли его прицельно достать, а со стороны моря, где появлялась возможность найти какой спущенный канат или переносной трап, с помощью которого пираты любили усаживаться в шлюпки.

Через пару минут в меру быстрых гребков — Джим уже находился возле возвышающейся над

водой шхуны.

Никто его не окликнул и по нему не стреляли. Странное ощущение пустоты и необитаемости корабля, начало немного пугать Хокинса: «Может они друг с другом отношения выясняли, после штурма форта и поубивали один одного? А что — привычное дело! Матросня и есть… Одни, самые настоящие пираты и душегубы, вторые — работорговцы и скорее всего тоже пираты, по рассказам что я по пути на остров слышал, они со Смоллеттом у Мадагаскара именно что пиратством и занимались. Интересные моряки на «Эспаньоле» подобрались…»

Подождав немного и прислушиваясь к звукам на корабле, подросток не услышал ничего кроме скрипа уключин и небольшого потрескивания обшивки корпуса судна, видимо рассыхающегося на ярком, жарком, тропическом солнце и сам успокоился.

Он споро ухватился за канат, что свисал не доставая пары футов до воды и подтянулся на нём.

Каноэ тут же стало по воле волн отдаляться от шхуны и когда Джим залез на палубу судна — уже приближалось неспеша к корме шхуны, явно намереваясь уплыть прочь, куда подальше от своего нового хозяина.

— Идиот! — разозлился на себя Джим. — Привязать мог! Сколько времени было и никто не мешал, так нет же, вот идиот!

В эту же самую минуту, на верхнюю палубу «Эспаньолы», осторожно, почти бесшумно, словно бы кот — вышел босоногий моряк, что прежде был в команде Смоллетта и наведя ружьё на пришельца, спокойным голосом, без крика, потребовал что бы тот поднял руки и всё оружие что у него было с собой, сложил у своих ног.

— А, Джим! — обрадовался моряк когда понял кто забрался к ним в гости. — Вот так дела! Вы уходите с Сильвером на штурм форта сквайра, потом прибывают группками люди Сильвера и пара наших, потом сам одноногий весь в крови-ще кое как сюда добрался и он всё время орал что ты — предатель и негодяй, именно ты его хотел убить! Прямо чудеса: хоть стой — хоть падай! И кстати, отчего же ты, друг мой, так и не вернулся после штурма сразу к нам? Или калека прав и…

Подросток, всё это время снимавший пояс с кортиком и кинжалом, и клавший оружие себе под ноги, мотнул головой: «Не говори глупости! Без капитана или штурмана — корабль неуправляем и вам далеко на нём не уйти, так и станете вдоль ближайших островов плавать на нём?»

— Мммм… что? — не понял моряк что ему говорят, но ружьё поднял дулом в небо, переставая угрожать выстрелом Джиму и демонстрируя этим жестом миролюёбие и желание выслушать гостя шхуны.

— Сколько пиратов и сколько ваших, осталось после штурма?

— Наших? — ну я и Гиггс, мы оставались здесь, при этом канонире, Израэле Хэндсе, тут же, на «Эспаньоле». Мюррей и красавчик Джопп — кое как доковыляли с берега, мы их поднимали потом на борт. Из людей Сильвера, не считая его самого: старый хрыч Том Морган, потом ещё здоровяк Джорж Мэри и канонир — Израэль Хэндс, он с нами был на шхуне всё время. Тебе то что?

Хокинс подсчитал: четыре на четыре и с его помощью, будет пять против четырёх, к тому же Сильвер одноногий и это увеличивало шансы на возвращение судна, от условно пиратской команды, к команде номинально «легальной», из людей Смоллетта.

Не успел пришелец попросить моряка «по-тихому» вызвать всех бывших людей капитана Смоллетта для разговора, что бы внезапной атакой перебить пиратов Сильвера и далее уже спокойно проводить свой план в жизнь, как со

стороны носового и кормового трапов — почти что одновременно начали подниматься на верхнюю палубу люди.

Оказалось, что теперь пираты одноногого Окорока занимали помещения офицеров в походе, на корме шхуны, а моряки капитана Смоллетта расположились в носовых помещениях.

Обе группы, после неудачного штурма форта на вершине острова, постоянно собачились и обвиняли в предательстве противную сторону, но до поножовщины дело не доходило, ограничиваясь руганью и частыми попойками у людей Сильвера, и постоянными разговорами о том что пора отправить гонца к сквайру в форт и начать мириться, ведшимися среди оставшихся моряков Смоллетта.

Пираты с «Моржа» вышли привычно пьяными, вооружёнными до зубов и при этом на нетвёрдых ногах.

— Я выпущу тебе кишки! — орал Сильвер, которому явно изменило его прежнее хладнокровие, и указывая в сторону подростка костылём. — Давно живу лишь мечтою об этом и клянусь, я скоро осуществлю данный свой замысел!

Когда все оказались на верхней палубе, наступило минутное молчание — никто не решался

что либо предпринять первым.

Моряки «Эспаньолы» стояли напротив людей Сильвера, Джим отошёл немного назад и сейчас посматривал за борт, примерно рассчитывая как станет прыгать в воду, если это срочно ему понадобится.

Решившись наконец, Хокинс сделал глубокий вздох и начал громким голосом говорить, стараясь что бы к нему сразу прислушались обе стороны назревавшего конфликта: «Штурм провалил Сильвер, своей поспешностью и глупостью исполнителей! Достаточно вспомнить как егеря нас обстреливали со второго уровня сруба или подорвали бочку с порохом, что Сильвер лично потребовал принести поближе к нам, стоявшим уже за бревенчатым забором, внутри двора форта!»

— Верно! — проорал Джорж Мэри. — Окорок пытался командовать, но мозгов ему на это никогда не хватало и мы в очередной раз… — договорить он не смог, так как костыль Сильвера попал ему в причинное место и пират, под смешки всех на палубе, свалился словно подрубленная сосна, на верхнюю палубу.

Джим понял что он снова в центре внимания и его слушают, и решил немедленно продолжить

свою речь, не давая себя сбить: «Старый вариант уже бесполезен! Сквайр обладает сокровищами, а мы — яхтой! Нужно договариваться: он нас прощает и разрешает вернуться в Англию, к тому же выдаёт некую долю от найденных сокровищ, а мы, в свою очередь — служим ему как матросы на «Эспаньоле» и клянёмся не поднимать бунта, благо нас сейчас слишком мало для подобной глупости! Сквайр Трелони меня уже простил и сказал, что если люди Смоллетта приведут ему обратно шхуну и не станут поднимать бучи при возвращении, он готов с вами поделиться и вы все станете зажиточными людьми, сможете купить себе по собственной шхуне и начать небольшое дело!»

Пока все замерли как вкопанные, пытаясь понять что им предлагает прибывший на «Эспаньолу» подросток, один только Сильвер ехидно кривил губы в ухмылке.

Дождавшись всеобщей тишины, одноногий пират демонстративно хохотнул и стал, поочерёдно называя моряков Смолетта и своих пиратов по именам, говорить что у них каша в голове и что любая бабка сможет их обмануть — зачем они только в море вышли?

— Ты не злись и не оскорбляй нас! — медленно

проговорил степенный и слегка заторможенный, самый старый из пиратов с «Моржа», Том Морган. — Ты чего в виду имел?

— Чего?! — разозлился не на шутку Сильвер. — К вам прислали какого то малолетнего щегла, что бы он нас всех, повторяю — всех! Без исключения! Подставил под виселицу… И вы тут же начали его слушать! Какие найдены клады — откуда?! Сквайр не смог найти ничего, сколько времени сам облазил весь остров с картой, в первые дни по прибытии — он не знал нашего Флинта и его любимых словечек и что они обозначали! Потом этот малолетний подонок, нас дурил как мог, говоря что Флинт, с какого перепугу? — ему что в тайне что сообщил… В конце концов оказалось что ни черта он не знает и сейчас, опять появляется Джим Хокинс и начинает свистеть о сокровищах и своём «знании» места где они находятся! Хватит! Сквайр на это купился и я тоже, первый раз — каюсь! Но смысл повторять шутку дважды? Это засада сквайра и его попытка нас выманить с судна и всех перестрелять, что бы мы…

Договорить одноногий Окорок не успел: Джим взял монеты, добытые им из мешка в пещере-колодце у белого камня, в кармане курточки и

бросил полную жменю их, точно между моряками Смоллетта и пиратами с «Моржа».

Резкий звон тусклых серебряных кругляшей заставил всех замолчать и уставиться на деньги, сейчас валявшиеся на палубе «Эспаньолы».

— И что? — вновь скривился в гримасничающей улыбке смешливый Сильвер. — Одно лишь серебро? А где дублоны? Сквайр не дурак и выдал тебе часть денег, что у него были с собой, что бы ты нас тут дурил и вернул ему шхуну, а потом, когда они нас всех перебьют, он тебя за это простит, но мы то тоже не ду…

— Нет, Окорок! — вновь заговорил старый Том Морган. — Погоди! Смотри! Пиастры, песо испанские — что мы пиастрами кличем!

— Пиастры, пиастры!!! — завопил откуда то из нижних помещений шхуны попугай квартирмейстера «Моржа» и от его вопля все вздрогнулим, а потом осторожно стали приближаться к Тому Моргану, что собирал и осматривал монеты, брошенные Джимом на палубу. — Или вот — экю! Реалы, опять же — много! На кой чёрт сквайр с собой бы таскал столько иноземной монеты?! Для чего? Можно поменять в любом порту, чем постоянно разные сундуки денег чужих стран таскать… Нет, мне кажется это «наши «деньги,

те самые, что мы должны были получить по праву дележа и что Флинт, своим упрямством, всё никак не желал раздавать нам ранее срока по договору Джентельменов Удачи!

После некоторого молчания и разглядывания монет всеми присутствующими, как оказалось там не было ни одной британнской — все головы повернулись в сторону улыбающегося Джима, что не без сарказма шаркнув ножкой, продолжал своё выступление: «Вам дают шанс исправить своё безнадёжное положение, ибо повторюсь — среди вас нет тех кто может вести судно самостоятельно, лишь исполнители команд и вернув «Эспаньолу» сквайру, и получив от него прощение, вы можете получить ещё и свою долю, весьма крупную, в найденных богатствах!»

Снова минутная пауза, во время которой лица матросов капитана Смоллетта расцветали улыбками и они начинали перемигиваться и потирать руки, подхихикивать и толкать друг друга в бока, а пираты Сильвера, с землянистого цвета лицами, немигающим взглядом смотрели на подростка, облокотившегося на фальшборт.

— Где сейчас все деньги? — хриплым срывающимся голосом спросил наконец Сильвер.

— В форте! — спокойно объяснил Джим. — Ре-

шено, что лишь после того как люди сквайра подтвердят вашу лояльность и я прибуду после наших переговоров с вами, туда же, произойдёт процесс клятв и раздачи сумм, после чего мы перенесём остатки клада на шхуну и наконец отправимся домой.

Слова о том что монеты в форте, а соответственно под защитой стен и стрелков егерей, позволяли надеяться Джиму что на него не будет осуществлено немедленное нападение и его не станут пытать, что бы узнать где на острове расположен тайник Флинта. Форт неприступен после недавнего штурма и это было ясно всем.

— Хватит тут сидеть и думать! — поторопил всех Хокинс. — Деньги у сквайра! Защита в виде форта и надёжной команды из верных слуг — делают форт абсолютно защищённым, особенно после бездарной атаки под командованием Сильвера. Через пару месяцев прибудет спасательное судно с солдатами и тогда за вами станут гоняться по всем водам Колоний, как военные суда так и корабли Компании, как за пиратами! К чему вам это? — извинитесь и покайтесь, и сквайр даст вам долю в добыче и поможет вернуться на Родину достойными людьми, без греха за душой. Вперёд!»

— Да!!! — заорали, радостно хохоча, матросы капитана Смолетта.

— К чертям сделку! — орали им в ответ пираты Сильвера.

Началась толчея, потом кто то достал ножи и кортики, и случилось пару царапин. Внезапно Сильвер выхватил пистолет из за пояса Джоржа Мэри стоявшего с ним рядом и выстрелил в сторону Джима.

Однако и на этот раз судьба благоволила подростку и одноногий пират, которого кто то случайно толкнул в бок, а на деревянной ноге было тяжело сохранять неподвижность при стрельбе — и Сильвер промахнулся, поведя немного рукой в сторону.

Щепы от борта впились в локоть Хокинсу, но это и всё что с ним случилось.

После выстрела одноногого пирата началось настоящее сражение на палубе «Эспаньолы»: люди били друг друга руками и ногами, зубами откусывали мочки ушей, кромсали ножами и кортиками, старались стрелять из ружей и пистолетов, но попадали в основном в паруса — так как всё время в тесноте схватки в центре верхней палубы, кто то успевал задрать ствол оружия к небу.

Началось то, чего Джим опасался более всего: моряки и до этого бывшие вблизи друг от друга, особенно при рассматривании монет что он бросил на палубу — сейчас сцепились и кто дрался, кто просто катался по палубе, в надежде придушить врага.

Места для схватки было достаточно, но внезапно начавшееся побоище, застало участников врасплох: Израэль Хэндс побежал было к вертлюжной пушке, крича по пути что сейчас он всыплет ядро в морду некоего Джоппа, но был остановлен броском кинжала, попавшим ему точно в правую руку.

Сильвера сбили с ног и он с ужасной руганью просто барахтался на палубе, пытаясь зарезать кортиком ближайшего к нему матроса «Эспаньолы».

Старый Том Морган отдавал богу душу в удушающих обьятиях Мюррея, а Джорж Мэри, размахивая волнообразно своим берберийским пиратским изогнутым мечом — отбивался сразу от двух противников.

Израэль Хэндс с воем бросился куда к носу шхуны и достав топор — принялся яростно рубить по борту, как в то время показалось подростку, при этом вопя что его не сдадут, как цирковую

обезьянку, для судейских чинуш и виселицы.

Том Морган валялся задушенный у борта, с почерневшим загорелым лицом. Сильвер прикончил матроса что его удерживал внизу и сейчас, с огромным трудом, вставал на единственную ногу.

В данной ситуации Джим решил срочно проскользнуть в нижние помещения «Эспаньолы» и осмотревшись там, обзавестись каким пистолетом или ружьём, и лишь после этого начинать участвовать в катавасии на верхней палубе. К схватке он не спешил, считая что и без него там хватало дураков.

При своей речи он был уверен что и сами пираты понимают безнадёжность ситуации и не против, сдавшись сквайру, получить вместе с моряками шхуны немного монет и прощение.

Но видимо не смог этого донести до пиратов Сильвера и сейчас подросток, обыскивая трюм и кубрики, всё яснее видел свою ошибку: надо было как то сговориться с одноногим, что бы удержать пиратов на привязи — он этого не сделал и пьяные морские разбойники решили наотрез отказаться от мировой, то ли под действием рома, то ли просто от отчаяния.

Пистолеты были найдены и быстро заряжены.

Потом Джим стал осторожно выбираться по трапу наверх, удивляясь начавшейся небольшой качке, словно бы шхуна подняла якорь и паруса, и начала движение.

Выглянув наружу Хокинс понял что именно произошло в его отсутствие: все матросы «Эспаньолы» оказались перебиты.

Израэль Хэндс, видимо раненный легко кинжалом что в него метнули в самом начале потасовки — выбрасывал за борт тела убитых, вместе с трупом задушенного Тома Моргана — просто стараясь одной рукой схватить как поудобнее за одежду и рывком перекинуть за борт.

У канонира «Моржа» были на редкость сильные руки, от постоянных тасканий ядер и зарядки орудий: он запросто перебрасывал тела наполовину на фальшборт, а далее — просто толчком ноги спихивал мёртвых в воды у шхуны.

Джорж Мэри ставил паруса под крики одноногого Сильвера, который слегка покачиваясь помогал Джоржу как мог находясь на палубе у мачты: советом или держа верёвки.

Дальнейшее всё произогло как то внезапно, неожиданно для самого подростка: вместо того, что бы угрожая пиратам пистолетами выбраться с корабля прочь или заставить их вести судно

обратно, к гавани близ деревянного форта на вершине острова — Джим неосторожно выбрался полностью на верхнюю палубу и был тут же замечен Джорджем Мэри, с высоты канатов, на которых тот сейчас в одиночку ставил новый парус.

— Окорок! Щусёнок, что сделал тебя легче на несколько фунтов мяса — он жив! — проорал с весёлым смехом Джорж. — Мы о нём и позабыли совсем! Я то тех двух дуриков, когда подрезал, даже и не посмотрел, а где же капитан Хокинс ошивается, а он внизу спрятался! Аха-ха-ха!

Сильвер резко оглянулся и пока ещё не видя пистолеты, за поясом Джима, стал с гаденькой улыбкой шкандыбать к подростку, явно что то задумав: «Ничего Джорж! Сейчас он нам послужит, если не хочет что бы мы ему в корму, якорь, к примеру, засадили! Пойдём с ним вместе к сквайру и объясним что шхуна — тю тю и если они хотят спастись, то дают нам полноценную долю и берут нас с собой, как моряков! Иных у них всё равно нет, а егеря — дешёвые сухопутные шавки! С такими по морю не плавают.»

— Точно! — проорал Израэль Хэндс, подходя ближе к Джиму раньше Сильвера. — Хватаем этого крысёныша и тащим на переговоры: либо

будет по нашему, либо расстреляем весь орудийный запас по форту и свалим отсюда, пускай до ближайшей земли — но и сквайр, с прочей своей швалью в разрушенном доме, станет эти месяцы коро…

Договорить бомбардир пиратов не успел: Джим, начавший от страха и напряжения немного дрожать всем телом — поднял обе руки с заряженными пистолетами и сделал один выстрел прямо в грудь Израэля Хэндса, с расстояния всего в метра полтора.

Тот завертелся волчком и после короткого вопля рухнул на палубу. Выстрел был произведён всего с четырёх шагов, почти в упор и скорее всего пират погиб сразу же.

Поняв что не стоит тратить на Хэндса второй выстрел и видя что Сильвер срочно ковыляет прочь от него, ближе к кормовым надстройкам — Джим пошёл за ним по верхней палубе и прицелившись в громко бранящегося на мачте Джоржа Мэри, который пытался как можно скорее спуститься с верхотуры где находился, на палубу — выстрелил и в него.

Второй пират с протяжным воем свалился с высоты пятнадцати футов на доски верхней палубы и стукнулся о неё головой.

Достав кортик Джим подошёл к Джоржу, но увидев разбитую всмятку голову, сломанную шею и лужицу крови, что с каждой секундой увеличивалась, не стал более смотреть на Джоржа Мэри — тот был точно мёртв.

— Не подходи ко мне, тварь, ублюдок, скотина! — орал в углу возле канатов и каких то ящиков истерящий Сильвер.

Сейчас одноногий квартирмейстер «Моржа» не был похож на того вальяжного моряка и пирата, который не боялся никого: быстрая, внезапная, глупая смерть двух его товарищей видимо настолько шокировала Сильвера, что он скорее собирался защищаться сам, чем нападать на подростка, которого столь люто ненавидел.

Джим приближался к Сильверу медленно, не зная точно что ему далее предпринять: в идеале стоило бы перезарядить пистолеты, но для этого нужно было время, за которое Сильвер мог сам обзавестись ружьём… Но и лезть в схватку на кортиках, со столь опытным пиратом, Джиму совершенно не хотелось.

Внезапно подул новый сильный ветер и попав в натянутые пару парусов, что поставил уже убитый Джорж Мэри — заставил «Эспаньолу» совершить странный рывковый манёвр, с резким

поворотом: Джим упал на одно клено, а одноногий Сильвер и вовсе свалился на палубу, при этом выронив свои кортик и костыль.

— Всё! Хватит… — пробормотал одноногий калека уже своим привычным голосом. — Проиграл! Давай думать как нам выбираться из этой передряги — судно несёт нас неизвестно куда! Я согласен на сдачу сквайру, обеими руками и своей здоровой ногой!

Подросток выбил кортик пирата куда подальше и подкинул Сильверу костыль, не опуская однако своего оружия.

Потом быстро осмотрелся: их и вправду выносило в море и пират был совершенно прав, стоило немедленно начать что то делать, что бы предотвратить худший из возможных вариантов — потерю шхуны.

— Якорь! Срочно его опускаем! — заорал Джим одноногому. — Паруса я просто обрежу, когда взаберусь на мачту!

— Нет… — глухо пробормотал Сильвер. — Придурок Израэль Хэндс всегда думал задницей, а не головой и поэтому обрубил якорную цепь топором, ещё когда только началась вся эта ненужная резня… Надо поднимать запасной якорь из трюма и крепить к новой цепи, а вдвоём мы можем не

справиться с этим!

Джим решил убрать подальше кортик одноногого Сильвера, что взирал теперь на подростка вновь, со своим привычным, ледяным спокойствием и даже сарказмом.

Тогда Хокинс закинул оружие пирата в море, после чего осторожно добравшись да трапа на корме — постарался заставить его ящиками и бочками, на случай если Сильвер захочет удрать и спрятаться во внутренних помещениях «Эспаньолы».

Далее он повторил этот трюк и на носовом трапе, под насмешливые реплики от стоявшего у борта, своего нынешнего напарника, калеки: «Толково! Нас несёт в море, мы без якоря и с непонятными парусам, поставленными на носу и лишь чуток на гроте, нас всего двое, пацанёнок и калека — а ты баррикадируешь проходы вниз! Молодец Джим! Ты справный юнга! Не растерялся в сложной ситуации! Ахахаха…»

Однако сам подросток не сильно слушал одноногого и продолжал заставлять проходы хоть чем то, что не даст пирату быстро прошмыгнуть внутрь корабля, а как скоро Сильвер умеет ковылять на своей деревянной ноге — Джим убедился ещё на острове, да и плавал моряк, с деревяшкой,

преотлично!

Когда всё что он планировал было выполненно, Хокинс вернулся к всё ещё стоявшему у фальшборта Сильверу и спросил что им следует сделать в первую очередь.

— Ну… — пробормотал пират уже серьёзно. — Сначала, убери все паруса, что поставил Джорж Мэри! Если не сможешь этого сделать — просто обрежь верёвки к черту! Думаю починить парусное вооружение мы сможем без проблем и запасные полотнища и канаты у нас точно найдутся!

Подросток юркой обезьянкой вскарабкался по грот мачте наверх и стал пробираться к узлам носовых треугольных парусов, которые посоветовал ему убрать самыми первыми пират.

Было решено что одноногий станет у штурвала и постарается, как умеет, вести судно ближе к берегу, не давая ему далеко уйти в море, но при этом и не напоровшись на прибрежные скалы.

Залюбовавшись на остров, с высоты мачты на которой сейчас находился, Джим поздно понял что рассказывающий ему со смехом Сильвер, за штурвалом, видимо отвлёкся и не видит что «Эспаньола» идёт прямиком на подводные скалы, расположившиеся почти точно посредине

удобной, но по мнению Джима несколько мелковатой, бухты.

— Стой! Заткнись и уводи нас в море! В море!!! — орал подросток размахивая руками пирату у штурвала.

Но пока Сильвер обратил на его жесты и крики внимание, пока стал прислушиваться, стал выворачивать штурвал — шхуна успела достичь подводных валунов и ударившись о них правым бортом, резко вывернула влево — в сторону моря.

Хокинса от удара сбросило в воду и спасло его от какой травмы лишь то, что он вошёл в море на достаточной глубине.

Джим сильно ушиб живот и наглотался прилично воды, но смог, захлёбываясь, вынырнуть и сделав несколько судорожных вдохов, направился к валунам, ставшим причиной их нынешних несчастий.

Не успел подросток на них взобраться, ибо камни были гладкие и скользкие от водорослей, а вода, даже на вершине их, достигала Хокинсу по грудь — как с отчётливым шорохом «Эспаньола» села брюхом на ближайшую отмель и после нескольких качков в стороны там и замерла, словно огромное растение невиданной формы.

Сейчас Джим смог наконец понять, что же с ним и Сильвером стряслось: они неверно рассчитали маршрут и вместо того что бы выйдя немного в море и сделав там манёвр с поворотом, к острову, решили просто идти вдоль берега и попутно убирая паруса и замедляя корабль, со временем почти полностью его остановить, и уже без спешки приладить и сбросить в воду новый якорь.

Оба, и бывший юнга «Саффолка» и квартирмейстер «Моржа» — не были штурманами или капитанами и посему считали что именно такая последовательность их действий самая удачная при нынешних условиях.

Однако усилившийся ветер и те паруса что успел поставить, покойный ныне, стараниями Джима, Джорж Мэри — слишком разогнали «Эспаньолу».

Сильвер, в своей болтовне и Джим, залюбовавшийся островом с высоты — попросту проглядели мели и скалы, и шхуна, ударившись сперва бортом о подводные камни, потом же налетела на ближайшую песчаную мель, бывшую в данной «райской бухте».

Сильвера нигде не было видно или слышно и Джим, не без опасения, но всё же решил что

старый пират свернул себе шею от такого удара: всё же он был на деревянной ноге и если и не получил перелома, то наверное сильно ушибся и сейчас не опасен.

Подросток решил вновь плыть к судну и попытаться взобраться на него. Надо было как снять «Эспаньолу» с мели и поставив якорь и хоть один парус — постараться отвести немного от берега подальше в море, что бы торговаться на скорых переговорах со сквайром.

Имея найденные сокровища и шхуну, можно было надеяться на большие дивиденты при общении с Трелони, но если шхуна пропадёт… Это слишком сильно всё осложняло.

Уже подплывая к «Эспаньоле» Джим вспомнил что и моряков Смоллетта, что могли помочь в возвращении домой, в Англию и пиратов Сильвера — также более нет в живых.

Получалось что кроме пары моряков, бывших в форте вместе с капитаном Александром Смоллеттом с самого начала, одноногого пирата Сильвера и его, Джима Хокинса — никто из людей Трелони не умел управляться с парусами или быть матросами на корабле. Это усложняло возвращение, но облегчало, по мнению Джима — переговоры со сквайром.

Не успел подросток подплыть к слегка скособоченной на отмели шхуне, как выстрел из зарослей кустов, находившихся невдалеке за песчаным пляжем и пуля, просвистевшая у его головы и устроившая небольшой фонтанчик, в паре метров от него, на глади моря — заставили Хокинса замереть и начать панически оглядываться.

Было очевидно что люди сквайра заметили их катастрофу и могли нагрянуть всей оравой в любой момент.

Джим нырнул и быстро работая руками и ногами вышел из под воды уже на той стороне шхуны, что была обращёна к морю.

Потом он смог, как обезьянка, взобраться по обшивке корабля ближе к канату, свисающему вниз и ухватившись за него — залезть на верхнюю палубу шхуны.

— Привет! — хохотнул на появление Джима Сильвер, лежащий у борта, слева от штурвала. В руке у него уже был нож, хотя сам пират выглядел плохо: голова разбита в кровь, правая рука тоже. Ремень, которым Сильвер крепил свою деревянную ногу к плечу во время ходьбы — порвался и пират его чинил как мог. — Ты стрелял?

— Нет. Мне нечем! — отверг предположение Сильвера Джим.

— Плохо! Тогда к нам гости от сквайра?

— Скорее всего.

Пока пират и юнга обменивались новостями и думали что же им предпринять для спасения, к бухте, у отмели которой и села на мель «Эспаньола» — выдвинулись люди из форта на вершине острова.

После того как прибежал гонец и сообщил что они с напарником видели странный уход со стоянки шхуны и её непонятные манёвры — потом то, как пираты посадили «Эспаньолу» на мель.

— Великолепно! — вскричал в величайшем запале сквайр Трелони. — Это наш шанс вернуть себе судно и прогнав прочь разбойников — уже спокойно заняться поисками сокровищ, не опасаясь голодной стоянки на острове и выжидая спасательной экспедиции за нами. Друзья — вперёд! Сокрушим негодяев.

Как Джим и опасался, его крики с мачты Сильверу и удар шхуны о скалу — привлекли внимание егерей, что впервые, после штурма, были посланы на разведку по острову, сквайром.

Обнаружив такую ценную находку, егеря сговорились сказать хозяину что они специально выслеживали именно шхуну, дабы преподнести её Трелони: это могло заставить сквайра расщед-

риться на какой презент, вроде увеличенной доли в добыче или чему подобному.

Сам Трелони, когда понял что ему сообщил прибежавший запыхавшийся его человек — решил действовать просто: выставить стрелков в зарослях и отстреливать всех кто появится на верхней палубе шхуны.

Потом на шлюпках что кое как начали чинить после сообщения гонцов об уходе шхуны — высадиться на корабле и держа под прицелом пистолетов трапы, заблокировать их чем и с помощью моряков, оставшихся верными Смоллетту, постараться переманить и остальных его людей, если из них кто остался жив, вернуться к исполнению своих обязанностей.

Запертые разбойники, по мнению сквайра, долго не могут протянуть внутри судна и немного поугрожав и устроив стрельбу — сдадутся ему!

— А если они решат взорвать пороховую комнату? — с усмешкой возразил доктор Ливси. — Всякое может прийти на ум отчаявшимся людям!

— Прав! — тут же согласился сквайр. — Хорошо! Предложим им также мир и возвращение в Англию, без преследования и немного денег. Но если откажутся — пускай пеняют на себя!

На том все и порешили, и начали готовиться

к экспедиции. Патрули егерей сообщили что на острове нет засад пиратов и судя по всему они не ночевали на нём, костров свежих не обнаружено как и вообще — следов стоянки.

Пока Джим и Сильвер переговаривались что им далее делать: спрыгнуть в море и добравшись до берега спрятаться в густой растительности или выжидать на шхуне, егеря заняли удобные для стрельбы из винтовок позиции, а сквайр и доктор Ливси, с парой моряков Смоллетта за спиной, принялись орать что есть мочи: «Вы! Грязные негодяи! Сильвер и прочие! Сдавайтесь! Кто откажется сложить оружие и подчиниться сквайру Трелони — будет убит! Мы предлагаем вам…»

Пара егерей, по команде доктора, выстрелами попали в центр штурвала и вертлюжную пушку. Пуля, рикошетом от орудия, тут же застряла в борту шхуны.

— Ну… Я пожалуй, от стрелков Трелони, в такой ситуации — и не убегу, и не уплыву. — спокойно констатировал очевидное одноногий Сильвер. — А ты, как знаешь!

Пират с трудом встал на ногу с помощью Джима, они вдвоём, очень медленно, приблизились к борту корабля и Сильвер помахал своей старой выцветшей треуголкой, сквайру: «Приветствую

вас сэр, очень рад снова видеть в добром здравии!»

— Грязный негодяй! — закричал Трелони, но после короткой реплики Ливси что то обдумал и продолжал уже спокойным тоном. — Сильвер! Я предлагаю вам и вашей команде немедленно сдаться нам! Иначе мы будем отстреливать всякого, кто покажется на палубе шхуны и высадив свой десант, запрём вас в трюме, а потом, после того как снимем «Эспаньолу» с мели — постараемся полностью от вас избавиться! Всеми возможными способами!

— Сэр! — со смешком заорал в ответ Сильвер, к которому вернулась его прежняя уверенность. — Вы в своём праве! Лично я — готов немедленно, хоть сейчас, сойти на берег… С вашей помощью, понятное дело и предстать как ваш преданнейший слуга! Дайте только команду своим людям не палить в нас почём зря!

— А остальные, как они?

— Здесь в живых лишь я и Джим!

— А… — не понял сказанного одноногим пиратом сквайр. — Как это?!

— Судьба злодейка! Так всегда, когда без фарта пытаешься что либо предпринять: нарываешься на ещё большие неприятности, не иначе!

— Джим тоже готов сдаться?

— Да! — проорал подросток самостоятельно, без подсказки от ухмыляющегося во весь рот, Сильвера. — Прошу прощения сквайр и готов молить о нём!

Сильвер расхохотался и показал большой палец, что вызвало скорее неприятие такой похвалы у Хокинса.

За то время как шлюпка со сквайром и доктором, парой матросов и капитаном Смоллеттом, а также парой егерей — плыла к «Эспаньоле», и люди из неё взобирались на верхнюю палубу, Джим решил вернуться к той манере поведения что он вёл ранее, до ссоры и бегства от сквайра и его людей: бедного несчастного мальчика, забитого и свернувшего не на ту дорожку по вине жестоких людей и суровых обстоятельств.

Решив не напоминать лишний раз о своём побеге, выстреле в сквайра, участии в приступе на форт и многом прочем — Джим собирался напирать что все несчастия произошли по воле случая и вообще: он обнаружил клад, его настоящее расположение и сейчас готов всё отдать сквайру. За публичное прощение Джима с клятвой на Библии и гарантий вернуть подростка домой, в Англию.

Прежний вариант, казавший ранее столь

блестящим: переговоры с пиратами о шхуне, переговоры со сквайром о шхуне и сокровищах — посредничество между группировками и возвращение с деньгами в Англию, сейчас были в прошлом и следовало как подстраиваться под новые условия.

Капитан Смоллетт и его моряки тут же стали осматривать судно и указывать что пропало и кого они обнаружили убитыми.

Сквайр и доктор смотрели удивлёнными глазами на застреленных Джимом Джоржа Мэри и Израэля Хэндса, задушенного старого Тома Моргана, которого Израэль не успел выбросить за борт, зарубленных моряков «Эспаньолы», что ранее примкнули к пиратам.

— Да… — наконец проговорил доктор. — Уверен что это они всё после рома устроили: напьются и чудят как хотят, море им по колено! Сперва перепившись решили отношения выяснить, а потом сорваться прочь от острова, не понимая куда и как вести судно!

Глава шестнадцатая: «Клад найден!»

Пока люди Смоллетта и сам капитан «Эспаньолы» рыскали по каютам и трюму так неожиданно вернувшегося к ним судна, проводя обыски на своём временно потерянном корабле — сквайр и Сильвер, совершенно милейшим образом беседовали и Джим попросту растерялся, видя как доктор Ливси ехидно на него поглядывает прислушиваясь к разговору Долговязого Джона и Трелони.

У подростка складывалось ощущение что Трелони совершенно позабыл, что это именно одноногий пират, Долговязый Джон Сильвер — убил заточкой его самого егеря и помог Джиму убежать на шхуну, а потом вёл атаку пиратской ватаги на деревянный форт, на вершине острова.

Сейчас сквайр и пират самым милейшим образом беседовали и обменивались шутками, по поводу недавнего штурма форта и потери управления пиратами над «Эспаньолой».

— Признайтесь Сильвер — вы ведь не ожидали подобной прыти от сухопутных крыс, а? Лихо мы

вас разделали при штурме, ведь верно?

— Сэр, помилуйте! Я полностью согласен что вы отличные вояки, но к чему передёргивать факты? Если бы не случай, мы бы обязательно одержали победу! Но… Что случилось — того не отменить!

— Выстрел в бочку с порохом?

— Конечно! Мы ведь неплохо задымили территорию перед срубом и уже смогли подобраться близко к вашим стенам с амбразурами, что бы начать закидывать через них внутрь здания гранаты и стрелять через бойницы дробинами из мушкетонов — и тут такое невезение…

— Да ладно вам, Сильвер! У нас оружия было с избытком и даже почти при полном отсутствии видимости, стреляя куда Бог положит — мы смогли накрыть залпами практически всю территорию у окон и завалить немало ваших молодцов!

— Что было, того не отнять! Я честно говоря и сам не ожидал, что вы станете так часто палить из такого невообразимого количества стволов, иначе несколько по иному строил бы атаку своих ребятишек.

Пират со сквайром самым умилительным образом беседовали, а Джим весь исходил холодным потом: ему стало казаться что именно сейчас

Трелони вспомнит тот несчастный выстрел из винтовки, что сделал подросток в его сторону, при побеге и от которого пострадал капитан Смоллетт, а потом доктор Ливси — обязательно напомнит всем что произошло в Англии и уж под самый конец, сам капитан «Эспаньолы» и его моряки отведут душу на порке Джима и его повешении где на мачте…

Егеря и матросы тем временем погрузили тела убитых матросов шхуны и пиратов Флинта на шлюпку и отвезя куда подальше в море, с привязанными к ногам несчастных камнями — сбросили их в море, не желая возиться с погребением стольких людей на земле острова.

Как пояснил доктор Ливси Хокинсу, они вчерашний вечер и сегодняшнее утро уже потратили именно на эту забаву, хороня останки убитых при штурме пиратов и своих людей в братской могиле, и сейчас совершенно не собирались по новой выбиваться из сил из за трупов подонков, что совсем недавно их самих собирались всех перебить.

Доверительный тон рассказа доктора подействовал на Джима успокаивающе и он решил действовать.

Играя роль наивного подростка, что ему непло-

хо удавалась почти всё путешествие на шхуне, он протянул руку в сторону Сильвера и закричал, пытаясь обратить внимание сквайра на себя: «Господин сквайр! Этот человек, что стоит возле вас — он один виновник всех бед! Именно он сговаривал моряков «Эспаньолы» на бунт против вас и капитана Смоллетта, именно он убедил меня что не стоит оставаться с вами, а пора самим найти клад — он, он один причина всей бойни что произошла на острове! Его место в петле! Если ваша милость будет столь любезна и разберётся во всём, лишь повешением этого старого негодяя можно хоть частично закрыть все те прегрешения, что он успел натворить!»

— Молодец! — хохотнул несколько наигранно Сильвер. — Уважаю! Речи ты толкать намайстрячился — просто будь здоров! У нас, Джентельменов Удачи, такие как ты — большими людьми становятся, можно вспомнить Моргана или Эвери! Так что Джим зря ты не захотел быть постоянно в пиратах, в тебе явно есть нечто этакое…

Подросток стал орать что следует не слушать негодяя, а как можно скорее его повесить, ещё до захода солнца.

— К чему такая спешка? — удивился Трело-

ни. — Милейший негодяйчик Джим! Я сейчас, от радости что вновь обрёл шхуну и что большая часть бунтовщиков и пиратов перебита — готов петь! Ты же мне рассказываешь о виселицах и скорых судах… Нехорошо!

— У нас мало матросов и нам сгодятся любые… — напомнил о себе доктор Ливси. — Не думаю что есть большой смысл начинать возвращение в Англию с повешения одного из немногих что ещё живы. По крайней мере сейчас!

— Благодарю вас, док! — искренне козырнул двумя пальцами к треуголке Сильвер и мужчины весело рассмеялись, церемонно поклонившись друг другу.

Джим видел, что идея заткнуть рот Сильвера верёвкой с петлёй пока что проваливается и решил срочно что предпринять, пока никто не требует немедленного ареста его самого и посадки в трюм шхуны, на хлеб и воду.

— Клад! — чётко произнёс Хокинс, глядя куда мимо людей, на деревья острова.

— Что клад? — с ленцой в голосе поинтересовался сквайр. — Мы его не искали — не до этого было, вы… Без карты и пометок Флинта? — я не верю что возможно найти. В твои, мой мальчик, тайные переговоры с усопшим капитаном

пиратов «Моржа» — я тоже более не верю и не позволю морочить себе голову! Так что пока что сделаем так: за сутки-двое, перенесём всё из форта на «Эспаньолу» и скорее в обратный путь! Уже в Англии решим что с вами обоими делать.

Подросток покачал головой, словно разгоняя воспоминания и уже спокойным голосом начал терпеливо объяснять: «Нет! Я знаю где значительная часть сокровищ. Серебряные монеты и часть сундуков. Это примерно четверть или треть от того что было — там много! Остальное укажу лишь после возвращения домой и получения, гарантированного, своей доли в добыче! Если нет…»

— Что тогда? — насмешливо спросил доктор Ливси, крутя пальцем у виска и откровенно смеясь с угроз Хокинса.

— Клада вам без меня не найти, Флинт был не дурак и всё именовал сугубо по своему, опасаясь и этого, — Джим указал пальцем на внимательно его слушавшего Сильвера, — и прочих своих офицеров: Пью, Чёрного Пса, Билли Бонса… Вам так просто не найти тайники!

После небольшого молчания, когда было видно что сквайр насупился и стал с угрозой посматривать в сторону Хокинса, внезапно Джиму помог

Сильвер.

Одноногий пират кашлянул, прося к себе внимания и проговорил: «Вообще то, данный щегол нам говорил, перед тем как началась вся эта заварушка с резнёй — что он с вами уже договорился и сокровища находятся у вас в форте, под охраной!»

— Ложь! Наглая ложь! — вспылил Трелони и направил указательный палец в сторону Джима. — Юный подонок снова решил устроить нам какую подлость?

— Сэр… — умиротворительно продолжал одноногий моряк обращаясь к Трелони. — Джим бросил горсть серебряных монет, оказавшимися похожими на те, как бы это смешно не звучало, что могли быть в нашей добыче, из паевой доли ребят с «Моржа». Там не было английских денег: сплошь французиков, проклятых испанцев и португальцев, голландцев! Мы подумали что вряд ли Джим мог с собой возить горсти иноземного серебра, лишь ради развлечения бросания их перед нами, как бисер в Библии советовали не метать перед свиньями… Вот так то.

Очередная пауза. Сквайр, раздумывая над услышанным, бил себя слегка хлыстом по ногам. Доктор Ливси шёпотом говорил скороговоркой

на ухо Трелони очередное предложение. Сильвер был жизнерадостен и улыбчив.

— Хорошо! — наконец согласился Трелони. — Идём сейчас же и ты нам укажешь где клад! Если обманул — повесим тебя на ближайшем же дереве, ибо мне надоели все эти глупые походы взад-вперёд без всякого смысла…

— Если нет? — напомнил Хокинс о своих требованиях. — Возвращение в Англию, прощение прошлых обид, доля в добыче?

— Что?! — несколько наигранно возмутился сквайр и выпучив глаза с минуту таращился на подростка. Потом расхохотался. — Да ладно, я не такая сволочь как рассказывают мои люди! Сделаем так: я дам клятву Джентельмена Крови о том, что если клад будет найдет: «Джим Хокинс будет возвращён живым и здоровым в Англию, не предстанет перед судом и получит один процент от найденного нами клада!» Это меньше чем было оговоренно ранее, но и ты, стреляя в меня и сговариваясь с пиратами — несколько нарушил прежние договоры, ведь так?

Тут же сквайр и Джим пожали друг другу руки, и решено было немедленно отправиться на поиски Белого валуна у обратной стороны острова.

В шлюпку сели трое егерей сквайра, Джим,

Сильвер, Трелони, Ливси. Все прочие остались готовить шхуну к возможно самому скорому отплытию.

Хокинс решил вести людей не по тропинке, где валялся убитый им, истерзанный страшно, Бен» Дикарь», а немного иным путём, вдоль берега — вывести на нужное место всю поисковую группу.

Через полчаса добрались наконец до белого валуна и Джим принялся убирать камни, что маскировали вход — разгребать каменную крошку и песок, вынимать корытце, что при Бене маскировало видом «ямы с водой», данное отверстие.

Сквайр, сперва недоверчиво лишь хмыкающий, завидев корыто и с помощью егерей, с факелами в руках, осветив вход с чётко видимыми кожаными мешками с монетами внизу пещерки, громко присвистнул и тут же достав карту — стал что то на ней искать.

— Нету! Ничего подобного нет на ней! — возопил внезапно Трелони. — Как такое может быть?! К чему тогда карта — если всё не там где указанно на ней?

— Капитан Флинт любил подурачить всех… — сказал смеясь Сильвер. — Весёлый был, по своему конечно, человек! Возможно он специально, боясь нас, своих старшин — решил на карте

указать совершенно неверные координаты, как рисунками так и запиской, в надежде что мы без него ничего не найдём. Спорно конечно, но могло быть и так.

Пока происходил данный разговор, подросток и все егеря начали поднимать из колодезной пещеры найденные в ней сокровища и осторожно выкладывать их на песке.

Три часа люди постояно что то находили и вновь и вновь, привязывая к верёвкам, заставляли находящихся наверху, на поверхности, товарищей, вытаскивать очередную добычу: было найдено семнадцать кожаных мешков с серебряной монетой, всего около ста двадцати тысяч пиастров, по словам Сильвера, который говорил что в таких мешках они обычно по шесть-восемь тысяч песо и держали всегда.

Потом пещера стала расширяться к низу и после небольших брёвен и сухих листьев пальм, появились сундуки с золотыми монетами.

Доставать сундуки было очень тяжело и долго, и Джим искренне поражался тому, как Бен» Дикарь» всё это проделывал сам.

Восемь тяжеленных коротких квадратных сундуков, с пузатыми боками — по мнению Сильвера в каждом было не менее двенадцати тысяч

дублонов.

Шесть больших, низких, продолговатых, с ручками для четырёх человек носильщиков — там пират насчитал, по его памяти, не менее двадцати тысяч золотых монет в каждом и наконец, вытянули общими усилиями, даже сквайр и доктор скинули свои камзолы и стали помогать тащить — два огромных сундучища, что постоянно застревали в проходе и Хокинс в очередной раз удивлялся умению и ловкости Бена, и тому, что ему удалось вообще их запихнуть в эту узкую подземную «пещеру».

— Или он вначале их опустошил, а уж потом, сами сундуки уложил и в них по новой клал монеты? — догадался подросток.

Верить в то что «Дикарь», в одиночку таскал такие тяжести запертыми на огромное расстояние, Джим отказывался верить.

В общей сложности, по примерным выкладкам бывшего квартирмейстера «Моржа», в сундуках было не менее трёхсот тысяч золотых монет!

После первой радости и продолжавшихся обысков тайника егерями, что вскоре стали говорить об обнаруженных слитках серебра и каких то шкатулках с камешками внутри, доктор Ливси, Сильвер и сквайр Трелони окружили Джима.

— Много! — провозгласил тихим голосом сквайр, — но явно не всё! Там ведь на миллион было, не менее, не так ли Сильвер?

— Совершенно верно, сэр! — подтвердил слова Трелони одноногий пират. — Я не вижу слитков золота, а их было не менее семи десятков и каждый от пяти фунтов, до двадцати пяти, формой от огромного блина, до рогульки туземцев! Нет особых шкатулок, куда мы ложили всякие редкие драгоценности: перстни с особо крупными камнями, сложные изделия ювелиров — Флинт неплохо в этом разбирался. Да и монет…

— Что с ними?

— Серебра раза в три должно было быть поболее, чем мы нашли — очень много! Золота, примерно ещё столько же — никак не меньше!

Все уставились на выдохшегося от работы подростка. Джим лишь устало покачал головой и развёл руки: «Тайников несколько, это правда. Вначале моё возвращение и гарантии неприкосновенности, прощение и конечно же — доля в найденном, хорошая доля! Потом возвращение на остров и нахождение всего оставшегося…»

— Зачем потом?! — разозлился сквайр, начав размахивать руками как птица крыльями. — Чего гонять судно вновь?! Сейчас всё найдём, а не

то я тебя…

Его тут же остановил доктор Ливси и начал что то по привычке шептать на ухо своему старшему товарищу. Сквайр тут же смягчился и извинившись перед Джимом согласился: что раз дал слово — надо его исполнять.

Когда сундуки начали переносить ближе к берегу, что бы погрузить на «Эспаньолу», Хокинс слышал как троица: Сильвер, Трелони и Ливси — сговаривались о продолжении поиска схронов с монетами.

Сквайр и пара егерей берут моряков шхуны и отвозят найденные сокровища на корабль, а Ливси и Сильвер, с егерями что остались — рыщут возле Белого камня и находят подобные места, разгребают камни и песок, и Сильвер пытается обнаружить какие опознавательные знаки что оставил Флинт.

Джима услали на шхуну на шлюпке, что бы он не мешал поискам оставшихся частей клада и подросток, лишь озорно рассмеявшись, принялся помогать морякам относить сундуки по помещениям и распределять их по ценности между помещениями.

— Нашли? — странным голосом поинтересовался капитан Смоллетт, когда Джим и моряки

ставили сундуки в каюту, что должен был занимать сам сквайр. — И сколько примерно сейчас будет денег на борту «Эспаньолы»?

— Триста тыщ золотых монет, около ста двадцати тысяч — серебряных пиастров… Там ещё слитки серебра и драгоценности в шкатулках, но их ценность мне неведома. — спокойно, точно каждый день возится с такими суммами, отвечал капитану корабля Хокинс и отчётливо услышал как Смоллетт громко сглотнул.

— Боже мой… — бормотал капитан уходя прочь, — мы словно плавучая кубышка! Как бы нас самих пираты не стали искать.

К вечеру, когда вернулись уставшие Сильвер и Ливси — без добычи зато с рассказом о некоем странном дикаре, которого Сильвер опознал как Бена Гана, высаженного им на этом острове за то что тот стал смущать экипаж поисками сокровищ без карты и они потратили на это гиблое дело много времени, вместо того что бы настичь Джима в Англии — подросток уже смог подслушать несколько разговоров и понять что заваривается новый заговор: моряки и капитан Смоллетт были не против перебить сухопутных нанимателей и имея такие деньжищи на борту, срочно сбежать куда ближе к Индии, что бы

прикупить там остров и собрав новую команду, и получив большое судно, вновь попытать счастье как пираты и работорговцы. Они совершенно не желали получать небольшую долю за поход, а хотели захватить всё.

К Джиму уже подходил Смоллетт и издалека намекая, говорил что сквайр всё равно повесит подростка и одноногого пирата за их преступления, в то же время как он, Смоллетт — готов принять их к себе в команду с равной со всеми долей в добыче…

У Александра Смоллетта сейчас в подчинении было всего два матроса, из его прежних людей, сам он был сильно ранен — и это против пяти егерей, оставшихся у Трелони после последних событий и доктора Ливси.

Морякам явно были нужны союзники и ими могли стать матёрый одноногий пират из команды Флинта и юнга, что не терялся в сложных жизненных обстоятельствах.

Всю ночь были хождения и предложения, как со стороны матросов егерям, так и от егерей — морякам шхуны.

Под утро, в комнатушку, где храпели привязанные к прибитым столам, Джим и Сильвер, вошёл доктор Ливси вместе в парой егерей и сообщил

новость: «Вы правильно сделали что не стали рыпаться! А то мы подумали что всё же сбежите к Смоллетту… В общем так: капитан арестован, как и его матросы! Приказ сквайра!»

— Чудеса! — засмеялся Сильвер. — И как нам теперь возвращаться в Англию? Я так понимаю, что кроме него — никто ведь вести судно не сможет?

— Вы нам подсказали вариант с захватом «Чёрной Каракатицы», — махнул руками, сам заливаясь смехом, доктор Ливси, — капитан Смоллетт будет нас вести, но каждый вечер отправляться под арест и ходить по судну он будет под присмотром одного егеря сквайра.

— Мда… — бормотал Сильвер почёсываясь. — Сюда мы так странно на «Каракатице» плыли и отсюда, тем же методом, назад, в Англию… Это плохой вариант, док. Но видимо иного просто нет?

— Совершенно верно, любезнейший — иного варианта нет! — согласился Ливси перерезая пута обоих пленников. — Сквайр пообещал обоим оставшимся матросам с «Эспаньолы» по паре тысяч фунтов на брата и прощение, Смоллетту гарантирована «пятёрочка», что тоже неплохо в нынешней ситуации. Все егеря также получат по пять тысяч фунтов. Вы, Сильвер — тысячу,

как провинившийся и пират, но сквайру нужна будет ваша помощь при возвращении на остров. Юному Джиму мы выдадим десять тысяч — если он не забудет нас провести снова к этому острову и тайникам, что он в себе ещё хранит…

Глава семнадцатая: «Последняя смерть на острове и отплытие»

Утро, несмотря на яркое солнце что уже начало палить нещадно, показалось подростку мрачным: на верхней палубе собрались все люди оставшиеся в живых, с начала похода за сокровищами и сейчас, когда доктор Ливси подводил Сильвера и Джима к ним, Хокинс наконец понял что происходит.

Капитана Александра Смоллетта привязали к грот-мачте и сквайр Трелони зачитывал обвинения, которые приготовили видимо ранее, он сам или Ливси, по его просьбе.

Капитан «Эспаньолы» обвинялся в попытке мятежа, ограблении пассажиров и нанимателя, предательстве.

Стоявшие рядом, два выживших, после всех событий на острове матроса шхуны опустили головы и молчали, со всех сторон их подпирали егеря сквайра при полном вооружении.

Трелони немного высказался в том духе, что лишь отсутствии на шхуне первого помощника и шкипера, и спасает Смоллетта от виселицы. И

то что он готов простить капитана и даже выдать приличную сумму денег, по возвращению в родные земли, вместо верёвки на шею — лишь его, сквайра, душевная чуткость и мягкосердечие, а вовсе не отсутствие вины за мятежным капитаном «Эспаньолы».

Доктор Ливси тем временем, своим привычным, ехидным, слегка «змеиным», шипящим с присвистом шепотком — рассказывал подробности ночного происшествия, что случилось пока оба задержанных спали связанными в комнатушке в трюме, на погрузившейся в ночную тьму, «Эспаньоле»: «Мы знали о переговорах с вами и том, что матросы Смоллетта также ищут поддержку бунта среди егерей сквайрв, обещая в равных долях разделить всё найденное на острове. Тогда Трелони решил действовать на опережение и попросив, с помощью молодого егеря Джойса, что бы два матроса с егерями отдельно провели переговоры, о том что бы Смоллетт гарантировал им по десять тысяч фунтов в добыче — вынудили тех выйти в узкий проход. Потом прочие егеря, спрятавшиеся в ближайших каютах, просто выскочили и впятером скрутили матросов — до того как эти дураки вытащили свои ножики и кого из нас не поранили… Нам бы пришлось их повесить

в случае убийства кого из егерей, а поход в обратном направлении, в Англию, без моряков — был бы весьма затруднителен. Смоллетта вызвал я, из его каюты, условным стуком, о котором мы с ним ранее сговорились на ужине. Я сказал что подумаю о том что бы отравить сквайра и часть его егерей, и это очень понравилось капитану…»

— Отличный вариант! — согласился Сильвер с видом знатока, разбирающегося в данном вопросе. — Всем сразу не пришлось бы мучаться: зачем устраивать резню, если один из лидеров группировки противников скончался? Тем более здесь, вдалеке от экспертиз там всяких. Отличный вариант! Невероятно гуманно и результат будет достигнут!

— Сквайр! — со смехом обернулся доктор к подходившему Трелони, — Наш кок одобряет вариант с вашим отравлением, как самый гуманный, позволяющий сохранить жизни простых участников конфликта и не доводить ситуацию до бойни! Сильвер, как совершенно неожиданно оказалось — великий гуманист!

Все трое: сквайр, доктор и одноногий пират, от всей души расхохотались, в отличие от Джима, вспомнившего о смертях Чёрного Пса и слепого Пью, ещё в Англии перед отплытием на поиски

сокровищ — и начавшего беспокоиться и о своём скором будущем.

После ещё нескольких шуток на эту тему, доктор до-рассказал что же произошло ночью: Смоллетта скрутили сразу же после его людей и всех троих моряков, связанными, держали до утра в каюте Смоллета.

Джима и Сильвера заперли заранее на несколько замков, что бы матросы, в случае чего, не могли их высвободить для помощи себе — если мятеж против сквайра удастся.

Утром Трелони решил провести небольшой показательный суд, дабы объяснить морякам шхуны и капитану Смоллетту что не стоит продолжать попытки бунта и проще вернуться в Англию условно «чистыми», и с тысячами фунтов в кармане, чем быть повешенными прямо в море, где не будет на суде ни судей ни адвокатов — никого кроме их врагов.

Сквайр повторил тот же тезис и глядя поочерёдно в глаза Джиму и Сильверу. После чего подросток лишь кивнул головой, а старый одноногий пират внове лихо козырнул и обещал выполнять все приказы Трелони как своего высшего командира, в скорейшем их исполнении!

Было решено пока что держать Смоллетта под

арестом и конвоем одного егеря, но в его же каюте, а не трюме. Джима и Сильвера отправить в кубрик егерей, где Джим уже спал, в самом начале похода к острову с сокровищами. Там же должны будут ночевать и матросы, что бы были под постоянным присмотром остальных людей сквайра.

Отплытие назначили на завтрашнее утро, так как моряки и егеря, вместе с Сильвером и Джимом, станут переносить оставшиеся вещи из форта, на вершине острова, на судно, а сквайр и доктор Ливси намеревались немного напоследок поохотиться.

Подросток подозревал что это будет последняя попытка Трелони обнаружить самостоятельно оставшиеся тайники Флинта.

Джим понимал что карта, после того как Бен «Дикарь» обнаружил пиратские сокровища и перепрятал их, не поможет паре кладоискателей и спокойно отправился вместе со всеми в форт, забирать бочонки и ящики, и грузить их на шлюпки для перевозки на шхуну.

После пары рейдов носильщиков туда и обратно, появились огорчённые Трелони и Ливси, и сказав что помогут с погрузкой, тут же начали командовать, распределяя роли прочих.

Подросток видел как вскоре они весело начали перешучиваться с Сильвером и внезапно одно новое опасение начало его мучать: одноногий пират легко вошёл в доверие к данной паре, несмотря на всё что ранее совершил и в отличие от Джима, будучи с ними почти ровесником, несколько старше, мог быть в известной мере на равной ноге со сквайром и доктором.

Подросток опасался, что Сильвер расскажет в подробностях об их переговорах при побеге от Трелони, когда они оба нырнули со скалы в морскую пучину: как Джим подбивал моряков «Эспаньолы» на бунт против сквайра и что именно Джим отпер пиратов, что были в кандалах в трюме. Что Хокинс помогал как мог при штурме форта и потом, внезапно внове появившись после пропажи на корабле, разбрасывал серебряные монеты и говорил от имени Трелони, что сокровища уже найдены и он успел договориться со сквайром о прощении всем кто вернёт корабль.

Последнее было и так известно Трелони, но Сильвер мог настолько вывернуть всё против Джима, что подросток холодел от одной мысли при этом.

Джиму, в его старой-новой роли «маленького мальчика, в урагане горестных обстоятельств»,

роли, что он снова на себя стал примерять после второго попадания в плен к сквайру — совершенно был не нужен подобный свидетель, который так много о нём мог припомнить лишнего и которому, почти что наверняка, поверят и доктор Ливси, и сам Трелони.

— Пристрелить? — размышлял Хокинс, таща бочонок с сухарями мимо хохочущей, от очередной байки Сильвера, пары: сквайра и доктора. — Найти ружьё, застрелить… Сам нарвусь на петлю на ровном месте! Тогда что?! Возвращаться с этим одноногим Окороком, в Англию — мне не с руки: к чёртовой матери такое обо мне вспомнит, что в кандалах, как обезьянку в балагане привезут! Он не должен быть с нами в Англии, просто не должен!

К пятому своему рейсу на шхуну Джим уже придумал как поступить и подойдя к расположившейся на условный пикник на траве, у прибрежного песка, смеющейся троице — обратился к сквайру с просьбой о разговоре.

Трелони однако отказался беседовать один на один и смеясь, напомнил как Джим его чуть не пристрелил совсем недавно, сказав при этом что совершенно не опасается Сильвера. Это было не очень хорошо для подростка и его попытки по

тихому очернить пирата.

Хокинс надеялся обвинить пирата за глаза и доказав опасность того, без присутствия самого Сильвера, добиться ареста, а то и скорого суда над квартирмейстером Флинта.

Говорить о подобном при самом одноногом Джоне — было гораздо сложнее, в том числе и по причине того, что сам калека мог многое чего припомнить Джиму.

— Это пират! — завопил Джим так, словно бы оповещал о внезапной атаке морских разбойников какое прибрежное поселение.

— И? — хладнокровно спросил сквайр, поднимаясь на ноги. — Думаю, мой мальчик, тебе мои молодцы говорили что и мы, в своё время, промышляли чем подобным? Я не вижу никакого вреда от того, что на судне будет ещё один пират: Я, капитан Смоллетт и Сильвер — отличная троица пиратских капитанов! Клянусь потрохами индейки! Ахахаха…

Джим пропустил мимо ушей высказывание сквайра и продолжал с несколько лихорадочной поспешностью, видя как губы Сильвера кривятся в презрительной ухмылке, а доктор Ливси лишь качает головой, откровенно потешаясь с неудачных потуг подростка очернить Сильвера:

«Сквайр, прошу вас подумать! Одноногий калека — какая от него может быть польза при переходе через океан?! — никакой! Он не помощник на судне, а опаснейший враг! Именно он вёл к острову «Чёрную Каракатицу», вспомните, под его руководством пираты её захватили и сейчас…»

— Сейчас его команды попросту больше нет! — оборвал высказывания Хокинса Трелони. — Как он станет захватывать судно без команды и зачем? В одиночку, тем более калеке, им управлять невозможно…

— Ночью, до того как доктор нас развязал, они сговаривались с капитаном Смоллеттом через дверь, думая что я сплю! — пошёл Ва-Банк Джим, понимая что проигрыш может стоить ему головы. — Матросы и их капитан повержены, но вот Сильвер, словно бы примкнувший сейчас к вам — шуткарь балагур, шут при знатном сквайре, но берегитесь…

— Скотина, урод, сволочь! — взбесился Сильвер и в который раз подросток видел как хладнокровие у этого человека оказывалось напускным.

Он загорался от пары фраз и начинал откровенно беситься, впрочем, как и большинство виденных Джимом прежде, пиратов. Сам Хокинс искренне считал это издержками данной

профессии: много истерических атак, выпивки, невоздержания в поступках и словах — и мало военной дисциплины.

Пират бросил в подроска костылём и попытался добрыгнув до него, вцепиться в горло, но сквайр и доктор сбили его с ног и держали за руки.

Потом сквайр приказал подошедшему егерю направить винтовку в сторону Сильвера и сам, встав окончательно на ноги, принялся ходить взад вперёд. Наконец он коротко проговорил подростку: «Продолжай».

Под непрекращающейся площадной руганью одноногого пирата и мерный шорох шагов сквайра по песку пляжа, Джим, всё сильнее распаляясь, выдумывал сложнейший заговор, в котором именно Сильвер — являлся головой и организатором, а Смоллетт, лишь его послушным исполнителем.

— Он мечтает снова стать пиратом и заполучив суммы что нашли на острове с сокровищами…

— Не важно! — снова нетерпеливо перебил сквайр, — Что там с заговором?

— Сильвер себя считает законным владельцем найденных денег на данном острове и собирался бороться за них всеми силами! Он проговорился, что это ещё «не последний бой» и шутка доктора

о «возможном отравлении сквайра» — ему очень понравилась не просто так! Окорок не зря пытается стать коком на нашем судне: для него украсть что отравляющее, из сундучка доктора Ливси и подмешать это в пищу вам, сэр или кому из команды — например Смоллетту, раз плюнуть!

— А Почему лишь нам двоим? — поинтересовался Трелони, уже явно заинтригованный словами Джима.

— Вы, глава всей экспедиции и ваша гибель приведёт к новой резне между людьми на шхуне, а без капитана мы далеко не уплывём — разве что положившись на Бога.

Наступила внезапная тишина. Сильвер выдохся и теперь лишь с ненавистью смотрел на подростка, уже однажды лишившего его законной доли в добыче, потом ноги и наконец, прямо сейчас — желавшего его смерти.

Старый пират всем видом показывал, что если ему повезёт — уж он точно расквитается с Джимом, лишь бы только сейчас повезло…

Не повезло! Сквайр быстро щёлкнул пальцами, призывая к вниманию стоявшего наготове с заряженной винтовкой, егеря, старого преданного ему Тома Редрута и далее, одними знаками, показал что следует делать: щелчки Тому, указательный

палец в сторону тяжело дышащему одноногому Сильверу, потом короткий жест ребром ладони по своему горлу — известный практически у всех народов.

— Не-е-е-е-ет!!! — завопил в отчаянии калека и было попытался броситься на колено перед сквайром, но Том Редрут в мгновение вскинул свою винтовку и немедля прозвучал короткий сухой гром выстрела.

Сильвер, получив пулю почти в упор, с расстояния всего в восемь шагов — тут же совершил короткий быстрый поворот кругом в падении и мешком повалился на песок пляжа лицом вниз. С четверть минуты тело его билось в конвульсиях, но вскоре прекратило свои движения.

— Том, будь любезен — проверь его… — усталым голосом попросил Трелони у своего слуги и брезгливо обойдя тело убитого по его приказу пирата, спокойно направился к Джиму, стоявшему с разинутым ртом, настолько подростку показалась невероятной столь скорая расправа над Долговязым Джоном.

Том Редрут привычно перевернул тело застреленного им только что человека лицом к солнцу, видно было что старый егерь не единожды проделывал подобную процедуру и своим широким

изогнутым кинжалом перерезал убитому горло. Осторожно вытер кинжал о песок пляжа и какую тряпицу что достал из за голенища сапога. Подняв голову егерь сообщил сквайру: «Всё нормально хозяин — он мёрт! Теперь уже точно.»

— Слава Богу! — выдохнул Трелони. — Честно говоря, Сильвер заставлял меня постоянно опасаться каких неприятностей с его стороны, офицер при Флинте — это чего то да стоило! Да и при штурме нашего форта на вершине острова, надо отдать ему должное: он проявил себя неплохим командиром, хотя и несколько простоватым. Всё же проще совершить возвращение без его присутствия на шхуне, дабы не опасаться чего подобного, из рассказанных нам здесь и сейчас, юным Джимом, историй… Кстати, мой мальчик — ты знаешь почему я тебя не пристрелил, вместе с этим грязным негодяем?

— Вам необходим матрос на корабле, сэр? — осторожно предположил Хокинс, уже немного приходя в себя после внезапной расправы над Сильвером и осознавая что он снова победил.

— Ничуть! Ты не матрос — ты юнга! Совершенно бесполезное существо… Без обид! Я надеюсь сюда ещё вернуться и заполучить все монетки капитана Флинта, все его шкатулки с драгоцен-

ностями, золотые слитки и сундуки с золотом! Мне показалось опасным иметь Сильвера на борту — ещё и по причине его неплохих познаний откуда эти сокровища взялись, и я решил подыграть твоей слезливой истерике и пристрелить Сильвера. Он отличный собеседник и собутыльник, но постоянно опасаться удара от подобного хитрована — для меня явный перебор!

Дальнейшая погрузка оставшихся вещей с острова на «Эспаньолу», ночь на шхуне и утреннее отплытие — прошли без каких либо заметных приключений.

Утром, по приказу капитана Смоллетта, были подняты матросами, парой егерей и Джимом указанные им паруса и вскоре шхуна отправилась в обратный путь, в Англию.

Первые трое суток все были напряжены из за недавних событий: мятежей, поиска сокровищ, предательств.

Однако на четвёртые сутки обратного плавания как то постепенно все прошлые переживания словно бы остались на покинутом острове с трижды проклятыми сокровищами и все понемногу начали общаться как и прежде, до начала склок.

Смоллетт постоянно проводил время в обществе доктора Ливси и сквайра Трелони. Матросы

весело балагурили с егерями сквайра. Джима, как и в походе на остров, снова считали лишь юнгой и только иногда, словно бы случайно, ему припоминали и речи на палубе «Эспаньолы», о которых весело рассказывал всем Сильвер — и выстрел из винтовки в Трелони, на острове. При этом сами говорившие искренне смеялись и считали это детскими шалостями Хокинса.

Джим скромно подхихикивал им всем и стыдливо поводил плечами, при этом замечая на себе насторожённый взгляд старого егеря Тома Редрута, что не разделял общего веселья и перестал, как бывало ранее, делиться с Джимом какими новостями из жизни сквайра или доктора Ливси. Том явно оценил способности подростка и сейчас походил на верного охотничьего пса, что не верит дрессированной лисице на поводке, как бы хозяин не гладил её по голове.

На пятые сутки после отплытия, сквайр Трелони и доктор Ливси устроили какую вечеринку в каюте сквайра и пригласили и Джима к ним.

Зашедший подросток увидел прилично захмелевших руководителей похода: оба сидели без своих привычных париков и камзолов, забросив по одной ноге на ближайшие табуреты и постоянноо чём то громко переговариваясь, хохотали

от души.

На столе стояло не менее десятка различных откупоренных бутылок, из тех, что Хокинс знал: там были ром светлый и тёмный, виски, водка, какие то вина. Жаренное мясо стояло в блюде на столе, немного овощей и бананы с орехами — в совершеннейшем изобилии.

— А вот и наш преступничек! — хохотнул, приведённому егерями подростку, доктор Ливси.

— Всё! Оставьте его нам и уходите! — скомандовал своим людям сквайр и те с поклонами вышли из каюты.

С минуту пара выпивох разглядывала немного смущённого столь необычным вызовом Джима, потом сквайр не выдержал и расхохотался вслед постоянно хмыкающему и хихикающему Ливси.

— Джим! — проорал Трелони так, что казалось что все бутылки на столе зазвенели. — Скотина ты скудоумная! Ты что же — решил с нами в игры играть, за дураков нас держишь? Говори немедля где оставшиеся сокровища лежат и мы сейчас же, развернув «Эспаньолу», возвратимся за ними! Ты слышишь?! — Го-во-ри…

— Вы мне обещали долю от найденного. — напомнил подросток о клятве сквайра на острове. — Я получаю долю уже найденных сокровищ

и гарантии, письменные, уже в Англии: о неприкосновенности и не преследовании меня, вами…

— Что ты несёшь?! — словно бы взбесился сквайр и даже поднялся на ноги. Но тут же плюхнулся обратно в кресло, видимо будучи уже сильно на подпитии. — Ты что мелешь, дурень? А смерть твоего папашки, такогоже висельника как и ты? А убийство при свидетелях Билли Бонса, штурмана «Моржа»? Ты что?! Да тебе, негодяй — молить меня надо о пощаде, а не требовать себе долю или милость о непреследовании, о пощаде молить!

— Вы поклялись мне, что не станете против меня что злоумышлять или действовать. — твёрдым голосом отвечал Джим, начиная опасаться что с каждой милей приближения к Англии, цена данной клятвы будет всё меньше и меньше.

— Ну и что? — спокойно хмыкнул сквайр и налив себе в синий бокал водки, почти полную посуду, тут же залпом влил это в себя. Потом откусил треть лимона и разжевав кусок, с гримасой на лице, продолжил. — Что из того? Я и не буду — для этого есть судейские! Зачем мне марать свои руки о тебя, негодяя? Тебя посадят в тюрьму в кандалах, на хлеб и воду, и станут там держать столь долго и в таких нечеловеческих условиях,

чуть не по уши в собственных нечистотах, что ты умолять нас будешь о смерти! А её ты получишь лишь после того как мы узнаем где спрятаны остальные сокровища и найдём их — не ранее…

Доктор Ливси замахал руками и обронив пару бокалов на пол, стал стучать кулаком по столу, потом, с предложения сквайра, налил себе в бокал вина и отхлебнув три глубоких глотка, заорал визгливым голосом, таким Джим его никогда прежде не видел: «Ты наш раб! Раб! Что хотим то и будем с тобою делать и не смей нам перечить! Тебя станем ломать о колено или ездить на тебе верхом, и скажи что нам против! Ты в Англии никто — преступник для виселицы! Какие, подобному отребью, могут быть обещания и клятвы, кто в это поверит?! Молчи скотина и говори где сокровища!»

— Так молчать или говорить? — не удержался Джим от ехидного вопроса и тут же в него полетела пустая зелёная бутылка, брошенная трясущейся рукою Ливси.

Впрочем бутыль подростка не задела и лишь брызги осколков попали ему на рубаху и штаны, когда бутылка ударилась о дверь каюты и разлетелась фейерверком стеклянных частей.

В каюту заглянули с вопросом что случилось

слуги сквайра и получив от хозяина приказ убрать прочь Джима, выволокли юнгу за шиворот в проход, а потом пинками спровадили его на верхнюю палубу.

После праздных шатаний и лёгкой дрожи, когда Хокинс опасался каждого шага егерей и их возможной попытки вернуть его вновь в каюту с веселящимися руководителями похода, Джим решил что в любом случае ему придётся что то предпринять, так как пьяные откровения Трелони и Ливси ясно показывали в каком направлении могут для него начать разворачиваться события, если он всё оставит как есть.

Захватив на камбузе пару бутылок рома — Джим направился к самому молодому из оставшихся егерей сквайра, Джойсу.

— Привет! — дружелюбно обратился Джим к Джойсу.

— Чего тебе? — откровенно удивился появлению Джима данный егерь, бывший всего на три года старше юнги.

— Решил с тобою «раздавить» эту бутылку, а то самому — как то не идёт совершенно…

Джойс конечно опять удивился такому дружелюбию Джима, но охотно согласился: пока есть время и их не зовут на верхнюю палубу, немного

скрасить возвращение туда, крепкой выпивкой.

После пяти минут пустой болтовни под частые глотки рома, обсуждение событий на острове и сумм, найденных там — Джим решил что его собутыльник уже достаточно хлебнул горячительного, так как Джойс чуть ли не вдвое более юнги прикладывался к бутыли и начал с ним разговор, что давно задумал: «Смоллетт!»

— Что?

— Ты его охраняешь ночами?

— Ага, вместе со стариканом Томом Редрутом, по очереди, а что?

— Капитан имеет на судне пару своих моряков, да плюс мы с тобой — и всё! Зачем получать крохи от сквайра, в ожидании нового похода на этот проклятый остров, возможных кровавых схваток и мятежей, новой кровищи — если можно уже сейчас слегка помочь Смоллетту получить вновь в своё полное командование корабль, и избавившись от Трелони и Ливси, делить всё на всех! Огромные деньжищи! На кой тебе и далее быть слугой, если станешь сам господином! Англия уже скоро будет на горизонте, а о докторе и сквайре… Можно сказать что их пираты Сильвера прикончили, тех уже всех нет в живых — вали на них любые преступления. Подумай!

— Уже… — спокойно ответил Джойс. — Сам я боюсь один оставаться с тобой и прочими с «Эспаньолы», мне нужны кто из наших, из егерей — для равности отряда и предупреждения подлости с вашей стороны. Я помню как Редрут мне описывал что ты устраивал на «Эспаньоле» или когда Сильвер зарезал одного нашего во время разговоров на острове.

— Не вопрос! — обрадовался такому повороту разговора Джим. — Тащи кому доверяешь сюда и давай нормально поговорим обо всём этом, дело стоящее, точно говорю!

Джойс поднялся и вышел. Джим не стал более пить, считая что переговоры должны вестись с максимально светлой головой.

Внезапно, через пару минут после того как егерь покинул помещение, с двух сторон в кубрик где ночевали егеря и матросы — вошли Джойс, Том Редрут и ещё один из егерей.

Молча они схватили Джима за руки и обыскали его. Том Редрут связал кожаными ремнями руки и ноги, и потащил пленника в сторону помещений где уже ранее Джим и ныне покойный Сильвер провели вместе ночь, также будучи тогда связанные.

— Ты пойми… — тихо говорил Джойс, помо-

гая нести Джима старому Тому Редруту. — Том прав: как только ты открываешь рот — что то нехорошее всегда случается! Ты зарезал пирата в родительской харчевне, ты подставил под яды доктора, эти двух разбойников, в Англии — слепого калеку и второго, который Псом именовался.

— Одного повесили! — пискнул Джим, лишь что бы как смягчить своё скорое и как ему казалось очевидным, нетвратимое, наказание.

— Не суть! — продолжал Джойс. — Редрут напоминал мне постоянно какая ты шкодливая лисица, что Сильвер говорил что именно ты: отпирал кандалы пиратов в трюме «Эспаньолы», именно ты стрелял в сквайра Трелони, именно ты требовал казни самого Сильвера, а перед этим — ты же был на переговорах с нами, перед пиратским штурмом форта. Сильвер рассказывал Тому что ты устроил потасовку, между пиратами и моряками шхуны, прямо перед тем как она села на мель и именно твоими стараниями почти все они и погибли… Джим — тебя, если по хорошему, следует утопить, как крысу! Ну да ладно, подождём решения сквайра!

Подростка, связанного по рукам и ногам, бросили в каморку где он уже ранее одну ночь пребывал и заперев двери оставили Джима, в

темноте и тишине, обдумывать своё новое положение на судне: пленника и мятежника, к которому отношение, со слов пьяного доктора Ливси — как к рабу.

Сутки прошли в подобном наказании для Хокинса: утром и вечером к нему приходил Джойс и немного ослабив пута, давал ему поесть и выпить воды, позволял справить свою нужду в деревянную лоханку.

Потом пленника внове связывали, хотя и не сильно, и оставляли предаваться грустным размышлениям о своей дальнейшей участи.

Раз зашедший Том Редрут, сказал что Джима так до самой Англии и будут везти в путах, ибо сквайр хочет скорее получить оставленные на острове монеты и не против как следует пугануть своего пленника, что бы тот чего ненужного о себе не мнил и меньше упирался.

На третьи сутки заточения подростка, Джойс, принесший как обычно воду и пищу, по секрету сказал что «Эспаньола» идёт с опережением графика и уже через сутки, максимум двое — точно будет в Плимуте или Бристоле, ещё пока не определились, так как сквайр не хочет заходить в порт где хорошо знают капитана Смоллетта, из за опасения что тот на него донесёт властям

или своим друзьям в Бристоле и те совершат нападение на «Эспаньолу» — и сейчас о чём то сговаривается с доктором.

Вечером того же дня, в каморке со связанным Джимом появился и сам доктор Ливси: опять сильно пьяный, с фонарём в руках и гаденькой улыбкой на вытянутом, почти без загара, белом, словно бы сметана, лице.

— Как себя чувствует наш мальчик, наш рабчонок? — хихикнул доктор и несильно пнул Джима по левой ноге.

Связанный человек на полу кое как, червём, поднялся с циновки и удобнее умостился в углу, что бы сидя смотреть на пришедшего.

— Дурашка… — странным тоном проговорил Ливси и Джим забеспокоился о своей участи. Ему почему то сейчас вспомнился бомбардир «Саффолка» Ганс, которого он так удачно во время сражения убил. У доктора отчего то был подобный голос, интонации в нём, как и у немца, перед тем как тот начал приставать к Джиму с домогательствами. — Ты что же, думал постоянно всех мутить своими заговорами и идеями? Дурачок… Ты — никто! Сквайр, с каждой милей что мы приближаемся к Англии — важный человек и благодетель… Для своих друзей и слуг, ясное

дело. Даже матросы Смоллетта поняли что лучше сговориться с нами, чем своим капитаном, а уж егерям и смысла не было встревать в интригу что ты предложил. Дурашка ты Джим, а мы то тебя несколько выше считали и, чего греха таить, опасались не менее Сильвера. Ахахаха!

Доктор поставил поудобнее найденный в каморке ящик и уселся на него. Было видно что с пьяных глаз ему хочется поговорить и решив что лишь пленный юнга станет его безропотно слушать, доктор направился к нему, скорее всего после очередного возлияния в каюте сквайра.

Ещё с добрые десять минут Ливси изголялся: описывая глупость подростка, говоря как именно он сразу же просчитал Джима на все его хода вперёд и что, в отличие от сквайра, который было начал опасаться Хокинса, сам Ливси просто презирает его, как мелкого и жалкого негодяйчика.

— Да Джим! Мелкого и жалкого — так и запомни! Ты убил своего отца, который конечно был сволочью, спору нет — но и ты оказался не лучше него! Потом, заранее устроив засаду в «Адмирале Бенбоу» — ты убил своих товарищей по «Моржу», Билли Бонса и того слепого, Пью, так кажется было его имя…

— Я их не знаю, клянусь вам! — запротесто-

вал Джим, но доктор лишь расхохотался на его слова.

— Да конечно! Они взяли и случайно тебя хорошо «узнали», верно?

— Чёрный Пёс был разведчиком пиратов Флинта на побережье и именно он вынюхивал что да как, его это заслуга — остальные просто шли по следу!

— Да, да, да — невероятное везение! Билли Бонса ты сам прикончил, а остальных двоих, которых ты сейчас назвал — пришлось нам со сквайром взять грех на душу… — доктор внезапно замолк и добрые три минуты ничего не говорил, мрачно разглядывая пленника перед собой. — А Сильвер? Он нам успел рассказать о том что именно ты, тогда, на острове — когда сквайр пригрозил тебя силой допросить, ведь именно ты гарантировал ему возвращения сокровищ пиратам, как законным его владельцам! И я верю этому одноногому мяснику, Окороку… Верю! Ты устроил потасовку с резнёй, после штурма на «Эспаньоле» и ты же, сволочь юная, подставил Сильвера под пулю егерей сквайра. Впрочем, Трелони и сам с удовольствием расправился с ним.

Далее говорить было вроде уже и не о чем, однако доктор внезапно снова пьяно рассмеялся и

стал рассказывать как они с Трелони решили поступить далее со своими пленниками: «Капитана Смоллетта отравим в виду берегов Альбиона и сбросим в воду, с грузом на ногах. Официально он просто пропадёт — но это уже когда берега будут на горизонте, не ранее! Вызовем в каюту и отравим бокалом вина, потом егеря привяжут к его ногам какую металлическую тяжесть и тихо скинут в воду, пока найдут да разберутся… Если вобще найдут! С тобою, Джим Хокинс, всё сложнее — ты наш раб! Если откажешься в ближайшее время сообщить сквайру координаты сокровищ, оставленных на острове — тебя будут настолько страшно допрашивать, насколько это возможно! Трелони с каждым днём все сильнее овладевает жадность и он проклинает себя что не распял тебя на острове, не выжег тебе лицо горящими пальмовыми ветками или не засунул в разрезанную печень, тебе, муравьёв. Во хмелю он многое что вспоминал, из своих прежних приключений у Мадагаскара. Он решил тебя держать как колодника, на шхуне, а потом — где в своих поместьях и постоянно допрашивать: хочет сговориться с известнейшим маратхским специалистом по допросам, который сейчас в Лондоне ведёт переговоры о мире с Ост-Индской

компанией и заплатив ему суммы солидные, направить его умения что бы тебя разговорить. Держись Джим, ты получишь сполна за кровь всех кого погубил…»

Хокинс понял что с ним решили поступить самым бесчестным образом и если его довезут до поместий сквайра Трелони, будь то столица или провинциальный замок — он уже совершенно станет игрушкой в руках сквайра и доктора, о которой никто никогда и не вспомнит, если что.

Джим пополз на коленях, как смог в своём нынешнем связанном положении, к смеющемуся доктору Ливси и стал горестно причитать.

Очередной план был уже готов у подростка, но для этого следовало придумать как снять пута, именно это стало основной его нынешней проблемой.

— Что? — вопросил всё ещё сидящий на своём ящике, доктор, — что ты ко мне ползёшь, скотина?

Ливси быстро и коротко, пребольно ударил Джима своим полусапожком в грудь и пленник повалился на спину, вызвав очередной приступ хохота у своего мучителя.

Подросток вновь с большим трудом встал на колени, пираясь на пол и переборки лбом или

плечами и продолжая слезливо просить — снова пополз к Ливси.

Вновь последовал удар и Хокинс упал на пол, заизвивался как червяк и после некоторых мучений, смог в который раз встать на колени.

— Доктор, заклинаю вас! — канючил Джим, подползая к хохочущему уже вовсю, от такого нового, прежде невиданного, развлечения, Ливси. — Давайте с вами объединимся!

— Что ты тут несёшь, убогий? — спросил доктор и в третий раз ударом ноги отбросил Джима на прежнюю позицию пресмыкающегося. — С тобой? Зачем?! Что ты можешь и кому нужен? Ах Джим, Джим — ты совершенно ополоумел со всеми этими приключениями на тропических островах…

— Доктор… — проговорил Хокинс, снова становясь на колени и неспешно приближаясь к Ливси. — Вы, если отравите сквайра и его егерей — получите всю их долю. Себе. Одному! Сами подумайте: если егеря и Трелони убьют Смоллетта, стоит ли вам быть в этой странной компании, заодно? А если матросы шхуны, опасаясь что и от них станут избавляться — накинутся на вас или бросятся наутёк, что бы сообщить таможенным чиновникам о преступлении?

— Дурак! — резко осадил голосом, говорившего подростка, Ливси, но перестал бить. Складывалось ощущение что с него уже сошёл хмель и сейчас он вполне адекватно смотрит на жизнь. — Дурак! Да если бы я имел достаточно яда, для этой операции — неужели ты думаешь что я не избавился бы от братца ещё там, на острове? Я вернулся бы в Англию с кучей денег, оплакивая любимого мною, упокоившегося на краю света, сквайра Трелони и… Став его единственным наследником! Не считать же всех его бастардов, за таковых!

Джим таращился во все глаза, начиная понимать о чём говорит доктор и удивляясь что ранее не замечал некоторой лживой и наигранной суетливости и угодливости Ливси, при присутствующем сквайре.

— Я давно бы упокоил старшего братца там, далеко от родины и её судейских и следователей, и прибыл домой владельцем поместья и солидной суммы денег, которой мне хватило бы до конца моих дней! Но… Но яды достать не так просто, по крайней мере те что использую я, а брать первые попавшиеся, что могут сразу же навести на след того кто их преподнёс жертве — глупость величайшая! Я ещё в Англии, перед

нашим отъездом, часть потратил на твоего знакомца, Чёрного Пса, что бы тот не навёл наших местных полисменов на какие раздумья никому не нужные… Кроме него была ещё пара человек, отправленных мною на тот свет по просьбе их родственников, за малую толику от наследства покойных. Всё! Запасы что мы тащили в форт на вершине острова, частично были потеряны при штурме, когда пару ваших идиотских дробин пробили тонкую перегородку моего ларца и к величайшему сожалению, почти на три четверти опустошили содержимое флаконов с ядом! Оставшегося хватит на одну порцию — совершенно точно, но всё остальное тобой предложенное — сильно под вопросом. Так то!

— Сквайр! — тут же нашёлся Джим. — Вы станете вместо брата хозяином поместья с титулом и владельцем денег, и…

— А его егеря? Меня они считают за приживалку, не более того и если брат будет отравлен, не дай Боже — они сразу поймут кто это проделал. Ну не моряки же Смоллетта, честное слово! Тогда всё: пыточная казнь или избиение, и привод в суд! Зачем мне такой идиотский вариант? Нет! Я получу свою и… Твою, Джим, долю! Вот так вот! А когда братец снова отправится за оставшимися

суммами, на этот проклятущий остров — лучше подготовлюсь к этому: постараюсь заранее смайстрячить у знакомых художников поддельное завещание, с печатями и подписью брата, на моё имя. Сговорюсь с судьями и с удовольствием буду сопровождать сквайра Трелони в новом плавании. Потом безвременная утрата, похороны прямо там, на острове, что бы если кто что и проверял — тело уже успело несколько протухнуть или, что ещё лучше, утопление его в море, с привязанными ядрами в ногах!

Подросток с отчаянием с каждой секуной понимал, что в данной игре он не может ничего бросить на чашу весов, что бы склонить доктора Ливси на свою сторону: у доктора уже был чёткий план и видимо всё будет идти к тому что он скоро окажется выполнен.

Сейчас Ливси получит свою и долю Джима, а самого пленника Хокинса — станут страшно пытать, в надежде получить указания на тайники оставшиеся на острове, которых Джим и сам не знал…

Капитана Смоллетта и скорее всего, всех оставшихся его людей — скоро перебьют, как только покажутся очертания Англии. Джима, в бочке и с кляпом во рту — свезут на берег и всё. Конец.

Оставался лишь запасной план, на который Джим особо не надеялся, но всё же разрабатывал и его, прежде, до разговора с Ливси: Джойс и прочие егеря что за ним следили, немного ослабляли верёвки на ночь, что бы не натирали руки и ноги юнги, и сейчас Хокинс думал каким манёвром постараться их ослабить и совершенно развязаться.

Прежде он в этом не видел никакого смысла: зачем сбегать в открытом море, неизвестно где, с корабля? Можно утонуть или быть найденным вернувшейся «Эспаньолой» и получить что пострашнее плена в каморке, и верёвок на руки и ноги.

Ранее Джим надеялся что его всё же скоро отпустят и он сможет напугать сквайра тем, что под пытками лишится рассудка или умрёт и тайна сокровищ — вместе с ним пропадёт навсегда.

Но сейчас, услышав рассуждения Ливси о своей судьбе и том, что загадочный маратхский пытошный мастер будет нанят специально для его допроса — Хокинс понял что никто его освобождать не станет и тем более делить с ним добычу.

Сбежать просто так, от угроз скорых пыток, что бы скитаться, боясь преследования сквайра и без пенса в кармане — было глупо и совершенно

бессмысленно. Но в новых условиях следовало предпринять хоть что то, что бы спастись от возможных бесконечных мучений, что готовил подростку Трелони.

Джим не просто так постоянно вставал на колени и подползал к доктору: каждый раз, когда его ронял на пол, ударом ноги, Ливси — юнга дёргался как припадошный на полу и понемногу ослаблял свои верёвки, при этом будучи вне подозрений у своего мучителя.

Сейчас пленник чувствовал что может полностью освободить от пут хотя бы руки… Оставался лишь один вариант и Джим приступил к его исполнению: юнга, внезапным прыжком на коленях оказался вблизи с Ливси, буквально оторопевшему от такой прыти подростка и когда Джим неожиданно вытащил, парой рывков, свои связанные за спиной руки и схватил ими доктора, тот лишь пискнул и стал брыкаться, впрочем совершенно не опасно.

Пленник подтянулся поближе и заткнул левой рукой рот Ливси, после чего повалил того на пол весом собственного тела. Джим, к своему немалому удивлению, лишь сейчас понял что он несколько крупнее доктора и явно сильнее.

Все рассказы о том что доктор Ливси отменный

силач и бретёр, видимо и вправду распускались самим Ливси или подкупленными, им же, людьми — как о том ранее говаривал подростку Том Редрут: «Доктор никогда не воевал, лишь хвастун и дурак! Но с помощью своих болящих клиентов и слухов, что он постоянно распространяет «о неких сражениях» и тому что отменно фехтует, чего никто у нас никогда не видывал — с ним опасаются связываться даже отчаянные головорезы контрабандисты!»

Без особого труда заткнув рот отчаянно начавшему брыкаться лекарю, Джим нащупал кинжал в ножнах на поясе своей жертвы и немного повозясь, достал его.

В темноте каморки, при прыжке Джима, фонарь повалился на бок и потух. Доктор попытался было перехватить руками кинжал, точнее руку юнги в которой клинок был, но промахнулся и первый же замах Хокинса завершился точным ударом.

Потом последовали ещё три коротких колющих удара кинжалом в левый бок уже опадающего Ливси.

Через минуту подросток отпустил свою замершую жертву на пол и осмотрелся, прислушиваясь к тому что происходило поблизости — всё было

тихо.

На всякий случай Джим повторил то, что на острове показал ему старый егерь Том Редрут: он поднял голову Ливси и перерезал ему горло, как егерь поступил с Сильвером, ранее.

Убедившись что всё удалось и никто к его каморке не приближается, Джим снял, с помощью кинжала, путы с ног и разувшись, на одни носки, как ранее в рейде на «Морже» — стал осторожно красться по проходу.

Спешка и страх понемногу улетучивались и Хокинсу в голову пришла мысль, что неплохо бы, пока его никто его не ищет, потихоньку заполучить хоть чуток островной добычи и с нею, на шлюпке стоявшей на козлах с левого борта, отчалить с «Эспаньолы».

Забраться в каюту самого сквайра Трелони было опасно — там мог быть пост из егерей или сквайр, явно пивший более умело чем Ливси, уже протрезвел после их попойки и будучи отменным бойцом мог запросто прикончить из пистолета или палашом, забредшего к нему в каюту, сбежавшего из под ареста, Джима.

Тем более что сквайр хранил у себя самые ценные драгоценности, золотые монеты и слитки. Серебро и серебряные слитки были сложенны

в каюте пороховой комнаты, на носу шхуны, в нескольких метрах от кубрика где отдыхали матросы и егеря.

Сейчас там спали лишь стрый Том Редрут и какой то усатый егерь, имя которого Джим позабыл.

Том отличался чутким слухом, но Хокинс посчитал что в то время как судно скрипело и щёлкало, слышались шаги людей на верхней палубе и разговоры вперемешку с кашлем, особо никто не станет внимательно прислушиваться к очередным новым скрипам и постукиваниям, когда он попытается с помощью кинжала выскоблить дерево у замка в двери, где хранились серебряные монеты и осторожно выломать его что бы пробраться в схрон серебра.

Прикрыв дверь каморки, с лежащем в луже собственной крови на полу, Ливси — Джим прокрался к помещению хранилища серебра и в полумраке вечера стал понемногу скоблить щепы из дерева вокруг замка, потом их вынимать и далее вновь понемногу скоблить.

За четверть часа его труд увенчался успехом и Хокинс, немного поднажав, смог наконец рывком открыть двери.

Пару раз, близко, на верхней палубе, проходили

матросы и подросток опасался что скоро Джойс или кто из егерей отправятся к нему в каморку, но вспомнил что вечерний обход уже был и успокоился.

Наощупь взяв себе один кожаный мешок с монетами, тяжеленный, в котором, по словам ныне покойного Сильвера — было не менее десяти тысяч монет, Джим стал раздумывать над своими следующими действиями: где то надо было укрыться и дождавшись ночи, осторожно выйти на верхнюю палубу и убив вахтенных — забрать шлюпку и на ней удрать.

Но здесь вставал новый вопрос: не станут ли скоро искать пропавшего доктора, по приказу сквайра и наткнувшись на Джима — сможет ли он отбиться от егерей Трелони и матросов шхуны одним кинжалом?

Вариант ожидания ночи и шлюпкой в качестве спасения — уже не казался столь очевидным и Джиму пришло в голову следующее: зажечь фонарь и бросив его в сторону пороховой комнаты, броситься наутёк на верхнюю палубу, вопя как можно громче» Пожар возле пороха!!!».

Его не станут хватать и все побегут вниз, смотреть что да как, а он тем временем сиганёт вниз и…

— И? — сам у себя спросил Джим. — С монетами? Утону к чертям! Плыть без средства я не смогу, также как и быстро в одиночку снять шлюпку с козел и спустить её за борт. Так то…

После минутного размышления выход был найден: Джим подпаливает с помощью масла фонаря, точнее зажигает фонарь и свои сухие тряпки, что не жаль было и бросает в сторону двери пороховой комнаты, а сам, раз уже начинает смеркаться, сложив в бочонок из под солонины мешок с монетами и кинжал — выскакивает с кормового трапа, обратному тому что был возле комнаты хранилища пороха и бросается с бочонком в руках за борт. Далее гребёт как может.

При везении — вскоре должен был прозвучать взрыв и многое останется захороненным в водах Атлантического океана, при невезении — пожар на время отнимет всё внимание на шхуне и Джима, почти что ночью, быстро искать не станут, а за ночь он постарается куда уплыть прочь подальше, иначе ему в любом случае наступит конец: от индийского пыточного мастера, которым ему грозил покойный Ливси.

Немного масла было пролито на оторванные рукова курточки юнги. От украденного фонаря был зажжён небольшой костёр из щеп и рукавов

у самой двери помещения.

Потом, имея два горевших фонаря и ещё щепы — Джим просто подошёл на цыпочках к двери пороховой комнаты и положил один фонарь и рукава прямо справа от неё, рядом с небольшим пламенем в проходе, что медленно разгоралось прилично при этом чадя дымом, потом отошёл на пару метров и когда Том Редрут недовольно бурча осведомился: какого чёрта тут постоянно ходят со светом, что то случилось? — Джим медленно размахнувшись бросил горящий второй фонарь в сторону созданного им сооружения из частей своей одежды и выломанных щеп.

Ждать, когда разгорится пламя по настоящему или смотреть не потух ли им разведённый огонь подросток не стал, опасаясь взрыва и того, что проснувшийся старый егерь сможет его перехватить и схватив подготовленный пустой бочонок из под солонины, куда он ранее положил кожаный мешок с серебряными монетами и кинжал — Хокинс выскочил на верхнюю палубу «Эспаньолы» и пробежав мимо удивлённых людей, что даже не двинулись на его неожиданное появление, перебросил бочонок за борт и сам вслед ему плюхнулся в воду.

— Человек за бортом! — раздалось сразу

несколько голосов и Джим стал опасаться что матросы и егеря, не разобрав что случилось, вместо того что бы тушить пожар — бросятся на шлюпке его спасать и… и тогда судно рванёт! Но большая часть его врагов спасётся, и сможет его просто напросто прибить, например вёслами по голове! В лучшем случае…

Но тут, почти одновременно с первым криком, прозвучал и второй: «Пороховая комната! Задымление! К чёрту всё и бегом тушить! Там много дыма в проходе, пошевеливайтесь желудки!»

Через примерно семь минут — шхуна уже была на приличном расстоянии от Джима, крепко держащегося за пустой бочонок и подросток довольно выдохнул. Ветер крепчал и «Эспаньола» споро уносилась в ночную мглу. Пора было начинать думать как добраться до берега.

Если бы Ливси так не напугал Джима своей беседой по душам, юнга предпочёл совершить побег в виду берегов Англии, но обстоятельства заставили действовать и пришлось поторопиться. Теперь ему следовало как то выбираться из сложившейся ситуации.

До самого утра Джим просто грёб ногами или старался отдохнуть и набраться сил, но вёрткая бочка не давала ему к этому повода и вскоре

Хокинс понял что банально выдохся.

Когда он увидел патрульный шлюп, как оказалось плавающий возле островов Гернси, вблизи французского побережья, то даже расплакался от счастья: Джим уже начинал жалеть о своём побеге и корил себя за его поспешность. Ему казалась вполне вероятной ситуация, что его вынесет в океан и он умрёт от голода или от усталости расцепит руки и просто утонет, без поддержки бочки на плаву.

Глава восемнадцатая: «Три встречи: патруль, пиратская капитанша и старый знакомый»

Джим был несказанно счастлив, когда патрульный бот принял его к себе и вымокшего до нитки и продрогшего подростка начали обыскивать — и тут же на месте допрашивать.

Руки Хокинса сильно затекли, за время «объятий» с бочонком. Сам он замёрз и так испугался своего возможного плавания на деревянной таре через океан, что на все обращённые к нему вопросы отвечал с тихой улыбкой сумасшедшего и радостью, словно человек чудом избегнувший величайшей опасности.

Отсутствие документов он быстро объяснил крушением корабля, на котором плыл. Когда его спросили название судна и место крушения, Джим, сообразив что крупное судно смогут искать по порту приписки или маршрутам его привычных навигаций, сообщил таможенникам что он плыл в сторону Англии из Сеуты, на скоростном малом баркасе «Оливер», какого то нетребовательного шотландского капитана.

Команда состояла всего из четырех человек и самого Джима, которого, в качестве оплаты за проезд — взяли на борт юнгой.

Далее Джим слезливо описывал шторма и то, как он, что бы спастись — был вынужден держаться за бочку, когда оставшиеся моряки решили его выбросить за борт, что бы уменьшить вес внутри перегруженного и давшего течь баркаса и…

— Врёт! — уверенно заявил младший, из пары офицеров на шлюпе морской стражи. — В бочонке кожаный мешок с монетами, на глаз и вес не менее десяти тысяч испанских реалов, скорее даже больше на треть и кинжал, причём с запечёной кровью, значит недавно им кого пырнули… Кстати, там часть монет — это пиастры, восьмиреаловые. Врёт! Набор как у стандартного пирата, возвращающегося на родину после приключений в колониях…

Спасённый подросток тут же заткнулся и стал настороженно озираться. Люди, что его подобрали в воде, провели полный обыск Джима, потом деловито пересчитали деньги.

Оказалось, что в забранном на «Эспаньоле» кожаном мешке с серебром — насчитывалось десять тысяч триста двадцать один испанский реал и ешё двести одиннадцать, двадцати с лишним

граммовых серебряных «тяжеловесов»-пиастров, находившихся по непонятной причине на самом верху в кожаном мешке.

Слово «пиастры» напомнило Хокинсу о Сильвере и его попугаев, оставшемся на острове после гибели своего хозяина.

— Кто он такой? — спросил старший в шлюпе, указывая тростью на сидевшего тише воды ниже травы Джима, своему помощнику.

— Нам какое дело? — искренне удивился младший офицер. — Может юнга, что обокрал какого из пиратов, что возвращались на пассажирском корабле со своей добычей назад, в Англию. Может кто из наших «пороховых обезьян», сейчас же европейские флотилии проводят рейды большими эскадрами против берберов, вот он и сбежал, с частью полученной у тех разбойников, добычи: смог где спрятать мешок и когда матросня перепилась, слинял прочь с судна! Случай конечно уникальный — такая добыча и у простого юнги, но всё же возможный.

— Верно! — согласился старший офицер. — Поступим так: деньги разделим между всеми нами — думаю это справедливо, после стольких лет службы на корону и отсутствия справедливого вознаграждения от правительства, за борьбу с

пиратами в Ла-Манше и контрабандистами.

Все матросы шлюпа дружно согласились, а Джим внове испуганно заозирался по сторонам: побег с шхуны сквайра явно оказался не таким удачным, как он предполагал ранее.

— Далее. — продолжал таможенный чиновник. — Этого недоросля следует куда убрать прочь с глаз и лучше всего…

— Снова юнгой! — вмешался его помощник.

— На боевое судно? А он ничего лишнего там не сболтнёт, а то может проще в воду с грузом и проломленным черепом — и все дела?

— Нет же! Компания, Ост-Индская, что побогаче — имеет постоянную нужду в офицерах и моряках, а также юнгах на свои суда: к ним обычно идут те, кого признали «браком» остальные. Дальние земли колоний, болячки тамошние, пираты, восставшие туземцы, сквалыги негоцианты — возвращается назад один из десяти! Думаю к ним на корабль мы продадим этого «найдёныша», за пару фунтов. Пускай завезут его куда ближе к Гангу, а уж там — что хотят то и делают, их будет право! У нас сплошная выгода: ещё пара фунтов на выпивку и свидетель, что будет плавать где близ Мадагаскара, под присмотром контуженных на всю голову капитанов и мичманов Компании.

В тот же день шлюп с Джимом зашёл в Бристоль и пленника закрыли в ножные кандалы, что бы не сбежал.

Пока Хокинс с ужасом ожидал своей участи, при этом продумывая всё более фантастичные планы побега, мимо скамьи, где его удерживали кандалы, пробежал какой то мальчишка и хохоча рассказал своим товарищам, игравшим здесь же: что вернулась «Эспаньола» капитана Смоллетта, но ни одного матроса команды ни самого капитана — на шхуне нет!

— Сударь, что нанимал корабль и его люди, из сухопутчиков солдат, — говорил коверкая слова и тараторя мальчик, — сообщил что часть людей погибла в тропиках, от инфекций и нападения тамошних пиратов, а часть, раненные — скончались уже при подходе к Англии. Все люди Смоллетта и сам капитан, часть солдат господина, что тот нанимал — померли! Жуть как интересно куда они плыли!

— А как сюда добрались, раз лишь крысы с суши остались на борту? — с ленцой спросил ровесник Джима, с нескрываемым удивлением до этого таращившийся на колодника.

— Не знаю! Говорят что они не в сам порт вошли, а сперва куда на мель, сняв все паруса

— осторожно наехали, для остановки и уже с неё, на шлюпках, попросили что бы их как спасли портовые службы.

Хокинс смеясь качал головой: ну сквайр — выдумщик… Молодец! Зря его земляки считали немного тупоголовым лентяем и болтуном — ничего подобного! Трелони умел принимать решения, в том числе и жёсткие, когда надо было идти до конца.

Видимо Джим не смог подпалить и тем более подорвать «Эспаньолу», иначе об этом также знали мальчишки в порту — такая благодарная темя для их обсуждений!

Доктора убил сам Джим, а вот Смоллетта и пару оставшихся его матросов — прикончили егеря сквайра Трелони, скорее всего уже в виду берегов Англии — решившие что делиться с ними добычей нет никакого смысла или же, заподозрив тех в умышленном убийстве Ливси и освобождении Джима, которому моряки дали скрыться лишь затем, что бы юнга далее их самих привёл к пиратским сокровищам на острове. Казнью матросов шхуны и её капитана, Трелони, не считая Джима — оставался единственным свидетелем событий на острове и знатоком о сокровищах что там оставались. Причём в отличие от Джима, у

сквайра были огромные деньги, верные люди, связи и время — что бы подготовить новую экспедицию, с большим числом людей и поисковыми командами.

Сквайр мог решить уничтожить прежде всего свидетелей — и приказал своим людям устроить бойню на судне, решив избавиться от тех кто знал путь на остров с сокровищами и имея шхуну, как капитан Смоллетт — мог без него снарядить новую экспедицию, за остаткам монет и слитков что не достал Джим и егеря.

Пока Хокинс посмеиваясь, мысленно аплодировал Трелони — прибыли покупатели Джима и осмотрев бывшего юнгу «Саффолка», пришли к выводу что он годен для службы на компанейских судах.

Заплатили три фунта предприимчивому таможеннику и увели, сняв колодки но связав руки за спиной, Хокинса на свой корабль.

На сверке в каком припортовом грязном вонючем бараке оказалось, что Ост-Индская Компания набрала подобным образом себе уже около сотни новых моряков и юнг, и сейчас, быстроходной большой транспортной шхуной отправит их в Дагомею — знакомую неплохо, валявшемуся в трюме и прикованному цепью к кольцу в борту,

Хокинсу.

В Дагомее, шхуна передаст людей по кораблям Компании что в них нуждались и уже каждый из них отправится куда далее: Мадагаскар, Бомбей, Макао — кому как повезёт.

Подросток почти всё время молчал. Говорить ему ни с кем не хотелось и со временем к нему перестали обращаться прочие, бывшие в трюме, пленники.

Плана побега всё не было и Хокинс с тоской думал что попав снова в дальние земли, уже не сможет, как ранее с «Саффолка», быстро сбежать.

Тогда подвернулся великолепный случай и то — чуть было не закончившийся рабством Джима в Сеуте, если бы не очевидное везение и сообразительность Джима.

Второго раза, что бы убежать от Компании из далёкого неведомого Макао и вернуться, огибая Африку — в Англию, может и не случится!

Пленников держали в цепях и давали лишь чуток провизии, что бы не околели пока не попадут на новое место службы.

Солдаты Компании были хорошо вооруженны и если и не имели винтовок егерей сквайра Трелони, то уж точно нужды в ружьях и пистолетах не испытывали.

Всюду прохаживались вооружённые патрули охраны из компанейцев, что кроме кораблей стерегли фактории и склады компании, почти что по всему миру.

Внезапно во время пути разыгралась буря и пленников в трюме несколько дней сильно кидало о борта к которым их приковали.

Кормили будущий низший персонал Компании раз в день и в последний раз их надзиратель сообщил, что суда эскадры из за шторма потеряли друг друга и в Дагомею они плывут пока что сами, пока не найдут прочие, рассеявшиеся в бурю, компанейские корабли.

Через примерно половину суток, точнее Джим в темноте трюма указать не мог, время тянулось излишне медленно, после знакового рассказа надзирателя за пленниками — началась какая то заваруха: корабль, что перевозил пленников-работников Компании в трюме и в цепях — дал один залп из своих орудий и его борта затряслись, часть людей стала жаловаться на свою горестную судьбу и говорить что судно ветхое, они опытные моряки и знают что говорят, и после пятка подобных залпов обязательно произойдёт течь, которую могут и не начать устранять и они все, кто находится в трюме, попросту утопнут…

Потом частая беспорядочная стрельба из ружей, еле слышная запертым в трюме людям и новый орудийный залп. Крики, звон стали и наконец — тишина.

Вскоре кто то отпер люк и осветил пленников факелом, потом прокричал: «Сообщи капитану! У нас тут рабы! Но не негры, Компания себе пополнение в Азию везла, сидят или лежат тут в трюме, видимо в цепях!»

— Хе-хе, — хмыкнул какой старик возле самого уха Джима. — Это видимо пираты нас захватили! Живём! Кто хочет — к ним присоединится: слыхивал, что они сейчас обратно на Карибы мигрируют, подальше от эскадр в Индийском океане, кто не захочет — высадят на берегу или помогут с ботом или ещё как. Так что, всё — наша каторга у торговцев окончена!

Люди стали перешёптываться и смеяться. Кто то кричал пиратам что бы скорее сбили цепи и кольца у бортов. Иные сговаривались скорее поступить на службу к новым хозяевам и мстить люто Компании.

Выбравшихся на верхнюю палубу пленников, жмурившихся от несильного Солнца в облаках, из за отвыкания от солнечного света — вскоре выстроили в ряд на верхней палубе и капитан пи-

ратской шхуны начал рассматривать возможное пополнение, обсуждая что со своими людьми.

Точнее начала. К немалому удивлению Джима Хокинса, капитаном оказалась — женщина! Плотная, с плоской грудью и хорошо развитыми сильными руками, ширококостная, с длинными волосами и ярким платком на голове.

Пиратская капитанша вышагивала по палубе компанейского судна в мужской одежде, и с несколькими пистолетами на поясе. Вокруг неё толпою вились мужчины из её команды и постоянно пересмеивались между собой.

Оказалось что пиратов — всего четверть сотни человек и они захватили данный свой приз на полуразвалившейся собственной шхуне» Знамение», что также стала их добычей где у Малабара, несколько месяцев назад.

Пиратская капитанша сразу предупредила бывших пленников — что все они плывут в Англию, так как надоело жить на чужбине и кто хочет, может к ним присоединиться — остальные пускай выбирают свой путь: или высадка на африканском берегу с оружием и провизией, или пересадка на «Затмение», так как компанейское судно, что явно было в лучшем состоянии чем пиратское, морские разбойники думали взять себе

— для возвращения сперва в порты Северной Африки и продажи его там, кому из царей берберов, что бы с деньгами возвратиться уже на родину.

Никто особо с пиратами оставаться не захотел: полсотни бывших пленников попросились на африканский берег и решили обосноваться там. Остальные, за исключением десяти моряков, перешли на «Знамение» и решили плыть в Азию, что бы где промышлять разбоем или какой нелицензионной торговлей — всё лучше чем нищая жизнь на родине.

Джим, решивший присоединиться к пиратской команде, тут же оказался в «свите» командирши, которая явно положила на него глаз и постоянно приобнимала подростка, что то хохоча ему прямо в ухо или трогала его, почти за все места — но не грубо, скорее делая вид что случайно.

Новичёк явно раздражал старых ухажёров капитанши, но её воля была законом для всей команды и пираты, угрожая жестами и тихим шепотком Джиму, всё же его не посмели тронуть.

Вечером того же памятного дня, Джим и Флосси Рид, именно так звали шумную капитаншу пиратов, что освободили пленников из трюма компанейского судна — уже стали любовниками.

Много выпитого виски и бренди, вина и чего то местного, из настоек странных растений — и расслабившиеся Джим с Флосси уже вовсю забавлялись в капитанской каюте, что заняла пара и где и проводилась ранее общая попойка пиратской команды.

За пару дней Джим, понявший что Флосси хочет ему попросту выговориться, так как все её прежние подчинённые сами были большие балагуры и скорее перебивали своими сальными шуками её откровения, смог приблизительно и крайне немного, но всё же узнать свою странную спасительницу и нынешнюю любовницу, и понять что ему самому следует делать далее.

Флосси вечерами, когда она скидывала с себя маску разбитной и неунывающей девахи, совершенно привычно, как многие женщины, жаловалась, почти вдвое её младшему Джиму, на перепитии своей тяжкой бабьей судьбы и говорила что не этого она ждала.

Девушка родилась в обычной, сильно верующей крестьянской семье, в посёлке близ Плимута.

Родители её мечтали о сыне, но все семь ранее родившихся братьев девочки — умерли. Тогда мать стала саму Флоренс, Флосси — одевать как

мальчишку и играть с нею, как с сыном.

Девочка совершенно не видела в этом ничего странного и с самого детства была вожаком в мальчишеских ватагах, участвовала наравне с остальными в драках стенка на стенку, мечтала сбежать в море.

В шестнадцать лет Флосси всё же убежала из родительского дома, но не на флот а в континентальную армию, что тогда сражалась в Европе и смогла отличиться в одном из боёв, при схватке за обоз. После чего, переодевшись снова в мужскую одежду, нанялась на службу как солдат — но уже в ином полку, расположенного на постой значительно дальше от того где она была известна как девушка.

В трёх последующих сражениях Флосси получила медаль и ранение, которое и заставило признаться лечившим её врачам, кто она на самом деле. Фельдшер влюбился в неё и помог скрыть всё в тайне.

Война вскоре окончилась и пара решила пожениться и завести себе какое небольшое хозяйство: однако муж Флосси, уже через пару месяцев после свадьбы умер и женщина, что бы как забыться, решила внове переодеться мужчиной и покинув Англию, наняться матросом на какое судно в

колонии. Куда именно плыть — ей в тот момент было без разницы.

Возле Мадагаскара их корабль был захвачен судном под командованием капитана Тача и тайну женщины раскрыли.

Три месяца Флосси сожительствовала с Тачем и при этом ходила наравне с остальными пиратами на абордажи, участвовала в боях.

Флоренс совершенно не боялась крови, своей и чужой, и в отличие от многих девушек спокойно переносила боль, что давало ей возможность участвовать в сражениях не хуже, а то и лучше иных абордажников.

Ловкая, быстрая, с военным опытом — Флосси скоро возглавила абордажную команду корабля Тача, а когда того убили, во время схватки с кораблём Компании близ Сурата, именно Флоренс команда выбрала своим новым капитаном.

Здесь удача отвернулась от неё вновь: женщина была неплохим бойцом и немного понимала в судовождении, месяцы сожительствования с Тачем и его постоянные пояснения управления судном внимавшей внимательно любознательной девушке всё же давали о себе знать, но…

Но всего за полгода их прежнее судно четырежды садилось на мель, чуть было не нарвалось на

ловушку эскадры военных кораблей, прибывших для патрулирования океана и наконец, во время преследования огромного португальского судна с рисом и перцем, Флосси поспешила и приказав в сильный ветер поднять все паруса — фактически одним этим приказом сломала одну из мачт судна и провалила захват огромного ценного приза.

На пиратской сходке на Мадагаскаре все переругались и с нею, на острове, осталось лишь полсотни человек, из прежней команды в двести головорезов.

Вскоре на остров зашли французы и Флоренс, очаровав капитана одного из их судов, смогла усадить всех своих людей на корабль: ночью люди Флосси перебили французов и захватили себе новое судно.

Потом пиратствовали у Малабара, где и сменили французский торговый корабль на быстроходную шхуну «Знамение».

Далее было два месяца новых неудач, погонь за ними компанейских судов и флотилий европейских держав и наконец, все оставшиеся с Флосси люди приняли решение: возвращаться на родину, в Англию!

Женщина и сама признавала что не очень хорошо справилась с ролью командира, не её это

было дело, а посему не стала спорить со своими людьми и также решила вернуться домой, в надежде куда снова завербоваться в солдаты или матросы, или, как она не раз видела у индийских правителей, стать малозаметной телохранительницей какой знатной дамы, выдавая себя за её приятельницу компаньонку.

Как охранник при даме Флосси не привлекала к себе внимания, а владела палашом и пистолетами — не хуже какого пирата, а то и лучше.

— Так то вот, пострелёнок ты мой… — нежно гладя грудь Джима, говаривала после очередного своего рассказа, с привычными ей наедине или при близких людях, слезами, Флосси. — Теперь вот вас встретили и решили немного пограбить судно Компании, сильно мы её ненавидим! А тут и добычи то и нет совсем, разве что тебя подхватила!

Женщина тут же начинала страстно целовать Джима, было видно что соскучилась что бы с нею «поговорили», а не сразу кидали на кровать и подросток этим вовсю пользовался.

Сейчас Хокинсу казалось что он наконец понял как использовать сложившуюся для него невероятно удачным образом ситуацию и на пятый день их плавания в Сеуту, он предложил своей

любовнице: «Флоренс! Тебе не надоело мотаться как маркетантская лодка? Не пора ли уже обзавестись своим хозяйством и жить достойно и богато в своём доме?»

— Аахахах! Зайчик — давно пора! Да вот незадача… Так нигде и не нашла я себе: ни мужа, чтоб был подолгу со мною, ни богатства — что бы на него опереться в хозяйствовании самостоятельном.

Джим, с несколько наигранной запальчивостью схватил смутившуюся, всё же команда была рядом, Флосси за руки и стал ей с жаром рассказывать о пиратской карте Флинта, о том что он остался единственным живым с «Моржа» и что сквайр Трелони, который вывез сокровища в Англию, Хокинс решил сообщить женщине что сокровища уже все найдены и находятся в сейчас Англии, оставив тайну схронов на Багамах для себя — что сквайр не успел сложить деньги, совсем недавно им заполученные подлостью, в лондонские банки и ловкий налёт ватаги пиратов, на слабоохраняемое, всего парой-тройкой старых пердунов егерей, которые скорее просто слуги сквайра, поместье — сделает их всех богачами!

Сперва Флоренс лишь качала головой печально улыбаясь, однако когда Джим с остальными

членами экипажа судна, которым он также начал горячо рассказывать о возможности сорвать огромный куш, стал обсуждать своё предложение предметно — все согласились что почти пустыми возвращаться в Англию нет никакого смысла и что следует как минимум навестить сквайра: даже если ничего и не обнаружат, вариант немного пограбить, перед тем как окончательно разбежаться — всё равно не самый плохой!

В Сеуте продали громоздкое судно берберскому купцу и купив быстроходный шлюп пересели на него. Было тесно, но это неудобство было терпимо.

Прикупили провизии и пороха, пистолеты. Джим помог всем приобрести новые документы и хотя все они были выписаны на иноземцев — голландцев или итальянцев, бывшие пираты Азии посчитали что с ними лучше, чем со старыми или и вовсе без них.

Через восемь дней после выхода из порта Сеуты — Хокинс привёл шлюп с пиратами капитанши Флосси в небольшую, удобную, скрытую от глаз гавань, располагавшуюся вблизи от «Адмирала Бенбоу».

Вночи все пираты высадились и благодаря Джиму и его просьбе к матери отворить двери

таверны — заняли помещения заведения.

Старую женщину сын самолично запер в её комнате, так как она беспристанно пыталась что то тараторить шёпотом и умоляла не убивать её.

Пираты решили сделать таверну своим временным штабом и сложить добычу именно в ней, перед своим окончательным побегом на шлюпе. Все немного подкрепились и выпили по кружке крепких напитков, но лишь по одной.

От своей лопочущей несуразности матери, Джиму с трудом удалось узнать последние местные новости о сквайре: поход в колонии окончился успешно и Трелони прилично разбогател. К сожалению доктор Ливси и сам Джим, так ей сообщили егеря сквайра — погибли в схватках с пиратами, как и ещё несколько человек из егерей, что отправлялись вместе с ними в плавание. Всю последнюю неделю сквайр устраивает вечерние приёмы с рассказами о приключениях на островах и схватках с пиратами, а днями раздаёт богатые милостыни нищим и жертвования церквям в округе. Постоянно грозился устроить фейерверк с танцами у себя в поместье и именно сейчас там состоится ужин, на который прибыло много гостей сквайра из самого Лондона!

Вернувшийся Джим узнал от Флоренс, что ра-

нее ею посланные люди подтвердили наличие большого количества экипажей, возле дома указанного подростком для атаки пиратов, но при этом почти все слуги уже оказались пьяными и многие гости останутся до утра в поместье.

Охрана, на воротах в парк, при дворце сквайра — крайне мала и атака пиратов, при должной скорости исполнения — заставит их сдаться или они будут вскорости перебиты!

Множество знатных гостей, вычурно празднично разодетых и с драгоценностями на себе, даже без денег клада — это всё равно шикарная кубышка, которую можно «хлопнуть» и быстро уйти на шлюпе куда прочь, например в Ирландию, что бы на некоторое время там схорониться!

Разделились на пять групп по пять-шесть человек в каждой: решили сразу же атаковать слуг у карет, охрану при воротах в парк, главные двери дворца сквайра, полисменов в их каморке близ поместья сквайра, а те кто станут атаковать стражу — должны будут вернуться и помочь далее, во дворце Трелони, сперва связав надёжно городских стражников.

Уже через полчаса пиратские группы приблизились к поместью сквайра Трелони и у Джима забилось чаще сердце: пока пираты прислуши-

вались к музыке в парке, при дворце, пьяным голосам и звону посуды, разговорам охранников у воротец и слуг при лошадях — Джим думал о мести.

Мести за свой арест, когда его схватили у только что зарезаного им тела Билли Бонса, штурмана «Моржа». Мести, за угрозы в его адрес на острове и обещания сквайра начать пытошно вести допрос, если Джим не укажет точно все известные ему метки капитана Флинта. Мести, за глумление над ним при возвращении в Англию, на «Эспаньоле» и арест, когда пьяненький доктор Ливси проговорился что сквайр решил нарушить свои обещания и привести некоего индийского мастера допроса, что бы узнать об оставшихся сокровищах пиратов на острове.

Джим страстно мечтал расквитаться со сквайром, долго мучать Трелони, наслаждаясь каждым вскриком того.

Он отчего то вспомнил разодетого пирата, когда, ещё будучи юнгой на «Саффолке» — раздробил тому кисти рук камнем. Вспомнил «Дикаря» Бена на острове и его обожённые подростком конечности.

Хокинс собирался поступить с Трелони ещё более жестоко, именно в этом была его нынешняя

цель, а уж потом, всласть помучав этого знатного павлина, взять суммы что ему и так принадлежали и… И постарается сбежать скорее и дальше от своих нынешних товарищей, будь они все, включая Флосси, неладны!

Подросток выдвигался вместе с капитаншей и ещё четвёркой самых крепких пиратов, к воротам в парк.

Джим был уверен, что можно будет скоро по тихому вырезать стоявших там на страже егерей: он мог обратиться к ним как знакомый и женщина ему подыграет в этом, а уж потом они внезапно ворвутся и начнут окружать столы, расположенные сейчас в парке, за которыми восседал сам болтливый хозяин поместья и его уже прилично напившиеся гости.

— Том, здорово! — фамильярно обратился Джим, к опешившему старому егерю Тому Редруту, что был главой поста из четырёх егерей, на железных воротах в парк. — Вот так встреча! А я тут со своей милашкой и её брательниками мимо…

Джим всё это время вальяжно приближался с Флосси как можно ближе к стоявшим по другую сторону ограды егерям сквайра, из которых ему был знаком лишь Том, бывший старшим егерем

и в плавании за сокровищами.

— Ты?! — выдохнул наконец с искренним изумлением вопрос старик и принялся нервно искать винтовку на своём плече.

Но Флосси и Джим не дали ему возможности что либо предпринять: преступная пара ловко достала свои ножи и топорики, и пока Джим длинным изогнутым ятаганом бил в грудь старого Тома Редрута, его нынешняя подружка снесла пол лица, ударом сквозь широченную щель в витой металличекой ограде, второму егерю сквайра, моложавому мужчине с бакенбардами.

Когда после пары секундного оцепенения оставшаяся пара егерей метнулась в сторону гогочущих где в глубине парка гостей, Флоренс скомандовала своим людям: «Поторапливайтесь мальчики! Лезем через ограду и скорее к столам! Пускай снимают с себя всё ценное, включая и одежду! За фейерверком наша стрельба не сразу привлечёт к себе внимание и думаю час у нас точно будет, прежде чем полисмены соседних городков почешутся — скорее ватага, на абордаж этого дворца и жирных каплунов, что в нём сейчас пируют!»

Флоренс первой, не дожидаясь никого из мужчин бывших с ней, запрыгнула вверх по высокой

ограде и уже вскоре оказалась на самой её вершине.

Тут и раздался одинокий винтовочный выстрел из глубины парка и Флосси, Флоренс, капитанша пиратов и бывшая награждённая женщина-солдат английской континентальной армии, любовница Джима Хокинса и капитана пиратов Тача — замертво свалилась на камни мостовой, с простреленной навылет шеей. Ногами Флосси зацепилась и запуталась в завитушках ограды, но её голова почти полностью касалась камней на земле. Под женщиной быстро набегала большая лужа чёрной, в полутьме ночи, крови.

Оставшиеся в живых егеря, на посту с Томом Рерутом — сперва сбежали, но видя что напавшие не могут скоро преодолеть высокую ограду: один из них бросился сообщать Трелони о нападении и ранениях товарищей, а второй, из темноты, в той части парка где он сейчас прятался и наблюдал за оградой и воротами в парк — сделал меткий выстрел по первой, взобравшейся высоко по ограде, фигуре, хорошо видимой при неверном лунном свете.

Джим и прочие пираты Флосси — тут же дали нестройный залп из пистолетов и ружей в ту сторону парка, откуда ещё вился плохо различимый

в полутьме дым и кто то коротко взвизгнув, как собака когда ей наступают на хвост, опрометью бросился сквозь заросли прочь, ломая ветки и кусты на своём пути.

Подросток и пираты быстро перебрались через воротца, с застрявшей мёртвой Флоренс на них, внутрь парка и пригибаясь к земле, что бы их как можно дольше не заметили, принялись перезаряжать своё оружие, опасаясь идти лишь с тесаками на стрелков сквайра.

Ещё до конца не осознавая всю тяжесть утраты Флосси, которая и была его охранительницей в новом коллективе, ибо остальные мужчины откровенно презирали малолетнего новичка — Хокинс тем не менее понимал что сейчас он должен чем угодно занять пиратов, что бы они действовали и не думали о бегстве, пока он станет пытать Трелони и разыскивать сокровища.

И раньше сам юнга собирался сбежать, ни с кем не делясь добычей, но сейчас, со смертью Флосси, это было его единственной возможностью не попасть на кортики бывших ухажёров капитанши, которые могли начать ему мстить: как за удачу в любви, так и смерть своей лидерши.

— К столам! Там добыча! — закричал Джим и бросился к выставленным длинным столам в

центре парка, прямо возле старого фонтана.

К его удивлению — там уже было не так много гостей, как он ожидал увидеть, судя по наличию большого количества карет близ поместья сквайра.

Вместо полусотни гостей — за столами сидело и лежало не более полутора десятков, совершенно пьяных или уснувших, остальные места пустовали.

Раздался новый крик, потом пальба. Хокинс понял что прочие группы пиратов, что должны были действовать после начала заварухи, приступили к своей атаке: стреляли у главных дверей поместья Трелони. Возле конюшен. На свалке, в дальнем конце парка.

Открылись окна мансарды поместья Трелони и сам хозяин его, вместе с пятёркой егерей, с криком «Бей их» — начали стрелять из своих смертоносных винтовок, сверху вниз, по атакующим их людям.

Более всего получили «подарков» группы Джима и та, что пыталась проникнуть через главную дверь дворца сквайра и натолкнулась на сопротивление находившихся там в немалом количестве слуг господ прибывших в гости и егерей Трелони, и прибежавших на помощь последним,

служек и конюхов гостей сквайра.

Пираты на главной двери застрелили пару егерей и четверых слуг, но и сами получили три метких выстрела из винтовок от врагов и бросились бежать по ночным улочкам встревоженного городка.

Началась погоня, когда многочисленные конюхи гостей поместья и слуги сквайра гоняли пару пиратов по широкой улице, возле дома Трелони.

Открывший окна хозяин дома пристрелил из винтовок обоих убегавших пиратов и приказал заняться парковыми бандитами.

— Убейте подлецов что возле столов бегают! Чёрт с пьяными гостями — бейте негодяев! — орал сквайр своим людям и те раз за разом стреляли по кустам и деревьям, за которыми прятались нападавшие.

Было убито двое, из группы покойной Флосси, ещё один ранен — когда не выдержавший напряжения обстрела и начавший паниковать Джим, внезапно поднялся на ноги и в короткой паузе со стрельбой, словно бы одержимый, завопил, обращаясь к Трелони: «Подлый клятвопреступник! Я пришёл за тобой… Трепещи и готовься!»

— Кто это визжит как порося? — насмешливо крикнул сквайр в ответ и егерь, как показалось

Джиму это был молодой Джойс, сказал ему что похоже что в парке Джим Хокинс.

Сквайр тут же прекратил стрелять и наполовину почти что вывалился, своим мощным телом, из окна.

Завидев у кустов проклинающего его всеми словами Джима, Трелони изменился в лице и вместо ответа или залпа из винтовок, с воем, словно бы его самого только что подстрелили — бросился куда прочь, в глубину своего дома.

— Изыди! Прочь нечистый! Я не хотел Джим, это всё Ливси — всё он!

Егеря, ошеломлённые переменой произошедшей в их хозяине, не решались продолжать стрелять далее и пираты частично отползли в тёмные участки парка, но сам Хокинс, решив про себя о святости его мести — бросился молнией в открытый, зияющий чернотой, проём двери первого этажа.

Заскочив в дом, Джим тут же снял обувь и крался, как ранее делал уже несколько раз, в одних носках, стараясь наступать на пятки.

Фонари и факелы частью уже погасли, разбитые пиратами или выгоревшие без смены от слуг сквайра и наступила почти что полная тьма, в которой переругивались слуги гостей и егеря. С

воплями убегали куда прочь пираты, видимо решившие что данная задача, по овладению столь оханяемым поместьем — не для их сил.

В самом доме, тёмном, где свет лился лишь из кухни, на которой спрятались повара и их прислуга, да с верхих этажей, нынешнем обиталище егерей сквайра — Джим Хокинс осторожно крался по доскам пола, прислушиваясь к каждому звуку, что мог ему помочь определить где же Трелони скрылся сейчас от него.

Подросток теперь был весь в плену своей скорой мести и совершенно позабыл о деньгах, ради которых весь этот рейд и затеял: унижения, когда егеря в первый раз везли пленённого, после убийства Билли Бонса, Джима в Лондон, что бы сдать его там судейским чиновникам. Угрозы сквайра на острове. Угрозы и унижения при возвращении на «Эспаньоле», вместе с отказом Трелони признавать свои прошлые клятвы и смешки Ливси, что сквайр наймёт мастера допросов из маратхов и «уж он то язычок нашего юного негодяйчика — развяжет!» И наконец смерть Флоренс, которую Джим не любил, как ему ранее казалось, однако всё же её внезапная и отчасти нелепая смерть — потрясла его.

Флосси ему раскрылась, доверила часть своей, в

общем то совершенно неудавшейся, жизни и вот сейчас, когда её застрелили, Джима буквально трясло от желания поквитаться с Трелони за всё!

— К чёрту деньги — месть! — буквально мысленно орал сам себе подросток, вспоминая расположение комнат в доме сквайра, в те недолгие дни что он жил здесь вместе с доктором Ливси и егерем Томом Редрутом, прежде чем отправиться в Бристоль. — Выпотрошить эту жирную индейку, насадить его брюхо на кортик и медленно, по кускам, что-либо оттяпать! Жаль времени мало и слуги сквайра всюду шныряют, а не то уж я бы устроил ему что похлеще, чем тому одичавшем пирату Бену, на острове… уж он бы орал от боли!

— Нет! Джим… Джим — уходи! Убирайсе прочь! Я не причём — это всё Ливси! — словно в ответ на мысли Хокинса раздалось на уровень выше, в окутанном в тьму доме и Джим, быстро сориентировавшись откуда примерно раздались эти громкие крики, осторожно принялся подниматься по лестнице наверх.

Егеря пытались успокоить истерящего сквайра, начавшего думать что это вернувшийся из Ада Джим Хокинс, которого он по разным причинам уже считал мёртвым, теперь ему мстит.

Джойс говорил что возможно ему просто по-

казалось и среди напавших бандитов возможно был подросток, напомнивший ему чем Джима. Остальные слуги соглашались с этой версией и всячески успокаивали хозяина.

Решено было, что пара человек, егерь Джойс и слуга дворецкий — останутся вместе с Трелони и налив ему бренди немного последят за испуганным господином, что ранее скорее отличался буйным нравом и уверенностью в себе.

Остальные же люди, взяв слуг гостей вечеринки, отправятся на осмотр парка и пошлют гонцов к ближайшим полисменам, что бы те скорее прибыли и помогли обезвредить нападавших на них разбойников.

Спрятавшийся за огромным диваном с бархатной спинкой, Джим переждал пока десяток людей с факелами удалятся прочь и лишь когда их шаги совершенно затихли и стали слышны разговоры Джойса и Трелони, звеневшего видимо бокалами с выпивкой — тогда подросток осторожно вылез из своего укрытия и словно бы гигантская кошка, стал красться к кабинетам с успокаивающимся спиртным, сквайром.

Слугу дворецкого, подросток просто оглушил сильнейшим ударом по затылку рукоятью кортика. Старик свалился на пол и громко ударился

лбом о ближайшую мебель.

В пустом доме звук прозвучал как выстрел из пушки. Высокие потолки помогли добавить эпичности эху удара.

— Эй! — прокричал Джойс, по просьбе Трелони отправившийся с фонарём осмотреть что происходит. — Чего ты там, Джон? Старые ноги опять запутались… Ты?!

Последнее слово Джойс буквально прошептал громким шёпотом, когда из темноты, словно бы из ниоткуда — появился Джим Хокинс, которого многие из свиты сквайра считали всё же утонувшим.

Джим не объявился пока «Эспаньола» стояла в Бристоле, после своего странного возвращения на Родину, когда сквайр нанимал, правда тайно, небольшие поисковые команды по нахождению самого подростка или его тела…

Видимо просто спросить у таможенных офицеров, не было ли ими кого подобного обнаружено или встречено, никто из поисковиков сквайра не догадался.

Потом, когда почти неделю шли объяснения с владельцами шхуны: куда пропали капитан Смоллетт и весь экипаж корабля — Хокинс также не объявился и сквайр, выплатив пару тысяч

фунтов за убытки судовладельцам, отделался общими словами соболезнования и речью, на условной могиле всем людям с «Эспаньолы», что не вернулись из плавания к острову с сокровищами.

Джима не было обнаружено и в таверне его родителей. Позже, когда сквайр уже начал вовсю тратить деньги привезённые им из Колоний и готовиться к возможно скорому, новому походу на остров — Джима также нигде не было видно, сколько егеря и купленные Трелони полисмены не спрашивали о нём…

Все были уверенны что Хокинс, в припадке безумия — убил доктора Ливси и устроив неудачный пожар у пороховой комнаты «Эспаньолы», просто бросился в море, что бы утопиться.

Правда смущало в этой версии то, что утопленник — перед этим всё же вскрыл пороховую комнату и забрал там мешок с серебром.

Однако это вскоре объяснил сам сквайр, любивший скорые решения всем сложным вопросам: «Что бы проще было утонуть. С весом! Вместо ядра или камней — Джим привязал к шее мешок с серебром и таким образом…»

Объяснение было несколько странным, но никто не решался спорить с хозяином, который хотя

и убеждал сам себя в смерти Джима Хокинса, но продолжал исправно платить людям — что раз в день регулярно захаживали в «Адмирал Бенбоу» и спрашивали у завсегдатаев о подростке.

Джим не стал мешкать и тут же вонзил лезвие кортика в живот молодого Джойса. Егерь ухнул и уже молча стал оседать на пол, пока не соскользнул с кортика своего убийцы и с ощутимым стуком не свалился прямо возле двери.

Спокойный, с холодной злобой внутри, Хокинс вошёл в кабинет где сидел, вжавшись в кресло, сквайр Трелони и тут же последний, отбросив прочь от себя на несколько футов хрустальный бокал с напитком, из за чего запах бренди начал витать в комнате особо рьяно — вскинул левую руку и не целясь выстрелил из пистолета в Джима.

Подобного «мститель» совершенно не ожидал: он был уверен что у сквайра лишь нож с собой или палаш, и он легко одолеет пьяненького и паникующего Трелони. А тут, словно гром, раздался выстрел из пистолета хозяина поместья.

Второй неожиданностью оказалось то, что сквайр, видимо в спешке, дрожащих руках от страха, перед привидением Джима Хокинса, темноте царящей сейчас в доме — с огромным

переизбытком напихал порох в ствол своего пистолета и тот, вместо того что бы точно послать пулю в грудь вошедшего в комнату бывшего юнги с «Эспаньолы» и «Саффолка», попросту взорвался в руке у самого стрелявшего.

Трелони с воем закрутился волчком и подскочив на полметра со своего кресла — упал с очередным криком на пол, прямо перед низеньким столом с напитками и вазой с фруктами.

Немного шокированный выстрелом в себя и ошибкой Трелони, Джим наконец отреагировал и смог быстро закрыть на засов двустворчатую дверь, пока снизу не бежали с криками люди, из прислуги сквайра и егеря, услышавшие одиночный звук выстрела в почти что пустом доме.

— А-а-а-у-ауауа, — вопил, катаясь по полу, сквайр, зажимая окровавленную кисть левой руки, на которой теперь отсутствовали пара пальцев и была рваная рана самой ладони.

Он совершенно обезумел от всех последних происшествий случившихся с ним: атака неизвестных, на столь мило начинавшееся торжество в его поместье. Стрельбы и гибели части верных егерей. Появление призрака Джима Хокинса, что хочет ему отомстить и сейчас, как довершение всего что случилось, взрыв неправильно в

спешке заряженного пистолета, в руках у самого сквайра, прежде блестящего стрелка и опытнейшего охотника, как на животных так и людей!

— Помнишь меня? — несколько театрально спросил Джим, наступая ногой на кисти рук сквайра, который правой рукой прижимал к груди левую, раненную. Когда Трелони завизжал, то ли от боли, то ли от того что наконец перестав жмуриться увидел перед собой лицо Джима Хокинса, подросток кивнул головой и коротко хохотнул. — Помнишь…

Однако задуманной сцены глумления, потом страшнейших пыток и прочего, а в завершении и позорной казни сквайра Трелони, не получилось: в двери кабинета начали ломиться егеря и слуги хозяина поместья, и Джим тут же осознал что он сам окажется на месте сквайра, если потратит время не на собственное спасение, а на мучение своей нынешней жертвы.

Быстрый укол кортиком, в сторону примерного нахождения, за тканью камзола, сердца Трелони.

Короткий всхлип в ответ на молниеносный выпад Джима и конвульсии мощного дородного мужчины в камзоле, на паркете пола его собственного дома.

Проверочный манёвр, которому научил, ныне

покойный, Том Редрут, Джима, когда перерезал горло Сильверу, после приказа об этом от сквайра…

Двери стали трещать. Потом раздались пара выстрелов и пули из винтовок, задев рикошетом от каменного камина подростка, слегка ободрали ему левый локоть и правое колено.

Схватив небольшой столик для фруктов в качестве щита, а Джим знал что под окнами кабинета уже копошились ещё слуги и оставшиеся егеря сквайра — соответственно попросту вылезти из него и сбежать уже не удатся, Хокинс ударом ноги вышиб засов с качающейся двустворчатой двери бывшей между ним и нападающими, и пятеро человек, что общими усилиями её снова ломали — ввалились внутрь кабинета, с их мёртвым господином у стола с напитками, свалившись от собственного усердия на пол.

Джим перескочил, в пару скорых шагов, галдящую и ругающуюся катавасию и одним размашистым броском запустил столик для фруктов в головы пары стоявших рядом людей: подростка с факелом и старика с зажжёным фонарём.

Мальчик, державший факел, от броска Джима упал на колени и упустив факел на пол, тут же протяжно завыл. Старик скорее от неожиданно-

сти произошедшего — уронил на пол фонарь.

Внезапно резко стало темно: на полу всё ещё пытались подняться на ноги пятеро самых здоровых из слуг Трелони, что первыми прибежали на помощь хозяину.

В отстутствии источников света они хватались друг за друга и опрокидывали, словно тонущие в бурном океане люди. Спешка и желание наказать загадочного негодяя, заставляли их постоянно спешить и ошибаться в очередных действиях.

Хокинс оттолкнул уронившего фонарь старика и опрометью бросился прочь из дому, периодически отшвыривая к самым стенам попадающихся ему на пути людей, будь то слуги или те из гостей, кто лишь сейчас протрезвел и удивлялся, куда же делось всё благородное собрание за столом: за которым они сперва начали блевать, а потом попросту уснули, так и не допросившись у присутствующих дам исполнить какой романс, специально для них.

На территорию парка Джим выскочил почти что без всяких проблем, но пробежав по дорожкам совем немного, понял что его беспокоит — отсутствие обуви! Он разулся в доме сквайра Трелони, что бы тише красться и в спешке отступления не одел свои ботинки, даже не помнил

где именно их оставил.

Пришлось Джиму и далее, получая уголы крохотных камней или шипов акаций, упавших на землю и засохших, как юный спартанец у древних, прихрамывая и тихо ругаясь под нос — мчаться к калитке в парке с лежавшими там рядом врагами, Томом Редрутом и Флосси, и бросив последний взгляд на мёртвую окоченевшую подругу, лезть как можно скорее через высокую запертую калитку и бежать прочь, в тьму ночи.

Эпилог

Денег Джим так и не взял у сквайра: сперва из за своей мести, которая его буквально захлестнула после смерти Флоренс, потом по причине спешки и желания удрать от погони.

Выстрел в него Трелони спутал все его расчёты и вместо тихого допроса и похищения монет, приходилось сейчас бежать куда прочь.

Пиратов из команды капитанши Флосси он нигде не видел и искренне надеялся что их всех перебили или поймали.

Встречаться с ними и объясняться по поводу проваленого рейда, который должен был принести им всем несколько тысяч фунтов, Джим попросту опасался.

Решение пришло уже в ходе бегства по растревоженному городку, жители которого выглядывали из домов и спрашивали друг друга, отчего в поместье сквайра сегодняшней ночью так шумно и почему столь много стреляют, а салюта так и не видно в ночном небе?

Хокинс решил немедленно вернуться в «Адмирал Бенбоу», где его пока не станут искать, так

как лишь Джойс и сам сквайр верили что Джим вернулся с того света и мстит им.

Было время набрать в котомку припасов, отобрать у матери все деньги, в надежде что она сможет как без них протянуть и скорее бежать прятаться куда далее, в вересковые холмы Шотландии или на континент.

Открывая двери таверны, Джим вспомнил что есть ещё запасы на шлюпе, в котором они все сюда добрались и если тихо подойти к нему и быстро прирезать охранявшего шлюп коротышку Зиггу — тогда он пополнит свои фонды примерно на девяносто фунтов и выберет пистолеты и ружья, для дальнейшего ухода куда на север, где Хокинс и намеревался сперва спрятаться, прежде чем снова найти компаньонов и вернуться на остров с пиратскими сокровищами — продолжить их поиск ориентируясь на подсказки Бена «Дикаря» или просто методично обыскивая все закоулки.

Можно было надолго поселиться в форте, на вершине острова и провести там год или два, всё же добравшись до перепрятанных Беном сокровищ.

Первым, что увидел Джим отворив двери «Адмирала Бенбоу» и зажегши с большим трудом фонарь — была его мать. Женщина лежала на

спине, на длинном столе и с обеих её сторон стекала некая густая, красновато-чёрная жидкость.

Сперва Хокинс подумал что это вино и матушка попросту неудачно упала, хлебнув лишнего. Но тут же осёкся и примотрелся внимательнее: женщина лежала видимо долго и под столом уже натекла небольшая лужица.

— Ма… Мам, ты чего? — на деревянных ногах подходил к безмолвной родительнице Джим, холодея от очевидного ответа, в который всё ещё отказывался верить.

— Она так смишноа ведрещала, когда я её потрошшиил, требуя говорить где ты пряшешься… — сказал голос на ломанном английском и Джим подскочил на фут над досками пола.

— Мигель! — завопил подросток в каком то иступлении.

— Ну да, Мигель… — подтвердил высокий, худой, загорелый как мулат мужчина, с короткой бородкой клинышком, выходя ближе к свету.

Мигель был португальцем, захваченным пару лет назад в плен ватагой Флосси и присоединившимся к ним. Некоторое время ходил в любовниках капитанши и перестал им быть именно с появлением Джима в их команде.

Искренне недавидел Хокинса, но всё же со-

гласился на рейд, так как не скрывал что после получения денег — он отдаст всё до пенни Флоренс, лишь бы она была счастлива на своей родине…

— Зачем…? — тихо спросил Джим, осторожно вынимая свои кортик и кинжал, и понимая что сейчас здесь повторится схватка, случившаяся у него ранее с Билли Бонсом.

— Зачем?! — взревел как бешенный Мигель. — Зачем?! Скотина! Ты украл у меня женщину, о которой я мечтал — смелую и умную! Ты нас всех подставил под ловушку, гарантируя что охраны почти не будет — в то время как там было полно профессиональных солдат с винтовками! Мигель хорошо знает что такое винтовка и сколько она стоит — это очень дорогое оружие, для отменных стрелков! Флосси убили твоими трудами, тварь! Наших ребят, почти всех, связали или прикончили и сейчас… К чёрту слова!

Мигель бросился с рёвом быка на Джима. Джим в ответ ногой кинул табуретку прямо в него и когда португалец немного сбавил темп атаки, сделал несколько резких взмахов в сторону противника.

Схватка длилась около двух минут: Мигель был опытным абордажником и крепко ранил под-

ростка, но и Джиму было не занимать ловкости и умения, да и дни на «Саффолке» или «Эспаньоле», научили его многому.

Джим лучше знал помещение главного зала «Адмирала Бенбоу» и сообразив что сделать, попросту разбил единственный гооевший фонарь о голову Мигеля.

В темноте подросток упал на пол и пока слегка оглушённый противник взмахами рубил пространство вокруг, Джим змейкой подполз к нему и трижды коротко ткнул кортиком в «причинное место».

С воем португалец закрутился волчком и свалился на пол, где Хокинс его уже добивал десятком ударов кортика и кинжала, с обеих рук.

В двери постучались и спросили что там у них происходит и не видели ли они каких посторонних в посёлке, а то произошло нападение на поместье сквайра и Трелони убили. Прибыла полиция и…

Джим незаметно, стараясь не производить ни звука, выскользнул к задней двери и выбравшись прочь из таверны — бросился вдоль берега в ночь, опасаясь кого из тех кто сейчас стучал в главную дверь заведения.

Он был сильно ранен Мигелем в руку, но об-

ратится к врачам опасался, зная что от лекарей может тут же попасть в руки полиции, не объяснив откуда у него раны от оружия на теле.

Кое как все же раны затянулись и Джим, проголодавший неделю и отбирающий еду у собак в городках, а то и съедая самих собак — начал просить милостыню. Примкнул к шайке попрошаек и ходил с ними пару лет по всему Альбиону.

Потом пару раз уходил в плавание матросом, но из за ранений его левая рука плохо действовала и от него старались скорее избавиться.

Когда его чуть было не продали, местному царьку на Мадагаскаре, в рабство, свои же товарищи — Джим вернулся в Англию и стал наниматься слугой куда возьмут.

«Адмирал Бенбоу», остров с сокровищами, Сквайр и Сильвер — всё это казалось Джиму будто бы и не из его жизни, а чьей то ещё.

Он так и не рискнул самостоятельно вернуться на остров, боясь каннибалов о которых ему рассказывал Бен «Дикарь» и возможного появления на острове егерей сквайра, что захотят сами найти те сокровища.

Скуки ради, крепко выпив, Джим начал рассказывать о своих приключениях таким же как он сам слугам, в домах где работал и вскоре один из

знатных людей взял его к себе: исключительно как забавного шута и балагура, что весёлыми байками, с ужимками и присказками, которых набрался Джим во время плаваний и бродяжничества, развлекал бы самого хозяина дома и его гостей.

К старости, Хокинс и сам, рассказывая в очередной раз о миллионном сокровище, не мог пояснить правда ли всё что он говорил или ему, от возраста и выпитого, всё лишь мерещилось и лишь всегда плакал, вспоминая в начале своего повествования об отце, тащившем его в Лондон что бы сделать юнгой и матушке — погибшей в таверне от руки бешеного португальца Мигеля…